Отдел Востоковедения

С.-А. Г. Б.
Инв. № 160705

ТУРКЕСТАНСКІЙ

СБОРНИКЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

О ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ ВООБЩЕ

и

СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СЪ НИМЪ СТРАНЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

В. И. МЕЖОВЫМЪ.

Томъ 247.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

С.-А. Г. Б.

Оглавленіе

247-гот.

1. Рѣка Аму. В. Лохтинъ. СПб. 1880 — — 1.
2. Къ вопросу о поворотѣ Аму Дарьи. Бетаръ 49.
3. Тому какъ центральный пунктъ сухопутнаго пути въ Индіи. В. Фабрицкій — 91
4. По поводу брошюры: Аму и Узбой — — 100.
5. Возобновленіе стараго пути въ Индію — — 101.
6. Кавказкій путь въ Индію — — — 104
7. Шелковная дорога въ Индію. (Бетаръ) — 107 и 119
8. Пути сообщенія между Англо Индіей и Афганистаномъ. — — — — 117
9. Путешествіе Регеля. Изъ Кульджи въ Туркестанъ — 127
10. Комитетъ общ. здоровія въ Турк. краѣ — — 140
11. Оазисы и ирригація въ Турк. краѣ (Дорфъ) — 145.

стр

12. О табаководствѣ въ Туркест. краѣ. 162

13. Индусы и ихъ промыселъ въ Турк. краѣ — 164

14. Торговля на рас. – инт. границѣ — 168

15. Изъ Лепсы (о пчеловодствѣ) — 171.

16. Анализъ Турк. минер. источниковъ. Тейхъ 173.

17. Изъ отчета Ташкент. химич. лабораторіи Тейхъ 176.

18. О минеральномъ топливѣ г. Романовскій — 182.

19. О результатахъ изслѣдованія эмазурга. 184.

20 Замѣтки о сот. Гидравли и геленіи (Зеф.) 186

21. Объ экспедиціи г. Пржевальскаго — 191

22. Изслѣдованіе внутри Памира — 202.

23. О колонизаціи Турк. края — 204.

24. Городъ Карши. Очеркъ Н. М. — 205.

25. По поводу географ. номенклатуры. В. Остроумовъ. 226.

26. Изъ Пешавера въ Кабулъ — 234

27. Похороны М. Д. Лобарева — 235.

28. О торговлѣ русск. произведеніями въ Сев. Азіи — 238

29. Атаманъ Тенгинская крѣпостца. И. Поповичъ Липовецъ 239

30. Извѣстія о событіяхъ въ пограничн. ханствахъ — 251.

„Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ. В. Лохтина. СПБ. 1879“.

РАЗБОРЪ

В. АЛЕНИЦИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенск. и Маріинск. мост. д. № 90—1
1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16-го февраля 1880 года

Отдѣльно отпечатано изъ журнала «Минист. Народн. Просвѣщ.». 18

Сочиненіе, заглавіе котораго приведено выше, съ одной стороны, представляетъ совершенно небывалое явленіе въ сферѣ Аму-дарьинскаго вопроса, а съ другой—самъ вопросъ имѣетъ такую высокую научную важность, что трудно оставить трудъ г. Лохтина безъ ближайшаго разсмотрѣнія и выясненія его отношенія къ дѣлу, занимающему весьма многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Основная мысль г. Лохтина заключается въ томъ, что Аму перестала течь въ Каспійское море и стала течь въ Аральское подъ вліяніемъ того, что вода каспійскихъ рукавовъ сильнѣе разбиралась на орошеніе, чѣмъ аральскихъ, и онъ ставитъ тезисомъ, что „если рѣка дѣлится на два или нѣсколько рукавовъ, и если по длинѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ будутъ отнимать отъ русла значительное количество воды, то эти рукава необходимо должны постепенно засоряться". Очевидно изъ этого, что для объясненія поворота г. Лохтину нужны нѣсколько рукавовъ Аму,—по меньшей мѣрѣ, два,—которые текли бы и въ Каспійское, и въ Аральское море. Лишь при такихъ условіяхъ г. Лохтинъ можетъ пользоваться своимъ принципомъ объясненія. Онъ видитъ это и самъ, говоря: (стр. 77) „Затѣмъ необходимо также, кажется (?!), принять, что Аму-Дарья всегда имѣла два стока: къ Каспійскому и Аральскому морямъ одновременно, и слѣдовательно, дѣлилась на рукава".

Стало быть, какъ бы ни былъ, положимъ, вѣренъ основной принципъ, прилагаемый къ дѣлу г. Лохтинымъ, что отнятіе воды отъ русла въ

одномъ изъ рукавовъ влечетъ за собою обмеленіе его, все его объясненіе, прежде всего мыслимо лишь условно,—если существовали одновременно рукава Аму къ Каспію и къ Аралу. Но это условіе требуетъ, вопервыхъ, доказательства, а вовторыхъ, не доказуемо, такъ какъ ко всѣмъ случаямъ бифуркаціи безусловно примѣняется принципъ, что состояніе бифуркаціи рѣки есть состояніе своего рода неустойчиваго равновѣсія, и если бифуркація возникла, то съ того же самаго момента одинъ изъ рукавовъ начинаетъ засоряться, помимо всякихъ искусственныхъ отнятій воды изъ русла. Дѣло въ томъ, что два рукава одной и той же рѣки никогда не текутъ съ одинаковою скоростью, а такъ какъ каждая рѣка постоянно несетъ съ собою и постоянно осаждаетъ илъ въ количествѣ тѣмъ большемъ, чѣмъ меньше скорость теченія, то въ рукавѣ, текущемъ болѣе медленно, тотчасъ же начинается и засореніе его иломъ. Какія бы то ни было условія для устойчивости такого положенія, когда рѣка дѣлится на два или болѣе рукавовъ, совершенно немыслимы безъ помощи регулированія шлюзами и безъ постояннаго контроля, основаннаго на совершенно точныхъ данныхъ относительно свойствъ регулируемой струи и рукавовъ, или вообще руслъ, по которымъ она пускается. А стало быть, такъ какъ г. Лохтину необходима первичная бифуркація рѣки, то можно оставить въ сторонѣ всякія другія объясненія; дѣло объсняется уже самою бифуркаціей, тѣмъ, что одинъ изъ двухъ рукавовъ, въ силу естественныхъ причинъ, необходимо долженъ засориться, а именно — рукавъ медленнѣе текущій. Другія объясненія, при этомъ условіи, имѣютъ лишь одно только значеніе: указаній на обстоятельства, сопутствующія засоренію одного рукава или содѣйствующія ему.

Поэтому, сочиненіе г. Лохтина, прежде всего, не можетъ имѣть значенія попытки объясненія поворота Аму или попытки рѣшенія Аму-дарьинскаго вопроса, такъ какъ Аму-дарьинскій вопросъ есть вопросъ именно о причинахъ поворота, въ который, какъ вещи побочныя, входятъ частные вопросы о сопутствующихъ обстоятельствахъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ болѣе подробному разбору сочиненія г. Лохтина, представимъ читателю краткій обзоръ теорій, предлагавшихся для объясненія поворота Аму, и укажемъ на главныя изъ нихъ.

Между этими теоріями, прежде всего, могутъ быть различены: a) теоріи, принимающія искусственныя причины поворота; b) теоріи, основанныя на принятіи за причину поворота естественныхъ дѣятелей.

Кромѣ того, теоріи могутъ быть: a) безусловными относительно

первичной бифуркаціи рѣки; b) условными, то-есть, такими, которыя ставятъ первичную бифуркацію рѣки необходимымъ условіемъ.

Какъ видно изъ сказаннаго въ началѣ, теоріи безусловныя относительно бифуркаціи уже въ самомъ основаніи имѣютъ за себя то преимущество, что въ нихъ читателю не приходится принимать на вѣру положеніе, что бифуркація дана была съ самаго начала. Уже одинъ взглядъ на карту, показывая, что рѣчь идетъ о двухъ рукавахъ, изъ которыхъ одинъ свыше тысячи верстъ длиною (свыше 600 по прямой линіи), а другой около 200 верстъ, рукавахъ, вливающихся въ два разныя и далеко отстоящія другъ отъ друга моря, расположенныя на разныхъ высотахъ, возбуждаетъ недовѣріе къ мысли о первичной бифуркаціи. Далѣе, теоріи безусловныя относительно первичной бифуркаціи, заключая въ себѣ объясненіе поворота, поглощаютъ въ себя, въ то же время, всякую условную теорію, если только она основывается на правильныхъ наблюденіяхъ и правильномъ примѣненіи общихъ законовъ, такъ что условныя теоріи являются указаніями на попутные процессы, при чемъ сопутствующее обстоятельство выставляется какъ причина.

Кромѣ того, существующія безусловныя теоріи принимаютъ вообще въ расчетъ вмѣстѣ явленія на Сыръ-Дарьѣ и на Аму-Дарьѣ, представляющія такое разительное тожество въ общемъ, что нельзя не признать общей причины для поворота обѣихъ рѣкъ. Условныя же теоріи вообще не хотятъ знать явленій на Сыръ-Дарьѣ; такъ г. Лохтинъ цитируетъ указанія на связь явленій на обѣихъ рѣкахъ и при этомъ все-таки сосредоточенно продолжаетъ прослѣживать предположеніе за предположеніемъ, объясняющія, по его мнѣнію, явленія на Аму-Дарьѣ, рѣшительно не обращая вниманія на то, что тѣ же объясненія нужно прилагать и къ Сыру. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что стоитъ лишь принять первичныя бифуркаціи для Аму и для Сыра, то-есть, два случая бифуркаціи на двухъ единственныхъ рѣкахъ одного и того же бассейна, при чемъ рукава достигаютъ на Сыръ-Дарьѣ, приблизительно, до 350 верстъ въ длину, чтобъ основанная на этомъ принципѣ теорія уже съ перваго шага утратила очень много въ свой серьезности. Тутъ нѣтъ уже никакой возможности отдѣлаться отъ вопроса: „Да какія же такія одинаковыя причины дѣйствовали на Сыръ и на Аму, что та и другая потекли къ морю двумя огромной длины рукавами, образующими углы другъ къ другу: для Сыра свыше 50°, а для Аму, — если считать не по направленію предполагаемаго русла отъ Чарджуя, когда получатся почти тѣ же 50°, —

свыше 90°?" При подобномъ вопросѣ положеніе теоріи, принявшей двѣ первичныя бифуркаціи, безвыходно; точнѣе — выходъ одинъ: громоздить фантазію на фантазію; а этимъ сразу обнаружится, что теорія не годится для объясненія.

Какъ безусловныя теоріи, такъ и условныя, могутъ принимать искусственные или естественные дѣятели за причину поворота, то-есть, онѣ могутъ ставить основаніемъ поворота дѣятельность человѣка, прямо ли направленную на измѣненіе направленія теченія, или повліявшую на это косвеннымъ путемъ; либо же онѣ могутъ основываться на томъ, что тѣхъ дѣятелей, которые даны въ условіяхъ теченія рѣки и въ условіяхъ мѣстности, гдѣ она течетъ, достаточно, чтобы обусловить измѣненіе ея теченія.

Безусловная искусственная теорія мыслима лишь въ слѣдующихъ формахъ: рѣка, текшая нѣкогда къ Каспійскому морю, была перепружена мѣстными жителями и направлена къ Аралу. Эта теорія можетъ быть сдѣлана нѣсколько болѣе естественною, если замѣнить слово „направлена" словомъ „направилась". Но на подобную теорію до сихъ поръ не отважился никто, кромѣ Хивинца Ата-Муратъ-Хана [1]): слишкомъ очевидны ея наивность и произвольность.

Слѣдующія искусственныя теоріи могутъ быть уже лишь условными:

a) прямаго дѣйствія: вѣтвь рѣки, текшая въ Каспій перепружена, почему вся вода, не имѣя болѣе возможности течь и въ этомъ направленіи, потекла по аральской вѣтви;

b) косвеннаго дѣйствія:

α) вполнѣ элементарная: вода, текшая по каспійской вѣтви, была разобрана на орошеніе жителями, а потому сама вѣтвь изсякла и исчезла;

β) съ большимъ развитіемъ: вода, текшая по каспійской вѣтви, была разбираема на орошеніе, и „если".... см. принципъ г. Лохтина,— то сама вѣтвь засорилась и исчезла.

Всѣ эти теоріи имѣютъ своихъ представителей, хотя, очевидно, вторая и третья, въ сущности, выражаютъ одинъ и тотъ же взглядъ. Представитель первой есть г. Глуховской, высказавшій ее въ одномъ изъ засѣданій Географическаго Общества въ 1873 году, хотя и въ несовершенно ясной формѣ, такъ что ее можно принять за взглядъ Ата-Мурада, лишь подкрѣпляемый доказательствами,—именно перечь-

---

[1]) *Изв. Геогр. Общ.* 1874 г., X, № 6, стр. 307: Сообщеніе г. Глуховскаго.

немъ плотинъ на старыхъ руслахъ; второй—англійскій купецъ Дженкинсонъ, путешествовавшій въ Хиву въ 1559 году, а третьей—гг. Штуммъ, Вудъ и Лохтинъ, авторъ брошюры, о которой идетъ рѣчь, повторившій, въ сущности, мысль Дженкинсона, Штумма и Вуда.

Первая теорія оказывается неустойчивою передъ слѣдующимъ рядомъ вопросовъ: неужели и на Сыръ-Дарьѣ теченіе рѣки было измѣнено также плотиною на Джаны-Дарьѣ, вслѣдствіе чего рѣка потекла по нынѣшнему руслу, или точнѣе — сначала по другому старому руслу, находящемуся между нынѣшнимъ и Джаны-Дарьею, по Куванъ-Дарьѣ, которое она потомъ все таки оставила? Откуда такое трогательное сочувствіе душъ у туземцевъ, что они производятъ неслыханную операцію разомъ надъ обѣими рѣками Аральскаго моря? Почему ту и другую рѣку они поворачиваютъ „вправо", а не влѣво? Почему именно явилось у нихъ желаніе ставить плотины на Джаны-Дарьѣ, а не на нынѣшнемъ руслѣ, какъ разъ соотвѣтственно тому, что на Аму-Дарьѣ явилось стремленіе запрудить рукавъ, отходящій отъ главнаго русла тоже, какъ Джаны-Дарья, въ лѣвую сторону? и т. д. Если кто-нибудь сталъ бы серьезно пытаться разрѣшать эти вопросы, то онъ каждомъ шагу встрѣтился бы съ тѣмъ, что объяснимое, хотя бы отчасти, на Аму-Дарьѣ не находитъ себѣ объясненія на Сыръ-Дарьѣ, и наоборотъ.

Эти вопросы, конечно, могутъ быть предложены и двумъ остальнымъ теоріямъ съ искусственнымъ дѣятелемъ, и имъ, безъ сомнѣнія прійдется неоднократно отказываться отъ объясненія тѣхъ или другихъ частныхъ фактовъ.

Правда, теоріи искусственнаго дѣятеля при поворотѣ отличаются весьма большою простотой, ясностью и удобопонятностью, которыя дѣлаютъ ихъ доступными каждому простому уму. Но что̀ можетъ быть доступнѣе для каждаго простаго ума того, что солнце ходитъ около земли, а земля стоитъ на трехъ китахъ, покоящихся на волнахъ безпредѣльнаго океана?...

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что теоріи искусственнаго дѣятеля созданы не учеными и поддерживаются не учеными, и что представители науки даже не останавливаются на нихъ сколько-нибудь серьезно, предлагая безусловныя относительно бифуркаціи теоріи, основанныя на естественныхъ дѣятеляхъ.

Обратимся теперь къ главнымъ изъ этихъ безусловныхъ гипотезъ и предположеній.

а) Поворотъ рѣки, текшей нѣкогда въ Каспій, обусловленъ гео-

логическими причинами, то-есть, нѣкотораго рода поднятіемъ почвы, въ силу котораго стокъ воды въ Каспій сдѣлался невозможнымъ,— безъ ближайшаго изслѣдованія и доказательства, а иногда и безъ ближайшаго обозначенія характера геологической причины. Подобныя мысли высказывались многими.

b) Аралъ былъ нѣкогда многоводнѣе и имѣлъ стокъ въ Каспій по теперешнему старому руслу. При высокомъ стояніи моря, воды его покрывали то мѣсто, гдѣ позднѣе явилась бифуркація. Вслѣдствіе постепеннаго высыханія уровень Арала нѣсколько понизился, притоки Аму уменьшились, и бифуркація сдѣлась видимою. При дальнѣйшемъ высыханіи Арала и пониженіи его уровня, рукавъ къ Каспію сталъ высыхать и исчезъ, со всѣми послѣдствіями этого для земледѣлія ханства, почему нѣкоторые города были покинуты [1]). (Здѣсь авторъ гипотезы упускаетъ изъ виду, что вода Аральскаго моря, текшая по старому руслу, годится не для орошенія, а для образованія солончаковъ, и что поэтому не было никакаго основанія строить города около такой струи, ни покидать его, когда она высохла). Это— основанія гипотезы графа Канкрина.

c) Аму-Дарья двигалась и двигается вправо, по закону Бэра, согласно которому рѣки, текущія по меридіану, уклоняются вправо въ силу различія скоростей движенія земли въ различныхъ широтахъ. Это предположеніе высказано проф. Р. Э. Ленцомъ [2]).

d) Аму и Сыръ-Дарья, подобно рѣкамъ каспійскаго бассейна, измѣнили свое теченіе подъ вліяніемъ поднятія, ось котораго проходитъ, начинаясь отъ Крыма, черезъ Кавказъ, до Памира. Измѣненіе направленія теченія по этой теоріи нужно понимать весьма просто: поднимающаяся суша поднимаетъ сначала устье рѣки (Аму) и затѣмъ, подпирая, такъ сказать, воду, поворачиваетъ рѣку, напоромъ снизу и сбоку, въ сторону. Такой взглядъ высказанъ г. Богдановымъ,

---

[1]) Старый Ургенчъ, напримѣръ.

[2]) *Lenz*, Ueber den früheren Lauf des Amu-Daria, S. 50: «Weit entfernt davon zu den vielen Hypothesen noch eine neue hinzufügen zu wollen, glaube ich vielmehr, dass man die Frage nur durch sorgfältiges Studium an Ort und Stelle wird beantworten können. Auf einen Umstand kann ich jedoch nicht unterlassen aufmerksam zu machen, *der vielleicht dazu beitragen kann, die Stromveränderung zu erklären.* Es ist dies die schöne Bestätigung, welche der Amu-Daria für die von *Baer* an der Wolga gemachte und später auf viele andere Flüsse ausgedehnte Bemerkung giebt, welche den Namen des Baer'schen Gesetzes trägt». Строго говоря, слѣдуетъ по этому замѣчаніе проф. Ленца назвать, скорѣе, намекомъ, чѣмъ предположеніемъ.

въ опроверженіе г. Глуховскаго, въ 1873 г., въ томъ же засѣданіи Географическаго Общества, въ которомъ г. Глуховской излагалъ свою теорію.

e) Извѣстнымъ средне-азіатскимъ путешественникомъ Н. А. Сѣверцовымъ, въ 1875 году, предложена теорія съ такими основаніями: наблюдая обнаженіе восточнаго берега Аральскаго моря и залеганіе рѣчныхъ осадковъ на Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ въ извѣстныхъ пунктахъ выше современнаго уровня рѣки, г. Сѣверцовъ сдѣлалъ выводъ, что Аралъ высыхаетъ, и что рѣки, при пониженіи уровня моря, вслѣдствіе этого высыханія, вырыли себѣ болѣе глубокое русло, а потому и въ Аму-Дарьѣ, въ частности, уровень воды въ углубленномъ руслѣ сталъ ниже прежняго. Ниже же прежняго онъ долженъ былъ стать въ той вѣтви, которая направлялась къ Каспійскому морю, и такъ какъ предполагается, что эта вѣтвь не углублялась (въ соотвѣтствіи съ такимъ же высыханіемъ Каспійскаго моря), то слѣдовательно, оно должно было обмелѣть. По духу аргументаціи г. Сѣверцова дальше слѣдуетъ, что обмелѣвшее русло должно было засориться иломъ и сдѣлаться непроходимымъ для воды.

f) Въ 1875 же году появилась и наша теорія поворота рѣкъ Аму и Сыра. Въ виду того, что явленія, наблюдавшіяся нами на берегу Аральскаго моря, каковы: обрывистость всего сѣверо-западнаго берега, его подмытость, при крайней отлогости, на огромныхъ разстояніяхъ, юго-восточнаго берега, — существованіе немногихъ континентальныхъ островов и скалъ, оторванныхъ отъ сѣверо-западнаго берега, громадное множество мелкихъ намывныхъ песчаныхъ островов вдоль юго-восточнаго, — крутизна склона дна моря у сѣверо-западнаго берега и отлогость его (наклонъ дна къ поверхности моря равенъ иногда лишь всего нѣсколькимъ секундамъ) на юго-восточномъ, и многое другое заставили насъ принять, что сѣверо-западный берегъ моря очень сильно разрушался и разрушается, между тѣмъ какъ на юго-восточномъ идетъ новообразованіе суши. Въ замкнутомъ же бассейнѣ это должно происходить тогда, когда море, отступая и удаляясь отъ юго-восточнаго берега, такъ сказать, напираетъ на сѣверо-западный. Принять это предположеніе о движеніи моря съ юго-востока на сѣверо-западъ не значило сдѣлать предположеніе, а лишь просто замѣтить и признать фактъ. А такъ какъ это явленіе нельзя было объяснить ни съ помощью предположенія о преобладаніи вѣтровъ и волненій въ направленіи съ юго-востока къ сѣверо-западу, ни паденіемъ системы пластовъ породъ, образующихъ сѣверный и

западный берега, такъ какъ пласты оказывались подмытыми и со стороны головы, и со стороны пяты, то мы предположили, что причина, давшая, а можетъ быть, и до сихъ поръ дающая морю движеніе на сѣверо-западъ, есть поднятіе страны на юго-востокѣ отъ него, съ чѣмъ связывается и огромное распространеніе песковъ и солончаковъ на юго-востокъ отъ Аральскаго моря.

Но если допущено подобное предположеніе, то имъ объясняется вполнѣ естественно и поворотъ рѣкъ: при поднятіи верховьевъ рѣки,— а наиболѣе ясное и сильное поднятіе и слѣдуетъ принять именно для верховья, для области горъ, — скорость ея увеличивается. Съ увеличеніемъ же скорости увеличивается разрушающее дѣйствіе рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она встрѣчаетъ сопротивленіе своему движенію со стороны ложа и береговъ. А такъ какъ направленіе стремленія рѣки выражается въ планѣ, то-есть, разсматривая построеніе сверху, прямою линіей, отъ мѣста, гдѣ рѣка беретъ начало, къ подошвѣ склона, то рѣка всегда и стремится къ спрямленію своего русла. Но направленіе теченія никогда не отвѣчаетъ направленію стремленія, ибо препятствія, данныя въ видѣ частностей рельефа и строенія страны, — а въ частности, строенія рѣчнаго ложа—заставляютъ ее измѣнять направленіе стремленія въ направленіе теченія и виться около тѣхъ препятствій, которыя она не можетъ смыть. Но чѣмъ больше скорость рѣки, тѣмъ болѣе она спрямляетъ русло, если только породы, въ которыхъ прорыто русло, мягки и уступчивы. При этомъ рѣка углубляетъ свое русло, хотя это имѣетъ полное примѣненіе собственно въ среднемъ теченіи, и разрушаетъ преимущественно тотъ берегъ, въ который при изгибахъ ударяетъ струя, то-есть, если излучина направляется влѣво, то—правый, а если излучина идетъ вправо, то—лѣвый. При увеличеніи скорости, это размываніе нижняго—выразимся такъ—берега усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе спрямляется русло рѣки, и направленіе теченія болѣе и болѣе приближается къ направленію стремленія. Если при этомъ рѣка дѣлаетъ изгибъ значительной крутизны вправо или влѣво, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ изгибъ начинается, размываніе нижняго берега будетъ происходить всего сильнѣе. Вотъ этотъ принципъ и положенъ нами въ основаніе объясненія причинъ поворота.

Судя по направленію старыхъ руслъ Аму и Сыра, Джаны-Дарья и старое русло Аму (по Куня-Дарьѣ) находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что какъ будто, начиная отъ форта Перовскаго на Сыръ-

Дарьѣ, до самаго Каспія текла одна рѣка, и Аму-Дарья была притокомъ этой рѣки,—Арало-Каспій, отступивъ, оставилъ свое дно съ наклономъ къ Каспійскому морю. А такъ какъ мѣстность въ то время должна была имѣть равнинный характеръ, — она равнина до сихъ поръ, послѣ размыва атмосферною водою,—то рѣка и приняла направленіе того наклона страны. То же самое, вѣроятно, поднятіе почвы, дѣйствіемъ котораго Арало-Каспій былъ удаленъ съ Арало-Каспійской равнины, поднятіе, сильнѣе всего шедшее въ области средне-азіатскаго горнаго массива, то-есть, главнымъ образомъ, поднятіе области верховьевъ рѣкъ, неизбѣжно должно было обусловить увеличеніе скорости рѣкъ и въ то же время измѣнило, хотя незначительно, склонъ страны. Но такъ какъ области средняго и нижняго теченія рѣкъ, если и были также подняты, сохранили равнинный характеръ, и кромѣ того, образованы вообще, на поверхности, изъ уступчивыхъ и легко размываемыхъ почвъ, каковы, напримѣръ, глины, то измѣненіе направленія теченія должно было произойдти необходимымъ образомъ. Паденія по Аму-Дарьѣ къ Каспію и Аралу отличаются другъ отъ друга очень незначительно, но настоящая рѣка все-таки течетъ по направленію преобладающаго склона, какъ показываютъ слѣдующія опредѣленныя нами числа:

Паденіе:	къ Аралу.	къ Каспію.
отъ Бенда	0,000109	0,000099
„ Ургенча. . . .	0,000105	0,000100

или при нѣсколько иныхъ условіяхъ ра чета:

отъ Ургенча. . . .	0,000100	0,000099

Эти числа весьма выразительно показываютъ, что страна имѣетъ дѣйствительно равнинный характеръ, и изъ этого, въ совокупности съ упомянутымъ выше обстоятельствомъ, что поверхностныя почвы вообще уступчивы, можно заключить, что мѣстность представляетъ, или точнѣе, представляла сравнительно удобныя условія для передвиженія русла. Но при этомъ мы еще разъ напоминаемъ о томъ, что направленіе старыхъ руслъ Аму и Сыра, вмѣстѣ съ приведенными выше числами, заставляетъ принять положеніе, что непремѣнно нужно имѣть въ виду смѣну одного склона мѣстности, при которомъ Аму могла течь въ Каспій, а Сыръ направлялся въ сторону Аму и вливался въ Аралъ съ юго-востока,—другимъ склономъ, при которомъ рѣки приняли настоящее направленіе, хотя разница между этими склонами и крайне незначительна.

Вся картина сводится, стало быть, къ слѣдующему: при продолжающемся поднятіи страны (послѣ удаленія Арало-Каспія), главнымъ образомъ въ области горъ, слѣдовательно, и верховьевъ обѣихъ рѣкъ, измѣнился наклонъ страны, хотя въ низовьяхъ незначительно, но однако на столько, что образовался преобладающій склонъ къ Аралу, — и увеличилась скорость рѣкъ. Но такъ какъ рѣки въ области средняго теченія (новое старое русло, вѣроятно, параллельное рѣкѣ, найдено даже около г. Келифа, какъ сообщаетъ одинъ изъ участниковъ экспедиціи для изслѣдованія средне-азіатской желѣзной дороги, г. Мушкетовъ) поворачивали подъ очень значительнымъ угломъ къ общему направленію своего теченія влѣво, то въ этомъ именно мѣстѣ и должно было происходить наиболѣе сильное размываніе праваго берега. На противоположномъ же берегу, менѣе размываемомъ, должна была отлагаться коса. Но такъ какъ въ теченіе извѣстнаго времени размываніе нижняго берега и постоянное наростаніе верхняго влекутъ за собою образованіе луки, и такъ какъ эта лука все увеличивается и увеличивается, спускаясь все ниже и ниже по новообразующемуся склону мѣстности, то въ нѣкоторый моментъ, во время ли половодья, или тогда, когда уровень воды въ опускающейся по склону лукѣ становится ниже сравнительно съ уровнемъ частей рѣки, лежащихъ ниже луки, — вода вырывается черезъ правый берегъ и устремляется по направленію даннаго склона страны, а склонъ этотъ направляется въ сторону Аральскаго моря. Подобное представленіе, какъ само собою понятно, есть лишь схема явленій. Въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, вода многократно изливалась во время половодій черезъ правый берегъ, образуя здѣсь разливы и временные, побочные фарватеры, соединявшіеся все-таки съ главною рѣкою, которые мало по малу устанавливались, превращаясь въ постоянные и давая водѣ снова возможность изливаться черезъ свой безпрырывно размываемый правый берегъ, въ случайныя углубленія почвы, овраги и т. д.

Въ короткихъ словахъ, стало быть, наша теорія состоитъ въ томъ, что какъ Сыръ, такъ и Аму, подъ вліяніемъ поднятія верховьевъ и увеличенія вслѣдствіе этого скорости теченія, прорвались черезъ свой правый берегъ, размывая его и стремясь къ спрямленію русла. Настоящее направленіе общаго склона мѣстности явилось при этомъ содѣйствующимъ обстоятельствомъ.

Когда же новое русло установилось, то такъ какъ оно шло по направленію преобладающаго склона мѣстности, оно стало главнымъ:

вода должна была течь въ немъ съ наибольшею скоростью, постоянно размывая и расширяя его, между тѣмъ какъ въ старомъ руслѣ она стала убывать, скорость ея уменьшаться, а соотвѣтственно этому, въ немъ возникали все болѣе и болѣе благопріятныя условія для отложенія ила, а слѣдовательно, и для засоренія.

Но вѣдь все-таки самое-то поднятіе, основаніе всей теоріи, есть гипотеза?... Нѣтъ; оно доказывается также и рядомъ прямыхъ фактовъ. Вопервыхъ, горы средней Азіи, судя по ихъ огромной высотѣ и очертаніямъ, на сколько это намъ извѣстно, суть горы молодыя, то-есть, или поднимающіяся, или переставшія подниматься въ сравнительно недавнее время: горы, поднятіе которыхъ прекратилось, разрушаются, становятся ниже и пріобрѣтаютъ пологіе скаты. Далѣе, г. Мышенковъ указываетъ на случаи опусканія ледниковъ, то-есть, пониженія ихъ нижняго края, что̀ составляетъ признакъ поднятія. Въ самое послѣднее время г. Мушкетовъ указываетъ также, что слѣды поднятія, которыхъ онъ не находитъ на равнинѣ, все-таки наблюдаются около горъ [1]). Кромѣ того, одно изъ обстоятельствъ, послужившихъ Сѣверцову для образованія его теоріи, – что рѣчные осадки лежатъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, надъ уровнемъ современной рѣки,—можетъ и само по себѣ, а въ особенности по совокупности съ другими обстоятельствами, также считаться признакомъ поднятія верховьевъ, ибо рѣки, при поднятіи верховьевъ съ увеличеніемъ скорости теченія, углубляютъ русло, собственно въ среднемъ теченіи [2]). Затѣмъ совершенно аналогичную картину тому, что̀ мы видимъ на Аралѣ, мы находимъ также на Балхашѣ. Но Балхашъ лежитъ ближе къ горамъ, удобообозрѣваемъ, по причинѣ своей сравнительно незначительной величины, а потому, явленія его движенія, со всѣми сопутствующими обстоятельствами—обрывистостью и крутизною подмываемаго сѣверо-западнаго берега, пологостью обнажающагося юго-восточнаго, сильнымъ развитіемъ на немъ песковъ и пр., выступаютъ съ чрезвычайною ясностью. Направленіе

---

[1]) Въ самое послѣднее время, на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, мы имѣли удовольствіе услышать отъ Н. А. Сѣверцова лично, что̀ онъ нашелъ признаки поднятія и на Памирѣ.

[2]) Кромѣ того, это можетъ быть результатомъ,—въ нижнемъ теченіи,—и отступленія моря отъ юго-восточнаго берега Арала, что̀ снова принимается въ расчетъ нашею теоріей, въ которой положеніе объ отступленіи моря отъ юго-восточнаго берега моря и о наступленіи его на сѣверо-западный составляетъ главное основаніе.

текущихъ съ него рѣкъ, опредѣляющихъ направленіе склона, замѣчательнымъ образомъ согласуется съ направленіемъ его передвиженія.

Особенно характерно очертаніе юго-западной границы песковъ, отложенныхъ Балхашемъ на сушѣ: это—почти прямая линія съ направленіемъ, приблизительно, SO—NW 32°. Но самый простой и ясный фактъ, доказывающій, что поднятіе имѣло (или имѣетъ теперь) здѣсь мѣсто, состоитъ вотъ въ чемъ: Аральское море лежитъ на 243 фута выше Каспійскаго, а Каспійское, приблизительно, на 80 футъ ниже океана, то-есть, Аралъ лежитъ выше океана на 163 фута, или на 23 сажени. Но такъ какъ Аралъ и Каспій суть части одного и того же бассейна, то уровень ихъ былъ нѣкогда, когда они находились въ соединеніи, одинаковъ. Если Аралъ былъ неподвиженъ со времени своего отдѣленія отъ Каспія, то для установленія одного уровня въ немъ и въ Каспіи нужно уровень Каспія поднять на 23 сажени.

Гораздо легче представить себѣ, въ виду этого факта, что Аралъ поднялся со времени раздѣленія,—можетъ быть, именно это поднятіе и обусловило также и раздѣленіе морей,—чѣмъ предположить, что стоящій почти на 35 саженъ выше своего настоящаго уровня Каспій не проложилъ бы себѣ пути къ Черному морю, а если Черное море и соединявшійся съ нимъ Арало-Каспій были опять средиземнымъ моремъ (говоримъ о морѣ времени сарматскихъ пластовъ), то—къ океану. Разбирая съ этимъ основаніемъ явленія во всякой мыслимой формѣ, приходится все-таки, скорѣе, допустить поднятіе въ области Арала, чѣмъ существованіе огромнаго средиземнаго моря на 23 сажени выше океана. Да притомъ, нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ г. Мушкетовъ, увѣряютъ еще, что уровень Арала былъ еще выше, чѣмъ въ настоящее время... (Это, впрочемъ, если и возможно, то совершенно не доказано, и пока не доказуемо, ибо приводимыя доказательства могутъ оказаться мнимыми, то-есть, приводимые факты найдутъ иное объясненіе, помимо рискованнаго предположенія объ общемъ высыханіи страны) [1]).

---

[1]) Чтобъ избѣжать голословности въ этомъ замѣчаніи, обращаю вниманіе на то, что «громадныя размытія въ странѣ» и «высохшія озера», при равнинномъ характерѣ ея и при склонности къ образованію на огромныхъ протяженіяхъ овраговъ, нерѣдко впадающихъ въ замкнутыя котловины, могутъ указывать, что дѣятель, обусловившій происхожденіе этихъ размывовъ, есть атмосферная вода. «Высохшія озера» даже скорѣе всего указываютъ, что это, въ дѣйствительности скоро высыхающія скопленія атмосферной воды. При такомъ толкованіи фактовъ, нѣтъ воможности заключить изъ приводимыхъ г. Мушкетовымъ основаній

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, общій обзоръ болѣе значительныхъ взглядовъ на причины поворота Аму и Сыра, при объясненіи его естественными причинами.

Изъ нихъ гипотеза графа Канкрина опирается на совершенно произвольное основаніе, что мѣстность была нѣкогда многоводнѣе, и что послѣ этого уровень Арала понизился вслѣдствіе высыханія его; съ другой стороны, значительное число старыхъ руслъ, отдѣляющихся отъ лѣваго берега рѣки въ сторону Каспія, указываетъ, что слѣдуетъ говорить о теченіи рѣки, а не о морскомъ проливѣ. Къ явленіямъ на Сыръ-Дарьѣ эта теорія уже совершенно не примѣнима.

Противъ предположенія г. Ленца представлено г. Стебницкимъ вычисленіе, изъ котораго вытекаетъ, что дѣйствіе размыванія рѣкою праваго берега, по закону Бэра, на столько ничтожно, что не можетъ быть принято, какъ причина поворота Аму.

Но кромѣ вычисленія г. Стебницкаго, этому предположенію противорѣчатъ прямые факты. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Сыръ-Дарья перемѣнила теченіе не путемъ смыванія праваго берега, а путемъ проложенія руслъ, — Куванъ-и Сыръ-Дарьи, — стало быть, рядомъ прорывовъ черезъ правый берегъ; затѣмъ, въ пространствѣ между крайними руслами мы не находимъ рѣчныхъ образованій, а вмѣсто того образованія заливной долины рѣки лежатъ (на Сыръ-Дарьѣ уже ниже Казалинска) между вторыми берегами, состоящими изъ морскихъ осадковъ; наконецъ, величина отклоненія Сыръ-Дарьи, принадлежащей къ категоріи рѣкъ, текущихъ по параллели, весьма значительна сравнительно съ отклоненіемъ Аму,—рѣки меридіональнаго направленія,— а если подтвердится существованіе русла отъ г. Чарджуя къ колодцу Куртышъ, то даже равна величинѣ отклоненія Аму, между тѣмъ какъ Сыръ-Дарья, перешедшая при своихъ передвиженіяхъ параллель, находится въ тѣхъ условіяхъ, когда законъ Бэра имѣетъ наименьшее приложеніе.

Теорія г. Богданова такъ неосмотрительно основана, и принципъ проведенъ на столько неправильно, что она, кромѣ своей невѣрности, легко опровергается; она подробно разсмотрѣна нами въ статьѣ „SO—NW поднятіе въ Арало-Каспійской странѣ и причины поворота

объ общемъ уменьшеніи влажности въ Средней Азіи. Такія озера могутъ являться, существовать и исчезать, надолго оставляя послѣ себя слѣды, и при бѣдности атмосферныхъ осадковъ. Это—дѣло рельефа страны.

рѣкъ Аму и Сыра", представленной отдѣленію геологіи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей 25-го октября 1875 года.

Теорія г. Сѣверцова оказывается вовсе не приложимою для Сыръ-Дарьи: всѣ рукава ея впадаютъ въ Аральское море, а потому при его отступленіи они всѣ же и должны были бы, при однихъ условіяхъ, углубляться, а при другихъ, и это ближе къ истинѣ, углублялся бы преимущественно тотъ, который проходилъ бы въ легко размываемыхъ породахъ. Но почему рѣка выбрала наиболѣе сѣверный, самый крайній справа рукавъ, точно также, какъ это происходитъ на Аму-Дарьѣ,—теорія г. Сѣверцова не объясняетъ. Между тѣмъ это положительно необходимо: явленія тутъ и тамъ тожественны, а стало быть, вызваны однимъ и тѣмъ же дѣятелемъ. Оказывается, кромѣ того, еще, что для объясненія поворота Аму г. Сѣверцову нужно предположить или первичную бифуркацію подъ условіемъ отступленія одного Арала, или преимущественнаго отступленія Арала, — чтобы дать углубиться Аральской вѣтви, или не предполагая еще бифуркаціи, создать ее,—для чего онъ прибѣгаетъ даже къ помощи арыка, прокапываемаго туземцами въ сторону Аральскаго моря, арыка, конечно, такого, который вырытъ случайно въ этомъ направленіи, а не какъ каналъ со спеціальною цѣлью проведенія Аму въ Каспій... Но вѣдь этотъ пріемъ объясненія требуетъ также арыка и для Сыръ-Дарьи, а тогда теорія становится на почву произвольныхъ предположеній.

Однако, не смотря на эту случайность съ арыкомъ, изслѣдованіе прорыва Аму черезъ горы Шейхъ-Джейли и изложеніе фактовъ, исключая, можетъ быть, нѣкоторыя мелкія частности, а также толкованія, вытекающія изъ этихъ мелкихъ фактовъ, все это—произведеніе мастера дѣла. Аму должна была, дѣйствительно, проложить себѣ, при поворотѣ, путь черезъ Шейхъ-Джейли, и г. Сѣверцовъ разбираетъ, какія условія благопріятствовали этому. Но конечно, этого ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ теоріей поворота, считать чѣмъ-нибудь объясняющимъ причину поворота. Прорывъ Шейхъ-Джейли есть лишь частное явленіе въ ходѣ поворота, послѣдняя форма измѣненій направленія рѣки, пройдя которую она уже рѣшительно устремляется къ Аралу. Причина же, очевидно, есть возбудитель силы, заставляющей Аму пробивать себѣ русло и черезъ Шейхъ-Джейли. (Г. Лохтинъ, впрочемъ, ставитъ, безъ дальнихъ околичностей, прорывъ Шейхъ-Джейли въ число причинъ поворота). Строго говоря, г. Сѣверцовъ предположилъ арыкъ, лишь увлекшись стремленіемъ

окончательно разъяснить явленіе прорыва черезъ Шейхъ-Джейли: въ дѣйствительности, вода сама могла, подмывая Шейхъ-Джейли, прорыть путь и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя лежали выше ея уровня, совершая эту работу лишь въ наиболѣе пониженномъ мѣстѣ горнаго кряжа, встрѣтившагося на ея пути.

Наша теорія до сихъ поръ не подвергалась опроверженіямъ, и неоднократно возвращаясь къ ней въ теченіе четырехъ лѣтъ, прошедшихъ со времени появленія ея въ печати, мы не видимъ основаній, которыя заставили бы насъ существенно измѣнить нашъ взглядъ. Напротивъ того, ближайшій разборъ другихъ сдѣланныхъ нами догадокъ, приводитъ насъ къ заключенію, что наша теорія имѣетъ за себя наибольшее число фактовъ. Кромѣ того, всѣ правильныя наблюденія вполнѣ естественно вступаютъ въ связь съ нею, и даже самыя послѣднія изслѣдованія на Аму г. Мушкетова, на сколько можно судить о нихъ по предварительному отчету (Правит. Вѣстн. 14-го ноября 1879 г., № 255), представляютъ факты, весьма согласные съ этою теоріей. Такъ, теорія г. Глуховскаго, что доступъ въ старое русло былъ прегражденъ для воды плотинами,—становится вполнѣ вѣрнымъ и яснымъ взглядомъ, если исправить ее сообразно основаніямъ нашей теоріи: когда старыя русла засорились и ослабѣли на столько, что туземцы могли сладить съ ними, то—въ политическихъ ли видахъ, или въ видахъ сохраненія воды—они преградили водѣ доступъ въ нихъ плотинами. Равнымъ образомъ, всѣ взгляды, что засореніе иломъ было причиною поворота (Вудъ, Штуммъ, отчасти, хотя въ другомъ смыслѣ, г. Сѣверцовъ), точно также оказываются основанными на правильныхъ наблюденіяхъ: въ старыхъ руслахъ, при потерѣ ими воды, а водою—скорости, должно было происходить усиленное отложеніе ила и засореніе.

Во избѣжаніе недоразумѣній относительно только что сказаннаго, что самыя послѣднія наблюденія г. Мушкетова даютъ еще разъ опоры для нашего взгляда, мы должны однако оговориться, что самъ онъ держится иного мнѣнія относительно причинъ поворота. Онъ считаетъ отклоненіе Аму-Дарьи къ востоку (по нашей терминологіи—„вправо") и углубленіе русла ея, а также осушеніе Узбоя, находящимся въ связи съ пониженіемъ уровня Арала, а не съ поднятіемъ страны; пониженіе же уровня Арала [1]) связывается далѣе съ

[1]) Наша теорія, какъ уже разъ замѣчено, необходимо допускаетъ отступленіе Арала отъ юго-восточнаго берега моря, при чемъ углубленіе руслъ рѣкъ

общимъ уменьшеніемъ влаги въ странѣ; это — взглядъ очень близкій, почти тожественный (выражаюсь осторожно, говоря „почти“ и „близкій“, такъ какъ для увѣренности нужно быть знакомымъ съ фактическими основаніями и аргументаціей этой работы, пока еще не напечатанной) съ взглядомъ г. Сѣверцова, а стало быть, какъ показано выше, мало надежды, чтобъ онъ былъ правильнымъ. Равнымъ образомъ онъ находитъ нужнымъ упомянуть о движеніи рѣки вправо, по закону Бэра. Но, во всякомъ случаѣ, ближайшее изслѣдованіе взгляда г. Мушкетова можетъ быть сдѣлано лишь впослѣдствіи.

Вотъ что̀ въ основаніяхъ нужно имѣть въ виду, чтобъ ясно представить себѣ значеніе новой работы, стремящейся къ рѣшенію Аму-Дарьинскаго вопроса.

Статья г. Лохтина (92 страницы, съ картою) состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: описанія низовьевъ Аму въ настоящемъ состояніи ихъ, изложенія историческихъ указаній на причины измѣненій въ низовьяхъ Аму-Дарьи, и изложенія и разбора предположеній относительно происшедшихъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи измѣненій.

Первый отдѣлъ представляетъ географическое описаніе Аму-Дарьи, характера ея береговъ, старыхъ руслъ и изложеніе данныхъ о количествѣ протекающей воды. Этотъ отдѣлъ представляетъ связное изложеніе наблюденій нѣкоторыхъ путешественниковъ и изслѣдователей Аму, при чемъ основныя работы по Аму гг. Зубова и Дорандта даютъ главный матеріалъ для описанія. Данныя же о старыхъ руслахъ г. Лохтинъ почерпаетъ отъ гг. Петрусевича, Лупандина и Стебницкаго. Благодаря тому, что онъ пользуется здѣсь сравнительно новыми матеріалами, въ этой главѣ есть интересные факты. Такъ, напримѣръ, Сары-Камышская котловина (данныя г. Петрусевича) оказывается расположенною на 7 саженъ ниже Каспійскаго моря, образуя, поэтому, впадину съ поверхностью около 10,000 кв. верстъ и съ объемомъ въ 42 милліарда куб. саж., такъ что если бы въ нее пустить половину Аму-Дарьинской воды, то она наполнилась бы въ 26 лѣтъ (4 милліарда куб. саж. воды протекаетъ ежегодно въ Аму-Дарьѣ у Нукуса). Весьма большой фактическій интересъ представляетъ также сообщеніе данныхъ г. Петрусевича относительно результатовъ нивеллировокъ къ Сары-Камышу и сопоставленіе противорѣчій гг. Лупандина и Петрусевича относительно характера Сары-Камыш-

---

въ низовьяхъ при впаденіи ихъ въ море съ юга и востока, должно произойдти точно такъ же, какъ и при убыли моря вслѣдствіе высыханія.

ской котловины. Данныя г. Петрусевича уже указаны; по г. Лупандину же выходитъ, что вода течетъ изъ Сары-Камышскаго озера въ Кахъ-Пуляръ-куль, откуда безпрепятственно выходитъ въ Узбой. Приведя данныя того и другаго наблюдателя, г. Лохтинъ не берется за ближайшую критику сообщенія г. Лупандина. Между тѣмъ можно замѣтить, что найденные г. Лупандинымъ подмытые водою кусты саксаула, падавшіе по теченію воды и сохранившіеся въ этомъ положеніи до настоящаго времени, а также свѣжія раковины (какія?), вполнѣ свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь (въ Узбоѣ) прѣсной воды, еще вовсе не свидѣтельствуютъ о рѣкѣ, а лишь о текучей водѣ. Между тѣмъ едва ли подлежитъ какому-нибудь сомнѣнію, что какъ въ озера Сары-Камышъ и Кахъ-Пуляръ-куль, такъ и въ Узбой, сливается огромное количество атмосферной воды съ окружающей степи, и Узбой является, въ извѣстныхъ мѣстахъ, своего рода оврагомъ, проводящимъ атмосферную воду отъ нѣкотораго болѣе высокаго пункта на руслѣ къ другому болѣе низкому пункту русла, иногда, можетъ быть, даже расширеннаго въ нѣкоторыхъ такихъ мѣстахъ. Этимъ именно путемъ слѣдуетъ даже объяснять, напримѣръ, присутствіе на Узбоѣ солончаковъ. Соли, вымытыя изъ почвы, должны сноситься атмосферною водою какъ разъ къ такимъ котловинамъ, и растворы ихъ здѣсь все болѣе и болѣе концентрироваться, между тѣмъ какъ на промежуточныхъ пунктахъ могутъ образоваться и сохраняться бассейны съ прѣсною водою. Подобные потоки атмосферной воды могутъ точно также, если еще не лучше, подмывать кусты саксаула, нести ихъ съ собою и располагать по своему теченію. Равнымъ образомъ, въ случайныхъ бассейнахъ могутъ встрѣчаться и жить извѣстные прѣсноводные моллюски. Во всякомъ случаѣ, къ даннымъ, полученнымъ въ два нивеллира (какъ у г. Петрусевича), слѣдуетъ отнестись съ бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ наблюденіямъ спеціалиста-топографа надъ предметами, крайне далекими отъ его спеціальности.

Однако, г. Лохтинъ не избѣжалъ въ первой же главѣ странной ошибки, свидѣтельствующей о его маломъ знакомствѣ со сферою, въ которую онъ входитъ съ своею работою. Именно, онъ съ необыкновенною серьезностью цитируетъ наблюденія (надъ теченіемъ Аму-Дарьи) Шмидта у Нукуса (стр. 6, 7, 11, и др.) Но этотъ Шмидтъ, проф. Карлъ Шмидтъ, извѣстный химикъ, въ дѣйствительности, никогда не видалъ Нукуса, и когда Дорандтомъ дѣлались наблюденія, приводимыя г. Лохтинымъ, вѣроятно, покойно сидѣлъ въ своей лабораторіи въ Дерптѣ и занимался своими разнообразными аналитическими рабо-

тами. По окончаніи работъ въ Нукусѣ, Дорандтъ обратился къ нему съ просьбою сдѣлать анализы ила Аму-Дарьи и обработать эту сторону вопроса. Г. Шмидтъ, конечно, не отказался исполнить просьбу Дорандта, которому и принадлежитъ цѣликомъ вся постановка работы, веденіе наблюденій, всѣ опредѣленія поправокъ инструментовъ, вычисленія количества протекающей воды, измѣреніе профилей (помощникомъ Дорандта былъ г. Мильбергъ), а также и собраніе матеріала по вопросу объ осадкахъ, обработаннаго г. Шмидтомъ. Но скромный Нѣмецъ, воспитанникъ Дерптскаго университета, Дорандтъ, нашелъ вполнѣ приличнымъ, чтобы работа, въ которой принималъ большое участіе проф. Шмидтъ, „Wassermenge und Suspensionsschlamm des Amu-Darja in seinem Unterlage" была подписана: von Prof. Dr. Carl Schmidt und F. Dorandt. Г. Лохтинъ, не догадываясь, вѣроятно, что не въ первомъ имени дѣло, удостоиваетъ Дорандта упоминовеніемъ въ примѣчаніи на стр. 3, по крайне ничтожному поводу, затѣмъ еще раза два говоритъ о „наблюденіяхъ Дорандта у Нукуса" же, да еще приписываетъ ему на стр. 86 то, чего онъ никогда и не думалъ. Такъ какъ г. Лохтинъ не имѣетъ обыкновенія приводить точныхъ цитатъ, то сверхъ всего выходитъ еще, что у Нукуса наблюдали и г. Шмидтъ и Дорандтъ. Между тѣмъ г. Лохтинъ указываетъ на стр. 90, что онъ пользовался „слѣдующими сочиненіями": Аму-дарьинская экспедиція: сообщенія Н. Г. Столѣтова, Л. Н. Соболева, Н. А. Сѣверцова и Ф. Б. Дорондта; „Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.", т. X, № 7, 1874 г.; Аму-дарьинская экспедиція; „Отчетъ Русск. Имп. Геогр. Общ." за 1874 г. Безъ сомнѣнія, ему слѣдовало бы вникнуть въ смыслъ этихъ статей настолько, чтобы не заставлять г. Шмидта дѣлать наблюденія у Нукуса.

Вторая глава статьи г. Лохтина начинается прямо съ ошибки хотя легкой, и возможность которой оговорена самимъ авторомъ. А именно онъ начинаетъ главу такъ: „Существованіе непрерывнаго сухаго русла отъ Аму-Дарьи до Каспійскаго моря необходимымъ образомъ заставляетъ предполагать, что эта рѣка, несомнѣнно, нѣкогда текла въ Каспійское море; на сколько мнѣ извѣстно, фактъ этотъ никѣмъ не оспаривался со времени путешествія Муравьева, который"... и проч. Никѣмъ не оспаривался!... Просто осмѣивался, и даже на русскомъ языкѣ, весьма солиднымъ оріенталистомъ, осмѣивалось самое наблюденіе Муравьева, — покойнымъ Сенковскимъ въ его статьѣ „Аму-Дарья", помѣщенной въ Библіотекѣ для Чтенія въ тридцатыхъ годахъ. Но ошибка въ этомъ родѣ, конечно, легко воз-

можна, и я упоминаю о ней лишь потому, что она проскальзываетъ въ главѣ, содержащей изложеніе „историческихъ“ данныхъ по вопросу о измѣненіяхъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Но послѣ этой ошибки тотчасъ является другая, уже крупная. Разбирая отношенія высотъ Аральскаго моря, Каспійскаго и океана, г. Лохтинъ полагаетъ, что „даже въ то время, когда арало-каспійская (!) низменность (!?) составляла часть (!) (дно?) океана (если только предположить уровень этого океана на настоящей его высотѣ [1]), предѣлы этого океана все-таки не могли доходить до Аральскаго моря, и сказанный проливъ (г. Лохтинъ возражаетъ противъ возможности того, чтобы старое русло было морскимъ проливомъ, соединявшимъ Аралъ съ Каспіемъ, уже не могъ существовать; при настоящемъ рельефѣ мѣстности, онъ образовался только бы тогда, когда уровень средиземнаго моря поднялся бы приблизительно на 20 саж. выше настоящей своей высоты“.

Если арало-каспійская низменность составляла дно океана, — положимъ, для простоты, вообще моря, такъ какъ океанъ слишкомъ опредѣленное понятіе, чтобы прямо вводить его въ вопросъ на этомъ мѣстѣ, помимо промежуточныхъ морей [2]), — то Аральское и Каспійское моря составляли одно море, были слиты другъ съ другомъ, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о томъ, что Аралъ лежалъ въ это время выше, и Каспій не доходилъ до него? Вѣдь это просто неестественно, если арало-каспійская низменность есть дно Арало-Каспія... А что касается настоящаго рельефа, то объ этомъ гораздо лучше умолчать совсѣмъ, такъ какъ вопросъ о рельефѣ этой страны во времена сарматскаго моря и Арало-Каспія нуждается еще въ разработкѣ чуть не ab ovo. Какъ нужно понимать это странное, взаимное отношеніе высотъ морей—уже указано нами немного раньше.

Затѣмъ г. Лохтинъ излагаетъ свидѣтельства древнихъ писателей, которыя считались тѣми или другими авторами, занимавшимися географіею востока, за указанія по вопросу о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, и разбираетъ ихъ. Приводятся данныя Геродота, Страбона, Арріана, Курція, Истахри, Гамдаллы, Саидъ-Абулъ-Гассанъ-бека-Али-Джордани, „Книги Большому Чертежу“ и т. д. Эти данныя можно однако легко найдти вмѣстѣ съ самою разнообразною критикою ихъ,—

---

[1]) Скобки и отмѣтки нѣкоторыхъ мѣстъ курсивомъ вообще принадлежатъ намъ; эти же скобки—самого г. Лохтина.

[2]) Какъ это намѣчено нами выше.

а критика г. Лохтина едва ли можетъ претендовать на преимущественное значеніе,—и у весьма многихъ авторовъ, такъ какъ эта часть Аму-Дарьинскаго вопроса,—изслѣдованіе его на основаніи историческихъ документовъ,—самая древняя, и по указкѣ Гумбольдта, Эйхвальда, а главнымъ образомъ, г. Ленца, Рёсслера, Лерха и др., составить подобный историческій эскизъ—теперь дѣло вовсе не мудреное, тѣмъ болѣе, что г. Лохтинъ пользуется именно такими вторичными источниками, хотя снова не давая точныхъ цитатъ, такъ что неизвѣстно, изъ какого автора онъ почерпаетъ то или другое. Но г. Лохтину здѣсь также представляется случай сдѣлать курьезнѣйшую ошибку. Онъ пишетъ: „Геллены владѣютъ Согдіаной, которая лежитъ на сѣверъ, по ту сторону Бактріи между рѣкой Оксосомъ, пересѣкающимъ землю Бактровъ и Согдіеровъ (?), и между Яксартомъ; но этотъ пересѣкаетъ Согдіеровъ и Вандергиртовъ". Легко сказать!... Въ Средней Азіи живетъ или жила народность, о которой наука доселѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія! Вандергирты!... Въ нѣмецкомъ подлинникѣ, стоятъ „die Wanderhirten"—кочевники... Г. Лохтинъ и перевелъ „вольно": Вандергирты...

Тѣмъ не менѣе, въ этой же самой главѣ есть правильный взглядъ на то, къ какому „заливу Каспійскаго моря", куда впадала нѣкогда Аму-Дарья, вышелъ въ 1559 году англійскій купецъ Дженкинсонъ. Это очень важный вопросъ, такъ какъ дѣло касается одного изъ самыхъ главныхъ документовъ, указывающихъ, что рѣка текла въ Каспій въ историческія времена. Г. Лохтинъ совершенно правильно доказываетъ, что Дженкинсонъ вышелъ не къ Каспійскому морю, а къ Сары-Камышскимъ озерамъ. Эта мысль кратко высказана впервые, безъ всякихъ, впрочемъ, поясненій и доказательствъ, г. Стебницкимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ Узбоя. Затѣмъ, почти единовременно со статьею г. Лохтина появилась наша работа: „Нѣсколько замѣчаній о путешествіи Дженкинсона", предполагавшаяся къ сообщенію въ Географическомъ обществѣ еще въ мартѣ 1879 года; но по случайнымъ обстоятельствамъ сообщеніе было отложено, а потомъ статья прямо была напечатана въ Запискахъ общества. Г. Лохтинъ доказываетъ мысль г. Стебницкаго уже подробнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ самъ г. Стебницкій. Въ нашей работѣ высказывается въ сущности та же самая мысль, но она доказана болѣе обстоятельно [1]).

---

[1]) Сверхъ того, проф. Р. Ленцъ лично сообщилъ намъ на дняхъ, что въ маѣ

Во всякомъ случаѣ, первая и вторая глава статьи г. Лохтина „составлены по авторамъ“ и самостоятельнаго представляютъ немного. За то третья глава отличается очень большою долею самостоятельности, хотя основная мысль ея принадлежитъ, какъ онъ указываетъ самъ, еще Дженкинсону, а затѣмъ гг. Штумму и Вуду.

Здѣсь г. Лохтинъ берется за дѣло lege artis, то-есть, прежде изложенія своего мнѣнія излагаетъ и опровергаетъ взгляды своихъ предшественниковъ, которые кажутся ему невѣрными, но вообще совершенно неудачно. Замѣтивъ о неприложимости объясненій графа Канкрина и г. Ленца и о несостоятельности теоріи плотинъ, онъ начинаетъ разборъ взгляда г. Богданова словами: „Другое русское предположеніе принадлежитъ Богданову“, а послѣ разбора Богдановской теоріи стоитъ на стр. 62: „Третье изъ русскихъ предположеній... принадлежитъ Н. А. Сѣверцову“. Потомъ идетъ упоминаніе о мнѣніяхъ Дженкинсона, гг. Штумма и Вуда и изложеніе собственнаго мнѣнія.

Русскихъ мнѣній, кромѣ мнѣнія г. Лохтина, оказывается три.

Однако, какъ уже сказано, существуетъ еще наша теорія, и оставить ее безъ критики совершенно непростительно для г. Лохтина, ибо эта теорія, какъ сказано, до сихъ поръ не встрѣтила опроверженія. О нашихъ сообщеніяхъ въ Географическомъ Обществѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1879 года г. Лохтинъ могъ не знать, и такъ какъ они не появились еще до сихъ поръ въ печати, то онъ могъ и не ссылаться на нихъ. Но въ своей первичной формѣ наша теорія появилась въ печати уже четыре года тому назадъ. Мы упоминаемъ объ этомъ, конечно, не вслѣдствіе побужденій авторскаго самолюбія, а вслѣдствіе необходимости соблюденія того принципа, который самъ г. Лохтинъ считаетъ обязательнымъ, говоря въ возраженіи г. Богданову: „Что касается перваго отрицательнаго довода въ пользу поднятія (г. Богдановъ отрицаетъ возможность прегражденія теченія водъ Аму, какъ таковой, въ цѣломъ, къ Каспію плотинами), то оно имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы были разобраны критически всѣ существующія гипотезы относительно поворота Аму-Дарьи, и еслибы ни одна изъ этихъ гипотезъ не выдерживала критики“. „А между тѣмъ“, продолжаетъ г. Лохтинъ, — „М. Н. Богдановъ взялъ только одну гипотезу, искусственный отводъ воды, и игнорировалъ всѣ другія, существовавшія уже въ то время“.

1879 г. имъ также напечатана статья по этому предмету въ *Globus*, которую, однако, мы не имѣли еще случая видѣть.

Это же въ настоящемъ случаѣ можетъ быть примѣнено къ самому г. Лохтину, и притомъ сильнѣе, чѣмъ сказанное имъ, къ г. Богданову, которому — замѣтимъ въ его оправданіе — напрасно ставится г. Лохтинымъ въ упрекъ, что онъ взялъ только одну теорію, а остальныя игнорировалъ.

Дѣло въ томъ, что г. Богдановъ возражалъ г. Глуховскому и говорилъ только о взглядѣ г. Глуховскаго, и еслибы г. Лохтинъ внимательнѣе отнесся къ дѣлу, то онъ увидѣлъ бы, что сообщеніе г. Богданова стоитъ въ 6-й книжкѣ Изв. Геогр. Общ. за 1874 годъ, тотчасъ же вслѣдъ за сообщеніемъ г. Глуховскаго и есть не что иное, какъ возраженіе ему. А извѣстны ли были г. Богданову другія теоріи, это — вопросъ, который г. Лохтинъ могъ бы рѣшить болѣе вѣрно, чѣмъ онъ рѣшаетъ, еслибы обратилъ вниманіе на смыслъ того, что̀ онъ собственноручно выписываетъ изъ Богдановскаго сообщенія: „Къ сожалѣнію, изслѣдователи, высказавшіе это мнѣніе, (то-есть, — сказано двумя строками выше, — что течеѣіе Аму въ Каспій остановлено явленіями естественными, въ родѣ, напримѣръ, колебанія страны), напримѣръ, графъ Канкринъ, фонъ-Кошкуль и др., не обратили“... Очевидно, г. Богдановымъ мнѣніе графа Канкрина не игнорируется, а приводится съ словомъ „напримѣръ“, что̀ совершенно ясно показываетъ, въ какомъ смыслѣ г. Богдановъ игнорировалъ всѣ существующія теоріи. Кромѣ того, са̀мъ г. Лохтинъ счелъ всѣми существующими теоріями гипотезу Канкрина, предположеніе г. Ленца, взгляды гг. Богданова, Сѣверцова, Дженкинсона, Штумма, Вуда, да свой. (А ихъ больше). Какія же изъ нихъ сталъ бы опровергать г. Богдановъ?... Теорію г. Ленца?... Своей теоріи г. Богдановъ, конечно, не могъ опровергать въ то самое время, когда онъ создалъ ее. Сѣверцовской теоріи — и подавно, такъ какъ она явилась лишь почти два года спустя, теоріи Вуда — тоже; Штуммъ былъ спутникомъ г. Богданова въ Хивинскомъ походѣ, и его соображеній г. Богдановъ имѣлъ полную возможность не знать въ то время, когда возражалъ г. Глуховскому, тотчасъ по возвращеніи изъ похода; нашей теоріи онъ тоже не могъ опровергать, ибо она вышла въ печати лишь черезъ два года послѣ его сообщенія. Воззрѣній г. Лохтина онъ не могъ знать и подавно.

Все-таки однако, не смотря на пропускъ нашей теоріи, г. Лохтинъ слѣдуетъ высказываемому имъ принципу, то-есть, прежде чѣмъ высказать свой взглядъ, разбираетъ критически извѣстныя ему теоріи.

Болѣе всего достается отъ него теоріямъ гг. Богданова и Сѣверцова;

ихъ онъ опровергаетъ пространно, хотя и не совсѣмъ съ того конца. Вмѣсто того, чтобы выяснить невѣрность принциповъ и взяться прямо за опроверженіе основаній, онъ разбиваетъ теорію на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ и принимается за каждый въ отдѣльности. Ясность и связность аргументаціи, вслѣдствіе этого, пропадаютъ, и сверхъ того, возникаютъ новые спорные частные пункты, или невѣрные второстепенные принципы. Вмѣсто того, чтобы указать, напримѣръ, произвольность предположенія г. Богданова о связи поднятія Кавказа съ поднятіемъ Памира и доказать невозможность явленій, видимыхъ нами въ настоящее время въ области, гдѣ должно было бы дѣйствовать предполагаемое г. Богдановымъ поднятіе, невозможность, еслибъ оно, дѣйствительно, дѣйствовало, ибо тогда картина теченія рѣкъ была бы иная, — г. Лохтинъ принимается за опроверженіе слѣдующихъ положеній г. Богданова: „1) гипотеза о поворотѣ Аму-Дарьи вслѣдствіе возведенія плотинъ несостоятельна, и потому должно быть отыскано другое объясненіе этому явленію; 2) фауна Аральскаго моря указываетъ на то, что соединеніе Каспійскаго моря съ Аральскимъ прекратилось во времена весьма отдаленныя; и 3) въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское и Аральское моря, существуютъ постоянныя измѣненія въ направленіи теченія, и въ этихъ измѣненіяхъ замѣчается нѣкоторая правильность, которая заставляетъ предполагать одну общую причину". Въ этомъ и состоитъ якобы гипотеза г. Богданова, или по крайней мѣрѣ, ея существенныя основанія.

Ничуть не бывало.... Она состоитъ въ томъ, что низовья рѣкъ Каспійскаго и Аральскаго бассейновъ отклоняются: у текущихъ приблизительно по направленію параллели — къ сѣверу, а у текущихъ по направленію приблизительно меридіана—къ востоку, подъ вліяніемъ, какъ выражается г. Богдановъ, поднятія „юго-западнаго угла Арало-Каспійской страны". Въ этомъ поднятіи юго-западнаго „угла" вся и суть теоріи. О поднятіи же спеціально между Сары-Камышемъ и Каспіемъ, противъ-котораго, между другимъ, ополчается г. Лохтинъ, г. Богдановъ даже ничего и не говоритъ. По его взгляду, слѣдовало бы ждать, что вся мѣстность между Аму-Дарьей и Каспіемъ можетъ оказаться наклоненною отъ Каспія къ Аму, но это вѣдь вовсе не „поднятіе" между Аму-Дарьей и Сары-Камышемъ.

Разсмотримъ однако ближе, какъ г. Лохтинъ опровергаетъ „соображенія" г. Богданова, считаемыя имъ за центръ Богдановской те-

оріи, которую онъ, очевидно, не понялъ, даже выписавъ въ свою статью все сообщеніе г. Богданова отъ строки до строки. Такъ какъ г. Лохтину, согласно его принципу, для проведенія своего взгляда, необходимо опроверженіе всѣхъ существующихъ теорій, то онъ стремится опровергнуть теорію г. Богданова во что бы то ни стало.

На стр. 52 г. Лохтинъ говоритъ отъ себя: „Что же касается объясненія поворота причинами чисто историческими, т. е., искусственнымъ отводомъ воды во время борьбы средне-азіатскихъ народовъ, то кажется, оно въ настоящее время уже оставлено и Русскими, и иностранцами; да впрочемъ, историческіе памятники не даютъ достаточно основаній предполагать, чтобы былъ сдѣланъ искусственный отводъ въ то время, къ которому, на основаніи этихъ памятниковъ, должно быть отнесено измѣненіе направленія теченія Аму-Дарьи".

Это говорится въ самомъ началѣ III-й главы и согласно съ взглядомъ г. Богданова. Тутъ г. Лохтинъ избѣгаетъ распространяться о предметахъ, которые не особенно важны,—чтобы скорѣе перейдти къ дѣлу.

Но такъ какъ мнѣніе о несостоятельности плотинной гипотезы высказываетъ г. Богдановъ, и такъ какъ г. Лохтинъ рѣшился низложить противника на всѣхъ пунктахъ, то забывъ о изрѣченномъ такимъ авторитетнымъ тономъ своемъ собственномъ отрицаніи теоріи искусственнаго поворота, да еще на основаніи „историческихъ" памятниковъ, — г. Лохтинъ начинаетъ увѣрять, что плотинная гипотеза можетъ быть и состоятельною. Вѣдь Хивинцы запруживали же боковые рукава (хорошъ поворотъ, запруда боковыхъ рукавовъ! А г. Богдановъ говоритъ о поворотѣ). Оказывается дальше, что и работа эта вовсе нетрудная: амплитуды колебаній рѣки не выходятъ изъ предѣловъ полутора саженъ; ледохода нѣтъ (нѣтъ есть, только очень непродолжительный. У Дорандта стоитъ: In der Nacht vom 1 zum 2 März setzte sich das Eis im Bewegung und dauerte der Eisgang bis gegen Abend des 2 März. Wassermenge и пр., стр. 3. Ледъ достигаетъ толщины 10—15 сентиметровъ, стр. 3. Да сверхъ того, амплитуды колебаній въ $1^1/_2$ сажени вѣдь для всѣхъ годовъ необязательны, а наблюденія Дорандта, и послѣдующія за нимъ наблюденія на учрежденной имъ станціи, охватываютъ промежутокъ времени всего лишь почти въ два съ половиною года). Стоитъ лишь по мнѣнію г. Лохтина, выстроить плотины выше горизонта высокихъ водъ и дать имъ двѣ сажени толщины, и дѣло устроено (значитель-

ная скорость рѣки при этомъ упускается изъ виду). Все это, можетъ быть, и очень хорошо, да зачѣмъ г. Лохтинъ не выставилъ эти аргументы противъ своего взгляда, а противъ воззрѣнія г. Богданова?..

Послѣ подобнаго опроверженія перваго изъ „соображеній" г. Богданова, г. Лохтинъ приступаетъ ко второму.

Но прежде взглянемъ—что̀ именно превратилъ въ приведенное выше второе „соображеніе" г. Богданова г. Лохтинъ. У г. Богданова стоитъ:

„Еслибы раздѣленіе водъ Аму-Дарьи и Каспія произошло геологически недавно, то въ Аральскомъ морѣ и рѣкахъ, въ него впадающихъ, сохранилось бы болѣе представителей каспійской ихтіологической фауны. Между тѣмъ, изъ всѣхъ осетровыхъ въ Аралѣ, Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ сохранился лишь одинъ типъ (Acipenser nudiventris Lowetzky), тожественный типу (A. Schypa Low.), и нѣтъ вовсе бѣлуги, осетра и севрюги. Будь недавнее теченіе по Узбою, эти три рыбы, проникая весной въ верхнее теченіе Аму-Дарьи для нереста (метанія икры), непремѣнно сохранились бы въ Аралѣ до нашихъ дней". Г. Лохтинъ, безъ дальнихъ разсужденій, превращаетъ ихтіологическую фауну Сыра, Аму и Арала въ „фауну Аральскаго моря". Какъ это похоже,—въ особенности, если принять въ расчетъ, что фауна Аральскаго моря была еще почти совсѣмъ неизвѣстна во время сообщенія г. Богданова и стала извѣстною лишь въ слѣдующемъ году, послѣ нашего изслѣдованія Арала!.. Далѣе, г. Богдановъ говоритъ о сообщеніи водъ Аму-Дарьи и Каспія... У г. Лохтина это превращается въ „соединеніе Каспійскаго и Аральскаго морей". Пусть будетъ вѣдомо г. Лохтину, что то, во что̀ онъ превратилъ мысль г. Богданова, то-есть, что „фауна Аральскаго моря указываетъ на то, что соединеніе Каспійскаго моря съ Аральскимъ прекратилось во времена весьма отдаленныя",—за исключеніемъ понятія „весьма отдаленныя" (чего, впрочемъ, г. Богдановъ тоже не говоритъ, да и никто не говоритъ, ибо это можетъ означать и времена силурійскія, и времена тріаса, и времена мѣла, и времена эоцена и т. д., а геологамъ хорошо извѣстно, что раздѣленіе морей произошло не раньше конца міоценоваго періода),—есть фактъ, совершенно достовѣрный для каждаго человѣка геологически образованнаго и знакомаго съ пріемами критики фаунистическихъ фактовъ. Противъ этого положенія просто нечего возражать, какъ противъ факта, что Сыръ-Дарья и Аму-Дарья текутъ въ Аральское море. Что фауна Аральскаго моря есть обѣднѣвшая фауна Каспія, это было высказано нами тотчасъ по окончаніи работъ на Араль-

скомъ морѣ; то же высказалъ потомъ и проф. Кесслеръ послѣ изученія нашей коллекціи рыбъ. А если это вѣрно, то не можетъ быть и никакого иного вывода, кромѣ того, что раздѣленіе морей произошло на столько давно, что фауна Каспія въ Аралѣ отчасти вымерла, и мы находимъ здѣсь лишь ея остатки. (Да и не объ однихъ осетрахъ идетъ дѣло, а о многомъ другомъ.) Геологическія же данныя даютъ указаніе и на то, когда это раздѣленіе произошло.

Однако г. Лохтинъ рѣшился не оставить у г. Богданова камня на камнѣ! Но онъ опять забываетъ и составленное имъ „соображеніе" г. Богданова, и обстоятельства, при которыхъ г. Богдановъ поставилъ свою теорію, и начинаетъ возраженіе не противъ „соображенія", а противъ данныхъ Богдановскаго текста.

На стр. 64 г. Лохтинъ говоритъ: „Не будемъ касаться геологической стороны вопроса, такъ какъ мы не считаемъ себя въ этомъ дѣлѣ достаточно (!) компетентными"... При некомпетентности въ дѣлѣ геологіи легко можно ждать еще большей некомпетентности въ вопросахъ фауны, которые, безъ нѣкоторой компетентности въ геологіи и навыка къ геологическимъ представленіямъ, вообще не могутъ быть и понятными. Г. Богдановъ же, не смотря на тѣ или другія частныя ошибки, остается, во всякомъ случаѣ, „достаточно" компетентнымъ въ вопросахъ фауны сравнительно съ г. Лохтинымъ, о научныхъ трудахъ котораго въ этомъ направленіи ничего доселѣ не было извѣстно. Мнѣнія же людей компетентныхъ, если они и ошибочны, должно опровергать прямыми фактами, а не съ вѣтру взятыми сомнѣніями и ни на чемъ, кромѣ „можетъ быть", не основанными отрицательными предположеніями. Поэтому, обращаясь къ основанному на фактахъ взгляду г. Богданова, г. Лохтинъ не имѣлъ никакого права возражать на него такою общею тирадою, какова слѣдующая: „Намъ неизвѣстно, каковъ былъ Узбой, и представлялъ ли онъ достаточно удобствъ для нереста, былъ ли достаточно глубокъ и удобенъ для хода рыбы" и проч. Это — вопервыхъ, а вовторыхъ, если г. Лохтинъ этого не знаетъ, то кромѣ него, никто въ томъ не причиненъ: отчего онъ не читалъ съ большимъ вниманіемъ сообщенія г. Глуховскаго, на которое возражаетъ г. Богдановъ, и не вникъ въ смыслъ того, противъ чего г. Богдановъ возражаетъ? Г. Богдановъ знаетъ, болѣе или менѣе, какъ глубокъ былъ Узбой, и все другое, что̀ г. Лохтину неизвѣстно,—и сказалъ ему объ этомъ г. Глуховской со словъ Ата-Мурадъ-Хана. А именно на стр. 307 6-й книжки X тома Извѣстій Г. Общ., въ сообщеніи г. Глуховскаго, опровергаемомъ г. Богдановымъ, стоитъ: „Ата-Мурадъ-

Ханъ утверждаетъ, что Аму-Дарья текла по этому направленію, и что ее искусственно отвели на сѣверъ въ Аральское море". Это самое ясное мѣсто въ сообщеніи г. Глуховскаго. Перечисленіе плотинъ на каналахъ нельзя иначе и понимать, какъ лишь перечень фактовъ, дѣлающихъ, вполнѣ или отчасти, вѣроятнымъ положеніе Ата-Мурада. Стало быть, г. Богдановъ имѣетъ полное основаніе, возражая г. Глуховскому, разумѣть въ желобѣ Узбоя Аму-Дарью, рѣку быструю, широкую и глубокую и уже обитаемую осетромъ-шипомъ. Есть факты, а не догадки—замѣтимъ это для г. Лохтина,—которые дѣлаютъ вѣроятнымъ, что отсутствіе извѣстныхъ осетровыхъ въ Аралѣ обусловлено причинами, данными въ Аральскомъ морѣ, а не въ рѣкахъ, въ него впадающихъ.

Опровергнувъ такъ блистательно и второе „соображеніе" г. Богданова, г. Лохтинъ приступаетъ къ третьему.

Съ третьимъ „соображеніемъ" онъ ведетъ дѣло не лучше, хотя здѣсь онъ нѣсколько приближается съ своими возраженіями къ сути Богдановской теоріи.

Онъ начинаетъ съ того, что факты, приводимые г. Богдановымъ, могутъ указывать на медленное поднятіе,—на нѣсколько футъ въ столѣтіе. Между тѣмъ, по его мнѣнію, этому поднятію на 3 фута въ столѣтіе (полагаетъ г. Лохтинъ по аналогіи съ поднятіями на берегахъ Скандинавіи и Шпицбергена), „рѣка противопоставляетъ годовую работу размыванія сыпучаго ложа теченіемъ воды съ скоростью 5 футъ въ секунду". Аргументъ поразительный по своей безсодержательности: Вопервыхъ (громадная!?), годовая работа размыванія сыпучаго ложа теченіемъ воды со скоростью 5 футъ въ секунду—величина неопредѣленная. Вовторыхъ, противуэффектъ медленнаго поднятія—тоже величина неопредѣленная. Что̀ же можетъ, поэтому, выйдти изъ сопоставленія двухъ не опредѣленныхъ величинъ?.. По крайнему нашему разумѣнію, – ничего путнаго. И какія вѣдь ужасающія слова стоятъ въ этой тирадѣ: и „годовая работа" (только въ одинъ годъ), и „сыпучее ложе" [1]), (легко размываемое... А глины-то тоже „сыпучи," г. Лохтинъ?), и „скорость 5 футъ въ секунду" (очень большая)! Отчего же г. Лохтинъ не придалъ ей, вмѣстѣ съ „сыпучимъ, (очень

---

[1]) Очевидно, г. Лохтину неизвѣстно, что рѣки песчанаго ложа не имѣютъ, ибо, еслибы онѣ имѣли таковое, то вода была бы поглощена такимъ ложемъ.

хорошо это „сыпучее ложе“ подъ водою, ибо вѣдь ложе подводная часть рѣки!) „ложемъ“, значенія, убѣждая, вопреки самому себѣ, г. Богданова въ возможности не трудной постройки плотинъ па рукавахъ Аму?

Изъ этого положенія слѣдуетъ однако, къ удивленію знакомаго съ дѣломъ читателя, такой выводъ: „Очевидно (?), что такое поднятіе не могло имѣть никакого вліянія па Аму-Дарью и вообще не можетъ служить причиною прекращенія теченія, за исключеніемъ двухъ случаевъ: или когда скорость поднятія превышаетъ скорость размыва водою дна, или когда этотъ размывъ, постоянно продолжаясь, не обнаружитъ, наконецъ, нижнихъ твердыхъ породъ, не поддающихся размыву, чего, однако же, въ Узбоѣ не замѣчается“ (стр. 60).

Но что̀ же дѣлать въ томъ случаѣ, если г. Богдановъ принимаетъ именно одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ г. Лохтинъ говоритъ: „исключая“ и пр., то-есть, именно, что поднятіе идетъ такъ быстро (?), что рѣка не можетъ размыть себѣ проходъ на встрѣчу поднятія? Вся аргументація тогда пропадаетъ даромъ. А правильно это, или неправильно, но г. Богдановъ принимаетъ именно такое поднятіе, какъ это видно изъ другаго его сообщенія, о которомъ г. Лохтинъ, по видимому, и не знаетъ, такъ какъ этой работы г. Богданова въ перечнѣ извѣстной г. Лохтину литературы не показано, да и вообще нигдѣ имъ не цитируется; это „Обзоръ результатовъ арало-каспійской экспедиціи [1]): „Затѣмъ начинается поднятіе юго-западнаго угла страны. Каспійское устье Аму-Дарьи мелѣетъ и пересыхаетъ. Воды ея разливаются въ плоскихъ низменностяхъ степи въ видѣ озеръ (напримѣръ, слѣды обширнаго озера находятся около Сары-Камыша, по изслѣдованіямъ А. В. Каульбарса; Д. М. Рѣзвый привезъ оттуда же Corbicula fluminalis, живущую и теперь въ Аму-Дарьѣ) теченіе рѣки постепенно укорачивается отъ низовьевъ кверху...“ Возражать противъ этого слѣдуетъ, конечно, прямымъ отрицаніемъ подобнаго поднятія въ низовьяхъ Аму. У г. Лохтина есть подъ руками то обстоятельство, что склонъ по Узбою къ Каспію все-таки существуетъ, хотя отъ колодцевъ Игды, по Стебницкому, но онъ забываетъ это, и взглядъ г. Богданова сохраняетъ относительно его возраженія предоминирующее положеніе, тѣмъ болѣе, что аргументація г. Лохтина, въ сущности, еще болѣе неправильна, чѣмъ показана до сихъ поръ, а именно, невѣрно самое основаніе ея. Дѣло въ томъ, что можно го-

---

[1]) Тр. С.-Пб. Общ. естествоисп. 1875.

ворить о размываніи рѣкою береговъ и ложа, — разумѣя размываніе, какъ преобладающій процессъ,—собственно о среднемъ теченіи, и отчасти о верхнихъ частяхъ нижняго. Область же типичнаго нижняго теченія есть область проявленія образовательной дѣятельности рѣки, область преимущественнаго отложенія несомыхъ ею взвѣшенныхъ частицъ, тѣмъ большаго, чѣмъ ближе къ дельтѣ, чѣмъ медленнѣе теченіе. Здѣсь и большая скорость не мѣшаетъ процессу отложенія, ибо если скорость рѣки въ нижнемъ теченіи велика, то она еще больше въ среднемъ; а при этомъ рѣка сильно размываетъ свое ложе въ среднемъ теченіи, захватываетъ съ собою значительную массу взвѣшенныхъ въ ней веществъ, несетъ болѣе крупный, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, матеріалъ и осаждаетъ его уже при небольшомъ уменьшеніи скорости. Выходитъ поэтому, что, говоря о явленіяхъ нижняго теченія, нужно брать не разность вліяній размыванія ложа и поднятія, а сумму вліяній поднятія и выполненія ложа взвѣшеннымъ матерьяломъ. Рѣка будетъ все-таки, конечно, стремиться сохранить свободный выходъ въ море, вынося въ него избытокъ притекающей воды, но для этого вовсе не нужно устья, открывающагося непосредственно въ море. Если устье будетъ открываться въ озеро, сообщающееся съ моремъ, то цѣль будетъ достигнута, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ Куришъ-гафа и Фришъ-гафа. Такимъ образомъ, оказывается, что аргументами г. Лохтина опровергнуть г. Богданова вовсе нелегко. И конечно, это понятно, если принять въ расчетъ, что г. Богдановъ—все-таки опытный ученый и много видавшій путешественникъ, да сверхъ того, натуралистъ, пріобрѣвшій, по характеру своихъ работъ, нѣкоторый навыкъ въ критикѣ геологическихъ представленій, и что имъ было предусмотрѣно, въ частностяхъ, гораздо большее, чѣмъ г. Лохтинъ представляетъ себѣ, рискуя на опроверженіе. Г. Богдановъ ошибся въ общемъ планѣ теоріи, ошибся рѣшительно, въ самомъ принципѣ, не обративъ вниманія на странныя слѣдствія, къ которымъ ведетъ послѣдовательное развитіе этого принципа, но вовсе не въ сферѣ тѣхъ элементарныхъ соображеній, гдѣ его опровергаетъ г. Лохтинъ. Здѣсь г. Лохтинъ можетъ многому научиться у г. Богданова, прежде чѣмъ опровергать его. Теорія г. Богданова,— такъ какъ не вѣренъ принципъ,—опровергается именно путемъ развитія этого принципа, пока появленіе абсурдовъ не обнаружитъ его несостоятельности, а не путемъ опроверженія частныхъ положеній, да притомъ еще не ясно или превратно понятыхъ.

„Упоминаемое измѣненіе“ устьевъ, говоритъ далѣе г. Лохтинъ,—

„всегда происходило и будетъ происходить во всѣхъ рѣкахъ земнаго шара, а что въ рѣкахъ Каспійскаго и Аральскаго (!!) бассейна нѣтъ замѣченной правильности (а Сыръ-Дарью г. Лохтинъ не замѣчаетъ?), лучше всего видно изъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ г. Богдановъ высказалъ свое мнѣніе (то-есть, съ 1873 года?), картина устьевъ перечисленныхъ имъ рѣкъ значительно измѣнилась и нисколько (?) не подтверждаетъ предположенія. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе настоящаго состоянія этихъ устьевъ, замѣтимъ, что если уже отыскивать извѣстную правильность или законъ въ ихъ измѣненіяхъ, то нужно было брать измѣненія одновременныя, а между тѣмъ г. Богдановъ сопоставляетъ отклоненіе Аму, совершившееся въ XVI вѣкѣ, съ отклоненіемъ Волги на востокъ отъ Сарпинскихъ озеръ“ и пр. (стр. 60).

Какъ недурно это „не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе настоящаго состоянія этихъ устьевъ“!... Г. Богдановъ поступилъ иначе: онъ даже въ предѣлахъ очень коротенькаго сообщенія, имѣющаго преимущественно значеніе возраженія г. Глуховскому, вдался въ разсмотрѣніе состоянія этихъ устьевъ... И для г. Лохтина „вдаться“ въ это было прямою обязанностью: кто же иначе повѣритъ ему, не „вдаваясь“ въ это лично, — а многіе могутъ не имѣть ни времени, ни возможности для этого, — что только въ шесть лѣтъ картина устьевъ измѣнилась до того, что стала совсѣмъ другою?... Упустивъ изъ вида центръ теоріи г. Богданова, онъ могъ еще серьезно возражать, именно „вдавшись“ въ то, во что̀ онъ не вдался.

Далѣе, требованіе „брать одновременныя отклоненія“ указываетъ, что г. Лохтинъ не имѣетъ никакого понятія о томъ вопросѣ, котораго онъ касается, ибо какъ разъ подобныя отклоненія, прежде всего, не могутъ быть одновременными. Поднятія вѣдь не мгновенно распространяются по всему району своего дѣйствія и неравномѣрно во всѣ стороны. Откуда же г. Богданову взять одновременныя отклоненія, если ихъ быть не можетъ?

Дальше г. Лохтинъ приводитъ тотъ фактъ, что прежній фарватеръ направлялся по Воложкѣ, но не по Сарпинкѣ, и что, слѣдовательно, Волга отклонялась на западъ, а не на востокъ, какъ то указывается г. Богдановымъ, и ссылается, сверхъ того, на то, что восточный фарватеръ перешелъ въ западный Бахтемировскій рукавъ.

Каковъ бы ни былъ этотъ фактъ по его истинному значенію, но во всякомъ случаѣ, это—фактъ; бѣда только въ томъ, что заговоривъ о немъ, нужно было говорить и о Терекѣ, и о Кумѣ, и объ Уралѣ,

и Эмбѣ, и о Сыръ-Дарьѣ и показать фактическую несостоятельность по крайней мѣрѣ, большей части основаній г. Богданова. А г. Лохтинъ „не вдается“ въ это и выставляетъ лишь одинъ единственный фактъ.

„Наконецъ“, продолжаетъ г. Лохтинъ,—„еслибы даже и существовала упомянутая правильность, то это вовсе не служило бы доказательствомъ поднятія. Мнѣніе, будто бы (!) рѣки всегда (!!!) повинуются уклону, невѣрно, что̀ лучше всего (?!) видно (?) уже изъ того, что на ровной покатой (!) плоскости долины рѣки русло ея извивается то вправо, то влѣво, и весьма часто перпендикулярно долинѣ, а слѣдовательно (!!!), перпендикулярно и скату“ (стр. 6).

Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ лавровъ, пожинаемыхъ г. Лохтинымъ въ его торжествѣ надъ теоріей г. Богданова.

Отчего бы г. Лохтину, чтобы лавръ вышелъ еще крупнѣе, не измѣнить отрицательную форму сказаннаго въ положительную? Вышло бы, что рѣки текутъ и въ гору.

Разбирать это положеніе г. Лохтина мы, конечно, не будемъ, а замѣтимъ только, что поверхность рѣки выражаетъ вообще, то-есть, исключая случаи пороговъ и другихъ мѣстныхъ препятствій, приблизительно линію наклона мѣстности, извитую въ планѣ сообразно частностямъ рельефа страны и своей долины. Спрямленная отъ извилинъ въ планѣ и проэктированная горизонтально, эта линія будетъ представлять нѣкоторую кривую (слабо ступенчатую), верхній конецъ которой будетъ болѣе или менѣе значительно превышать нижній, лежащій на абсциссѣ, а всѣ промежуточныя точки будутъ находиться выше абсциссы. Эта кривая будетъ представлять въ то же время сѣченіе наклонной поверхности, близкой къ горизонтальной проэкціи наклонной плоскости, идущей отъ верховья рѣки къ низовью.

Рѣки текутъ не въ гору, а подъ гору, а если онѣ и вьются, спускаясь подъ гору, то это значитъ только, что само направленіе уклона опредѣляется въ природѣ непрямою линіей, и ничего больше.

Дальше г. Лохтинъ увѣряетъ, что извилистость рѣки есть тотъ предѣлъ равновѣсія, хотя и неустойчиваго, къ которому рѣка приводитъ свой видъ, что она стремится не увеличивать свой уклонъ, а напротивъ, уменьшать его. Природныя явленія не суть матемаматическія представленія; можно пользоваться послѣдними для разъясненія дѣла, схематизировать явленія, но утверждать, что самыя эти

схемы и существуютъ въ природѣ, нельзя. Первая часть положенія г. Лохтина вѣрна лишь подъ условіемъ — въ промежутокъ времени, меньшій всякаго даннаго; а такъ какъ такіе промежутки времени слѣдуютъ безпрерывно другъ за другомъ, то вмѣсто равновѣсія является движеніе, и рѣка при своемъ движеніи совершаетъ работу, разрушая и смывая сопротивленія своему стремленію (не теченію), направленіе котораго есть прямая линія, идущая отъ верховьевъ къ устью (въ вертикальной проэкціи).

Но впрочемъ, здѣсь начинаются уже общія положенія, имѣющія отдаленное отношеніе къ дѣлу. Это, такъ сказать, огонь, посылаемый въ догонку непріятеля, предполагаемаго разбитымъ и находящимся въ отступленіи.

Изъ нихъ не можемъ оставить безъ вниманія лишь одно положеніе: „Аму-Дарья, не смотря на большій скатъ къ Сары-Камышу, все-таки перестала течь туда и направилась по меньшему скату въ Аральское море". Изъ сдѣланнаго нами расчета, представленнаго въ маѣ 1879 года Русск. Географическому Обществу, выходитъ, что уклонъ къ Аральскому морю, по нынѣшнему руслу, больше уклона по Узбою къ Каспію, какъ мы говоримъ это и раньше. Къ Сары-Камышской котловинѣ, по г. Петрусевичу, уклонъ, дѣйствительно, больше, чѣмъ къ Аралу. Но основывать на этомъ положеніе г. Лохтина все-таки нѣтъ никакой возможности. Оно было бы вѣрно лишь тогда, еслибы можно было доказать, что этотъ уклонъ къ Сары-Камышской котловинѣ есть бывшій уклонъ рѣки. Но это пока предположеніе, и какъ таковое, встрѣчаетъ противопредположеніе, что бо́льшій уклонъ къ Сары-Камышу образовался послѣ поворота Аму путемъ вполнѣ естественнымъ при условіяхъ, представляемыхъ страной. Именно, каждое углубленіе, каждая борозда въ этой мѣстности, если она имѣетъ достаточно значительные размѣры, является основаніемъ для образованія овраговъ. Что Узбой и Сыры-Камышъ принимаютъ въ себя не мало овра́говъ — это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но такъ какъ каждый оврагъ движется впередъ своею вершиной, и достигнувъ извѣстной ширины, переходитъ въ овражный логъ, а потомъ въ лощину, то весьма возможно, что большій уклонъ къ Сары-Камышу есть уклонъ по руслу, игравшему, и можетъ быть, долгое время, роль оврага и идущему, сверхъ того, по скату овражной лощины, слѣпой конецъ которой направленъ въ сторону Аму, а открытый къ Сары-Камышу. Подобныя лощины могутъ быть весьма значительныхъ размѣровъ и ясно замѣтны лишь для опытнаго глаза, и притомъ при

извѣстной степени отдаленія. Старое же русло, послѣ исчезновенія въ немъ воды, было, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ древнихъ путей для стока воды изъ впадающихъ въ него овраговъ, и въ окрестностяхъ его слѣдуетъ ожидать слѣдовъ обширныхъ размывовъ атмосферною водою.

Поразивъ столь удачно г. Богданова, г. Лохтинъ переходитъ къ теоріи г. Сѣверцова.

Надѣемся, однако, что нами достаточно показана на примѣрѣ критики теоріи г. Богданова „недостаточная компетентность" г. Лохтина въ тѣхъ вопросахъ, — какъ нарочно геологическихъ, то-есть, такихъ, гдѣ г. Лохтинъ и самъ признаетъ свою „недостаточную компетентность",—которые онъ трактуетъ, чтобы мы могли позволить себѣ не прослѣживать болѣе шагъ за шагомъ тонкости его аргументаціи и ограничиться болѣе бѣглымъ обзоромъ дальнѣйшаго.

Съ теоріей г. Сѣверцова г. Лохтину счастливится еще менѣе. Такъ какъ онъ понялъ г. Сѣверцова такимъ образомъ, что въ прорывѣ Шейхъ-Джейли вся суть дѣла, что этотъ прорывъ есть причина поворота, то вѣрный своему принципу опроверженія „всѣхъ существующихъ" теорій, онъ нападаетъ на г. Сѣверцова именно въ этомъ пунктѣ. Повторяемъ еще разъ, что прорывъ Шейхъ-Джейли вовсе не есть причина поворота. Аму-Дарья прорвалась черезъ Шейхъ-Джейли на пути своего стремленія къ Аралу, не болѣе того. Причины же поворота суть причины, которыя обусловили стремленіе Аму къ Аралу. Еслибъ Аму образовала озеро по одну сторону Шейхъ-Джейли, и горы разверзлись передъ нею, пропуская ея воды къ Аралу, то вотъ тогда можно было бы говорить, что разрывъ (и все-таки не прорывъ) Шейхъ-Джейли былъ причиною поворота Аму. Кромѣ того, фактически вѣрно, что Аму пробила себѣ путь сквозь Шейхъ-Джейли, какъ многія рѣки,—у которыхъ однако никому и въ голову не приходитъ считать этого причинами поворота, и которыя никуда и не поворачиваютъ, исключая обычныхъ извилинъ вправо и влѣво,—пробиваютъ себѣ путь черезъ препятствія въ горныхъ ущельяхъ, прорываютъ себѣ иногда подземые ходы, и т. д.

Нападая на теорію г. Сѣверцова въ этомъ пунктѣ, г. Лохтинъ, конечно, не долженъ былъ ожидать никакихъ результатовъ. Показать, что Аму не пробилась черезъ Шейхъ-Джейли онъ не можетъ, ибо это фактъ, да кромѣ того, въ этомъ и надобности никакой нѣтъ. Не все ли равно, какія преграды преодолѣла она на своемъ пути къ Аралу, если разъ она поворотила въ эту сторону? А потому г. Лох-

тинъ и вынужденъ по неволѣ приняться за опроверженіе частностей, которыя еще меньше идутъ къ дѣлу поворота, чѣмъ самый вопросъ о прорывѣ Шейхъ-Джейли, и этимъ ограничить всѣ попытки показать несостоятельность теоріи г. Сѣверцова.

Сущность дѣла, то-есть, необходимость согласовать явленія на Сырѣ и Аму, онъ совершенно упускаетъ изъ виду, да собственно говоря, и не можетъ поступить иначе, такъ какъ самъ впадаетъ въ ту же ошибку, излагая свое мнѣніе о причинахъ измѣненія направленія теченія Аму. Кромѣ того, онъ не замѣчаетъ необходимости поставить на видъ теоріи г. Сѣверцова и то обстоятельство, что предположеніе объ эффектахъ вліянія высыханія Арала на поворотъ Аму мыслимо лишь подъ условіемъ, что уровень Каспія или остается неподвижнымъ, или колеблется въ обратномъ направленіи. Между тѣмъ, такое положеніе было бы совершенно произвольно, какъ это замѣчено выше. Въ виду того, что уровень Каспія слишкомъ на 80 футъ ниже уровня океана, можно скорѣе предположить, что на Каспіи шло весьма энергичное высыханіе, и тогда, конечно, измѣняется и вся постановка дѣла:—если уровень Каспія понижался быстрѣе уровня Арала, то углубляться долженъ былъ Узбой, и послѣдствія этого были бы совершенно иныя сравнительно съ тѣмъ, что дается теперь въ низовьяхъ Аму. Но здѣсь мы входимъ уже въ область недоказуемыхъ предположеній.

Послѣ опроверженія теоріи г. Сѣверцова г. Лохтинъ излагаетъ, наконецъ, и свое мнѣніе, указывая, однако, что это мнѣніе есть, въ сущности, доразвитіе и болѣе обоснованное изложеніе мнѣній Дженкинсона, Штумма и Вуда.

Въ чемъ оно заключается, въ сущности, мы уже видѣли, а также видѣли и то, что это не есть теорія поворота, а одна изъ попытокъ объяснить, почему исчезъ Каспійскій рукавъ Аму. Равнымъ образомъ, мы указали, что допущеніе первичной бифуркаціи есть, въ сущности, отказъ отъ объясненія факта поворота. Г. Лохтинъ видитъ, впрочемъ, что съ принятіемъ первичной бифуркаціи, его теорія теряетъ свое основаніе; онъ пытается поэтому объяснить также возникновеніе бифуркаціи, и съ этой стороны взглядъ его, до извѣстной степени, новъ.

Бифуркація возникла, по мнѣнію г. Лохтина, подъ вліяніемъ естественнаго дѣятеля—наростанія дельты рѣки вслѣдствіе отложенія наносовъ. Море (Аралъ) занимало всю область нынѣшней дельты Аму, и „сообразно рельефу мѣстности дѣлилось на двѣ большія части, раз-

дѣленныя между собою узкимъ проливомъ, заключеннымъ между горами Усть-Уртъ и Шейхъ-Джейли, и Хивинскій оазисъ представлялъ дельту съ неизбѣжнымъ (?) раздѣленіемъ рѣки на нѣсколько рукавовъ, остатки которыхъ сохранились въ видѣ сухихъ руслъ и по настоящее время" [1]). Затѣмъ, дельта Аму, наростая, вдвигалась въ море, и такъ какъ осадки ложились въ большемъ количествѣ между рукавами, чѣмъ снаружи ихъ, то два первичные (?) рукава Аму,—Аму-Дарья и Дарьялыкъ, впадавшіе именно въ проливъ между Шейхъ-Джейли и Усть-Уртомъ, раздвигались другъ отъ друга, направляясь, одинъ—къ Аралу, а другой — къ южной оконечности Усть-Урта. „Правый берегъ Дарьялыка, подвигаясь все болѣе и болѣе впередъ, дошелъ наконецъ до мыса Усть-Урта и раздѣлилъ бывшее море на двѣ части низменнымъ перешейкомъ". Послѣ раздѣленія морей всѣ южные рукава (то-есть, Дарьялыкъ; пока онъ вѣдь и „всѣ" рукава) начали впадать въ часть Сары-Камышскую, а сѣверный въ Аральскую, при чемъ Аральская часть сдѣлалась замкнутымъ (была, значитъ, раньше не замкнута?) озеромъ, а Сары-Камышская имѣла стокъ въ Аральское море". Послѣ нѣкоторыхъ подробностей относительно того, что Аральское море стало теперь получать воды меньше, чѣмъ сколько ея испарялось съ поверхности Арала, и уровень его сталъ медленно понижаться, ибо, въ противномъ случаѣ, при повышеніи уровня, море перелилось бы черезъ низменный перешеекъ въ Дарьялыкъ („но... этого не случилось", добродушно сообщаетъ г. Лохтинъ (стр. 82) и съ „такъ какъ" въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ стоитъ многоточіе, употребляетъ это положеніе, какъ основаніе для аргумента, что испареніе преобладало надъ притокомъ, и отлогое дно моря обнажилось),—г. Лохтинъ продолжаетъ: „Между тѣмъ въ дельтѣ Сары-Камышской части началась культура; южные рукава заносятся описаннымъ процессомъ, сѣверные... увеличиваютъ высоту... береговъ" (отложеніемъ наносовъ). „Сары-Камышское море получаетъ воды все меньше и меньше, и, наконецъ, испареніе дѣлается больше притока, уровень озера понижается, а стокъ въ Каспійское море прекращается".

Въ этомъ—центръ теоріи г. Лохтина. Разсмотримъ ее ближе.

На стр. 83 стоитъ: „Оно—„доказательство", что „этотъ процессъ происходилъ",—состоитъ въ томъ, что когда Аральское море еще не

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что г. Петрусевичъ (съ сообщеніемъ котораго въ Геогр. Общ. мы знакомы по рукописи) склоненъ, напротивъ того, принимать нѣкоторыя изъ старыхъ руслъ за размытые арыки.

было раздѣлено на двѣ части (г. Лохтинъ разумѣетъ „Сары-Камышскую“ и „Аральскую“), то его уровень, конечно, былъ вездѣ на одной высотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на высотѣ того истока, который отводилъ избытокъ воды въ Каспійское море“.

Такъ къ чему же г. Лохтинъ на стр 27 съ такимъ апломбомъ дозывалъ, „что соединеніе“ Каспійскаго моря „съ Аральскимъ не существовало въ видѣ морскаго пролива, а именно въ видѣ рѣки“? Не рѣкою же, конечно, былъ истокъ изъ Аральскаго моря въ Каспійское? Или Сыръ-Дарья и Аму-Дарья вполнѣ опрѣснили воду Арала, такъ что по Узбою вода текла прѣсная? Но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла: все-таки Узбой, и съ прѣсною водою, былъ бы истокомъ изъ Арала въ Каспій, а не старымъ ложемъ Аму-Дарьи! Да и не опрѣснили Аму и Сыръ воды Арала: его моллюски—морскіе моллюски!.. А для небольшаго содержанія солей въ Аралѣ есть объясненіе, изложенное нами въ нашей работѣ: „Очеркъ исторіи суши континентальныхъ островов Аральскаго моря“.

Къ чему на стр. 52—53 г. Лохтинъ столь авторитетно „не останавливается“ на „мнѣніи, высказанномъ графомъ Канкринымъ“, и увѣряетъ, „что оно совершенно не оправдалось собранными географическими фактами“? То, что̀ высказываетъ г. Лохтинъ, есть именно основаніе мнѣнія графа Канкрина! Вѣдь это самое и „не оправдалось собранными географическими фактами“!... Какъ же рѣшается послѣ этого г. Лохтинъ увѣрять, что именно это самое и есть доказательство“ того, что описанный имъ „процессъ происходилъ“!

Такимъ образомъ, „прямое доказательство“ г. Лохтина оказывается совершенно не состоятельнымъ. Да сверхъ того, что̀ же дѣлать, при условіи г. Лохтина, съ Джаны-Дарьею на Сыръ-Дарьѣ? Это тоже что ли стокъ изъ „Кизилъ-Кумскаго“—назовемъ такъ, по примѣру г. Лохтина—моря въ Аральское? А Джаны-Дарья—гомологъ Узбоя!..

Другое доказательство г. Лохтина, крайне не ясно изложенное, такъ что его едва можно понять, да и то не съ увѣренностью, заключается, по видимому, въ томъ, что въ нѣкоторый моментъ существовали фактически два уже независимые другъ отъ друга бассейна: Сары-Камышъ и Аралъ. Но кто же сомнѣвается въ этомъ? Аралъ и сейчасъ — на лицо, да и Сары-Камышъ—тоже, даже такой Сары-Камышъ, къ которому направляются нѣкоторыя изъ старыхъ руслъ Аму... Кому это нужно доказывать, и для кого это не фактъ?

Есть еще третье доказательство, — все того, что „этотъ процессъ происходилъ“—это существованіе Айбугирской котловины, дно кото-

рой лежитъ ниже Арала. Г. Лохтинъ считаетъ нужнымъ доказать и это. Да кому же неизвѣстно, что до самаго послѣдняго времени существовалъ сперва заливъ, а потомъ озеро Айбугиръ, что этотъ Айбугиръ стоялъ въ соединеніи съ Аральскимъ моремъ, и что онъ существуетъ на всѣхъ картахъ, предшествующихъ времени Хивинскаго похода? Для интересовавшихся этимъ участниковъ похода отсутствіе Айбугира было своего рода сюрпризомъ.

Вотъ три доказательства, что „этотъ процессъ происходилъ"... Но если читатель, не близко знакомый съ дѣломъ, прочтетъ описаніе хода явленій по г. Лохтину и эти доказательства, то онъ прійдетъ въ крайнее недоумѣніе. Онъ законно будетъ ожидать доказательствъ шагъ за шагомъ того, что таковъ именно былъ ходъ явленій, и что картина, которую рисуютъ передъ нимъ, фактически вѣрна, а не представляетъ упражненій г. Лохтина въ области фантазіи. Вмѣсто же того онъ находитъ три доказательства, что „этотъ процессъ происходилъ", и притомъ такія доказательства, уразумѣть связь которыхъ съ дѣломъ почти нельзя, не изучивъ вопросъ помимо г. Лохтина до такой степени, что его статья теряетъ уже всякій интересъ. Вѣдь „этотъ процессъ" не есть, разумѣется, ходъ и послѣдовательность явленій, а мы не рѣшаемся думать, что г. Лохтинъ приводитъ эти доказательства, какъ доказательства существованія процесса отложенія дельты.

Мы находимъ себя вынужденными, поэтому, нѣсколько помочь г. Лохтину и представить его картину въ большей связи съ его (и съ другими) доказательствами, кромѣ перваго, какъ никуда негоднаго по неустойчивости (и вообще не нужнаго).

Изъ факта бывшаго существованія Айбугира, и значительной величины Сары-Камыша (по Дженкинсону и даннымъ г. Петрусевича) мы должны заключить, что Сары-Камышская котловина и Аральское море были очень близки другъ къ другу, такъ что въ одно время они стояли въ сообщеніи другъ съ другомъ, а въ другое, болѣе позднее, отдѣлялись другъ отъ друга не очень широкою полосою суши. Въ эту формулу и укладывается то, что̀ должно подкрѣпляться вторымъ и третьимъ доказательствами г. Лохтина. Такая картина весьма близка къ истиннѣ, и противъ нея едва ли можно возражать [1]).

---

[1]) По нашему мнѣнію, соединеніе Арала и Каспія происходило южнѣе Усть-Урта, такъ что въ нѣкоторое время Сары-Камыши были впадиною дна Арало-Каспія.

Но г. Лохтинъ увѣряетъ, что эта картина была создана дѣятельностью самой рѣки, что раздѣленіе участковъ моря произошло подъ вліяніемъ отложенія дельты. Между тѣмъ это именно и требуетъ доказательствъ во всемъ его взглядѣ болѣе, чѣмъ что-либо другое. А для этого-то самаго существеннаго своего положенія онъ именно и не представляетъ доказательствъ, кромѣ того, что всѣ почвы на этомъ мѣстѣ (вѣдь на поверхности только!) суть отложенія дельты. Г. Лохтинъ совершенно упускаетъ затѣмъ изъ виду необходимость доказать, что Аму-Дарья уже изливалась въ Аральское море въ то время, когда взаимное отношеніе бассейновъ (Сары-Камыша и Арала) было такимъ, какъ онъ стремится его представить, а не послѣ полнаго отдѣленія Сары-Камыша отъ Арала. Онъ полагаетъ, что достаточно сдѣлать предположеніе, что перемычка между Айбугиромъ и Сары-Камышемъ образована отложеніями на правомъ берегу Дарьялыка (вѣдь это вовсе не фактъ, а предположеніе, не имѣющее за себя ни малѣйшаго доказательства), чтобы все было сдѣлано.

Но, мы видимъ, прежде всего, что юго-восточный выступъ Усть-Урта направляется длиннымъ языкомъ въ сторону горъ Шейхъ-Джейли; бывшее озеро Айбугиръ на 100-верстной картѣ генеральнаго штаба показано достигающимъ какъ разъ до начала этого выступа, такъ что съ запада и юга берегъ Айбугира опредѣлялся именно Усть-Уртскимъ обрывомъ. Обрывъ же этотъ составляетъ непосредственное продолженіе береговаго обрыва западнаго берега Аральскаго моря, также, какъ и южный Чинкъ Усть-Урта. Поэтому Арало-Каспій огибалъ нѣкогда юго-западный языкъ Усть-Урта и омывалъ южный Чинкъ его [1]). Но самъ этотъ языкъ, направляющійся къ Шейхъ-Джейли, и отдѣльныя горы, какъ Бурлы-тау, Кушкане-Тау, вызвышающіяся среди разливовъ, сѣвернѣе узкости между Усть-Уртомъ и Шейхъ-Джейли, въ совокупности съ характеромъ окончанія Усть-Урта, обрывомъ, указываютъ, что мѣстность подвергалась здѣсь сильному размыванію моремъ, и именно — обращаемъ на это особенное вниманіе — моремъ, такъ какъ обрывъ Айбугирскаго берега есть непосредственное продолженіе обрывовъ Усть-Уртскаго берега Аральскаго моря. Да сверхъ того, самъ Айбугиръ былъ—что̀ стоитъ

---

[1]) Русло Узбоя проложено, стало быть, по нашему взгляду, въ обнажившемся днѣ Арало-Каспія.

вполнѣ прочно и внѣ всякихъ сомнѣній, — частью Аральскаго моря. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ мы находимъ случаи разрушенія моремъ твердыхъ породъ, мы можемъ всегда ожидать, что дно моря будетъ представлять самыя разнообразныя особенности рельефа. Языкъ Усть-Урта прежде всего долженъ заставить предположить, что по направленію указываемому имъ — въ сторону Шейхъ-Джейли, дно моря представляло не размытую гряду твердыхъ породъ, на которой глубины могли быть значительно меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ бассейна, точно также какъ отъ выступа Усть-Урта на высотѣ Кунграда можно предположить другую гряду—къ горамъ Кушкане-Тау. На 100-й верстной картѣ генеральнаго штаба мы и находимъ, напримѣръ, что этому выступу со стороны Усть-Урта въ Айбугиръ отвѣчаетъ на противоположномъ берегу тоже выступъ, встрѣчный (расположенный незначительно сѣвернѣе), какъ это и бываетъ при грядахъ.

Подобныя гряды — явленіе совершенно нормальное, какъ то указываетъ, напримѣръ, гряда, идущая по дну Аральскаго моря отъ острова Николай I черезъ острова Беллинсгаузена и Лазарева къ южному берегу моря, гряда ясная и притомъ представляющая, несомнѣнно, неразмытый остатокъ древняго гребня суши, высшіе пункты котораго теперь и суть острова Беллинсгаузена и Лазарева.

А такъ какъ, далѣе, такія гряды, если глубина на нихъ не велика, и рельефъ благопріятенъ, являются мѣстами, гдѣ море тотчасъ же начинаетъ отложеніе песковъ, новообразованіе суши, какъ это вполнѣ наглядно указываетъ, напримѣръ, обширный отдѣльный песчаный участокъ моря около острововъ Беллинсгаузена и Лазарева, песчаный при известковой основѣ острововъ,—то одного внимательнаго взгляда на карту совершенно достаточно, чтобы заключить, что языкъ Усть-Урта, размытый на поверхности моремъ и образовавшій обрывы, долженъ продолжаться подъ поверхностью земли болѣе или менѣе далеко на востокъ по направленію къ Шейхъ-Джейли, и что лежащія въ основаніи его породы могутъ находиться на незначительной глубинѣ подъ поверхностною почвою и подъ отложеніями древняго Арала.

Направленіе Дарьялыка указываетъ, ближе всего, что какъ будто бы эта гряда и заставила его потечь на западъ къ Сары-Камышу, такъ какъ, достигши языка Усть-Урта, Дарьялыкъ вьется именно подлѣ подошвы обрыва. Вѣроятно, поэтому, обрывъ въ древнія времена проходилъ далѣе на западъ, а эта гряда не была размыта на столько, какъ теперь, когда изъ Дарьялыка, по словамъ г. Лохтина, возможно проникновеніе воды въ Айбугиръ.

Такимъ образомъ, разборъ современныхъ отношеній страны приводитъ насъ къ заключенію, что перемычка суши между бассейнами Сары-Камыша и Арала есть особенность рельефа, данная безотносительно даже къ существованію Дарьялыка, ибо направленіе бывшаго теченія послѣдняго стоитъ въ зависимости отъ такой особенности рельефа.

Но что дельта Аму вдвигалась сюда, что ея отложенія покрываютъ эту область и выполняютъ углубленія, сгладивъ особенности древняго рельефа,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но при этомъ совершенно необходимо болѣе или менѣе опредѣленно выяснить—древнѣе ли именно Дарьялыкъ Аму-Дарьи, или новѣе, или оба они принадлежатъ по происхожденію къ одному времени. Основываясь на указанныхъ особенностяхъ рельефа, въ связи съ направленіемъ Дарьялыка, на слѣдованіи другъ за другомъ старыхъ руслъ по направленію къ сѣверу, мы должны придать большую вѣроятность первому: именно, что Дауданъ и Дарьялыкъ представляютъ рукава рѣки, по которымъ Аму, прорывавшаяся черезъ правый берегъ и подвигавшаяся, правымъ берегомъ впередъ, къ Аралу, посмѣнно сообщалась съ Узбоемъ.

Также мы склонны, далѣе, думать, что въ наблюденіяхъ Сѣверцова по этому предмету есть серьезныя указанія на то, что послѣдній прорывъ произошелъ черезъ Шейхъ-Джейли, и естественно черезъ правый берегъ Дарьялыка,—стало быть, Дарьялыкъ—болѣе древнее русло,—и придать весьма большое значеніе осторожному замѣчанію Дорандта, которое онъ самъ нашелъ необходимымъ отмѣтить курсивомъ: „Es ist nicht unmöglich, dass Durchbruch des Amu-Darja durch den Scheichdsheili im innigsten Zusammenhange steht mit dem Wechsel des Laufes des Amu-Darja und dessen Mündungswechsel von Caspischen Meere in den Aralsee“. Wassermenge, S. 28, Anm.).

Прорывъ Шейхъ-Джейли былъ, вѣроятно, послѣднею стадіей поворота. Замѣчанія г. Лохтина, что „такая сложная подготовительная работа“, какую описываетъ г. Сѣверцовъ, мало вѣроятна, и т. д., большаго вѣсу не имѣютъ, ибо г. Сѣверцовъ нигдѣ не имѣетъ въ виду, что природа собиралась проводить Аму-Дарью въ Аральское море, и по неумѣнью ли, или по оплошности, повела это дѣло такимъ сложнымъ путемъ, какимъ бы не повелъ ни одинъ порядочный инженеръ, строитель каналовъ. Г. Сѣверцовъ описываетъ факты и даетъ имъ объясненія помимо Аму-Дарьи, а въ природѣ сложныя яв-

ленія—дѣло обыкновенное. Аму-Дарья просто попала съ своимъ прорывомъ черезъ горы Шейхъ-Джейли въ область совершенія сложнаго факта, происходившаго вовсе не въ видахъ проведенія ея въ Аралъ. Этого г. Лохтинъ, по видимому, не понялъ.

Если мы на эту картину наложимъ картину г. Лохтина, то тогда окажется, гдѣ его слабая сторона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и причина, что его взглядъ, при первомъ чтеніи, производитъ впечатлѣніе правдоподобія. Онъ рѣшился объяснить всѣ явленія наростаніемъ дельты и свелъ все на дѣятельность рѣки. Такъ какъ въ нѣкоторое позднѣйшее время дельта дѣйствительно легла на этомъ мѣстѣ, то и предполагаемые эффекты образованія вида страны дѣятельностью дельты, основанные на данныхъ первоначальнаго рельефа, суммировавшіеся съ ними и видоизмѣненные вліяніемъ послѣдующихъ разрушающихъ дѣятелей, въ самомъ дѣлѣ оказываются болѣе или менѣе близко подходящими къ географическимъ даннымъ.

Тѣмъ не менѣе предположенія, что Дарьялыкъ и Аму одновременно впадали въ узкій проливъ между Усть-Уртомъ и Шейхъ-Джейли, и что отдѣленіе Сары-Камыша отъ Дарьялыка произведено наростаніемъ праваго берега Дарьялыка, совершенно произвольны.

Но всего любопытнѣе однако то, что г. Лохтинъ изложивъ этотъ ходъ явленій на Дарьялыкѣ и Лауданѣ и въ ближайшихъ къ нимъ пунктахъ, полагаетъ, что онъ можетъ почить тутъ на лаврахъ. Послѣ интереснаго оборота: „не доказывать нужно, что этотъ процессъ происходилъ, а опровергать его указаніемъ, куда могла дѣться громадная масса рѣчныхъ наносовъ, ежегодно приносимыхъ Аму-Дарьею, и въ какомъ порядкѣ они складывались, чтобы образовать настоящій рельефъ мѣстности, уже отчасти обнаруженный бывшими нивеллировками“, и послѣ двухъ послѣднихъ доказательствъ, онъ принимается за заключительное изложеніе того, какъ вліяетъ отложеніе рѣчныхъ наносовъ на ходъ явленій въ Аральскомъ морѣ а также—значенія разбора воды на орошеніе и связаннаго съ этимъ отложенія ила въ рѣкѣ, а не въ морѣ, какъ фактора, предохраняющаго море отъ засоренія.

Нѣтъ, ужь, конечно, опровергать г. Лохтина никто не долженъ, а самъ онъ неупустительно долженъ доказывать то, что онъ излагаетъ! И никакія разсужденія объ этомъ неумѣстны. Онъ долженъ излагать, взявшись за дѣло,—доказывая излагаемое, безъ всякаго ожиданія, а тѣмъ паче требованія опроверженій, — куда дѣвались рѣчные наносы и въ какомъ порядкѣ они складывались, но

конечно, не исключительно для образованія современнаго рельефа, ибо онъ обусловленъ не одними наносами, а прежде всего—первичнымъ рельефомъ мѣстности.

Да и почивать на лаврахъ г. Лохтину послѣ изображенія предполагаемаго имъ хода явленій въ дельтѣ—рано. Дѣло въ томъ, что какъ упомянуто выше, есть фактъ, полученный изъ „распросныхъ свѣдѣній", что существуетъ старое русло отъ Чарджуя къ колодцу Куртышъ на Узбоѣ. Это вѣдь вовсе не предположеніе, не гипотеза, а фактъ, основанный на „распросныхъ свѣдѣніяхъ", то-есть, нѣчто недостовѣрное, но съ значительными правами на признаніе и ни подъ какимъ видомъ не на отрицаніе, до тѣхъ поръ пока прямыя изслѣдованія не дадутъ повода къ отрицанію. Г. Лохтинъ самъ же сообщаетъ о немъ на стр. 25—26 и дальше не вспоминаетъ объ этомъ. Однако, вѣдь нельзя же приступать къ объясненію поворота на Дарьялыкѣ, пока существуетъ возможность потребовать объясненія для Чарджуй-Куртышскаго русла, гдѣ всякое построеніе съ принципами, принятыми за основаніе г. Лохтинымъ, окажется чистымъ вздоромъ, ибо тогда необходимо будетъ говорить о явленіяхъ въ среднемъ теченіи рѣки!... Да кромѣ того, г. Лохтину останется еще согласовать съ его гипотезой явленія на Сыръ-Дарьѣ!

Заключительныя соображенія о возростаніи дельты и судьбахъ Аральскаго моря представляютъ у г. Лохтина нѣчто уже вполнѣ необыкновенное.

Г. Лохтинъ приступаетъ для разъясненія относящихся сюда вопросовъ къ опредѣленію времени, въ какое могла образоваться дельта. Основаніемъ этому должно служить, конечно, количество ила, несомое Аму. Вотъ г. Лохтинъ на стран. 86 и указываетъ, что „наростаніе дельты" равно $4^1/_2$ милліардамъ куб. саженъ въ годъ".

Но такъ какъ на стр. 20 г. же Лохтинъ говоритъ, что у Нукуса протекаетъ ежегодно 4 милліарда кубич. саженъ же воды, то нужно себѣ представить, какая оригинальная смѣсь воды и ила наполняетъ русло великой средне-азіатской рѣки!...

Передъ этимъ чудомъ блѣднѣютъ всѣ своеобразные факты, наблюдавшіеся изслѣдователями Средней Азіи: отъ вершинъ Памира и Алая до Арала на протяженіи слишкомъ тысячи верстъ ползетъ широкая полоса грязи, состоящей изъ $4^1/_2$ частей ила и 4 частей воды, и притомъ—ползетъ, по стр. 60, со скоростью 5 футовъ въ секунду, совершая „годовую работу размыванія сыпучаго ложа".

Какъ недосягаемо высоки должны быть верхи Алая и Памира, гдѣ этотъ величественный и единственный въ своемъ родѣ потокъ беретъ свое начало!

При такомъ огромномъ количествѣ взвѣшанныхъ (подпираемыхъ другъ другомъ?) частицъ, конечно, этотъ грязный потокъ является могучимъ образователемъ дельты и засорителемъ Арала...

10,000 кв.верстъ (стр. 81) Аму-Дарьинской дельты онъ образуетъ съ неимовѣрною быстротою 400 лѣтъ (стр. 81) [1]), а между тѣмъ это почти половина всего пространства „настоящей дельты площадью около 14,000 кв. верстъ (стр. 87) и Сары-Камышской котловины около 12,000 кв. верстъ, а всего около 26,000 кв. верстъ (которыя, по пропорціи, — мы сами осмѣлились сдѣлать это вычисленіе, — могутъ быть занесены въ 1040 лѣтъ)!..

Да кромѣ этого, $2^1/_2$ милліарда куб. саженъ вносится Сыръ-Дарьею (по стр. 86, строки 21—23, гдѣ одна Аму совершаетъ работу занесенія, равную 1, а Аму и Сыръ—$1^1/_2$, откуда $1^1/_2 - 1 = {}^1/_2$, а такъ какъ 1 эффекта производится $4^1/_2$ милліардами куб. саж., то $^1/_2$ того же эффекта, очевидно,—$2^1/_4$ милліардами куб. саж.), при $^1/_3$ количества (стр. 88) Аму-Дарьинской воды, то-есть, при 1,333... милліард. куб. саж. (Масса, двигающаяся въ руслѣ Сыръ-Дарьи, оказывается еще гуще, чѣмъ въ Аму!)

Совершенно понятно при этомъ, что Сыръ и Аму вмѣстѣ слагаютъ на дно Арала осадокъ въ $1^1/_2$ аршина (а одна Аму въ 1 аршинъ).

Аралъ, поэтому, при его средней глубинѣ около 12—14 саженъ (бо́льшія глубины, до 37 саж. maximum, являются лишь въ небольшой сравнительно воронкѣ вблизи западнаго берега около $^1/_{10}$ всей площади моря, примѣрно, или даже менѣе) черезъ 25—30 лѣтъ будетъ вполнѣ занесенъ, и у нашего отечества будетъ однимъ моремъ меньше!...

Откуда же, однако, почерпнулъ г. Лохтинъ эти грандіозныя цифры? Изъ данныхъ Дорандта (стр. 86)!... Изъ Дорандта—для Аму, а для Сыра — по примѣрному соображенію ($1^1/_2$ аршина и 1 аршинъ

---

[1]) Это, конечно, должно быть пріятно г. Лохтину, такъ какъ дѣло поворота приводится къ историческому времени, становится въ связь съ историческими свидѣтельствами, и въ то же время изъемляется изъ сферы явленій, продолжительность которыхъ измѣняется геологическимъ масштабомъ времени, изъ сферы явленій геологическихъ (количественно), то-есть, тѣхъ, въ которыхъ г. Лохтинъ «недостаточно компетентенъ».

прироста дна). Но вѣдь Дорандтъ образцово точный наблюдатель и солидно образованный натуралистъ? Цифры, стало быть, вѣрны...

Дорандтъ, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и ничего подобнаго не говорилъ... Онъ пишетъ: „Das Volum dieses Jahreszuwachses ist 44.854 Millionen Kubicmeter"... (стр. 36 „Wassermenge" u. s. w.).

И онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что г. Лохтинъ читаетъ сорокъ четыре восемьсотъ пятьдесятъ четыре ~~тысячи~~ милліона [1]), когда напечатано: „сорокъ четыре, восемьсотъ пятьдесятъ четыре тысячныхъ милліона".

Нисколько не виноватъ онъ и въ томъ, что г. Лохтинъ относится съ полнымъ невниманіемъ къ принятой Дорандтомъ манерѣ писать десятичные знаки послѣ точки, дѣля большія числа на принятыя группы въ три цифры съ помощію разстановки другъ отъ друга этихъ группъ, или же раздѣляя ихъ запятыми.

Равнымъ образомъ, не виноватъ онъ, что г. Лохтинъ забываетъ то, что онъ пишетъ самъ раньше, и что онъ не въ состояніи увидѣть всей нелѣпости сообщаемыхъ имъ фактовъ и поправить самого Дорандта, еслибъ онъ дошелъ до подобныхъ вещей...

А еще меньше виноватъ Дорандтъ въ томъ, что г. Лохтинъ не захотѣлъ прочесть a) слѣдующей же фразы и b) примѣчанія на той же страницѣ и понять c) курсивомъ отмѣченнаго мѣста на стр. 30.

Слѣдующая за приведенною a) фраза гласитъ: „Da die Durschnittstiefe des Aral ca 75 Meter [2]) nicht überschreiten dürfte, so würde der Suspensionsschlamm, bei Fort Nukus direct in den Aral gelangend, in jedem Jahrhundert ein Quadratmyriameter = 87. 87 □ Werst Delta ansetzen". Выходитъ 88 кв. верстъ въ столѣтіе, а не 2,500, какъ у г. Лохтина. Разница большая: весь „описанный процессъ" уходитъ изъ предѣловъ историческихъ временъ, и на отложеніе Аму-дарьинской дельты нужно около 12700 лѣтъ, а не 400.

Въ этихъ 12000 лѣтъ и заключается основаніе для правильнаго взгляда на Аму-Дарьинскій вопросъ.

Количество ила—приблизительно болѣе или менѣе точный фактъ, а не предположеніе, протяженіе дельты — тоже приблизительно точный фактъ, а потому и время ея отложенія, эти 12000 лѣтъ, есть число, подходящее къ истинному, хотя, можетъ быть, съ весьма значительною погрѣшностью.

---

[1]) Милліонъ принятъ Дорандтомъ, при расчетѣ, за единицу.

[2]) Дорандтъ беретъ, на самомъ дѣлѣ, наибольшую глубину.

Изъ примѣчанія b) мы видимъ, что лишь для выполненія Даукаринскихъ озеръ въ разливѣ Яны-су нужно, примѣрно, 330 лѣтъ,—разливовъ въ срединѣ Аму-дарьинской дельты — 80 лѣтъ, а для повышенія низменностей на Талдыкѣ—45 лѣтъ. Но вѣдь Даукаринскія озера около 400 кв. верстъ величиною при примѣрной глубинѣ 1,6 саж., разливы же—962 кв. верстъ при 1,2 саж. глубины. Вѣдь это далеко не Аралъ съ 12—14 саж. глубины и съ 62000 поверхности! [1]).

Какъ же тутъ Аралъ въ 25—30 лѣтъ [2]) будетъ вполнѣ занесенъ? тѣмъ болѣе, что курсивомъ на стр. 30 c) напечатано: „Die ganze Menge des mitgeführten Detritus lagert der Amu-Darja in den Schilfseen des Deltas ab“...

Стало быть, откуда же взяться $1^1/_2$ аршинному осадку на днѣ Арала?.. Пусть Дорандтъ не совсѣмъ правъ: часть взвѣшенныхъ веществъ вносится и въ Аралъ, — но большая часть, дѣйствительно, садится въ разливахъ. Если воспользоваться съ толкомъ цифрами Дорандта, то даже и при его предположеніи, что пусть всѣ осадки достигаютъ Арала, годовой приростъ дна выйдетъ, примѣрно, около миллиметра, то-есть, Аральское море не засорится еще, по крайней мѣрѣ, 35000 или 50000 лѣтъ...

Думаемъ, что мы съ избыткомъ показали читателю, въ какомъ свѣтѣ должно разсматривать работу г. Лохтина, а также и то, что она не имѣетъ никакого значенія, кромѣ того, что показываетъ, въ какихъ формахъ иногда выражается небрежное отношеніе къ наукѣ и къ ея представителямъ.

„Замѣтимъ здѣсь кстати“, говоритъ г. Лохтинъ на стр. 52,—„что всѣ русскіе (!) авторы старались дать объясненіе поворота особенными (!) причинами, какъ напримѣръ, прорывомъ хребта ШейхъДжейли, поднятіемъ почвы, отклоненіемъ рѣкъ вправо по закону Бэра и проч., между тѣмъ какъ иностранцы (!) Дженкинсонъ, Штуммъ, Вудъ и др. приписываютъ этотъ поворотъ результатамъ (?) разбора воды изъ Узбоя на орошеніе и простому засоренію“.

И неудивительно!... Русскіе, искавшіе причину поворота въ естественныхъ, а вовсе не особенныхъ, причинахъ были ученые

---

[1]) Хотя, конечно, здѣсь принимается лишь то количество ила, какое несется не всею р. Аму, а соотвѣтствующими рукавами.

[2]) Это число, на основаніи данныхъ г. Лохтина, мы осмѣлились также вычислить сами

иностранцы же, считавшіе его результатамъ разбора воды изъ Узбоя и простаго засоренія, были людьми неучеными. Напримѣръ, г. Робертъ Ленцъ—докторъ физики, профессоръ Петербургскаго университета, членъ многихъ ученыхъ учрежденій и давно извѣстенъ какъ солидный научный дѣятель; г. Богдановъ — магистръ зоологіи, доцентъ С.-Петербургскаго университета, опытный натуралистъ и путешественникъ; г. Сѣверцовъ — докторъ зоологіи и каждому образованному русскому человѣку извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ натуралистовъ настоящаго времени, и т. д. Съ другой стороны, Дженкинсонъ—англійскій купецъ 1500-хъ годовъ; Штуммъ — прусскій военный офицеръ, Вудъ — англійскій инженеръ путей сообщенія, и т. д. Мы не знаемъ, кто г. Лохтинъ, но по его трактованію предмета должны заключить, что онъ тоже неученый.

Поэтому напрасно онъ взялся за разсужденіе о вопросѣ, требующемъ солидной научной подготовки! Вѣдь

Gutta lapidem cavat non vi, sed saepe cadendo,
Homo fit doctus *non vi*, sed saepe studendo...

49

Молва 1880 г.
№ 68.

Къ вопросу о поворотѣ Аму-Дарьи.

(*Письмо въ редакцію*).

Въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ рѣка Аму и старое ея русло составляютъ предметъ весьма тщательнаго, всесторонняго научнаго изслѣдованія со стороны русскихъ изслѣдователей. Вопросъ о возможности поворота теченія Аму въ старое русло живо интересуетъ всѣхъ русскихъ людей, понимающихъ важность и значеніе этого факта для насъ въ Средней Азіи. Въ цѣлой плеядѣ русскихъ ученыхъ, посвятившихъ свои труды и усилія на изслѣдованіе Аму-Дарьи и возможнаго устраненія того, что препятствуетъ обращенію ее тока въ старое русло, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ такъ называемая и извѣстная публикѣ подъ этимъ именемъ «самарская ученая экспедиція».

Эта, такъ называемая «самарская ученая экспедиція» и дѣятельность ея на Аму интересна по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что это первое грандіозное предпріятіе съ ученою цѣлью, задавшееся разрѣшеніемъ вопроса громадной важности въ историческомъ, научномъ и общегосударственномъ отношеніяхъ—принадлежитъ всецѣло частному почину и частной иниціативѣ: она не стоитъ ни правительству, ни обществу ни копѣйки. Эта сторона экспедиціи представляетъ собою фактъ довольно любопытный и потому обратить вниманіе на него вполнѣ резонно. Мы, люди русскіе, дошедшіе въ своей инертности до послѣднихъ степеней, не привыкли къ такому смѣлому почину со стороны частныхъ лицъ и наша жизнь не блещетъ примѣрами, которыми поражаютъ насъ напримѣръ американцы, снаряжающіе на частныя средства одной какой нибудь редакціи газеты цѣлыя экспедиціи для открытія Ливингстона, для изслѣдованія истоковъ Нила или полярнаго полюса. Съ этой стороны самарская экспедиція представ-

ляетъ для нашего общества новый, почти небывалый фактъ. Во-вторыхъ, по тому результату, котораго достигла экспедиція нынѣшнею осенью.

Телеграммою, напечатанною въ свое время во всѣхъ газетахъ, экспедиція извѣщала, что ей удалось достигнуть устраненія одного изъ самыхъ важныхъ препятствій, мѣшавшихъ направленію водъ Аму въ старое ея русло Узбой: «Хивинскій ханъ далъ согласіе на срытіе искусственныхъ сооруженій, удерживающихъ Аму, неоднократно ихъ прорывавшею, отъ ея постояннаго, естественнаго стремленія ринуться по старому пути на западъ и что къ работамъ этимъ приступлено!» Телеграмма изъ Орска отъ 25-го ноября передавала это извѣстіе въ слѣдующей редакціи: «Кончая путешествіе по Средней Азіи, мы осмотрѣли Лаузанъ и его рукава, а также часть Дарьялыка и девять плотинъ, поставленныя хивинцами для прегражденія тока воды изъ Аму-Дарьи въ Узбой. Въ поѣздкѣ участвовали начальникъ аму-дарьинскаго отдѣла инженеръ Ляпуновъ, кап.-лейтенантъ Зубовъ и два члена правительственной экспедиціи баронъ Роппъ и князь Гедроицъ, сопровождаемые хивинскими сановниками Мехтеромъ и бегами Кипчака, Ходжейли, и Куня Ургенча. По приказанію хивинскаго хана 700 рабочихъ сломали плотины Бентъ на истокѣ Лаузана и Шамуратъ на Дарьялыкѣ и 300 рабочихъ углубили Лаузанъ на протяженіи 12 верстъ въ теченіе недѣли. Работами управлялъ Мехтеръ, 22 года назадъ построившій плотину Бентъ и возлѣ нея крѣпость по волѣ отца нынѣшняго хана... Раннею весной будущаго года, до начала полноводія хивинцы берутся сломать плотины Мулла-Дундаръ, Мердекъ и Ташъ-Бугушъ, углубить и расширить Лаузанъ, Норакъ и Чоркраухъ, всего около 40 верстъ, и пустить воды въ Узбой самымъ прямымъ путемъ, которымъ калки ходили къ Куня-Ургенчу лѣтъ 25 назадъ при Мадашинъ-ханѣ. Указывая на примѣры недавняго прошлаго и на свое умѣнье владѣть водой Аму-Дарьи, хивинцы ручаются за успѣхъ предпріятія и утверждаютъ, что по ихъ волѣ вода стремительно броситься въ Узбой, особенно если одновременно съ ихъ работами русскіе построятъ полуплотину противъ исто-

ка Лаузана, у праваго берега Аму-Дарьи, чтобъ усилить напоръ стержня къ лѣвому берегу.»

Другою телеграммою отъ 8-го декабря извѣщалось: «что 7-го октября плотины Бентъ и Шамуратъ по приказанію Сеидъ-Мухамедъ-Рехимъ-хана сломаны, раннею весною хивинцамъ предстоитъ срыть еще 3 плотины и углубить занесенную иломъ часть сухаго русла... Что хотя не всѣ работы окончены и, несмотря на осенній низкій уровень рѣки, вода Аму-Дарьи, пройдя по Лаузану и Дарьялыку, приблизилась къ развалинамъ Куня-Ургенча, древней столицы Хорезма.» Итакъ, поворотъ Аму-Дарьи въ Узбой, осуществить который русскіе стремятся болѣе 150 лѣтъ, можно признать начавшимся.»

Извѣстіе это капитальной важности было по достоинству оцѣнено людьми науки, печатью и всѣми тѣми, кто интересуется вопросомъ о поворотѣ Аму-Дарьи и знакомъ съ изысканіями, сдѣланными русскими учеными по этому предмету, а потому оставалось только ждать, недалекаго по времени весенняго полноводья, которое покажетъ наглядно, что сдѣлаетъ природа рѣки своей силою и въ какой степени, и что останется сдѣлать человѣку, вооруженному средствами науки, для того чтобы довершить начинающійся поворотъ рѣки. Но, недожидаясь прямаго отвѣта, который лучше всего можетъ дать сама Аму-Дарья на вопросы, волнующіе и занимающіе науку и людей, посвятившихъ себя изученію этой великой азіатской рѣки, одна изъ нашихъ газетъ дала мѣсто двумъ статьямъ, въ которыхъ категорически и притомъ весьма бойко заявляетъ, что все это пуфъ, что весь результатъ, добытый учеными членами самарской экспедиціи, есть ничто иное какъ вздоръ и что отъ такой *«пустой штуки»*, какъ *ломаніе плотинъ и впускъ воды въ Узбой»* (старое русло Аму) ждать ровно нечего, такъ какъ все это не болѣе, не менѣе какъ *«шаловливый опытъ»* достойный какихъ нибудь шутниковъ, а не дѣйствительно ученыхъ экспедицій и что *«вопросъ о поворотѣ Аму долженъ быть поэтому еще поставленъ на почву строгихъ научныхъ изслѣдованій.»*

Чтобы убѣдить читателя, что «въ поворотѣ Аму-Дарьи не заключается ничего особенно важнаго, такъ какъ только плотины удержи-

ваютъ верховья Узбоя отъ обводненія», авторъ этихъ статей ссылается на отчетъ полковника Петрусевича, занимавшагося изслѣдованіями на Аму-Дарьѣ по порученію кавказскаго отдѣла «географическаго общества» и признаваемаго имъ единственно компетентнымъ изслѣдователемъ Аму-Дарьи.

Въ статьяхъ приводятся цифры, вычисленія, соображенія, яко бы вытекающія изъ этого отчета, ссылки на его географическія работы, и все это освѣщенное такимъ образомъ, что читателю, бѣгло и наскоро пробѣгающему газетную статью и не имѣющему подъ рукой для провѣрки отчета полков. Петрусевича, неизбѣжно слѣдуетъ придти къ выводу, что единственныя, серьезно научныя изслѣдованія Аму-Дарьи сдѣланы только Петрусевичемъ и что данныя, заключающіяся въ отчетѣ этого почтеннаго ученаго изслѣдователя, не только не согласуются, но прямо опровергаютъ данныя и заключенія, добытыя самарскою ученою экспедиціей! Но такъ ли это? Фактическая сущность возраженій, приводимыхъ авторомъ, на основаніи отчета г. Петрусевича заключается въ томъ, что «полк. Петрусевичъ, ислѣдовавъ все русло въ 1876 и 1877 годахъ», пришелъ будто бы къ заключенію, что озеро Сарокамышъ, не озеро, а «обширная котловина»— состоящая «изъ цѣлаго ряда связанныхъ между собою бассейновъ», доходящая будто бы по приблизительному разсчету до 10,000 кв. верстъ, наполнить водою которую едва ли возможно, а если она и наполнится, то не менѣе какъ въ 40 или 50 лѣтъ, и что даже, если на худой конецъ, такъ сказать, на зло автору этихъ статей, послѣ такой «пустой штуки», какъ ломка плотинъ, произведенныхъ самарскою экспедиціею, воды Аму если бы и потекли къ Сарокамышу и дотекли бы до него, то «онѣ, образовывая новое озеро, не пробьются черезъ пески, а образуютъ вокругъ Сарокамышскаго озера обширныя болота и мочежины», столь опасныя и внушающія такой страхъ автору.

Отчетъ полков. Петрусевича напечатанъ въ V томѣ, № 4 за 1878 г. «Извѣстій кавказскаго отдѣла географическаго общества». Изслѣдованія полков. Петрусевича касались не всего русла Узбоя, а только части его, то что напечатано въ «Извѣстіяхъ кавказскаго отдѣла», названо самимъ авторомъ «Предварительный

отчетъ объ изслѣдованіи Дарьялыка и мѣстности между Аму и Сарокамышемъ». Далѣе, ни гдѣ, ни на одной страницѣ своего отчета пол. Петрусевичъ не признаетъ озера Сарокамышъ за страшную, обширную котловину, наполнить водою которую невозможно, а напротивъ высказываетъ мнѣніе совершенно противоположное. Ни приблизительныхъ, ни не приблизительныхъ разсчетовъ въ 10,000 кв. верстъ оз. Саракамыша онъ не дѣлаетъ. Измышленія о возможномъ обводненіи Саракамыша лишь въ 40 или 50 лѣтъ могутъ принадлежать кому угодно, но только не отчету пол. Петрусевича. Предположенія, что воды Аму не дойдутъ до Сарокамыша, а затеряются въ пескахъ, Петрусевичъ не только не дѣлаетъ, но и не допускаетъ тѣни подобной мысли. Онъ прямо и категорично выражаетъ увѣренность что воды Аму, пущенныя по старому руслу, непремѣнно потекутъ къ Сарокамышу и наполнятъ его. Никакія мочежины и болота не внушаютъ ему опасеній, такъ какъ ему извѣстно, что существуютъ инженеры и инженерное искусство, и все дѣло ему представляется въ простыхъ «земляныхъ работахъ» и притомъ не требующимъ «особенныхъ затратъ».

«Рѣшеніе вопроса о пропускѣ воды въ старое русло, говоритъ Петрусевичъ въ своемъ отчетѣ, требовало предварительныхъ изысканій и нивеллировки, и для этого въ 1876 г. была назначена коммиссія, на которую возложено было: произвести нивеллировку стараго русла Аму-Дарьи отъ его начала у нынѣшняго русла до озера Сарокамышъ и нивеллировку канала Лаузанъ, по которому когда-то, какъ говорили туркмены, направлялась вода въ старое русло; сдѣлать свалку плотинъ, имѣющихся въ старомъ руслѣ, и собрать свѣдѣнія объ извѣстіяхъ, неоднократно подтверждавшихся и донесеніями нашихъ прежнихъ посольствъ въ Хиву о томъ, что лѣтъ 20 тому назадъ вода изъ Аму-Дарьи доходила до озера Сарокамышъ. Кромѣ того были указаны еще нѣкоторыя другія задачи, но главная заключалась въ нивеллировкѣ и съемкѣ по старому руслу и въ повѣркѣ свѣдѣній о появленіи въ немъ прѣсной воды въ весьма недавнее время. Работы коммиссіи продолжались въ концѣ 1876 и въ 1877 г. до половины ноября и когда изслѣдованія доведены

были до озера Сарокамыша — коммиссія возвратилась въ Тифлисъ.» Коммиссія эта работала надъ выясненіемъ возможности обводненія стараго русла до Саракамыша и «вопросъ о возможности обводненія разработанъ былъ окончательно», заключаетъ Петрусевичъ. Только разслѣдованія о вѣроятности гипотезы геологическаго поднятія не доведены до конца. Но теперь изслѣдованія Мушкетова въ самарской экспедиціи окончательно опредѣлили и доказали, что никакого поднятія въ турецкой низменности не произошло и гипотеза эта слѣдовательно опровергнута.

«Нивеллировки производились продольныя и поперечныя, первая въ два нивеллира, вторая — въ одинъ. Продольною нивеллировкою пройдено: по лѣвому берегу рѣки Аму-Дарьи, отъ гор. Новый Ургенчъ почти до гор. Ходжейли, 140 верстъ, потомъ—по старому руслу, отъ его начала у города Новый Ургенчъ до озера Сарокамышъ, 360 верстъ, и затѣмъ по каналу Лаузанъ, отъ его истока изъ Аму-Дарьи до окончанія въ старомъ руслѣ, 60 верстъ. Этими тремя нивеллировками опредѣлено: во-первыхъ, паденіе мѣстности около стараго русла до озера Сарокамыша, паденіе въ самой рѣкѣ Аму-Дарьи и наконецъ паденіе мѣстности между старымъ и настоящимъ руслами по каналу Лаузанъ, служащему соединеніемъ между обоими руслами. Затѣмъ продольная нивеллировка сдѣлана была по каналамъ Мангычъ-Арна, отъ его истока въ Аму-Дарью до окончанія въ каналѣ Лаузанъ (60 верстъ), Совбетъ-Ярчакъ (на 30 верстъ) и Шамратъ (на 60 верстъ). Первые два канала идутъ въ треугольникѣ, образуемомъ руслами Дарьи, старымъ и настоящимъ, и каналомъ Лаузанъ, такъ что его нивеллировка здѣсь даетъ полное понятіе о рельефѣ мѣстности во всемъ трехугольникѣ. Каналъ же Шамратъ идетъ изъ стараго русла на Ю. З. и оканчивается многими развѣтвленіями между возвышенностями Манъ-Гыръ и Дузъ-Гыръ, такъ что этою нивеллировкою опредѣленъ уклонъ мѣстности на Ю. З. отъ стараго русла.»

...«Всѣми, выше перечисленными нивеллировками опредѣлялись уклоны мѣстности: во-первыхъ по направленію перваго стараго русла Дарьялыка до озера Сарокамыша; во-вторыхъ по теченію рѣки Аму-Дарьи отъ гор. Но-

вый Ургенчъ до гор. Ходжейли, и въ-третьихъ на югъ отъ этихъ руселъ верстъ на 60... и верстъ на 100 по каналу Шамратъ...»

...«Кромѣ этого произведены наблюденія надъ скоростью теченія Аму, начиная отъ гор. Ходжейли вверхъ, верстъ на 700 до гор. Чарджуя, въ Бухарскомъ ханствѣ и надъ скоростью теченія въ нѣкоторыхъ каналахъ...» «Нивеллировка показала, что паденіе Аму-Дарьи въ настоящемъ ея теченіи, на пространствѣ отъ гор. Новый Ургенчъ до гор. Ходжейли составляетъ $2^1/_2$ вершка на версту, и что паденіе стараго русла Дарьялыка отъ начала его въ Аму, у гор. Новый Ургенчъ до впаденія въ него древняго канала Лаузанъ составляетъ $2^5/_6$ вершка на версту. Наконецъ паденіе канала Лаузанъ отъ его выхода изъ Аму до впаденія въ старое русло $4^1/_{10}$ вершка на версту. Стало быть по старому руслу паденіе было значительно больше чѣмъ по тому направленію, которое избрала Аму, оставивъ Дарьялыкъ...» «Что же касается до уклона мѣстности по старому руслу Дарьялыку, отъ впаденія въ него канала Лаузанъ до озера Сарокамыша, то уклонъ здѣсь едва ли не больше чѣмъ вверхъ отъ канала Лаузанъ, потому что отъ канала Лаузанъ русло дѣлается все болѣе и болѣе рѣзкимъ и глубокимъ и, не доходя верстъ около 30 до озера Сарокамыша, оно обращается въ трещину съ отвѣсными глиняными стѣнами...» Потомъ далѣе Петрусевичъ прибавляетъ, что «пониженіе мѣстности отъ устья канала Лаузанъ до Сарокамыша весьма значительное.»

Приступая къ описанію мѣстности за Куня-Ургенчемъ Петрусевичъ говоритъ что «на западѣ, за Куня-Ургенчемъ, тянется верстъ на 25—30 полукочевое населеніе туркменъ-іомудовъ, получающихъ воду изъ канала Кумъ-Беги, взятаго изъ канала Ханъ-Ябъ, который въ свою очередь получаетъ воду изъ Аму черезъ каналъ Сюэлла. Далѣе начинается сплошная, глинистая равнина, заросшая саксауломъ и носящая слѣды бывшей когда-то обработки до самаго озера Сарокамыша. По ней-то проходятъ всѣ старыя русла. На этой равнинѣ видны развалины большихъ городовъ: Деу-Кескена, Діарбекира, Измукшира, Деудакъ-Кала, Калалы-Гыръ, Акъ-Чечели, Тарнакъ-Кала, Акъ-Кала и многихъ другихъ, названіе которыхъ никто не знаетъ и отъ которыхъ сохранились лишь слѣды. Здѣсь, на этой равнинѣ,

находятъ множество монетъ и персидскихъ, и монгольскихъ и съ куфическими письменами, что служитъ признакомъ, что здѣсь-то и было древнее ховарезмійское царство, столица котораго Ховаризмъ, разрушенная Чингизъ-ханомъ, находилась на мѣстѣ нынѣшняго Куня-Ургенча. Вся равнина *почти свободна отъ песковъ* и можетъ вмѣстить большое населеніе, только бы провести воду въ каналы и въ одно изъ старыхъ русселъ, и она возродится къ жизни. А такое возрожденіе было уже ровно 35 лѣтъ тому назадъ, когда по каналу Лаузанъ изъ Аму ринулась вода въ большомъ количествѣ и, наполнивъ Дарьялыкъ, дошла до озера Сарокамыша. Вода въ такой массѣ шла, что *наполнила озеро Сарокамышъ, совершенно* тогда пересохшее. Видя обиліе въ водѣ, туркменъ Егень-Клычь, ровно 35 лѣтъ назадъ, въ 1843 г. построилъ на Дарьялыкѣ плотину. Вскорѣ ее сорвало; поставили другую, а когда и эту снесло, то и третью, оставшуюся до сихъ поръ подъ именемъ Егень-Клычь-Бентъ. Вода была задержана, но склонъ мѣстности тутъ такъ силенъ, что вода обходила плотину и наконецъ ринулась на югъ во второе старое русло Деуданъ, къ озеру Тютоклю, наполнила его и пролилась по древнему руслу *опять-таки въ озеро Сарокамышъ*». Чтобъ усмирить туркмен Ханъ-Сеидъ-Магометъ (отецъ настоящаго) 23 года тому назадъ закрылъ устье каналовъ Лаузанъ и Мангышъ-Арна плотинами.» «Количество воды, несомое рѣкою, и быстрота теченія вполнѣ обусловливаютъ обводненіе стараго русла», говоритъ Петрусевичъ и далѣе прибавляетъ, что «*для пропуска воды въ старое русло до Сарокамыша нужно немного воды*».

«Рѣка Аму», по его мнѣнію, «не потеряетъ ни одного изъ своихъ качествъ, если будетъ облегчена ей возможность отдѣлять изъ нея, для обводненія стараго русла $^1/_{20}$, а въ лѣтнюю пору $^1/_{10}$ часть изъ всей массы воды, которую она несетъ. А между тѣмъ и этого количества будетъ вполнѣ достаточно, чтобы возвратить къ жизни всѣ земли на Ю и Ю. З. отъ Куня-Ургенча, замертвѣвшія съ поворота рѣки къ Аральскому морю, и для этого нѣтъ надобности въ особенныхъ затратахъ. Тутъ все дѣло въ земляныхъ работахъ. Нужно открыть старое устье Лаузана, а для населенія Ходжейли вырыть другой каналъ немного ни-

же. Достаточно сказать, что тутъ работъ потребно меньше всего и главное можно быть увѣреннымъ, что производство работъ принесетъ ту пользу, какой отъ нихъ можно ожидать.»

Отчетъ свой Петрусевичъ заключаетъ слѣдующими словами: «Однимъ словомъ произведенными изслѣдованіями несомнѣнно выяснено, что къ къ пропуску воды по старому руслу, Дарьялыку, отъ настоящаго направленія рѣки до озера Сарокамыша никакихъ препятствій нѣтъ и *всѣ сомнѣнія въ томъ, что вода можетъ не пойти, должны быть оставлены,* такъ же какъ и опасенія за то, что пропускъ воды въ старое русло лишитъ рѣку возможности быть судоходною. Только хивинскій ханъ можетъ противиться проекту обводненія стараго русла изъ боязни непослушанія туркменовъ, сдерживающихся только страхомъ не получать воды, но въ настоящее время и опасенія хана едва ли могутъ имѣть мѣсто.»

Думаю, что приведенной выписки достаточно, чтобы убѣдить каждаго, кто прочтетъ настоящую статью, что, признавая изслѣдованія г. Петрусевича самыми компетентными въ вопросѣ о поворотѣ Аму-Дарьи, нельзя въ то же время славное дѣло самарской ученой экспедиціи называть *«шаловливымъ опытомъ»* на основаніи отчета этого изслѣдованія.

Поворотъ Аму-Дарьи—фактъ начавшійся и не признать его нельзя. Окончательное разрѣшеніе вопроса недалеко, такъ какъ близко уже то время, когда начнется таяніе снѣговъ въ Памирской долинѣ. «Скоро Богъ дастъ прихотливая Аму-Дарья, измѣнившая великому Каспію и подъ вліяніемъ коварныхъ хивинцевъ кинувшаяся въ объятія ничтожнаго Арала, вернется наконецъ по волѣ русскихъ и согласно завѣту Петра въ древнее ложе, къ своему законному властелину, на счастье Россіи и на радость всему міру!!!

Г—нъ.

58

Кавказъ 1879 г.
№ 2.

Прорывъ Аму-Дарьи.

Мы получили отъ ген.-м. Ломакина копію помѣщаемаго ниже письма инженера Гельмана, командированнаго по приказанію Великаго Князя Намѣстника для изслѣдованія прорыва воды изъ Аму-Дарьи въ Узбой. Письмо это доставлено генералу Ломакину въ Красноводскъ 18 декабря прошлаго года съ особымъ нарочнымъ изъ Хивы. Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Гельманомъ, представляютъ это важное дѣло въ настоящемъ его видѣ и положеніи и не требуютъ особыхъ комментаріевъ.

Вотъ что пишетъ г. Гельманъ:

„Не даромъ возбудился такъ сильно вопросъ о прорывѣ Аму-Дарьи, не даромъ такъ имъ заинтересовались. Послѣ усиленныхъ и трудныхъ переходовъ, экспедиціи удалось наконецъ 5 декабря увидѣть озера, а въ слѣдующіе дни дорогою осмотрѣть интереснѣйшую часть Узбоя,—именно мѣсто бывшихъ колод. Сары-Камышъ и урочище Дэкча. Хотя слѣдованіе экспедиціи было вверхъ по Узбою, тѣмъ не менѣе я, по общепринятому обычаю, начну описаніе съ верхней части Узбоя, и пока ограничусь только наиболѣе интересными его мѣстами.

„У урочища Дэкча Узбой представляетъ поразительное зрѣлище, въ высшей степени замѣчательное. Вода здѣсь образуетъ нѣсколько небольшихъ перепадовъ, производящихъ шумъ, подобный шуму горныхъ кавказскихъ рѣкъ, съ отвѣсными берегами въ 30 саженъ; такая неправильность русла идетъ на протяженіи около 100—150 саженъ, откуда опять начинается правильное теченіе, которое и продолжается до мѣста бывшихъ колод. Сары-Камышъ. Вода у Дэкча совершенно мутная, которая, перепадая черезъ камни зеленоватыхъ горныхъ породъ, придаетъ оригинальный видъ мѣстности. Относительно перепадовъ воды я былъ предувѣдомленъ еще въ 1877 году моимъ проводникомъ, который довольно вѣрно опредѣлилъ общую высоту перепада около 3 саженъ. Ширина полосы воды у Дэкча около 20 саженъ (и менѣе). Признаки высокаго стоянія воды здѣсь замѣтны на высотѣ около 1 сажени.

„Въ мѣстѣ бывшихъ колод. Сары-Камышъ есть опять небольшой перепадъ воды; здѣсь русло сильно размыто, засорено различнаго рода мусоромъ (камышемъ, вѣтвями), который образуетъ на этомъ мѣстѣ бугры. Ширина проточной воды около 20 саженъ; скорость теченія ея такая-же, какъ и въ Хивинскихъ арыкахъ (т. е. около $2^1/_2$ фут. въ сек); вода мутная; признаки высокаго стоянія воды

замѣтны на высотѣ около 2 саженъ относительно настоящаго уровня. Среднюю глубину протока опредѣлить можно только гадательно въ $^3/_4$ саж. Такое количество воды несется теперь въ озера Сары-Камышъ и служитъ для ихъ наполненія. Что-же касается самыхъ озеръ, то верхнее озеро *) (сѣверо-восточное) Сары-Камышъ хотя и содержитъ воду значительно опрѣсненную, но все-жъ-таки вкусъ соли ясно ощущается. Что-же касается другого (юго-западнаго) Сары-Камышинскаго (туземцы часто его называютъ Капиляръ-Гель) озера, то вода въ немъ опрѣснилась весьма мало сравнительно съ тѣмъ, какъ я ее пробовалъ въ 1876 году, и въ немъ теперь вода еще настолько солена, что наши лошади послѣ двухъдневнаго безводнаго перехода **) не могли ея пить. Вода въ озерахъ значительно поднялась, но тѣмъ не менѣе ей еще слѣдуетъ значительно подняться, чтобы можно было войти въ русло Узбоя. Этотъ фактъ какъ нельзя болѣе согласуется и съ нашими работами 1876—1877 года, по которымъ оказалось, что уровень отъ Сары-Камыша на 7 саженъ ниже Каспійскаго моря; тѣмъ не менѣе, прибывшая вода значительно облегчи-

*) Туземцы чаще называютъ его Сары-Камышомъ, тогда какъ нижнее (юго-западное) озеро называютъ Капиляръ-Гель.

**) Во время нашего перехода воды въ колодцахъ Узунъ-Кую не оказалось, (вѣроятно, колодецъ этотъ засорился).

ла наполненіе озеръ и верхнее озеро значительно опрѣснила.

„Что касается движенія воды за озера Сары-Камышъ (по направленію къ Каспійскому морю), то ни теперь, ни прежде *) ея не было, такъ-что русло Узбоя за озерами по-прежнему остается сухимъ.

„Въ настоящее время ханъ послалъ четырехъ узбековъ для осмотра озеръ Сары-Камышъ, что, кажется, было сдѣлано по желанію полковника Гротенгельма. Также говорятъ, что главный прорывъ воды по Лаудану теперь уже окончательно запруженъ и пріѣзжавшій нарочно для этого диванъбеги уже вернулся нъ Хиву. Интересно будетъ узнать подробности этого дѣла. Про плотину Егенъ-Клычъ говорятъ, что и она прокопана шестью узбеками, пріѣзжавшими отъ хана для этого дѣла.

„Здѣсь только представленъ бѣглый взглядъ изъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ Узбоя, видѣнныхъ мною по пути слѣдованія экспедиціи въ Куня-Ургенчъ. Подробности сообщу при полномъ отчетѣ; здѣсь-же упомяну еще о важности настоящихъ прорывовъ, которые по возможности желательно-бы было поддерживать, какъ съ цѣлью орошенія 200 верстъ степного пространства, такъ и съ цѣлью

наполненія озеръ и, слѣдовательно, для возможности дальнѣйшаго теченія воды. Самый вопросъ о прорывахъ Аму-Дарьи, рѣшенный самою природою, уже имѣетъ свои оправдательные доводы; неотлагательное рѣшеніе этого вопроса составляетъ одинъ изъ главныхъ двигателей этого важнаго дѣла.

„Что касается самаго похода, то онъ былъ крайне тяжелъ какъ для лошадей, такъ и для людей; трудности пути и его опасность стѣсняли значительно быстроту движенія и, не смотря на то, что мы шли и по ночамъ, едва только на 11-й день дошли до Куня-Ургенча. Особенно тяжелъ былъ 150-верстный безводный переходъ отъ Казаялы до озеръ Сары-Камышъ, такъ-какъ къ этому времени фуражъ поистощился и люди тоже поустали. На этомъ переходѣ пропалъ одинъ персіянинъ, Назаръ-Али; вѣроятно, онъ заснулъ дорогой, такъ-какъ мы шли всю ночь. Объ этомъ случаѣ мнѣ сказали только спустя 9 часовъ, не смотря на то, что я каждый часъ спрашивалъ объ отсталыхъ“ *).

*) Во время полноводья.

*) Посланные потомъ изъ Ургенча всадники его нашли и привели въ Ургенчъ; у него пристала лошадь.

63.

Кавказъ 1879
№ 9.

Нѣмцы о прорывѣ Аму-Дарьи.

Въ *National-Zeitung* помѣщена статья берлинскаго профессора Киперта, въ которой онъ жалуется на появленіе, въ наше практическое время, великой *морской змѣи* Средней Азіи. Этотъ мифъ славянскаго суевѣрія, говоритъ онъ, нашелъ себѣ воплощеніе въ великой рѣкѣ Аму-Дарьѣ, произвольно разставшейся съ вѣковымъ своимъ ложемъ и вдругъ направившей теченіе по первобытному руслу своему.

Профессоръ Кипертъ, разбирая нѣсколько донесеній и изслѣдованій этого явленія, отзывается съ недовѣріемъ о возбужденныхъ ими надеждахъ, выражая мнѣніе, что это призрачныя мечты распаленнаго воображенія. Такіе неосуществимые разсчеты появлялись въ русскихъ умахъ еще со временъ Петра Великаго: даже этотъ Царь самъ мечталъ о непрерывномъ водномъ пути изъ центра Россіи во внутрь Средней Азіи.

Изъ всѣхъ отчетовъ объ Узбоѣ, берлинскій профессоръ отдаетъ преимущество отчету генерала Стебницкаго, въ изысканіяхъ его въ 1873—75-мъ годахъ; эти изысканія

вполнѣ доказываютъ преувеличенія и заблужденія остальныхъ донесеній. Было доказано уже фонъ-Гойеномъ и Лерхомъ, что показанія и традиціи арабовъ, показывавшихъ направленіе прежняго теченія Оксуса въ Каспійское, а не въ Аральское море, были основаны единственно на фактѣ существованія ложа изсякшей, когда-то великой рѣки, слѣды коего замѣтны и нынѣ на многихъ пунктахъ Усть-Урта,— плоскости, лежащей между двумя морями-озерами. По преданіямъ, Царь Петръ основывалъ нѣкоторыя надежды на устройство азіятскаго военнаго и торговаго пути на этихъ неосновательныхъ показаніяхъ; но настоящій русскій Царь, продолжаетъ профессоръ Кипертъ, конечно, знаетъ, что древнее русло Оксуса принадлежитъ геологіи, а не новѣйшей исторіи. На всемъ протяженіи его нѣтъ и слѣда какихъ-либо построекъ, — каналовъ, развалинъ жилищъ, какихъ-бы то ни было слѣдовъ цивилизаціи. Очевидно, что русло это принадлежитъ ко времени доисторическаго Туркестана, тогда-какъ настоящее теченіе Аму-Дарьи проходитъ по сравнительно новѣйшимъ наслоеніямъ земли, ею самою подготовленнымъ. Отъ времени до времени рѣка выходитъ изъ своего ложа и разли-

вается на западъ, доходя до озера Саракамыша. Но, дойдя до мѣста, называемаго желтый камышъ (90 миль отъ хивинскаго городка Бендъ), сбившіяся съ пути воды должны были-бы прорыть себѣ дорогу еще на 340 миль до Каспія...

Что-же касается до *искусственнаго* ихъ поворота, то работы для такого канала истощили-бы финансы самаго богатѣйшаго государства. Итакъ, кончаетъ профессоръ, „славянское легковѣріе" должно обратить вниманіе на единственное, практическое средство, которымъ русская торговля можетъ достигнуть сердца Средней Азіи, а именно: скорѣйшее соединеніе Каспійскаго моря съ Аральскимъ посредствомъ постройки желѣзной дороги.

66

Кавказ 1879 г.
№ 27.

Тифлисъ, *3-го февраля.*

Инженеръ Гельманъ, командированный въ Хиву, для изслѣдованія Узбоя, вернулся въ Красноводскъ 21 января. Начальникъ Закаспійскаго отдѣла, Н. П. Ломакинъ обязательно сообщилъ намъ выписку изъ письма къ нему г. Гельмана, которое заключаетъ весьма интересныя свѣдѣнія объ окончательно выяснившихся условіяхъ возможнаго практическаго рѣшенія вопроса по обводненію Узбоя, теперь-же, безотлагательно, безъ особыхъ затрудненій и затратъ. Слышно, что инженеръ Гельманъ, по возвращеніи, на этихъ дняхъ, въ Тифлисъ, будетъ немедленно командированъ въ Петербургъ, въ составъ особой спеціальной коммисіи, для рѣшенія этого важнаго вопроса.

Вотъ выписка изъ упомянутаго письма:

„Обиліе воды въ р. Аму-Дарьѣ, какое было въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ прошедшаго года, надо отнести къ историческому событію, которое можетъ повториться только черезъ нѣсколько вѣковъ.

Вода, переполнивъ Аму-Дарью, шла мѣстами въ 7 верстъ шириною, струя шла по самымъ заселеннымъ мѣстамъ, даже по городамъ; въ нѣкоторыхъ городахъ много сакель посносило водой; городъ Мангытъ и теперь еще стоитъ среди озеръ. Струя шла и по посѣвамъ и, послѣ спада ея водъ, въ мѣстахъ, гдѣ росла джугара, находили рыбу, увлеченную потокомъ. Такая струя воды изъ Аму-Дарьи шла въ нѣсколькихъ мѣстахъ по ханству, направляясь по общему склону мѣстности; такимъ образомъ, помимо той воды, которая шла непосредственно по Дарьялыку, много воды направилось къ горѣ Куба-тау (изъ прорывовъ, которые сдѣлала Аму-Дарья между городами Гюрленомъ и Кипчакомъ) и далѣе; въ разныхъ мѣстахъ эта вода влилась въ Дарьялыкъ, по которому нѣсколько выше города Куня-Ургенча и направилась полной струей къ озерамъ Сары-Камышъ. Не удивительно поэтому, что эти озера теперь значительно пополнились и уровень ихъ поднялся около 3-хъ саженъ противъ прежняго его стоянія; причемъ вода въ верхнемъ озерѣ (сѣверо-восточномъ) сдѣлалась почти прѣсною, такъ какъ старая (соленая) вода частью слилась въ нижнее (югозападное) озеро, частью осталась на днѣ *).

Потокъ воды, прорвавшейся изъ Аму-Дарьи, былъ до того силенъ, что вода не могла помѣститься въ вырытыхъ каналахъ и, слѣдуя общему уклону мѣстности, прорвавшаяся струя воды пересѣкала ихъ. Отсюда становится ясно, къ какому разряду событій надо отнести бывшій разливъ воды Аму-Дарьи. При этомъ разливѣ воды Аму образовалось множество прорывовъ на лѣвомъ ея берегу, имѣющихъ общее направленіе на WNW и NW, но ни одинъ изъ этихъ прорывовъ не можетъ рѣшить такъ удовлетворительно вопросъ практически, какъ каналъ Малый Лаузанъ, часть старой плотины котораго теперь разрушена напоромъ воды.

„Въ прошедшемъ письмѣ я уже писалъ объ томъ, что не задолго до моего пріѣзда въ Хивинское ханство, по повелѣнію хана, диванъ-беги уже запрудилъ этотъ, такъ хорошо самой природой отысканный, путь для воды. Плотина Малаго Лаузана прорвана водой въ сѣверной ея части на 5 саженъ **); этимъ небольшимъ прорывомъ вода и воспользовалась и обводнила весь Лаузанъ, русло котораго пониже плотины отлично расчищено, и Аму-Дарья теперь подходитъ къ самой плотинѣ (рус-

*) Въ настоящее время прѣсная вода смѣшалась съ соленою.

**) Остальная часть старой плотины уцѣлѣла.

ло Аму-Дарьи отстоитъ отъ плотины саженъ на 25), между тѣмъ какъ во время работъ Урунъ-Дарьинской экспедиціи (въ 1876—1877 г.) оно отстояло отъ этой плотины по меньшей-мѣрѣ на 100 саженъ. Загражденіе прорвавшейся части плотины М. Лаузана сдѣлано гораздо слабѣе, чѣмъ оставшаяся часть старой плотины. Всѣ прорывы Аму-Дарьи въ настоящее время заграждены; разрушенная плотина Кизылъ-Такыръ (на руслѣ Дарьялыка) тоже исправлена; кромѣ того, я слышалъ, что ханъ хочетъ запрудить и всѣ другія прорванныя плотины, чего еще не успѣлъ исполнить по случаю холодовъ; если это вѣрно, то онъ, пожалуй, вздумаетъ опять запрудить и М. Лаузанъ по прежнему. Это послѣднее обстоятельство заставило меня второй разъ побывать въ Хивѣ и разъяснить передъ ханомъ обстоятельства дѣла. При первомъ моемъ свиданіи ханъ съ меньшими ограниченіями допускалъ пропускъ воды по Лаузану и хотѣлъ только, чтобы я посмотрѣлъ хорошенько настоящее состояніе этого канала. Поэтому, осмотрѣвъ Лаузанъ, я, ссылаясь на первую на-

шу бесѣду, предлагалъ хану дозволить мнѣ теперь-же разрыть вновь возведенную плотину на Маломъ Лаузанѣ, но ханъ по обыкновенію сталъ представлять свои доводы относительно зимняго времени, относительно напора льда и проч., а въ концѣ концовъ сказалъ, что раннею весною онъ самъ хочетъ осмотрѣть Лаузанъ и для этого приглашалъ меня къ себѣ.

„Пользуясь письмомъ вашимъ къ Хивинскому хану, я предложилъ послѣднему написать отвѣтъ на ваше письмо и изложить въ немъ нашу бесѣду по поводу пропуска воды; это письмо—весьма подробное—я привезъ съ собой. Въ немъ ханъ указываетъ на то, что если не произойдетъ ущерба для населенія, тогда только онъ согласится на *пропускъ воды по Лаузану*; что это можно будетъ испробовать *весною*. При такихъ условіяхъ, для практически полезнаго рѣшенія вопроса съ нашей стороны надо будетъ позаботиться о томъ, чтобы пустить воду правильно; одно изъ главныхъ условій для этого—это составъ экспедиціи, *хорошо знакомой* съ условіями края, тѣмъ

болѣе, что и самъ ханъ и диванъ-беги какъ-то вообще маскируютъ свое нежеланіе относительно обводненія Узбоя и только карванъ-баши смотритъ на это дѣло правильно. Замѣчательно, что въ письмѣ ханъ не упоминаетъ про разорванныя плотины Умакъ-Бентъ, Салахъ-Бентъ и Егенъ-Клычъ, хотя я и изъявилъ желаніе, чтобы ханъ упомянулъ объ нихъ, такъ-какъ онъ *безусловно далъ слово*, что ихъ вновь *возводить не будетъ*".

42.

Кавказъ. 1879 г.
№ 192.

Проектъ канала между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, инженера Данилова.

Въ свое время мы упоминали о существованіи этого грандіознаго проекта, а также и о томъ, что г. Данилову уже разрѣшено произвести изысканія на мѣстахъ проектированнаго имъ канала. Чтобы дать возможность судить о размѣрахъ и значеніи этого предпріятія, приводимъ изъ *Моск. Вѣдомостей* передовую статью отъ 22 августа, излагающую въ общихъ чертахъ проектъ нашего даровитаго инженера, обѣщающій не только видоизмѣнить экономическія условія жизни на Сѣверномъ Кавказѣ, но и проложить новый торговый путь для торговли съ Средней Азіей.

„Государства, опередившія насъ въ дѣлѣ путей сообщенія, окончивъ постройку сѣти своихъ главныхъ желѣзныхъ дорогъ, тотчасъ-же принялись за улучшеніе водяныхъ сообщеній. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, во Франціи приступили къ сооруженію большого воднаго пути, соединяющаго Средиземное море съ Сѣвернымъ, Canal de l'Est. Затѣмъ пошла рѣчь о Grand Canal du Midi для соединенія Средиземнаго моря съ Атлантическимъ океаномъ, въ обходъ Гибралтара, и дѣло уже близко къ осуществленію. Во Франціи уже приводится

въ исполненіе проектъ устройства цѣлой сѣти каналовъ, раздѣленныхъ по тамошнему обычаю на три класса, какъ раздѣлены тамъ желѣзныя дороги и шоссе; каналы, вошедшіе въ первый классъ, въ разрядъ государственныхъ, углубляются и расширяются; строится много каналовъ второго и третьяго классовъ. Кромѣ каналовъ для судоходства, строятъ также оросительные каналы; таковъ уже открытый каналъ въ Южной Франціи, имѣющій 180 верстъ длины. Италія, уже со временъ Леонарда де-Винчи имѣющая прекрасную сѣть каналовъ, построила близъ Турина оросительный каналъ „Кавуръ". Германія также принялась за водяныя сообщенія. Кромѣ извѣстнаго морского канала въ обходъ Даніи, между Килемъ и Глюкштадтомъ, уже приступлено къ улучшенію прежнихъ или къ устройству новыхъ сообщеній: Одера, Рейна и Майна съ Дунаемъ; Шпре, Эльбы и Везера съ Вислой. Англія, устроившаяся у себя дома, пріостановила постройку желѣзныхъ дорогъ въ Индіи и ведетъ тамъ *тысячеверстные* каналы, судоходные и оросительные.

„Начиная съ сороковыхъ и кончая семидесятыми годами, государства, одно за другимъ, должны были заняться постройкой сѣти желѣзныхъ дорогъ, такъ-что было не до водяныхъ сообщеній. Но желѣзныя дороги скоро произвели свое дѣйствіе, которое втянуло почти каждаго производителя во всемірную конкурренцію. Развитіе всемірной конкурренціи заставляетъ сокращать, сколь возможно, непроизводительные расходы провоза и обращаетъ къ самымъ дешевымъ путямъ провоза, водяного.

„Для Россіи особенно важенъ вопросъ о водныхъ путяхъ. Грузы нашей внѣшней, а отчасти и внутренней торговли громоздки и проходятъ громадныя разстоянія; издержки провоза ложатся на нихъ тяжело. Мы имѣемъ богатѣйшій въ мірѣ (Донецкій) каменноугольный бассейнъ, но

онъ лишенъ водяныхъ сообщеній съ мѣстами главнаго потребленія топлива, напримѣръ, съ Волгой. Нельзя возить уголь по рельсамъ за 700, за 800, а тѣмъ болѣе за тысячу верстъ. Дешево провозить уголь можно лишь по водѣ. .

„Можно полагать, что постройка сѣти главныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи будетъ окончена съ сооруженіемъ Сибирской желѣзной дороги, и уже теперь министерство путей сообщенія обратило особенно заботливое вниманіе на запущенные у насъ водные пути.

„При обозрѣніи проектовъ и изслѣдованій министерства путей сообщенія въ текущемъ году, Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе, между прочимъ, на замѣчательный проектъ инженера Данилова (М. А.), строившаго главныя желѣзныя дороги за Москвой: Московско-Рязанскую (2-е отдѣленіе), Рязанско-Козловскую, Грязе-Царицынскую, Лозово-Севастопольскую и пр. Въ полученной недавно книжкѣ *Журнала Министерства Путей Сообщенія* мы прочли статью г. Л. П. излагающаго въ общихъ чертахъ проектъ г. Данилова.

„Мысль о водномъ соединеніи Каспійскаго и Азовскаго морей — мысль старая, ей уже три вѣка. Даже Турція, когда она владѣла низовьями Дона, была озабочена этою мыслью. Султанъ Селимъ началъ-было строить каналъ между Волгой и Дономъ; каналъ этотъ превосходно сохранился до-сихъ-поръ, но онъ былъ проведенъ безъ нивеллировки, на авось и совершенно неудачно. Отъ Петра Великаго, конечно, не укрылась важность соединенія Каспійскаго и Азовскаго морей. Овладѣвъ Азовомъ, онъ тотчасъ-же принялся строить сперва каналъ параллельный Селимовскому (между Камышенкою и Иловлею), а затѣмъ, по неудачѣ перваго, другой, Ивановскій. Иванъ-озеро находится въ Тульской губерніи, и изъ него вытекаютъ Донъ и Шатъ, впадающая

въ Улу, притокъ Оки. Сохранились не только слѣды этихъ каналовъ, но и каменныхъ шлюзовъ на нихъ. Постройка была остановлена шведскими войнами, которыя потребовали строившихъ каналъ войскъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ первой половинѣ нынѣшняго, много хлопотали объ этихъ каналахъ, не разъ принимались ихъ достраивать и улучшать, но работы пришлось бросить вслѣдствіе непреодолимыхъ техническихъ затрудненій. Оказалось невозможнымъ соединить водой Волгу и Донъ около Царицына или выше. Въ наши дни была построена Волго-Донская желѣзная дорога, но перевозка грузовъ по ней затруднительна и развивается очень туго.

„Въ концѣ прошлаго столѣтія, академикъ Палласъ обратилъ общее вниманіе на Манычскую низменность, громадный оврагъ, который идетъ отъ Каспійскаго моря до Азовскаго. Это подало мысль о возможности соединенія ихъ чрезъ Манычъ. Профессоръ Парротъ, инженеры Деволантъ и Богдановичъ, академикъ Беръ и г. Бергштрессеръ послѣдовательно изучали Манычскую низменность.

„Общее очертаніе ея водныхъ путей таково: отъ лимана Маныча, лежащаго почти въ срединѣ между морями, течетъ къ Дону Западный Манычъ, впадающій въ него немного южнѣе Сѣвернаго Донца, а къ сторонѣ Каспійскаго моря—Восточный Манычъ, частію разливающійся въ озера, частію доходящій до моря развѣтвленными руслами. Такимъ образомъ, каналъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, собственно говоря, готовъ; оставалось-бы его расчистить и регулировать. Но бѣда въ томъ, что въ Манычѣ мало воды; весной онъ многоводенъ, но къ началу лѣта пересыхаетъ, особенно Восточный Манычъ. Искали, откуда взять воду для Маныча? Въ него впадаетъ лишь рѣчка Калаусъ, текущая съ холмовъ сѣверныхъ отроговъ Кавказа, но она

маловодна. Нѣсколько южнѣе и выше Маныча течетъ рѣка Кума. Деволантъ пробовалъ захватить ея воды въ Манычъ, но убѣдился, что ихъ слишкомъ недостаточно. Оказывалось, что не откуда достать воды для Манычскаго канала, и мысль о немъ была брошена. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отправлена была на Манычъ и Куму экспедиція, состоявшая изъ профессора Барботъ де-Морни, г. Костенко и др., но она подтвердила крайнюю трудность устройства канала по Манычу.

„Инженеръ Даниловъ, производя изысканія Ростово - Владикавказской желѣзной дороги, былъ пораженъ массой воды въ рѣкахъ Малкѣ и Терекѣ. Достаточно сказать, что Терекъ въ Моздокѣ несетъ отъ 27 до 57 куб. саж. въ секунду, тогда-какъ расходъ воды въ Гангѣ доходитъ лишь до 23 куб. саж. Затѣмъ, Терекъ около Моздока на 595 ф. выше уровня Чернаго моря, тогда-какъ водораздѣлъ Манычской низменности лежитъ ниже на 514 ф.; только на 81 ф. онъ выше уровня Чернаго моря. Г. Данилову пришло на мысль отвести воды Терека къ Манычу,—и этимъ трехсотлѣтній вопросъ о соединеніи морей Каспійскаго и Азовскаго былъ рѣшенъ въ теоріи. Каналъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями уже есть; теперь нашлась и вода для него.

„Правда, воду приходится вести издалека: между Терекомъ и Манычемъ нуженъ каналъ верстъ въ триста длиной. Прежде о такомъ длинномъ питательномъ каналѣ не смѣли и думать, но теперь онъ никого не поразитъ. Недавно открытый Гангскій каналъ въ Индіи имѣетъ 1,000 верстъ длины, Западно-Дмужнскій съ вѣтвями—6,675 верстъ. Техника въ устройствѣ каналовъ сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи. Устройство ихъ упростилось; допускаются уклоны, легкія и дешевыя плотины и мосты. Теперешніе каналы относительно

прежнихъ представляютъ такую-же разницу, какъ Николаевская желѣзная дорога и рельсовая колея въ новонаселяемомъ штатѣ Сѣверной Америки. Есть не мало примѣровъ постройки каналовъ за три-четыре тысячи рублей съ версты.

„Каналъ отъ Терека до Маныча г. Даниловъ полагаетъ сдѣлать не только питательнымъ, но и оросительнымъ. Сотни тысячъ десятинъ въ Калмыцкой степи, этомъ скотномъ дворѣ Россіи, гдѣ часто скотъ гибнетъ отъ засухи и безкормицы, не только дадутъ земли для поселенія, но и улучшатъ положеніе скотоводства.

„Проектируя судоходный каналъ по самому Манычу, г. Даниловъ задается цѣлью рѣшить при томъ еще другой важный вопросъ—обходъ мелководныхъ устьевъ Волги, истинное бѣдствіе для судоходства. Отъ устьевъ Калауса до Дона каналъ пойдетъ долиной Маныча (около 320 верстъ), а на востокъ отъ этихъ устьевъ полагается вести каналъ къ Астрахани (350 верстъ) съ вѣтвію къ Серебряковской пристани (90 верстъ). Восточной части канала надо дать профиль, чтобы морскія суда могли безъ перегрузки вступать въ Волгу. Сдѣлать это не трудно: наибольшая осадка судовъ Общества *Кавказъ* и *Меркурій*, плавающихъ по Каспію—9,5 фут., по Волгѣ —5 фут. 7 дюймовъ.

„Послѣдствія счастливаго осуществленія проекта были-бы громадныя. Каменный уголь стоилъ-бы на Волгѣ лишь двумя или тремя копѣйками дороже, чѣмъ на Дону. Хлѣбъ, лѣсъ, соль, желѣзо, чугунъ съ Волги, керосинъ и нефть съ Каспія приходили-бы водянымъ путемъ въ Азовское море; нефть, керосинъ, хлопокъ и пр. съ Каспія безъ перегрузки вступали-бы въ Волгу. Припомнимъ кстати, что Поти-Тифлисская желѣзная дорога построена весьма дурно. Англичане отличились у насъ не меньше французовъ. Уклоны дороги требуютъ двой-

ныхъ локомотивовъ Ферли, да и тѣ мѣстами тащатъ не болѣе пяти вагоновъ. Такъ-что продолженіе дороги отъ Тифлиса до Баку сулитъ не Богъ знаетъ какую благодать.

„Вслѣдствіе замѣчаній, сдѣланныхъ однимъ спеціалистомъ, г. Даниловъ дополнилъ сѣть своихъ каналовъ еще соединеніемъ ихъ съ Кубанью. Многоводная Кубань при устьяхъ Урупа течетъ на 530 ф. выше уровня Чернаго моря. Вполнѣ возможно взять воду изъ Кубани, вести ее каналомъ до Маныча, причемъ устроить еще орошеніе мѣстности по обѣимъ сторонамъ Ростовско-Владикавказской дороги. Дѣлая-же этотъ каналъ судоходнымъ и пользуясь Кубанью, можно открыть водный путь въ обходъ Донскихъ гирлъ. Потребуется постройка 80 верстъ питательнаго и до 270 судоходныхъ каналовъ, съ обходомъ еще и устья Кубани.

„Таковъ грандіозный проектъ г. Данилова. Замѣтимъ, что если-бъ осуществился еще поворотъ Аму-Дарьи въ старое русло, то каналы Данилова открыли-бы водный путь изъ Чернаго моря въ глубину Средней Азіи.

„Если примѣнить всѣ новѣйшіе упрощенія и пріемы постройки каналовъ, то вся сѣть каналовъ г. Данилова обошлась-бы около 40—50 милл. руб. сер.,—цифра, которой теперь никто не испугается.

„Правительство разрѣшило г. Данилову производство изысканій, и четыре съемочныя партіи уже отправились на мѣсто. До окончанія изысканій было-бы преждевременно судить о подробностяхъ проекта. Пожелаемъ-же ему успѣха и скораго осуществленія. Во всякомъ случаѣ, препятствія къ тому не могутъ заключаться въ финансовыхъ обстоятельствахъ Россіи. Министръ финансовъ на Нижегородской ярмаркѣ приглашалъ нашихъ торговцевъ и промышленниковъ не вѣрить тревожнымъ слухамъ, а продолжать производить и торговать. Нѣтъ сомнѣнія, что то-же самое можно-бы сказать и всѣмъ предпринимателямъ крупныхъ, но серьезныхъ, не дутыхъ предпріятій.

79

Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. № 22.

Новый проектъ соединенія Арала съ Каспіемъ (*).

Въ послѣднее время вниманіе ученаго міра устремлено на возможность воднаго соединенія Аральскаго моря съ Каспійскимъ по старому руслу Аму-дарьи, Узбою. Съ этою цѣлью организуется грандіозное дѣло изслѣдованія и нивеллировки Узбоя, на его слишкомъ тысячеверстномъ протяженіи, а также изслѣдованіе дельты р. Аму, на что затрачивается громадная сумма. Между тѣмъ, на картѣ Арало-Каспійскаго перешейка можно найти другую мѣстность, не менѣе заслуживающую, по мнѣнію, изслѣдователей вниманія при рѣшеніи этого вопроса, а именно: русло рѣки Чегана, по сѣверную сторону Устюрта. Рѣка эта или, вѣрнѣе сказать, сухой протокъ, въ извѣстной части своего верхняго теченія, подходитъ къ Аральскому морю на разстояніе, мало превышающее 100 верстъ. Точка эта не можетъ находиться на весьма значительной высотѣ, такъ какъ самый гребень Устюрта имѣетъ превышенія 700 фут. надъ уровнемъ Аральскаго моря. Кромѣ того, отъ Аральскаго моря, по направленію къ этому мѣсту

(*) Изъ протокола Оренб. отдѣла Имп. Геогр. Общества (напечатано въ *Оренбургскомъ Листкѣ*, № 14.)

на р. Чеганѣ, тянется, отъ залива Тущебасъ, весьма обширный и глубокій долъ, извѣстный подъ названіемъ *Арысъ*. Принимая во вниманіе, что уровень Аральскаго моря выше Каспійскаго на 243 фута, —въ случаѣ прорытія перешейка, воды Арала въ извѣстной мѣрѣ должны вылиться въ Каспій. Спрашивается: не представится ли возможность дать Аралу истокъ въ Чеганъ?

Аральское море питается двумя большими рѣками, приливъ воды которыхъ въ настоящее время уравновѣшивается испаре-

ніемъ; но въ случаѣ искуственнаго истока въ море, уровень его долженъ конечно понизиться и слѣдовательно, весь сѣверный, восточный и частію южный берегъ, какъ видно изъ гидрогрофической карты Бутакова, долженъ на большомъ пространствѣ осушиться. Послѣдствіями удачнаго выполненія подобной работы будутъ: 1) опрѣсненіе всего Аральскаго моря; 2) уменьшеніе его объема и частью глубины; 3) возможность на берегахъ его постояннаго жительства людей. О судоходности этого истока не рѣшаемся говорить, по неимѣнію никакихъ данныхъ въ этомъ отношеніи. Но предположивъ даже, что изслѣдованіе и нивеллировка пространства между р. Чеганомъ и Аральскимъ морема докажетъ трудность исполненія канала или даже совершенную невозможность его, то и тогда трудъ этотъ едва ли можетъ считаться потеряннымъ, по слѣдующему соображенію:

Съ каждымъ годомъ становится яснѣе, что проведеніе воды Аму по Узбою есть дѣло весьма не легкое; сомнѣніе въ успѣхѣ, по мѣрѣ разслѣдованія дѣла, какъ будто усиливается, а шансы успѣха уменьшаются. Въ виду этого, развѣдочная работа въ другомъ направленіи, особенно такъ какъ она, по близости своей, сопряжена съ весьма небольшими расходами, (всего нивеллировки около 100 верстъ и обыкновенная съемка) —будетъ рѣшительно нелишнимъ дѣломъ; она можетъ бросить совершенно новый свѣтъ на весь вопросъ и дать неожиданное объясненіе происхожденію пресловутаго Узбоя. Весьма возможно, что долина р. Чегана и Узбой окажутся во многихъ отношеніяхъ сходными и чрезъ сравненіе ихъ представится возможность открыть разгадку, занимающую уже столько лѣтъ не малое количество пытливыхъ умовъ: мы подразумѣваемъ здѣсь вопросъ о впаденіи рѣки Амударьи, въ историческія времена, въ Каспійское море. Наконецъ, только послѣ изслѣдованія мѣстности по обоимъ направленіямъ можно будетъ положительно сказать: возможно ли въ настоящее время возбновленіе теченія и гдѣ выгоднѣе приступить къ исполнительнымъ работамъ?

Внѣ предѣловъ территоріи, подлежащей изслѣдованію общества, для рѣшенія этого вопроса, приняты всѣ мѣры и указанныя средства; въ ближайшей же къ намъ мѣстности еще ничего не сдѣлано. Въ виду сравнительной дешевизны этой послѣдней части работы, Оренбургскій отдѣлъ географическаго общества вѣроятно не останется чуждымъ предпріятію и поможетъ ему своими средствами.

81

Новое время 1879 г.
№ 1347.

О поворотѣ теченія Аму-Дарьи къ Каспійскому морю.

Приводимъ ниже телеграмму „Московскихъ Вѣд." изъ Орска. Читатели могутъ видѣть, что весьма важный и интересный вопросъ о поворотѣ низовьевъ Аму-Дарьи все болѣе и болѣе близится къ разъясненію. Экспедиція, хотя и нѣсколько осторожно, видимо высказывается въ пользу положительнаго разрѣшенія вопроса. Опроверженіе теоріи о поднятіи туранской низменности, давно уже признанное искусство хивинцевъ въ устройствѣ плотинъ, увеличеніе паденія склона вдаль Лаузана къ Узбою, сравнительно со склономъ рѣки къ Аральскому морю, и наконецъ незначительность количества расходуемой ежегодно воды населеніемъ хивинскаго ханства—всѣ эти доводы говорятъ за то, что поворотъ Аму-Дарьи къ Каспію вполнѣ возможенъ. Остается только желать, чтобы этотъ замѣчательный по могущимъ быть результатамъ опытъ сдѣланъ былъ по возможности въ скоромъ будущемъ.

Вотъ эта телеграмма, полученная газетою отъ начальника экспедиціи по изслѣдованію средне-азіятской желѣзной дороги и Аму-Дарьи:

Кончая путешествіе по Средней Азіи, мы осмотрѣли Лаузанъ и его рукава, а также часть Дарьялыка и девять плотинъ, поставленныхъ хивинцами для прегражденія тока воды изъ Аму-Дарьи въ Узбой. Въ поѣздкѣ участвовали: начальникъ аму-дарьинскаго отдѣла, инженеръ Ляпуновъ, капитанъ-лейтенантъ Зубовъ и два члена правительственной экспедиціи баронъ Роппъ и князь Гедройцъ; сопровождали хивинскіе сановники: Мехтеръ и беки Кипчака, Ходжейли, Куня-Ургенча. По приказанію хивинскаго хана, семьсотъ рабочихъ сломали плотины Бентъ, на истокѣ Лаузана и Шамуратъ на Дарьялыкѣ и триста

рабочихъ углубили Лаузанъ на протяженіи двѣнадцати верстъ въ теченіи недѣли. Работами управлялъ Мехтеръ, двадцать два года назадъ построившій плотину Бентъ и возлѣ нея крѣпость, по волѣ отца нынѣшняго хана, чтобы лишивъ воды, усмирить туркменъ, жившихъ по Дарьялыку. Іомуды и чаудоры семь лѣтъ сряду нападали на крѣпость, желая разрушить плотину, но были отбиты. Раннею весной будущаго года, до начала полноводія, хивинцы берутся сломать плотины Мулла-Дундаръ, Мердекъ и Ташъ-Бугутъ, углубить и расширить Лаузанъ, Норакъ и Чархраукъ, всего около сорока верстъ, пустить воду въ Узбой самымъ прямымъ путемъ, которымъ каики ходили къ Куня-Ургенчу лѣтъ двадцать пять назадъ, при Мадаминъ-ханѣ. Указывая на примѣры недавняго прошлаго и на свое умѣнье владѣть водой Аму-Дарьи, хивинцы ручаются за успѣхъ предпріятія и утверждаютъ, что по ихъ волѣ вода стремительно бросится въ Узбой, особенно если одновременно съ ихъ работами русскіе построятъ полу-плотину противъ истока Лаузана, у праваго берега Аму, чтобы усилить напоръ стержня къ лѣвому берегу. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 7 октября хивинскій ханъ выразилъ готовность помочь русскимъ въ дѣлѣ поворота Аму-Дарьи. Если русскіе рѣшатъ направить всю воду Аму въ Узбой, преградивъ теченіе въ Аралъ, то ханъ надѣется, что границей хивинскихъ владѣній попрежнему останется нынѣшнее ложе Аму-Дарьи, а не Узбой, что озеро Сары-Камышъ признаютъ за Хивой, а Ходжейли и Кунградъ снабдятъ водой. Ханъ убѣжденъ, что тогда туркмены переселятся на обводненный Дарьялыкъ, выйдутъ изъ его повиновенія, перестанутъ платить подати и потому проситъ ходатайства о сложеніи съ него небольшой части платимой имъ ежегодной дани. Кромѣ письма ханъ прислалъ древнюю книгу, въ которой говорится, что лѣтъ 300 назадъ

при Суфіанъ-ханѣ Харезмійскомъ Аму-Дарья, пройдя подъ стѣнами Куня-Ургенча, вливалась въ Каспій вблизи Болханскихъ горъ, гдѣ жили туркмены-ерсали, обитающіе теперь вдоль средняго теченія Аму. Къ наиболѣе интереснымъ выводамъ экспедиціи нынѣшняго года слѣдуетъ отнести положительное опроверженіе теоріи о поднятіи Туранской низменности. Работы 1876 и 1877 годовъ, какъ извѣстно, доказали, что склонъ мѣстности по Лаузану къ Узбою почти вдвое болѣе паденія живой рѣки къ Аралу. и что только незначительная часть воды Аму, $^1/_8$, расходуется ежегодно на орошеніе Хивинскаго оазиса, а большая часть ея поглощается непроизводительно разливами дельты и Араломъ. Эти несомнѣнныя данныя по связя со всѣмъ видѣннымъ на мѣстѣ подтверждаютъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей Аму-Дарьи, которые настаивали неоднократно на немедленномъ пропускѣ Аму въ Узбой въ видѣ опыта, не ожидая полнаго окончанія научной разработки амударьинскаго вопроса.

84

Новое время. 1879 г.
№ 1366.

Къ вопросу о направленіи теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море

Поворотъ Аму-Дарьи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Новаго Времени" была помѣщена телеграмма отъ самарской ученой экспедиціи; въ ней сообщалось, что плотины Бентъ и Шахъ-Муратъ сломаны и теченіе Аму-Дарьи повернуто въ Узбой, т. е. въ старое русло.—Считаемъ необходимымъ сообщить читателю нѣкоторыя соображенія по поводу этого важнаго вопроса.

Въ самомъ поворотѣ не заключается еще ничего особенно важнаго: только плотины удерживаютъ верховья Узбоя отъ обводненія.—Нѣсколько разъ уже вода прорывала эти искусственныя препятствія и доходила такимъ образомъ даже до Саракамыша (напр. въ 1878 г.). Низовья Узбоя, представляющаго изъ себя сухое русло, отъ Каспійскаго моря и вверхъ были изслѣдованы нами уже давно. Впослѣдствіи все русло было тщательно изслѣдовано полковникомъ Н. Г. Петрусевичемъ (въ 1876 и 1877 году), котораго и можно считать покуда самымъ компетентнымъ судьей по вопросу объ обводненіи Узбоя. Г. Петрусевичъ произвелъ на всемъ протяженіи продольныя и поперечныя нивеллировки и представилъ массу чертежей, которые въ данномъ случаѣ гораздо цѣннѣе лишнихъ, ни къ чему не ведущихъ словъ.

При серьезномъ разсмотрѣніи вопроса о поворотѣ Аму-Дарьи въ Каспійское море, можно руководиться слѣдующими соображеніями.

Аму-Дарья беретъ начало въ Памирской снѣжной равнинѣ (около 10 тысячъ футъ надъ уровн. моря) и слѣдовательно, пользуясь такимъ богатымъ и вѣчнымъ источникомъ, отличается вообще полноводіемъ. Судоходна она верстъ на тысячу, что можно заключить изъ того, что пароходъ „Самаркандъ" въ 1878 году доходилъ до переправы Ход-

жа-сале, т. е. до того пункта, гдѣ сходятся бухарская и афганская границы. Около того мѣста, гдѣ устроенъ Бентъ (плотина) Аму-дарья (въ живомъ сѣченіи) даетъ около 160 кубич. саженъ воды въ секунду. Если считать, что на орошеніе существующей нынѣ дельты на сѣверъ, до Аральскаго моря необходима 1/8 часть всего количества, то въ Узбой можетъ быть отдано 140 куб. саженъ въ секунду, т. е. такое количество воды, какое приблизительно даетъ, при одинаковыхъ другихъ условіяхъ, Рейнъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ становится судоходенъ. Превышеніе Бента надъ Каспіемъ будетъ около 300 *) футъ, а если принять длину Узбоя верстъ въ 900 или въ 1,000, то среднее паденіе рѣки выйдетъ весьма малое и теченіе будетъ слабое. Отъ Куна-Ургенча до Сара-Камыша (верстъ 150) Узбой обозначенъ явственно, быть можетъ потому, что онъ часто наводнялся вслѣдствіе прорыва рѣки и особенныхъ измѣненій въ уклонѣ не усматривается; близъ же Сара-Камыша Узбой дѣлаетъ уступъ отъ 9 до 11 саж. высоты. Тутъ же образуется изъ ряда, связанныхъ между собою, бассейновъ обширная котловина, доходящая по приблизительнымъ исчисленіямъ до 10 тысячъ квадр. верстъ. Выходя изъ этой котловины, Узбой поворачиваетъ прямо на югъ до колод. Бала-Ишемъ. Здѣсь, на протяженіи многихъ десятковъ верстъ онъ занесенъ пескомъ.

Такимъ образомъ для достиженія Каспійскаго моря, Аму-Дарья должна сначала наполнить саракамышскую котловину (на что потребуется отъ 40 до 50 лѣтъ) и, образовавъ такимъ образомъ новое обширное озеро, пробиваться далѣе черезъ пески. Ввиду сравнительно медленнаго теченія, которое будетъ имѣть новая рѣка въ своихъ низовьяхъ, нѣкоторые предполагаютъ, что черезъ пески она не пробьется, а образуетъ вокругъ Саракамышскаго озера обширныя болота и мочежины. Что тогда дѣлать съ этимъ озеромъ и болотами—не знаемъ.

По мнѣнію полковника Петрусевича, слѣдуетъ стремиться обойдти саракамышскую котловину, т. е. попробовать розыскать нѣтъ ли, напримѣръ, на югѣ отъ нея новаго Узбоя, по которому мож-

но было бы пустить рѣку съ меньшей потерей воды и работы. Разспросныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что кромѣ изслѣдованнаго Узбоя вѣроятно существуетъ еще и другой Узбой. Такъ, напримѣръ, около Чарджуя на Аму-Дарьѣ замѣчено ясно обозначенное сухое русло, отходящее на западъ въ ту именно часть пустыни, которая, если взглянуть на карту Туркменской степи, остается еще совершенно не изслѣдованной нами. Входитъ ли это русло въ связь съ Узбоемъ мы не знаемъ, но если предположить, что это русло сохранилось въ пустынѣ и гдѣ нибудь южнѣе Саракамыша сходится съ Узбоемъ, то тогда можно сдѣлать еще другое предположеніе, что рѣки Мургабъ и Герарудъ, берущія начало въ Снѣжныхъ горахъ и орошающія Мервскій оазисъ, впадали когда-то въ это предполагаемое русло. Теперь же эти, также богатыя водою, рѣки теряются въ пескахъ, образуя озера и болота.

*) Превышеніе Арала надъ Каспіемъ равняется 243 футамъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что вопросъ о поворотѣ Аму-Дарьи, при всей его соблазнительности, долженъ быть поставленъ на почву строгихъ научныхъ изслѣдованій и точныхъ разсчетовъ стоимости и времени, въ связи съ пользою, которую можетъ принести эта грандіозная работа. Ломаніе же плотинъ и впускъ воды въ Узбой составляетъ только конецъ дѣла и можетъ быть отнесено къ числу шаловливыхъ опытовъ, которые дѣлаетъ иногда и сама рѣка, безъ помощи какихъ либо ученыхъ экспедицій. Впрочемъ, быть можетъ, ученая экспедиція произвела уже тѣ изысканія, о которыхъ мы говорили въ этой статьѣ. Въ такомъ случаѣ не грѣхъ бы ей подѣлиться съ русскимъ обществомъ тѣми свѣдѣніями, которыми она обладаетъ.

87

Новое время 1879 г.
№ 1358.

Успѣшное начало работъ по направленію Аму-Дарьи въ старое русло

ТЕЛЕГРАММЫ

(Корреспондентовъ «Новаго Времени»).

САМАРА, 7-го октября, пятница. Вамъ уже извѣстно, что согласно приказанію Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана Хивинскаго, отъ 7-го октября, плотины Бентъ и Шамуратъ сломаны. Но раннею весною будущаго года хивинцамъ предстоитъ срыть еще три плотины и углубить, занесенную рѣчнымъ иломъ, часть сухого русла. Сообщу послѣднее извѣстіе изъ хивинскаго оазиса отъ десятыхъ чиселъ ноября. Хотя не всѣ работы окончены и несмотря на осенній низкій уровень рѣки вода Аму-Дарьи, пройдя по Лаудану и Дарьялыку, приблизилась къ развалинамъ Куня-Ургенча, древней столицы Харезма. И такъ поворотъ Аму-Дарьи въ Узбой, осуществить который русскіе стремятся болѣе полутораста лѣтъ, можно признать начавшимся. Въ средѣ самарской экспедиціи по изслѣдованію средне-азіятскихъ путей родилась мысль воздвигнуть памятникъ на могилѣ погибшихъ сподвижниковъ Бековича-Черкасскаго вблизи сломанныхъ теперь хивинцами плотинъ, чтобы одновременно съ обводненіемъ Узбоя почтить память русскихъ воиновъ, которымъ не удалось исполнить волю Петра Великаго и воды Аму-Дарьи снова направить въ старый токъ.

88

Новое время. 1880 г.
№ 1384

Къ вопросу о поворотѣ теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море.

Поворотъ Аму-Дарьи.

Въ № 52 «Оренбургскаго Листка» появилась большая статья подъ названіемъ —„Самарская ученая экспедиція". Въ ней дѣло идетъ о поворотѣ Аму-Дарьи въ Каспій. Мы уже высказали въ одномъ изъ прошлыхъ нумеровъ нашъ взглядъ на тѣ крайнія затрудненія, съ которыми сопряженъ этотъ поворотъ, и что только новыя изслѣдованія въ неизвѣданныхъ частяхъ пустыни, въ связи съ такими упорными и добросовѣстными геодезическими работами, какими зарекомендовала себя экспедиція Петрусевича, могутъ окончательно освѣтить это дѣло; тогда, дѣйствительно, останется только или приступить къ работѣ, или же придти къ сознательному убѣжденію, что Аму-Дарья не добѣжитъ до Каспія; въ науку же будетъ сдѣланъ новый вкладъ. Въ упоминаемой нами оренбургской статьѣ сначала предпосылается краткій историческій очеркъ рѣки и тѣхъ усилій, которыя были сдѣланы русскими для разрѣшенія вопроса объ ея поворотѣ. Затѣмъ приводятся выводы, къ которымъ пришла замѣчательная, по нашему мнѣнію, экспедиція Петрусевича. Одинъ изъ нихъ резюмируется такъ: „Было бы лучше обойдти Саракамышскую котловину или особымъ каналомъ или пользуясь частями южныхъ старыхъ руслъ".

Авторъ статьи сознается, что открытіе Саракамышской впадины сконфузило много лучшихъ умовъ, но „окончательное и побѣдоносное рѣшеніе вопроса (собственно какого же?) выпало на долю самарской экспедиціи".

„Самарская экспедиція могла сдѣлать и сдѣлала больше, говоритъ авторъ статьи, и отъ самарской экспедиціи не укрылось обстоятельство, незамѣченное до сихъ поръ».

„Проводъ водъ Аму въ Сары-Камышъ отнюдь не мѣшаетъ обойдти эту котловину, въ случаѣ еслибъ обходъ потребовался, а напротивъ поможетъ. Обводненіе Узбоя даже только до Сары-Камыша

открываетъ возможность осѣдлой жизни для такого же пространства степи, какъ Хивинскій оазисъ. Затѣмъ уже тѣ мѣстности, гдѣ можно сдѣлать обходъ, будутъ лежать у самой границы новаго оазиса".

Такимъ образомъ въ „новомъ оазисѣ" и заключается открытіе..

Насколько важно это открытіе можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній:

Вопервыхъ, новый оазисъ будетъ состоять изъ солончаковъ и песковъ; вовторыхъ, кого на немъ поселить? Хивинцы не пойдутъ, потому что у нихъ есть своя земля и весьма плодородная съ готовымъ искусственнымъ орошеніемъ. На переселеніе изъ Россіи также разсчитывать нечего, потому что и въ западной Сибири достаточно болѣе плодородныхъ земель, которыя болѣе могутъ разсчитывать на заселеніе. О нѣсколькихъ же сотняхъ поселенцахъ нечего и говорить *). Остается разсчитывать на великое переселеніе народовъ и вообще на увеличеніе народонаселенія земного шара.

Если къ этому прибавить, что Узбой ограниченъ высокими берегами, доходящими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нѣсколькихъ сажень высоты, то является вопросъ, что будетъ стоить искусственное орошеніе новаго оазиса? — Вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживающій вниманія.

Населивъ такимъ образомъ новый оазисъ, авторъ говоритъ:

„Если же котловина окажется дѣйствительно громадною и придется обходить ее, то съ обводненіемъ Узбоя до Сары-Камыша, обходъ будетъ простою инженерною задачей".

Почему это обходъ Сара-Камышской котловины, требующій серьезнаго знанія, громадныхъ работъ и милліоновъ рублей, названъ простой инженерной задачей, а ломаніе плотины признано чѣмъ-то важнымъ—не объясняется. А по нашему мнѣнію, это „ломаніе плотины" штука не только простая, а даже пустая. Это все равно, что, напримѣръ, обѣдъ—вмѣсто того чтобы сначала приготовить, а потомъ съѣсть, сначала съѣсть и потомъ приготовить.

90

Голос. 1879 г.
№ 287

Аму-дарья и Каспійское Море.

В. Лохтинъ, въ брошюрѣ своей «Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ Моремъ», вышедшей въ свѣтъ въ послѣдніе дни, разсмотрѣвъ настоящее состояніе низовьевъ Амударьи и исторію ихъ измѣненія, пришолъ къ слѣдующему заключенію: «За Аральское Море идетъ борьба между природой и человѣкомъ; природа, дѣйствуя такимъ ничтожнымъ съ виду дѣятелемъ, какъ примѣсь въ водѣ ила, заполняетъ наносами котловину моря, повышаетъ горизонтъ этого моря и стремится его уничтожить, причомъ воды Сырдарьи и Амударьи, вытѣсненныя до извѣстной высоты, направятся изъ аральской котловины въ Саракамышъ и Каспійское Море. Человѣкъ же, своимъ присутствіемъ и жизнью, поддерживаетъ существованіе Аральскаго Моря: разбирая воду изъ западныхъ рукавовъ, онъ уничтожилъ уже стокъ въ Каспійское Море и сосредоточилъ его въ Аральское; теперь, продолженіемъ и развитіемъ этого разбора, онъ удерживаетъ гибельное возвышеніе уровня этого моря и уменьшаетъ силу его засоренія».

Для того, чтобъ опредѣлить, какъ ведется эта борьба, авторъ указываетъ на необходимость изслѣдованія алювіальныхъ отложеній. По словамъ автора, «памятникъ этотъ ждетъ, чтобъ его прочли, и разскажетъ намъ несравненно больше и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ греческіе, персидскіе и арабскіе историки, вмѣстѣ взятые». Всѣ интересующіеся прошлымъ и далекимъ будущимъ Средней Азіи найдутъ въ брошюрѣ автора немало интереснаго.

Кавказъ 1879 г.
№ 217.

Баку, какъ центральный пунктъ сухого пути въ Индію.

(Ст. В. Фабрициуса).

Въ обширной холмистой или ровной, открытой мѣстности, гдѣ всѣ пункты болѣе или менѣе похожи одинъ на другой, положеніе большого города не имѣетъ особеннаго значенія и можетъ обусловливаться такими факторами, какъ численность населенія и промышленность страны, или-же политическими и историческими событіями. Изъ такого центра, какъ изъ сердца, рельсовые пути могутъ расходиться лучеобразно по всѣмъ направленіямъ, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны природныхъ условій. Не то въ гористой, въ особенности въ альпійской мѣстности. Тамъ, гдѣ естественные пути сообщенія, такъ сказать, заранѣе опредѣлены направленіемъ долинъ и ущелій и вообще очертаніемъ почвы, тамъ географическое положеніе города имѣетъ огромное, рѣшительное значеніе.

Исходя изъ этого значенія, я попытаюсь въ нижеслѣдующихъ строкахъ указать, что на Кавказѣ и въ окружающей его мѣстности есть только одинъ пунктъ, который, относительно доступности со всѣхъ сторонъ, соотвѣтствуетъ необходимымъ условіямъ центра мѣстныхъ интересовъ: это—Баку. Если этотъ городъ, соотвѣтственно его положе-

нію, будетъ сдѣланъ средоточіемъ Кавказа и окружающихъ земель, то его значеніе и богатство быстро расширятся и Баку станетъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Россійской имперіи. Я попытаюсь доказать это въ первомъ отдѣлѣ моей статьи.

Но, какъ-бы ни велико было мѣстное значеніе города, онъ еще не заслуживаетъ названія всемірнаго, если, кромѣ мѣстныхъ, не сосредоточиваетъ въ себѣ международныхъ интересовъ.

Поэтому, озаглавливая свою статью „Баку, какъ центральный пунктъ", я предполагаю, что этотъ городъ долженъ стать средоточіемъ не только мѣстныхъ, но и международныхъ интересовъ; а именно, во второмъ отдѣлѣ моей статьи я стараюсь доказать, что сухой путь изъ Европы въ Индію естественно долженъ лежать черезъ Кавказъ и собственно черезъ Баку.

Когда о сухомъ пути изъ Европы въ Индію подымутся горячіе споры и онъ станетъ вопросомъ дня, я надѣюсь, что читатель не откажетъ во вниманіи слѣдующимъ страницамъ. Хотя онѣ написаны и не спеціалистомъ, техникомъ или экономистомъ, но тѣмъ не менѣе я не отнимаю у себя всякой компетентности въ этомъ дѣлѣ. По порученію гельзингфорскаго университета, я посѣтилъ въ 1874 году персидскій островъ Ашуръ на Каспійскомъ морѣ съ цѣлью наблюдать прохожденіе Венеры; это путешествіе дало мнѣ возможность ознакомиться лично со многими упоминаемыми здѣсь мѣстностями,

и, такъ-какъ уже во время путешествія разсматриваемый предметъ занималъ меня, то я постарался на мѣстѣ собрать мнѣнія свѣдущихъ людей и затѣмъ, по возвращеніи моемъ домой, дополнилъ добытый матеріалъ изъ различныхъ источниковъ. Позволю себѣ также напомнить здѣсь и то, что въ подобныхъ вопросахъ не такъ важно въ точности знать, гдѣ и какъ технику предстоитъ преодолѣть тѣ или другія препятствія (да для современнаго инженера и нѣтъ почти ничего непреодолимаго), какъ важно не потеряться въ массѣ выступающихъ факторовъ и соображеній и не упустить изъ виду главное, великое цѣлое. Въ этомъ отношеніи взглядъ диллетанта часто бываетъ даже вѣрнѣе сужденія спеціалиста, которому легко запутаться въ мелочахъ.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ моей настоящей задачѣ, я считаю необходимымъ напомнить въ общихъ чертахъ расположеніе окружающей мѣстности.

Къ югу отъ Царицына тянется, все съ тѣмъ-же неизмѣннымъ характеромъ, обширная степь, орошаемая Дономъ и Волгой; здѣсь эти рѣки расходятся въ противоположномъ направленіи и степь образуетъ низменность, по которой лѣниво течетъ развѣтвившійся Манычъ.

Какъ Азовскій заливъ, такъ и сѣверный бассейнъ Каспійскаго моря составляютъ какъ-бы подводное продолженіе этой низменности, которая тянется по восточному бе-

регу Каспійскаго моря вплоть до горныхъ хребтовъ Средней Азіи. Среди этой низменности вдругъ, безъ всякаго предварительнаго повышенія почвы, какъ островъ, выростаетъ великій Кавказскій хребетъ и тянется непрерывной, почти прямой линіей на протяженіи 1,100 верстъ отъ Азовскаго моря до Апшеронскаго полуострова. И эта непроницаемая, исполинская стѣна доступна человѣку до-сихъ-поръ только въ одномъ пунктѣ— въ Казбекскомъ перевалѣ. Южные склоны Кавказа нѣсколько постепеннѣе спускаются опять къ степи.

Между тѣмъ какъ къ сѣверу отъ Кавказа водораздѣлъ Дона и Волги подымается лишь на нѣсколько футовъ, на югѣ водораздѣлъ Чернаго и Каспійскаго морей образуетъ значительный хребетъ (Сурамская цѣпь), который соединяетъ Большой Кавказъ съ Малымъ и дѣлитъ находящуюся между ними страну на двѣ части: на долину Ріона и долину Куры; каждая отличается особымъ характеромъ въ климатическомъ, этнографическомъ и естественно - историческомъ отношеніи. За этими долинами начинается наго положенія и соединить съ остальнымъ міромъ. Во-первыхъ, надо было соорудить военно-грузинскую дорогу, это чудо техники. Проходя черезъ единственное доступное ущелье Кавказа на высотѣ 7,977 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря, эта дорога соединяетъ Тифлисъ съ великой Ставропольской низменностью. Во-вторыхъ,

надо было провести Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу.

Но ни одинъ изъ этихъ искусственныхъ путей не можетъ удовлетворить требованій обширной торговли. Военно-грузинская дорога, хотя и простирается на 201 версту между Тифлисомъ и Владикавказомъ и не уступаетъ, по свидѣтельству путешественниковъ, лучшимъ швейцарскимъ путямъ, не болѣе, какъ почтовая дорога, и также мало соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ, какъ и швейцарскія дороги. Если возразятъ, что сношенія странъ по ту и по сю сторону Альпъ совсѣмъ не то, что на Кавказѣ, за то-же въ Альпахъ есть съ полдюжины удобныхъ проходовъ, а въ Кавказской цѣпи всего одинъ. Если всѣ торговые интересы обширнаго Кавказа должны сосредоточиваться въ Тифлисѣ и, слѣдовательно, направляться по одному пути черезъ Казбекскій перевалъ, то простой почтовой дороги окажется совершенно недостаточно, и развѣ рельсовый путь могъ-бы удовлетворить потребности торговли. Но проведеніе послѣдняго соединено съ такими огромными трудностями, что долго сомнѣвались въ исполнимости этого предпріятія, покуда изслѣдованія, подъ руководствомъ князя Гагарина, не доказали противнаго. Предположенный путь долженъ пройти не черезъ Казбекскій перевалъ, но немного восточнѣе, подъ Булачирскимъ хребтомъ. Дорога идетъ по долинѣ Терека до станціи Казбекъ, поднимается по долинѣ Цно, прорѣзываетъ Була-

турецко-армянское нагорье, достигающее мѣстами снѣговой линіи; но нигдѣ оно не имѣетъ характера опредѣленнаго хребта, какъ Большой Кавказъ. Послѣ этого общаго географическаго обзора мы разсмотримъ положеніе важнѣйшихъ пунктовъ Кавказа и его окрестностей и попытаемся доказать, что, кромѣ Баку, всѣ они находятся въ болѣе или менѣе невыгодномъ положеніи.

Прежде всего, что касается теперешняго главнаго города Кавказа, романтически расположеннаго, прелестнаго Тифлиса, то не трудно понять, что выборъ палъ на это мѣсто не въ силу какихъ-нибудь общихъ соображеній, а скорѣе, какъ по большей части бываетъ съ городами, благодаря случаю, который маленькое поселеніе превращаетъ въ большой городъ, часто вопреки географическимъ условіямъ мѣстности.

Если Тифлисъ съ своими 71,000 населенія сталъ богатымъ городомъ съ оживленной мѣстной торговлей, если онъ, по-крайней-мѣрѣ своими новѣйшими частями, производитъ впечатлѣніе европейскаго города, то онъ обязанъ этимъ единственно богатству окружающихъ земель и потребности въ средоточіи для обширныхъ кавказскихъ интересовъ Русскаго государства; положеніе мѣста, хуже котораго трудно придумать, тутъ ни причемъ.

Тифлисъ находится какъ-бы въ мѣшкѣ, изъ котораго не представляется никакого естественнаго выхода: на сѣверѣ Кавказскій хре-

бетъ, на западѣ Сурамскій, на югѣ Армянское нагорье. Даже на востокъ нѣтъ дороги, потому что Кура не судоходна; въ верхнемъ теченіи она слишкомъ быстра, а въ нижнемъ она лѣниво влачится по болотистымъ степнымъ равнинамъ, почти безъ всякаго паденія.

Громадныхъ трудовъ стоило вывести Тифлисъ изъ его изолированчирскую цѣпь тоннелемъ въ 5 верстъ длиною и, поворачивая въ долину Черной Арагвы, опять достигаетъ у Пассанаура главной долины. Стоимость дороги оцѣнивается въ 30 милл. рублей. Высшій подъемъ достигнетъ 25 на тысячу, слѣдовательно не больше, чѣмъ на С. Готардской дорогѣ, а крутизна подъема между станціями Казбекомъ и Ларсомъ избѣгается тѣмъ, что дорога идетъ высоко надъ Ларсомъ по склону горъ и спускается въ долину уже у Балты. (Ср. Thielemann: „Streifzüge etc“). *) Тридцать милліоновъ рублей не бездѣлица, и еще вопросъ, окупятъ-ли столь неразвитыя торговыя сношенія внутренняго Кавказа такія значительныя издержки, по-крайней-мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ почему этотъ проектъ врядъ-ли когда-нибудь, по-крайней-мѣрѣ очень не скоро, будетъ приведенъ въ исполненіе, развѣ какія-нибудь другія причины, военно-политическія или международной торговли, выступятъ въ защиту его. О первыхъ я не берусь судить, но, что касается послѣднихъ, я того мнѣнія, что

онѣ не требуютъ такой жертвы, такъ-какъ существуетъ болѣе удобный и естественный путь для торговли, чѣмъ черезъ Тифлисъ. Далѣе, не менѣе важно и то обстоятельство, что Казбекская желѣзная дорога съ ея пятиверстнымъ тоннелемъ, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, едва отстроится въ десять лѣтъ, а это большое неудобство въ нашъ вѣкъ, стремящійся къ быстрому расширенію путей сообщенія.

*) Не забудемъ, что статья писана авторомъ въ 1874—6 г.

(Продолженіе будетъ).

Кавказъ 1879 г.
№ 18.

Баку, какъ центральный пунктъ сухого пути въ Индію *).

(Ст. В. Фабрициуса).

Второй путь сообщенія, желѣзная дорога изъ Поти въ Тифлисъ, долженъ былъ преодолѣть всевозможныя препятствія, какія только могутъ встрѣтиться при постройкѣ желѣзной дороги. Сначала у Поти пришлось, на протяженіи четырехъ миль, прорубать первобытный болотистый лѣсъ, отъ лихорадочныхъ испареній котораго гибли сотни рабочихъ. Затѣмъ, надо было строить мосты черезъ быстрыя рѣчки, и наконецъ, чтобы переправиться черезъ горы, пришлось продѣлывать дорогіе тоннели, а мѣстами подыматься на безпримѣрную въ Европѣ высоту 1:20 (Ср. Тилеманъ). Хотя всѣ эти трудности и преодолѣны, но какъ несовершенно, видно изъ того, что черезъ Сурамскій перевалъ движеніе совершается лишь съ помощью особаго горнаго паровоза, который можетъ везти лишь 2—3 вагона за разъ **). Не успѣла дорога отстроиться, какъ ея недостатки такъ ясно обнаружились, что уже задумываются надъ измѣненіемъ направленія дороги, которая должна углубиться дальше въ ущелье Куры и уже близъ Боржома прорѣзать тоннелемъ Сурамскую цѣпь. Хотя новое направленіе дороги (причемъ громадныя затраты на устройство Сурамскаго перевала все равно, что брошены даромъ) и устраняетъ главное неудобство, но все-таки, мнѣ кажется, нельзя предаваться надеждамъ на блестящую будущность Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Не Сурамскій хребетъ тому виною, а то роковое обстоятельство, что конечный пунктъ дороги Чернаго моря менѣе всего похожъ на гавань. Поти стоитъ на злокачественномъ, историческомъ болотѣ, при устьѣ Ріона. Съ одной стороны, могучая рѣка ежегодно наноситъ большія кучи мусора, съ другой волны открытаго моря способствуютъ образованію у устья Ріона песчанаго бара, черезъ который съ трудомъ проходятъ маленькіе рѣчные пароходы, а при бурной погодѣ, вслѣдствіе сильнаго прибоя волнъ, онъ почти вовсе непроходимъ. Большія суда не подходятъ къ берегу и должны бросать якорь на значительномъ разстояніи въ открытомъ мо-

*) См. *Кавказъ* № 17.

**) Не забудемъ, что статья писана въ 1876 г.

рѣ. Помочь этому горю посредствомъ моловъ и пристаней едва-ли входитъ въ область возможнаго. Развѣ циклопическія постройки могли-бы дать отпоръ необузданно бушующимъ волнамъ Чернаго моря. Къ этому присоединяется лихорадочный, вредный воздухъ сырого берега, которымъ рѣдкій европеецъ можетъ дышать больше дня, не заболѣвъ.

Но могутъ возразить, что не было никакой надобности направлять желѣзную дорогу на Поти, что можно-бы было провести ее до другого пункта на берегу Чернаго моря. Но это легче сказать, чѣмъ исполнить, ибо подходящихъ пунктовъ очень немного: всего Новороссійскъ, Сухумъ, да Батумъ.

Новороссійская и сосѣдняя Геленджикская бухты образуютъ хорошія гавани, окруженныя со всѣхъ сторонъ горами и открытыя только съ юга; онѣ, конечно, стали-бы важными торговыми пунктами, если-бы, вслѣдствіе своего положенія, не были совершенно лишними. Онѣ лежатъ у подножія самыхъ негостепріимныхъ горъ и врядъ-ли способны вызвать цвѣтущую промышленность въ окружающей странѣ. Разстояніе ихъ отъ Поти (500 верстъ) больше, чѣмъ разстояніе отъ Поти до Тифлиса, и если-бы рѣшились провести желѣзную дорогу по этимъ, почти безлюднымъ мѣстамъ, то стоило-бы протянуть ее на какія-нибудь 70 верстъ, чтобы достигнуть Керченскаго пролива, гдѣ перекрещиваются торговые пути, и тогда гавань въ Новороссійскѣ была-бы совершенно излишнею. Широкая, открытая бухта Сухума—хорошее якорное мѣсто, но оно нисколько не защищено отъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ. Все-таки исходный пунктъ желѣзной дороги съ якорнымъ мѣстомъ лучше, чѣмъ безъ него, и поэтому не разъ подымался вопросъ о продолженіи пути до Сухума, но, какъ кажется, безуспѣшно. По-крайней-мѣрѣ я не могу отдѣлаться отъ мысли, что при помощи милліоновъ, поглощенныхъ потійскими болотами, легко было-бы продолжить путь на сто верстъ до Сухума.

Наконецъ, Батумъ хотя и маленькая, но хорошая гавань, доставляющая кораблямъ надежную защиту почти отъ всѣхъ вѣтровъ. И дѣйствительно, здѣсь бросаютъ якорь корабли Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ бур-

ную погоду, когда рискованно останавливаться на Потійскомъ рейдѣ. Въ Батумѣ они ожидаютъ пассажировъ изъ Тифлиса, которыхъ подвозитъ туда маленькій рѣчной пароходъ; онъ-же принимаетъ и пассажировъ, отправляющихся въ Тифлисъ. Батумъ лежитъ лишь 60 верстами южнѣе Поти, и такъ-какъ оба города находятся почти на одинаковомъ разстояніи отъ Тифлиса, то, вѣроятно, Батумъ былъ-бы избранъ исходнымъ пунктомъ дороги уже изъ гигіеническихъ видовъ, если-бы онъ, къ несчастію, не находился въ предѣлахъ Турціи. При заключеніи Адріанопольскаго мира, когда Россіи было предоставлено опредѣлить границу сообразно ея торговымъ интересамъ, послѣдняя была проведена на полпути между Поти и Батумомъ. Часто упоминается, что это произошло вслѣдствіе дипломатической ошибки. Такъ, Тилеманнъ разсказываетъ, что при переговорахъ о мирѣ границей была назначена рѣка Чорохъ, къ западу отъ Батума, а послѣ ратификаціи мирнаго договора оказалось, что въ немъ границею назначена рѣка Чолохъ, а не Чорохъ, вслѣдствіе чего Россія лишилась Батума. Si non e vero e ben trovato. Басенка очень остроумно объясняетъ фактъ и, кажется, справедлива, ибо на двадцативерстной картѣ Кавказа я хотя и не нашелъ названія Чолохъ, но нашелъ деревню Челокскую на пограничной рѣкѣ.

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго оказывается, что Тифлисъ, даже съ европейской стороны, довольно неприступенъ въ настоящее время. Съ азіятской-же еще хуже. Единственная хорошая почтовая дорога ведетъ изъ Тифлиса на юго-востокъ по берегу Куры до Акстафы, подымается по долинѣ этой горной рѣчки на Армянское нагорье, переходитъ зигзагами черезъ водораздѣлъ Куры и Аракса у станціи Семеновка, близъ озера Гокча, подымаясь на 7,124 фута (какъ разъ Альпійскій перевалъ), и опять спускается у Эривани до 3,229 футовъ; затѣмъ идетъ по долинѣ Аракса до Джульфы, гдѣ начинается единственно доступный путь черезъ Тавризъ въ Персію, которому до Тегерана предстоитъ еще перебраться черезъ цѣлый рядъ хребтовъ. Что такая дорога не особенно годна для проведенія желѣзнаго пути, это ясно доказываетъ сдѣланный мною краткій очеркъ. Предстоящія здѣсь

техническія трудности непреодолимы не столько вслѣдствіе грандіозности препятствій, сколько вслѣдствіе непрерывной борьбы съ цѣлой массой горныхъ системъ. Изъ всѣхъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ Кавказа я, какъ и многіе, считаю самой неосновательной линію Тифлисъ - Эривань - Джульфы - Тавризъ-Тегеранъ. Очевидно, проектъ основанъ на томъ, что этимъ путемъ идетъ, съ незапамятныхъ временъ, оживленная караванная торговля между Россіей и Персіей. Но это еще не доказываетъ годности дороги, такъ-какъ лошади и верблюды Персидскаго нагорья весьма неразборчивы и на узенькихъ тропинкахъ продѣлываютъ такія чудеса ловкости, въ которыхъ имъ врядъ-ли можетъ подражать тяжеловѣсный локомотивъ. Конечно, техническія средства нашего времени могутъ преодолѣть всѣ эти трудности и преодолѣли-бы, если-бы необходимо было вести дорогу въ этомъ направленіи. Но, такъ-какъ изъ дальнѣйшаго видно, что такой необходимости не предстоитъ, то, мнѣ кажется, этотъ планъ долженъ быть покинутъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Послѣ этого критическаго обзора современнаго положенія главнаго города Кавказа, мы подвергнемъ такому-же разсмотрѣнію второй значительный городъ въ окрестностяхъ Кавказа, именно Астрахань. Если Тифлису приходится бороться съ огромными, окружающими его горами, то сообщеніе съ Астраханью затрудняется совершенно противоположными природными условіями, а именно необыкновеннымъ однообразіемъ равнины. Правда, на сѣверѣ Волга представляетъ широкій водный путь, по которому пароходы могутъ проникать внутрь Россіи до самаго Рыбинска. Но эта могучая рѣка въ концѣ своего протяженія имѣетъ такое ничтожное паденіе, что трудно найти другой подобный примѣръ. На протяженіи 340 верстъ отъ Пришибинскаго до Бирючьей Косы она имѣетъ лишь 90 футовъ паденія, т. е. около $^1/_{13000}$ — величина, которую можно измѣрять развѣ очень тонкими снарядами. Это крайне ничтожное паденіе—причиною того, что Волга, не смотря на громадную массу воды, не можетъ прочищать своего русла. Дѣйствительно, верстъ 50 не доѣзжая Астрахани, уже теряется понятіе о главномъ руслѣ; узкій протокъ,

которымъ пользуется судоходство и который на картахъ носитъ гордое названіе Волги, не больше, какъ одинъ изъ безконечныхъ, болѣе или менѣе узкихъ рукавовъ, осѣтившихъ дельту Волги, напоминающую по формѣ осиное гнѣздо. Всѣ эти рукава не только очень узки, но и мелки до того, что плаваніе по нимъ на обыкновенныхъ пароходахъ немыслимо.

Поэтому пассажиры и багажъ перевозятся изъ Астрахани на большихъ, плоскодонныхъ лодкахъ, которыя идутъ на буксирѣ у пароходовъ, тоже не глубоко сидящихъ въ водѣ. Но, не смотря на то, что иные изъ этихъ буксирныхъ пароходовъ сидятъ въ водѣ всего на 4 фута, нерѣдко случается, что они застрываютъ въ болотистыхъ каналахъ и освобождаются изъ затруднительнаго положенія лишь при помощи другихъ пароходовъ. Нельзя даже надѣяться помочь горю настоящимъ образомъ посредствомъ расчищенія, ибо засореніе шло-бы столь-же быстро. Еще искусственный каналъ могъ-бы, пожалуй, лучше всего служить цѣлямъ судоходства, но это весьма трудная задача при отсутствіи хорошаго исходнаго пункта на берегу. Меня увѣряли, что выше Астрахани обмелѣніе идетъ также быстро; и это вовсе неудивительно, ибо приносимый Волгою илъ не можетъ уходить въ Каспійское море вслѣдствіе слишкомъ медленнаго теченія рѣки, но осаждается гораздо ранѣе; и, можетъ быть, недалеко то время, когда Астрахань очутится среди степи. Это можетъ произойти отъ двухъ причинъ. Или рѣка совершенно обмелѣетъ у устьевъ и потеряетъ всякое опредѣленное русло,—тогда она превратится въ громадную болотистую низменность, какъ Терекъ, Манычъ и вообще многія степныя рѣки; или-же она силою пророетъ себѣ новое, широкое русло на другомъ мѣстѣ. Напримѣръ, ничего не будетъ удивительнаго, если Ахтуба, которая течетъ теперь параллельно Волгѣ отъ Царицына, при постепенномъ засореніи теперешняго главнаго русла, заступитъ его мѣсто, и тогда прощай будущее Астрахани. Но и безъ этой случайности настоящее положеніе города весьма неудобно. 67 верстъ, которыя отдѣляютъ Астрахань отъ Бирючьей Косы, пробѣгаются буксирнымъ пароходомъ въ 17 часовъ—скорость, съ которою можетъ по-

спорить хорошій пѣшеходъ и которая, слѣдовательно, не въ духѣ нашего времени.

Что-же касается такъ-называемой Бирючьей Косы, которая постоянно фигурируетъ въ объявленіяхъ торговаго Общества *Кавказъ* и *Меркурій*, то немногимъ путешественникамъ удалось ее видѣть. Въ Бирючьей Косѣ нѣтъ ни гавани, ни пристани, а просто большіе пароходы приближаются къ берегу настолько, насколько позволяетъ высота воды въ Каспійскомъ морѣ въ данную минуту, и бросаютъ якорь въ ожиданіи буксирнаго парохода. Какія неудобства влечетъ за собою подобное обстоятельство для интересовъ торговли и безопасности навигаціи въ бурную погоду, объ этомъ здѣсь не мѣсто распространяться. Но всѣ эти препятствія еще не могли-бы задержать быстраго развитія Астрахани, которая могла-бы стать центромъ обширныхъ интересовъ, если-бы ко всему этому не присоединилось еще то неудобство, что Волга, равно какъ и вся сѣверная часть Каспійскаго моря, вслѣдствіе крайняго мелководья, замерзаютъ уже въ ноябрѣ или началѣ декабря и остаются подо льдомъ до марта или апрѣля, Волгѣ и сѣверному бассейну Каспійскаго моря прекращается мѣсяца на 4, на 5. Это, вблизи мѣстъ съ среднею температурою 8—10 градусовъ, составляетъ такое большое неудобство, что врядъ-ли оно можетъ не повліять рѣшительно на выборъ центральнаго пункта. Интересы бойкой торговли не допускаютъ подобныхъ проволочекъ. Повидимому, желѣзная дорога могли-бы помочь горю; но и здѣсь бѣда. Для грузовъ, идущихъ съ юга или изнутри Россіи на югъ ни съ чѣмъ несообразно было-бы дѣлать 200—300 верстъ крюку, чтобъ зайти въ Астрахань, если они могутъ идти прямо черезъ Царицынъ. Желѣзная дорога, идущая на Астрахань, покуда не можетъ имѣть мѣстнаго значенія, такъ-какъ еще далеко то время, когда степи, окружающія Астрахань и населенныя кочующими киргизами и калмыками, превратятся въ важныя торговыя мѣста.

(Продолженіе будетъ).

99

Кавказъ 1879 г.
№ 19.

Баку, какъ центральный пунктъ сухого пути въ Индію *).

(Ст. В. Фабрициуса).

Я нарочно остановился нѣсколько долѣе на географическомъ положеніи двухъ важнѣйшихъ въ настоящее время пунктовъ юго-восточной Россіи, чтобы тѣмъ короче сказать объ остальныхъ. О различныхъ пунктахъ восточнаго берега Чернаго моря я уже говорилъ выше. Города и мѣстечки долины Ріона и западной долины Куры страдаютъ всѣ общимъ съ Тифлисомъ недостаткомъ, а именно, совершенною замкнутостью среди высокихъ горъ и отсутствіемъ гавани на восточномъ берегу Чернаго моря. Кромѣ того, одинъ изъ городовъ долины Куры, Шемаха, подверженъ непріятной случайности проваливаться отъ землетрясенія, а ежегодные менѣе сильные удары тамъ обычное явленіе. Изъ важнѣйшихъ пунктовъ на западномъ берегу Каспійскаго моря Энзелійская бухта представляетъ хорошую гавань или, по-крайней-мѣрѣ, можетъ ею стать со временемъ; но она принадлежитъ Персіи. Астара (на границѣ съ Персіей) и Ленкорань (правильнѣе Ленкерудъ) хорошія якорныя мѣста, но не представляютъ никакой защиты отъ морскихъ вѣтровъ и, вдобавокъ, лежатъ среди такой-же сырой, лихорадочной, болотистой мѣстности, какъ Поти и Редуткале на восточномъ берегу Чернаго моря. Позади острова Сари, въ Кизил-агачской бухтѣ, врѣзывающейся въ дельту слившихся Куры и Аракса, корабли находятъ хорошую защиту отъ бурь; но болотистый берегъ не позволяетъ основать здѣсь главный торговый пунктъ. Далѣе, къ сѣверу слѣдуетъ Баку, о которомъ я буду говорить отдѣльно, затѣмъ Дербентъ и Петровскъ. Дербентъ лежитъ у самаго подножія восточныхъ склоновъ Кавказа и представляетъ лишь посредственное якорное мѣсто безъ защиты отъ бурь.

У Петровска было-бы то-же самое, если-бы не создали гавани посредствомъ искусственнаго мола, который до извѣстной степени удовлетворяетъ требованіямъ и по-крайней-мѣрѣ защищаетъ укрывшіяся въ немъ суда отъ прибоя волнъ. Восточнаго берега Каспійскаго моря я не буду здѣсь касаться. Хотя у острова Ашуръ, близъ Красноводска, позади островов Челекена и Агурчинскаго, и наконецъ, у форта Александровскаго и есть якорныя мѣста и гавани, но они слишкомъ удалены отъ интересовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и поэтому я не буду разсматривать ихъ положеніе.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о Баку. Если оцѣнка торговаго положенія всѣхъ выше упомянутыхъ мѣстностей оказалась неблагопріятною, то тѣмъ отраднѣе задача показать, что Баку не только удовлетворяетъ нѣкоторымъ требованіямъ, но представляетъ поразительно благопріятныя естественныя

*) См. *Кавказъ* № 18.

условія, какъ-бы предназначающія его стать центромъ окружности съ радіусомъ болѣе чѣмъ въ тысячу верстъ.

Сначала я разсмотрю Баку, какъ приморскій городъ. Гавань Баку не только хороша, но и открыта во всякое время года; входъ въ нее простъ и свободенъ отъ подводныхъ камней; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега гавань имѣетъ 20 футовъ глубины, слѣдовательно больше, чѣмъ нужно для судовъ Каспійскаго моря. Отъ свирѣпыхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ она вполнѣ защищена цѣпью холмовъ Апшеронскаго полуострова, которые огибаютъ городъ широкой дугой. Что касается восточныхъ вѣтровъ, то острова Наргинъ, Вульфъ и Песчаникъ, благодаря мелководью между ними и материкомъ, образуютъ естественный молъ, который по-крайней-мѣрѣ ослабляетъ напоръ волнъ съ востока; а относительно южныхъ вѣтровъ туже роль играетъ значительно выдающійся полуостровъ Баиловъ съ его подводнымъ продолженіемъ. Гавань никогда не замерзаетъ, да этого и не можетъ быть при средней температурѣ въ январѣ мѣсяцѣ $+2,_4{}^0$ Реомюра.

Изъ этого пункта, занимающаго срединное положеніе на берегахъ Каспійскаго моря, можно достигнуть почти по прямому направленію, въ день-два, много въ три всѣхъ важнѣйшихъ, въ торговомъ или политическомъ отношеніи, пунктовъ великаго внутренняго моря: Астрахани, Петровска, Дербента, Сари, Энзели, Ашура, Красноводска, Александровска и Гурьева. Будетъ-ли въ Баку сосредоточена значительная военная сила, она можетъ быть перенесена въ самый короткій срокъ въ различные пункты, въ случаѣ, если безпокойныя орды туркменъ или киргизовъ вздумаютъ тревожить форты на восточномъ берегу, или для какой-либо другой цѣли. Пропутешествовавъ 100 верстъ степью, изъ Баку скорѣе можно достигнуть Хивы и береговъ Аральскаго озера, нежели по какой-либо другой дорогѣ изнутри Россіи.

Вслѣдствіе этого, такъ-сказать, центральнаго положенія, Баку долженъ стать естественнымъ складочнымъ мѣстомъ продуктовъ Каспійскаго моря и его богатыхъ береговъ. У меня нѣтъ подъ рукою необходимыхъ статистическихъ данныхъ, чтобы вычислить подробно эти продукты и указать ихъ относительное достоинство. Да этого и не нужно, такъ-какъ можно достовѣрно предсказать, что при новыхъ улучшенныхъ путяхъ сообщенія количество этихъ продуктовъ быстро возрастетъ, а нѣкоторые изъ нихъ, ничтожные теперь, можетъ быть, станутъ важнымъ предметомъ торговли. Поэтому я кратко упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ главныхъ продуктахъ, прежде всего, конечно, о богатыхъ нефтяныхъ источникахъ не только на Апшеронскомъ полуостровѣ, но и на многихъ островахъ южнаго

бассейна: Святомъ, Челекенѣ и др., также въ дельтѣ Куры и, вѣроятно, во многихъ другихъ мѣстахъ; въ Наргинѣ находится сѣра, на Челекенѣ — бѣлая нефть. Рыбная ловля въ дельтахъ Куры, Терека и Волги такъ обильна, что доставляетъ, по вычисленіямъ Данилевскаго, впрочемъ уже нѣсколько устарѣвшимъ, по-крайней-мѣрѣ $10^1/_2$ милл. рублей; и она одна могла-бы наполнить своимъ грузомъ отъ 50 до 60 вагоновъ ежедневно.

Первобытные лѣса, покрывающіе склоны горъ прибрежной полосы Дагестана, Адербейджана, Гилана и Мазендарана, доставляютъ драгоцѣнный лѣсной матеріалъ, который еще никогда не былъ вполнѣ эксплуатированъ. Продукты земледѣлія этихъ странъ: хлопчатая бумага, рисъ, табакъ и въ особенности марена съ побережья Дагестана уже и теперь составляютъ значительные предметы вывоза, а со временемъ они совершенно вытѣснятъ съ русскихъ рынковъ иностранныя произведенія того-же рода. То-же самое можно сказать объ изобиліи южныхъ фруктовъ, въ особенности апельсиновъ и лимоновъ, которые, при правильной организаціи сообщенія, могутъ быть доставляемы въ Петербургъ въ 4—5 дней и поэтому, навѣрное, могутъ съ успѣхомъ соперничать съ произведеніями Италіи. Залежи извести и гипса у Красноводска. Послѣдній бываетъ здѣсь полупрозраченъ и различныхъ цвѣтовъ, вслѣдствіе чего онъ могъ-бы доставить матеріалъ для обширной художественной промышленности. Наконецъ, не послѣднюю роль играютъ и произведенія персидской и туркменской промышленности, въ особенности предметы роскоши, какъ, напр., плисовые и шерстяные ковры и войлоки, плетеные половики, вязанныя и вышитыя вещицы, которыя, по своей прочности, изяществу рисунка и дешевизнѣ, заслуживаютъ распространенія въ болѣе широкихъ кругахъ.

Если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ большая часть этихъ сокровищъ остаются до-сихъ-поръ почти нетронутыми и ждутъ, какъ роза въ сказкѣ, только принца, который своимъ поцѣлуемъ пробудилъ-бы ихъ къ жизни. Этотъ принцъ, конечно, явится здѣсь въ видѣ удобнаго пути сообщеніи, въ видѣ желѣзной дороги, которая соединила-бы непосредственно Баку съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, отъ котораго онъ до-сихъ-поръ отрѣзанъ.

Направленіе этой желѣзной дороги опредѣляется само собою и уже установлено топографической съемкой: она идетъ черезъ Апшеронскій полуостровъ, который здѣсь до того ровенъ, что не требуетъ никакихъ затѣйливыхъ построекъ, на Кубу, Дербентъ и Петровскъ. Отсюда она поворачиваетъ на западъ, переходитъ рѣку Сулакъ, идетъ черезъ Моздокъ къ станціи Прохладной, гдѣ соединяется съ готовой уже линіей Ростово-Владикавказской. Отъ Баку до Пе-

тровска 340 верстъ, отъ Петровска до Прохладной 304 версты. Такъ-какъ на всемъ этомъ протяженіи не встрѣчается сколько-нибудь важныхъ препятствій, то дорога можетъ быть готова въ короткій срокъ, если только русскіе капиталисты или правительство, убѣдившись въ громадномъ значеніи этого пути, рѣшатся приступить къ его постройкѣ.

Затрогивая вопросъ о желѣзной дорогѣ Баку-Прохладная, я касаюсь новой стороны разсматриваемаго вопроса, именно значенія Баку, какъ главнаго пункта Западнаго Кавказа, долины Куры, Аракса и Армянскаго нагорья. Дѣйствительно, положеніе этого города таково, что отсюда легко достигаются (т. е. не переходя черезъ высокіе перевалы и широкія рѣки) всѣ важнѣйшіе пункты Кавказа и Закавказья (за исключеніемъ долины Ріона). Упомянутая выше дорога черезъ Петровскъ ведетъ въ Ставропольскую низменность; подымаясь по долинѣ Куры, она идетъ на Шемаху, Нуху, Закаталы, Сигнахъ, Тифлисъ, Гори, Боржомъ, Ахалцихъ *). Черезъ Сальяны идетъ почти прямой путь по долинѣ Аракса на Ордубадъ, Джульфу, Нахичевань, Эривань, Эчміадзинъ; черезъ степь идутъ дороги въ Елисаветополь и Шушу. Вдоль берега, тоже черезъ Сальяны, дорога ведетъ въ Ленкорань, Астару и Рештъ. Тавризъ, важнѣйшій торговый городъ Персіи, расположенный среди высокихъ горъ, также удобнѣе и скорѣе достигается черезъ Баку, чѣмъ черезъ Тифлисъ. Вступая на персидскую границу у Джульфы на Араксѣ, приходится перебраться лишь черезъ одинъ, и то нетрудный, перевалъ.

Послѣ всего вышесказаннаго, Баку естественно представляется исходнымъ пунктомъ слѣдующихъ четырехъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, несомнѣнно, имѣютъ важное мѣстное значеніе:

1) Выше упомянутая дорога черезъ Петровскъ въ Ростовъ, 2) черезъ Тифлисъ въ Ахалцихъ, а, пожалуй, и до Батума, 3) черезъ Сальяны и Джульфу въ Эривань съ вѣтвью въ Тавризъ, 4) черезъ Сальяны и Астару въ Рештъ и, можетъ статься, въ Тегеранъ и т. д. Предложенныя линіи Тифлисъ-Владикавказъ и Тифлисъ-Эривань-Джульфа сохранили-бы лишь второсте-

*) Здѣсь считаю нелишнимъ замѣтить, что желѣзная дорога, идя до Ахалциха (3,376 футовъ), затѣмъ поворачивая въ одну изъ боковыхъ долинъ Куры и идя къ Турціи до пограничной цѣпи, которую прорѣзываетъ тоннелемъ, наконецъ спускаясь извилинами въ долину Чороха къ Батуму, могла-бы, мнѣ кажется, служить естественнымъ звѣномъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; Сурамскій перевалъ служитъ тому примѣромъ.

пенное значеніе при предполагаемой сѣти желѣзныхъ дорогъ, а такъ какъ онѣ вдобавокъ требуютъ громадныхъ затратъ, то врядъ-ли скоро приступятъ къ ихъ постройкѣ. Линія Тифлисъ-Поти также много потеряла-бы, ибо если уже теперь предпочитаютъ ѣхать до Владикавказа черезъ Казбекскій перевалъ на почтовыхъ лошадяхъ, и притомъ выигрываютъ не мало времени сравнительно съ медленнымъ и часто опаснымъ путешествіемъ на пароходѣ по Черному морю, то тѣмъ болѣе предпочтутъ этотъ путь, когда можно будетъ изъ Баку доѣхать до Россіи по желѣзной дорогѣ. Правда, выходитъ около 700 верстъ крюку, но тѣмъ не менѣе путь до Петербурга сокращается на 1 или на 4 дня (смотря по времени года) противъ Поти-Севастопольской дороги.

Такимъ образомъ, въ качествѣ центральнаго пункта будущей сѣти желѣзныхъ дорогъ Кавказа, Баку долженъ стать складочнымъ мѣстомъ не только произведеній Западнаго Кавказа и Арменіи, но и русскихъ товаровъ, идущихъ въ эти земли и въ Персію. Я слишкомъ мало знакомъ съ торговыми отношеніями, чтобы разсматривать ихъ здѣсь подробнѣе; я хочу только прибавить къ вышеупомянутымъ продуктамъ береговъ Каспійскаго моря слѣдующіе: продукты пчеловодства и скотоводства, нѣкоторые продукты земледѣлія, просо, маисъ, обширное шелководство, въ особенности въ окрестностяхъ Нухи, наконецъ, вино; виноградники произростаютъ въ этомъ благословенномъ краѣ, какъ на своей настоящей родинѣ, и почти безъ всякаго ухода даютъ обильную жатву. (Въ Баку, напр., ведро весьма порядочнаго краснаго Матразинера можно иной разъ имѣть за безцѣнокъ). Перечислять продукты долины Куры и Аракса также излишне, потому что въ мѣстности, гдѣ ни климатъ, ни почва не представляютъ препятствій, лишь отъ энергіи жителей зависитъ увеличивать производство до безконечности. Такъ, производство марены въ Дагестанскомъ округѣ достигло въ короткій срокъ такихъ размѣровъ, что она могла успѣшно соперничать съ французской на русскихъ рынкахъ, и это, не смотря на то, что дѣло велось далеко не раціонально, напротивъ, многое было начато безъ всякаго толку. (См. Петцольда: Кавказъ).

Все вышеизложенное касалось положенія Баку вообще, въ отношеніи къ его окрестностямъ. Намъ остается еще показать, что само по себѣ положеніе города не только не препятствуетъ Баку стать главнымъ городомъ, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ благопріятствуетъ этому.

Что касается климата, отъ котораго такъ многое зависитъ, то Баку находится въ самомъ благопріятномъ положеніи, тогда-какъ многія богатыя полосы земли необитаемы вслѣдствіе убійственнаго климата. Европеецъ чувствуетъ себя хорошо въ тепломъ, сухомъ воздухѣ, освѣженномъ и очищенномъ морскимъ вѣтромъ, и въ мое двухнедѣльное пребываніе въ городѣ я не слышалъ жалобъ на климатъ. Прохожіе имѣли совершенно здоровый видъ, и убійственныя лихорадки болотистаго Гиланскаго и Мазендаранскаго побережья здѣсь, кажется, неизвѣстны. Средняя температура года $11,_2^{\circ}$ Реомюра, отдѣльныхъ мѣсяцевъ (по новому стилю) $2,_4$, $3,_1$, $4,_7$, $8,_7$, $14,_0$, $18,_1$, $20,_4$, $20,_2$, $17,_1$, $12,_8$, $8,_3$ и $4,_3^{\circ}$. Рѣдко термометръ показываетъ ниже 0. Высота ежегодно выпадающаго дождя простирается до $9,_{80}$ англійскихъ дюймовъ, тогда-какъ въ сосѣднемъ Ленкоранѣ она достигаетъ $51,_{31}$ дюймовъ. (Всеобщій Календарь за 1874 г.)

Сухая, твердая почва берега, подымающагося террасами, представляетъ чрезвычайно удобный грунтъ для построекъ, а окрестность изобилуетъ пористымъ, мягкимъ песчаникомъ,—драгоцѣннымъ строительнымъ матеріаломъ.

Но всѣ эти преимущества ничто, сравнительно съ богатыми нефтяными источниками въ ближайшихъ окрестностяхъ города. Они доставляютъ для фабричнаго производства и всевозможныхъ техническихъ предпріятій одно изъ важнѣйшихъ удобствъ, хорошее и дешевое освѣщеніе, въ полномъ изобиліи, не говоря уже о развитіи, которое послѣдуетъ само собой при раціональномъ производствѣ нефтяной промышленности. Нефтяная промышленность дороже золотой. Но я не хочу теперь углубляться далѣе въ предметъ, такъ-какъ возвращусь къ нему въ приложеніи, при отчетѣ о моемъ посѣщеніи нефтяныхъ источниковъ. Я хочу только упомянуть, что запасы нефти и асфальта особенно пригодятся при постройкѣ города, какъ матеріалъ для освѣщенія и мощенія улицъ.

(Продолженіе будетъ).

100

Голосъ 1879 г.
№ 94.

Извѣстно, что въ настоящее время составилось общество, имѣющее цѣлью изучить на мѣстѣ будущіе пути въ Среднюю Азію. Оно только-что издало въ Самарѣ брошюру подъ названіемъ «Аму и Узбой». Брошюра начинается описаніемъ торговаго пути черезъ Среднюю Азію при грекахъ и римлянахъ, при арабахъ, генуэзцахъ и венеціанахъ, постепенный упадокъ этой торговли и попытки къ ея возстановленію; потомъ говоритъ о среднеазіатскомъ водномъ пути по мысли Петра-Великаго, о прошломъ рѣки Аму, преданія объ ней, ея изображеніе на картахъ, о суходолѣ въ туркменской степи, называемомъ хивинцами Кунядарья, а туркменами Узбой; разсказываетъ предположенія о причинахъ и времени поворота Аму, разбирая мнѣнія всѣхъ лицъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ и о значеніи рѣки, также мнѣнія о значеніи поворота Аму къ Каспію. Любопытно въ этомъ отношеніи мнѣніе извѣстнаго англійскаго оріенталиста Генри Раулинсона, высказавшаго въ англійскомъ географическомъ обществѣ свое глубокое убѣжденіе, что «со временемъ соединенныя воды Сыра и Аму проложатъ себѣ путь по ихъ старымъ русламъ къ Каспію и, такимъ образомъ, волжскій путь продолжится въ глубь Азіи на 3,000 верстъ». Это соединеніе въ Каспіѣ главныхъ рѣкъ Средней Азіи, Раулинсонъ считаетъ неопаснымъ для Индіи, напротивъ, видитъ въ немъ большую пользу для развитія цивилизаціи. Еще до послѣдняго прорыва Аму въ Узбой, компетентныя лица, какъ гг. Чайковскій, Стебницкій, Петрусевичъ, изучавшій Узбой въ 1878 году, и начальникъ Закаспійскаго Края Ломакинъ указывали на возможность поворота рѣки безъ особыхъ затратъ. Брошюра сообщаетъ, въ заключеніе, послѣднія изслѣдованія на мѣстѣ Аму и Узбоя, расходъ воды Аму, его судоходность, дороги, работы хивинцовъ, мнѣнія туземцовъ о поворотѣ, и, наконецъ, необходимость разрѣшенія вопроса о поворотѣ Аму къ Каспію. Такимъ образомъ, брошюра, исчерпавъ предметъ этотъ со всѣхъ сторонъ, стоитъ за возможность поворота рѣки.

101.

Голос. 1879 г.
№ 147.

Возобновленіе стараго пути въ Индію.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

28-го мая 1879.

Нельзя не удивляться изумительной чуткости и глубинѣ пониманія русскихъ интересовъ въ Петрѣ-Великомъ. Въ то время, когда во всей Европѣ никто не думалъ о возобновленіи пути въ Индію черезъ Кавказскій Перешеекъ, геніальный преобразователь охватилъ могучимъ своимъ умомъ всю общность торговыхъ интересовъ въ Прикаспійскомъ Краѣ. Экспедиція Бухгольца въ китайскій Туркестанъ и Бековича-Черкаскаго въ Хиву, съ порученіемъ повернуть, если возможно, Амударью въ Каспійское Море, ясно указываютъ на точный планъ торговой эксплуатаціи всей Средней Азіи, чрезъ Каспійское Море и Волгу, которую великій саардамскій плотникъ соединялъ каналами съ Чорнымъ, Балтійскимъ и Бѣлымъ Морями. Личный походъ на Кавказъ, занятіе Дербента, Баку и прикаспійскихъ провинцій Персіи поставили Россію прямо на великомъ международномъ торговомъ пути въ Индію, проходящемъ чрезъ Шахрудъ, Гератъ и Кандагаръ. Такимъ образомъ, вопросъ о наилучшемъ направленіи дороги чрезъ Россію въ Индію былъ разрѣшонъ фактически полтора столѣтія назадъ.

Къ сожалѣнію, ближайшіе преемники Петра-Великаго не поняли всей геніальности, глубины и правдивости плана его. По гюлистанскому миру, Анна Іоанновна возвратила Персіи прикаспійскія провинціи. Каспійское Море было забыто такъ же, какъ и дорога по каспійскому побережью Кавказа. Мы начали прокладывать новый торговый путь

отъ Оренбурга чрезъ безводныя, безплодныя тысячеверстныя степи, къ Аральскому Морю и къ устьямъ Сырдарьи. Чрезъ полтораста лѣтъ энергическихъ усилій и пожертвованій, мы добрались, однако, до Амударьи, т. е. исполнили тò, чтò Петръ-Великій возложилъ на экспедицію Бухгольца.

Тѣмъ временемъ, сама Амударья, утомившись, вѣроятно, скучными разсужденіями и изслѣдованіями учоныхъ о томъ, текла ли она, или не могла течь, въ Каспійское Море, прорвала, въ прошломъ году, плотины у Бента и направилась по направленію къ Каспійскому Морю. Глубокая и обширная котловина, въ которой лежатъ Саракамышскія Озера, остановила дэльнѣйшее теченіе Амударьи. Рѣка подвинулась впередъ только на 200 верстъ, доказавъ, однако, фактически, что мысль Петра-Великаго повернуть Аму въ Каспійское Море была мысль правильная и что она легко исполнима въ наше время.

Съ другой стороны, совершилось нѣчто подобное прорыву Амударьи и въ Персіи. Нашъ добрый сосѣдъ, шахъ персидскій, уже два раза посѣтившій Европу, рѣшился надѣлить свою страну желѣзными дорогами. Первая концесія, выданная имъ барону Рейтеру отъ Бендербушира до Решта, предполагавшаяся въ интересахъ движенія въ Персію англійскихъ товаровъ, доставляемыхъ моремъ чрезъ Суэзскій Каналъ въ Индійскій Океанъ, по счастью для Россіи, не состоялась. Вторая концесія, выданная русскому инженеру, г. Фалькенгагену, отъ Джульфы до Тавриза, требовала постройки желѣзной дороги отъ Тифлиса до Джульфа, чтò дѣлало бы поти-джульфинскую дорогу европейскимъ транзитнымъ путемъ для доставки европейскихъ товаровъ въ Персію въ то время, какъ для движенія туда же русскихъ товаровъ ничего сдѣлано не было. Слѣдовательно, русскія силы и средства, при постройкѣ этой линіи, употреблялись бы на

служеніе интересамъ иностранной торговли.

По счастью для Россіи, и эта концесія не состоялась. Третья концесія выдана была, какъ сообщали газеты, французской компаніи на постройку дороги отъ Тегерана до Решта. Потерпѣла эта компанія неудачу или начала работу—мы не знаемъ; но мысль объ этой дорогѣ, идущей изъ Персіи на встрѣчу проектированной у насъ желѣзнодорожной линіи отъ Петровска по каспійскому побережью составляетъ въ русскихъ интересахъ такое же счастливое событіе, какъ и прорывъ Амударьи. Возможность поворота Аму открываетъ намъ перспективу проложенія удобнаго торговаго пути по безводнымъ, трудно проходимымъ нынѣ, степямъ между Каспіемъ и Амударьей. Предположеніе персидскаго правительства строить желѣзную дорогу изъ Тегерана въ Рештъ указываетъ на возможность постройки желѣзныхъ дорогъ въ Персію, черезъ которую пролегаетъ самая удобная и кратчайшая дорога въ Афганистанъ и Индію.

Такимъ образомъ, естественнымъ ходомъ событій, непонятые планы Петра-Великаго осуществляются въ тѣхъ именно частяхъ, гдѣ они представляли наиболѣе затрудненій. Осуществленіе же тѣхъ частей, которыя зависятъ отъ нашихъ усилій, повидимому, тоже недалеко, въ виду особаго интереса, который возбужденъ прорывомъ Амударьи, вызвавшимъ снаряженіе, въ нынѣшнемъ году, двухъ экспедицій, для изслѣдованія теченія Аму и Узбоя, а также особаго вниманія къ соединенію Закавказья непрерывною желѣзною дорогою съ центральными областями Россіи *).

*) См. изданную въ мартѣ нынѣшняго года, въ Самарѣ, брошюру «Аму и Узбой».

104

Голосъ. 1879 г.
№ 149.

Кавказскій путь въ Индію. —

Кавказъ лежитъ на пути изъ Европы въ Персію и Индію. До открытія пути мимо Мыса Доброй Надежды, чрезъ Кавказъ проходилъ самый важный торговый путь въ Персію и Индію. Торговое движеніе совершалось какъ чрезъ Закавказье отъ Чорнаго Моря къ Каспійскому, такъ и по Сѣверному Кавказу, отъ Таны, лежавшей при устьяхъ Дона, на Астрахань и Каспійское Море. Въ Закавказьѣ еще сохранились по этому пути развалины большихъ торговыхъ городовъ, но самое торговое движеніе совершенно прекратилось послѣ занятія турками Константинополя и уничтоженія цвѣтущихъ генуэзскихъ колоній по берегамъ Чорнаго и Азовскаго Морей.

Россія, занявшая Закавказье, начала заботиться о возстановленіи этого торговаго пути со времени адріанопольскаго трактата, по которому Турція уступила намъ крѣпость Поти и весь восточный берегъ Чорнаго Моря, отъ рѣки Чороха до крѣпости Анапы. Привлеченіе европейскаго транзита составляло предметъ особой заботливости въ Закавказьѣ, для чего строится портъ въ Поти, построена желѣзная дорога отъ Поти до Тифлиса и шосе отъ Тифлиса до Джульфы.

Этотъ торговый путь можетъ служить, конечно, для снабженія европейскими товарами только Персіи и Средней Азіи. Ни въ какомъ случаѣ, онъ не можетъ конкурировать съ прямымъ морскимъ путемъ изъ Европы въ Индію черезъ Суэзскій Каналъ и даже съ окружнымъ морскимъ путемъ мимо Мыса Доброй Надежды.

Европейская торговля съ Индіей и дальнимъ Востокомъ нынѣ достигла такого ко-

лосальнаго размѣра, что ее не могутъ удовлетворять пути, по которымъ приходится пользоваться верблюдами для перевозки товаровъ. Такимъ именно представляется въ настоящее время путь чрезъ Кавказъ въ Персію. Для европейской торговли признаётся даже длиннымъ, т. е. весьма продолжительнымъ, пароходный путь черезъ Суэзскій Каналъ. Для удовлетворенія ея нуждъ, сознаётся необходимость въ непрерывной желѣзной дорогѣ изъ Европы въ Индію.

Гдѣ должна проходить эта дорога — опредѣлить нетрудно. Стоитъ взять земной глобусъ и посмотрѣть на немъ, гдѣ пролегаетъ самая кратчайшая линія непрерывной желѣзной дороги изъ Парижа или Берлина въ Индію. Такая линія проходитъ по Россіи, черезъ Кавказскій Перешеекъ на Тегеранъ, Гератъ и Кандагаръ. Эта линія нетолько непрерывно проходитъ по землѣ, но соединяетъ въ себѣ всѣ наилучшія техническія и экономическія условія какъ относительно постройки, такъ эксплуатаціи и краткости пути.

Къ сожалѣнію, кромѣ географіи и общечеловѣческихъ интересовъ, существуетъ еще соперничество интересовъ европейскихъ державъ. На берлинскомъ конгресѣ слишкомъ ярко выяснилось, насколько для нѣкоторыхъ европейскихъ державъ нежелательно развитіе русскаго могущества. Англія, напримѣръ — первенствующая по торговлѣ съ Индіей и дальнимъ Востокомъ европейская держава; съ помощью 60,000 штыковъ, она держитъ въ покорности 240 мильйоновъ индусовъ. Ей необходимы, поэтому, нетолько самая удобная торговая дорога въ Индію, но и обезпеченное военное сообщеніе, которое, очевидно, немыслимо проложить по територіи соперничествующаго государства. Кратчайшая и удобная дорога въ Индію, пролегающая черезъ Россію,

передаетъ господство на міровомъ торговомъ пути соперницѣ Англіи — Россіи, чего англійскіе интересы не могутъ, конечно, допустить. Отсюда вытекаютъ тѣ чрезвычайныя усилія, основанныя на quasi-научныхъ изслѣдованіяхъ, которыя употребляютъ англичане и иностранные прожектёры, чтобъ доказать, что ближайшая дорога въ Индію идетъ гдѣ угодно, но только не черезъ Кавказскій Перешеекъ.

Литература изслѣдованія международной непрерывной желѣзной дороги изъ Европы въ Индію весьма обширна, но въ ней весьма рѣдки правдивыя указанія на интересы общечеловѣческіе, дѣйствительно международные. Всѣ предложенія дѣлаются исключительно въ виду частныхъ интересовъ того или другого государства и преимущественно въ интересахъ Англіи. По этому о пути чрезъ Кавказъ только и можно встрѣтить данныя въ трудахъ «кавказскаго отдѣленія русскаго техническаго общества».

107

Голосъ. 1880 г.
№ 178.

Китайскія дѣла и сибирская желѣзная дорога.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

28-го іюня 1880.

Откладывая изъ года въ годъ дѣло о сооруженіи желѣзной дороги въ Сибирь, наши государственные люди были, конечно, далеки отъ мысли о возможности вооруженнаго столкновенія Россіи съ Китаемъ. Въ послѣдніе годы, все вниманіе наше привлечено было къ Европѣ; объ упроченіи положенія въ Азіи мало кто заботился, мало кто считалъ его и нужнымъ. Вслѣдствіе этого, въ послѣднюю переживаемую нами четверть столѣтія была сдѣлана важная, съ государственной точки зрѣнія, ошибка: восточная полоса имперіи оставлена безъ желѣзныхъ дорогъ и окончательно потеряны азіатскіе рынки для русскихъ фабричныхъ и заводскихъ произведеній.

До сихъ поръ ошибка эта считалась только экономическою. Дѣйствительно, вредныя послѣдствія ея въ экономическомъ отношеніи неисчислимы: совершенный упадокъ нѣкогда знаменитой кяхтинской чайной торговли; невозможность конкуренціи для русскихъ товаровъ съ англійскими въ Средней Азіи; застой горной промышленности на Уралѣ; затруднительность въ передвиженіи рабочихъ къ промышленымъ центрамъ, ощущаемая въ Юговосточной Россіи, особенно зимою, и, наконецъ, еще бо́льшая затруднительность въ скорой доставкѣ хлѣба въ тѣ мѣста восточной полосы имперіи, гдѣ обнаруживается голодъ. При нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ нашихъ съ Китаемъ, эта экономическая ошибка превращается уже въ ошибку политическую.

Можно смѣло сказать, что, при существованіи южносибирской желѣзной дороги на всемъ высочайше утвержденномъ ея протяженіи, мы были бы избавлены отъ всякихъ толковъ о войнѣ съ Китаемъ, или, по крайней мѣры, дорога эта могла бы служить

сильною угрозою при заключеніи трактата съ китайцами. Наконецъ, еслибъ допустить и самую неизбѣжность враждебнаго столкновенія съ нашимъ азіатскимъ сосѣдомъ, какую громадную услугу оказала бы сибирская желѣзная дорога въ дѣлѣ передвиженія нашихъ войскъ на Амуръ и на другіе пункты китайской границы! Въ Тюмени съ линіи желѣзной дороги могли бы принимать войска сорокъ девять пароходовъ, плавающихъ по Оби и ея притокамъ до Томска и даже до Ачинска, то-есть, до предѣловъ Восточной Сибири. Тысячеверстное разстояніе до Иркутска по лучшей въ имперіи, устроенной самою природою, шосейной дорогѣ не представило бы затрудненія для движенія частей войскъ даже въ ненастное время года. А изъ Иркутска, съ помощью буксирныхъ амурскихъ пароходовъ и баржъ, оставалось бы размѣщать войска по назначенію. Будь у насъ желѣзный путь къ сибирскимъ рѣкамъ, китайское правительство значительно понизило бы тонъ, говоря въ своей офиціальной брошюрѣ, на англійскомъ языкѣ, «Россія и Китай», о своихъ будущихъ побѣдахъ надъ русскими войсками и о томъ, что «въ Киринѣ (приамурскія страны) русская армія, по отдаленности провинціи, не можетъ быть многочисленна, и справиться съ нею не будетъ стоить большого труда. Если не удастся разбить ее, то по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ она разсѣется сама». Вѣроятно, послѣднее свое предположеніе китайскіе генералы основываютъ на томъ, что сообщеніе русской арміи на Амурѣ съ тыломъ и подвозъ къ ней запасовъ и провіанта должны быть затруднительными, вслѣдствіе недостатка хлѣба въ Иркутской Губерніи и путей сообщенія, которыя связывали бы Сибирь съ Европейскою Россіей.

Разумѣется, война — бѣдствіе для государства. Китайская же война можетъ быть еще и очень большимъ бѣдствіемъ. Мы говорили уже, что китайцы, зная превосходство русскихъ войскъ и ихъ вооруженіе, не станутъ гоняться за побѣдами въ сраженіяхъ, но будутъ стараться медленно истощать наши силы. Необходимо, слѣдовательно, озаботиться, чтобъ этого

не случилось. Какъ на одно изъ лучшихъ средствъ разрушить китайскіе замыслы, можно указать на немедленное сооруженіе желѣзной дороги въ Сибирь. Къ числу различныхъ экономическихъ причинъ, вызывающихъ безотлагательную постройку сибирской желѣзной дороги, въ томъ южномъ направленіи, которое слыветъ уже заранѣе въ народѣ подъ именемъ *александровской* желѣзной дороги, слѣдуетъ прибавить еще и то стратегическое соображеніе, что одинъ приступъ къ сооруженію дороги не остается, во всякомъ случаѣ, безъ полезныхъ для насъ послѣдствій въ Пекинѣ.

Нельзя оставить безъ вниманія еще одного обстоятельства, которое, по нашему мнѣнію, необходимо нужно было бы поставить въ связь съ вопросомъ о безотлагательной постройкѣ сибирской желѣзной дороги. Населеніе юговосточной полосы имперіи, сильно потерпѣвшее отъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ и падежа скота, нуждается теперь въ заработкахъ. Направить руки, ищущія заработковъ, на земляныя работы для сибирской дороги, было бы дѣломъ полезнымъ, въ видахъ предупрежденія разныхъ неурядицъ, обыкновенно сопутствующихъ голоду и другимъ общественнымъ бѣдствіямъ.

110

Голос. 1879 г.
№ 256.

Экспедиція для изслѣдованія желѣзнодорожнаго пути въ Средней Азіи.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена слѣдующая кореспонденція изъ Самарканда:

«29-го іюня собрались въ Самаркандѣ всѣ члены самарской экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія направленія будущаго желѣзнодорожнаго пути и для изъисканій относительно степени судоходности Амударьи. 5-го августа экспедиція отправится въ дальнѣйшій путь, въ бухарскіе предѣлы, двумя партіями: графъ Ростовцевъ, инженеръ Ляпуновъ, профессоры Сорокинъ и Мушкетовъ, художникъ Каразинъ и двое чиновниковъ телеграфнаго вѣдомства направятся, чрезъ степь, въ Карши, чтобъ увидѣться съ эмиромъ и объяснить ему цѣль и задачи экспедиціи. Въ то же время остальные члены экспедиціи (инженеръ Э. О. Соколовскій, художникъ Симаковъ, подполковники Маевъ, Лупкевичъ и Крейчмеръ, докторъ Валицкій, зоологъ Пельцамъ), вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи, двинутся черезъ Китабъ, Шааръ, Яртюбе и Калтаминаръ, въ Дербентъ, гдѣ будутъ дожидаться присоединенія первой партіи, отправившейся въ Карши. Если время позволитъ, то, въ ожиданіи прибытія графа Ростовцева и его спутниковъ, будетъ произведено изслѣдованіе Ширабаддарьи до Ширабада, а если возможно, то и далѣе.

«Въ Дербентѣ отъ экспедиціи отдѣлится Н. А. Маевъ, для самостоятельныхъ изслѣдованій по программѣ, предложенной ему географическимъ обществомъ. Собственно же для цѣлей экспедиціи г. Маевъ произведетъ изслѣдованіе трехъ главнѣйшихъ сѣверныхъ притоковъ Амударьи, именно: Сурхана, Кафирнингана и Вахша. Долины этихъ рѣкъ вовсе неизвѣстны. Н. А. Маевъ предполагаетъ спуститься на плоту изъ Сарыджуя, внизъ по Сурхану, до развалинъ Термеза, осмотрѣть эти развалины, потомъ перейти къ Кобадіану и подняться по этой рѣкѣ вверхъ, до Гиссара. Изучивъ въ статистическоэкономическомъ отношеніи басейнъ верхняго Сурхана и Кафирнингана (древній Салханіянъ, земля саковъ), г. Маевъ пройдетъ горами до Норака и вступитъ въ

басейнъ Вахша. Выше Норака Вахшъ не судоходенъ и не можетъ быть даже сплавною рѣкою, такъ какъ у Пулисенги прорывается сквозь щель, шириною отъ десяти до 15-ти шаговъ. Сжатая въ берегахъ рѣка несется здѣсь съ страшнымъ клокотаніемъ. Отъ Норака, гдѣ теченіе Вахша дѣлается болѣе спокойнымъ, г. Маевъ спустится внизъ по этой рѣкѣ, до Кургантюбе (древняго Хоттеля), осмотритъ здѣсь развалины древнихъ городовъ по берегамъ Вахша, и если встрѣтитъ при устьѣ Вахша остальныхъ членовъ экспедиціи, то присоединится къ нимъ и пройдетъ до Чарджуя; если же экспедиція въ это время будетъ ниже устья Вахша, то г. Маевъ пройдетъ амударьинскою степью до Келифа и прямою горною дорогой возвратится въ Шааръ и Самаркандъ,

«Художникъ Н. Е. Симаковъ, побывавъ въ Шаарѣ, возвратится въ Самаркандъ, гдѣ будетъ работать, приблизительно, три недѣли, копируя и изучая архитектурные памятники Самарканда, преимущественно Гурэмиръ, Шахзинда и Бибиханымъ. Альбомъ, который составляетъ г. Симаковъ, обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Окончивъ работы въ Самаркандѣ, Н. Е. Симаковъ проѣдетъ чрезъ Бухару и Каракуль въ Чарджуй, гдѣ присоединится къ остальнымъ членамъ экспедиціи, спускающимся на каюкахъ по Амударьѣ.

«Отдѣливъ отъ себя гг. Симакова и Маева, экспедиція пройдетъ чрезъ Денау, Юрче, Сарыосіо, Регаръ, Дюшамбе и Бальджуанъ къ Кулябу и отсюда на рѣку Пянджъ, для изслѣдованія во всѣхъ отношеніяхъ этой рѣки въ предѣлахъ ея судоходности. Къ тому времени, когда экспедиція прибудетъ къ Хазретимаму, прибудетъ туда же и капитанъ-лейтенантъ Н. Н. Зубовъ, который прошолъ уже отъ Петро-Александровска вверхъ по Аму до Кобадіана. 25-го іюля, онъ былъ въ 14-ти верстахъ ниже Ширабада, какъ извѣстно изъ полученныхъ писемъ. Н. Н. Зубовъ произвелъ уже изслѣдованіе Амударьи на всемъ ея теченіи, такъ что теперь экспедиція, на обратномъ пути своемъ, будетъ только изучать старыя, сухія русла Аму, которыя начинаютъ отдѣляться отъ Чарджуя, и особенно многочисленны въ нижнемъ теченіи Амударьи. Сверхъ того, при обратномъ слѣдованіи каюковъ внизъ по Аму, будутъ пополнены вообще пробѣлы перваго изслѣдованія, если они окажутся.

«Изученіе бытовой стороны жизни народонаселенія тѣхъ мѣстъ, которыя посѣтитъ экспедиція, поручено Н. Н. Каразину, который будетъ также

вести путевой журналъ экспедиціи. Журналъ этотъ, на дневкахъ, будетъ прочитываться въ присутствіи всѣхъ наличныхъ членовъ экспедиціи и исправляться согласно съ ихъ замѣчаніями.

«Какимъ путемъ члены экспедиціи возвратятся въ Самару, еще не рѣшено. Въ проектѣ два пути: 1) отъ Петро-Александровска, чрезъ Устюртъ къ Саратову, т. е. старинный, нынѣ оставленный, караванный путь, и 2) отъ Петро-Александровска, черезъ Кизылкумъ, въ Казалинскъ. Позднее время года, вѣроятно, заставитъ предпочесть послѣдній путь. Переводчикъ и ташкентскіе джигиты (15 человѣкъ) возвратятся въ Самаркандъ изъ Чарджуя. Казачій конвой экспедиціи состоитъ изъ 25-ти уральскихъ казаковъ.

«Труды членовъ самарской экспедиціи предположено издать съ картами, планами, рисунками, и т. п.»

113.

Голос. 1879 г.
№ 315.

Изслѣдованіе среднеазіатской желѣзной дороги

Въ дополненіе къ отчоту о послѣднемъ засѣданіи русскаго географическаго общества (7-го ноября), приводимъ нѣкоторыя данныя о сообщеніи И. В. Мушкетова, сдѣлавшаго краткій очеркъ экспедиціи для изслѣдованія среднеазіатской желѣзной дороги и рѣки Амударьи. Экспедиція имѣла въ виду нетолько рѣшеніе поставленныхъ ей задачъ, но и вообще всестороннее изученіе приамударьинскихъ странъ, поэтому и составлена была изъ весьма разнообразныхъ спеціалистовъ. Кромѣ начальника экспедиціи, въ составѣ ея приняли участіе слѣдующія лица: графъ Н. Я. Ростовцевъ производилъ астрономическія наблюденія и велъ съемку; И. Н. Зубовъ занимался исключительно изслѣдованіемъ рѣки Амударьи, дѣлалъ планъ ея, промѣры, скорость теченія и проч.; Н. В. Сорокинъ занимался ботаническими изслѣдованіями, И. В. Мушкетовъ—геологическими; Э. Д. Пельцамъ—зоологическими; Н. Н. Каразинъ былъ въ экспедиціи, какъ художникъ и этнографъ, Н. Э. Симаковъ какъ художникъ-орнаментистъ; Э. О. Соколовскій и Н. Я. Ляпуновъ — инженеры путей сообщенія, занимались изслѣдованіемъ направленія желѣзной дороги; Н. А. Маевъ, командированный отъ русскаго географическаго общества въ экспедицію, какъ статистикъ. Сверхъ того, въ экспедиціи приняли участіе докторъ Валотскій, полковникъ Лункевичъ и майоръ Кречмаръ.

Въ началѣ іюля, всѣ члены экспедиціи собрались въ Ташкентѣ и, дождавшись начальника экспедиціи, отправились въ Самаркандъ различными путями: одни чрезъ Чинаръ и Голодную Степь, другіе же чрезъ Ходжентъ, Уратюбе и Джизакъ. Въ концѣ іюля всѣ члены собрались въ Самаркандѣ, гдѣ оставались до начала августа; результатомъ пребыванія въ Самаркандѣ были, кромѣ естественноисторическихъ колекцій, подробное изученіе всѣхъ древнихъ памятниковъ; особенно г. Симаковъ сдѣлалъ большую колекцію различныхъ орнаментовъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ азіатскихъ построекъ, а г. Каразинъ нарисовалъ много типовъ туземцовъ.

Въ началѣ августа экспедиція отправилась изъ Самарканда двумя путями, причомъ г. Симаковъ остался въ Самаркандѣ, чтобъ докончить начатое имъ изслѣдованіе орнаментовъ и совершить поѣздку въ городъ Шааръ, гдѣ онъ изучалъ замокъ Аксарай и другія сооруженія временъ Тамерлана. Остальные члены раздѣлились на двѣ партіи: одна, съ начальникомъ экспедиціи, отправилась прямо на югъ чрезъ трудный перевалъ Каратюбе (7,500 фут.) въ Шааръ и Китабъ, оттуда чрезъ Калтамстаръ и ущелье Желѣзныя Ворота, Дербентъ и Байсунъ въ долину рѣки Сурхана. Другая партія, во главѣ съ графомъ Ростовцевымъ, направилась степною дорогою чрезъ Джамъ въ Карши, гдѣ и была представлена бухарскому эмиру. Изъ города Карима чрезъ городъ Гузаръ и тою же прямою дорогою чрезъ Желѣзныя Ворота и пр. тоже вышла въ долину Сурхана, гдѣ и соединились въ Какайты всѣ члены экспедиціи. Такимъ образомъ, изъ Самарканда до рѣки Сурхана прослѣжено два пути: горный и степной. На каждомъ экспедиція производила самыя разнообразныя наблюденія; кромѣ естественноисторическихъ колекцій, велась съемка, опредѣлялись астрономическіе пункты, производились барометрическія наблюденія и составлялся альбомъ рисунковъ, характеризующихъ природу и жителей. Вся мѣстность съ Сурахана представляетъ или сухую, выжженную степь, или голыя, безлѣсныя горы; только кое-гдѣ среди этой безжизненной полупустыни встрѣчаются роскошные, зеленѣющіе оазисы мѣстныхъ селеній и городовъ. Вода, въ большинствѣ случаевъ, соленая, флора очень бѣдная, но фауна разнообразная. Геологическій составъ горъ хотя и однообразенъ, но очень интересенъ; въ пластахъ тріасовой формаціи залегаютъ богатыя мѣсторожденія каменной соли. Изслѣдовавъ судоходность Сурхана, экспедиція по долинѣ этой рѣки вышла на Амударью у Термеза. По дорогѣ она встрѣчала много развалинъ древнихъ городовъ, на мѣстѣ которыхъ, въ настоящее время, попадаются только одинокіе аулы кочевниковъ, домассы новѣйшихъ субаэральныхъ песковъ. Въ Термезѣ развалины древняго города, относящагося ко времени Александра Македонскаго, былъ опредѣленъ астрономическій пунктъ и изслѣдована весьма красивая гробница мусульманскаго святого Термеза и исправлены многія картографическія ошибки.

24-го августа экспедиція снова раздѣлилась на двѣ партіи. Одна отправилась отъ Термеза вверхъ по Аму, дошла до города Кабадіана, изслѣдовала судоходность этой рѣки, прошла верхомъ на рѣку Вахшъ у деревни Лихенакъ и потомъ спустилась въ лодкахъ по Вахшу и Аму въ Петроалександровскъ. На этомъ крайне интересномъ и до сихъ поръ почти неизвѣстномъ пути экспедиція сдѣлала очень много весьма существенныхъ научныхъ пріобрѣтеній: опредѣлила астрономически Кабадіанъ и устье рѣки Вахша, во многомъ исправила карту, изучивъ экономическое состояніе населенія, собрала большія колекціи, и что самое главное, изслѣдовала рѣку Амударью до предѣловъ ея судоходства, такъ же, какъ и всѣ ея правые притоки. До сихъ поръ вся эта мѣстность, а особенно рѣки Сурханъ, Кафарниганъ, Вахшъ и верховье Амударьи были извѣстны почти только по названію; экспедиція изслѣдовала нетолько естественноисторическій характеръ всей этой мѣстности, но и вырѣшила практическіе вопросы о судоходности верхняго теченія Аму съ притоками. Вторая партія участниковъ экспедиціи спустилась внизъ по Аму въ лодкахъ до Петроалександровска; она изучила геологическій составъ долины Аму и прилежащихъ мѣстностей, изучила прибрежную флору и населеніе, во многомъ исправила карту и производила барометрическія наблюденія и составляла альбомъ рисунковъ.

Около урочища Пукерты эта партія выдержала нападеніе шайки тэкинцовъ; но, несмотря на то, что нападеніе было неожиданно и ведено было смѣло степными разбойниками, окончилось счастливо. 11-го сентября, эта партія достигла Петроалександровска, откуда черезъ пустыню Кызылъ-кумъ возвратилась въ Казалинскъ и потомъ обратно въ Россію. Вторая же партія, вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи, возвратилась въ Петроалександровскъ въ первыхъ числахъ октября. Во время плаванія по рѣкѣ Амударьи, ей удалось открыть старое русло рѣки Амударьи около города Келифа и прослѣдить его верстъ на 15. Та же партія, по пріѣздѣ въ Петроалександровскъ, занялась изученіемъ вопроса о поворотѣ рѣки Амударьи и хотѣла пройти чрезъ Устьуртъ на Саратовъ, но до сихъ поръ она еще не возвратилась и потому неизвѣстны ни маршрутъ ея отъ Петроалександровска, ни результаты.

Въ заключеніе, г. Мушкетовъ привелъ нѣкоторые изъ главныхъ выводовъ изслѣдованій экспе-

диціи; между ними заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе: 1) замѣчены громадныя размытія въ странѣ, которыя свидѣтельствуютъ, вмѣстѣ съ высохшими озерами и руслами рѣкъ, объ общемъ уменьшеніи влажности въ Средней Азіи; 2) это уменьшеніе влаги стоитъ въ связи съ сѣверовосточными вѣтрами и высокою температурою; 3) образованіе пустынь и особенно накопленіе песчаныхъ горъ (бархановъ) обусловлены исключительно субаэрьяльными агентами; 4) слѣды поднятія страны наблюдаемы только около горъ, а въ степяхъ, начиная отъ Карки, всѣ данныя указываютъ, что въ новѣйшую геологическую эпоху даже послѣ отложенія третичныхъ пластовъ, страна не претерпѣвала никакихъ колебаній: ни поднятія, ни опусканія; 5) бывшій аралокаспійскій басейнъ распространялся къ югу сравнительно недалеко, максимумъ до Букантау; 6) замѣчено рѣзкое уклоненіе Амударьи къ востоку по закону Бэра и что углубленіе ея русла, а также осушеніе Узбоя находятся въ связи съ пониженіемъ уровня Арала, а не съ поднятіемъ страны; пониженіе же уровня Арала стоитъ въ связи съ общимъ уменьшеніемъ влаги въ странѣ.

117

Всемірная иллюстрація
№ 511.

Пути сообщенія между Англо-Индіей и Афганистаномъ.

Столкновеніе Англіи съ Афганистаномъ началось, въ сущности, какъ мы уже сказали, изъ-за Хайберскаго прохода, которымъ англичане хотѣли овладѣть нечаянно; повидимому, это обстоятельство и было причиной отказа Ширъ-Али принять англійское посольство; если-бы генералъ Чемберлэнъ прибылъ съ приличною свитою, а не съ отрядомъ войскъ, то, конечно, эмиръ приказалъ-бы пропустить его; но коварный захватъ англичанами Боланскаго прохода не былъ еще забытъ, и потому Ширъ-Али оказался недовѣрчивымъ.

Недовѣрчивость его легко объясняется громаднымъ значеніемъ Хайберскаго прохода для Афганистана. Это кратчайшій путь между Кабуломъ и Пешаверомъ—всего 291 верста—и наиболѣе важный въ стратегическомъ отношеніи; владѣя имъ, англичане могли запереть выходъ афганамъ въ Пешаверскій округъ и

рога на Кандагаръ ведетъ, черезъ ущелье Сахи-Сарваръ, на Бори, но она давно оставлена и едва-ли проходима нынѣ для большой арміи. Есть еще нѣсколько дорогъ, или, лучше сказать, тропинокъ, но по нимъ не могутъ проходить значительные отряды войскъ, особенно съ обозомъ и артиллеріею.

Изъ этого краткаго очерка тѣхъ путей, по которымъ англичане могутъ проникнуть въ Афганистанъ, видно, какую важную роль играетъ для нихъ Хайберскій проходъ, овладѣть которымъ открытой силой весьма трудно, что испытали англичане въ послѣднюю войну противъ аффридіевъ, на территоріи которыхъ находится это ущелье.

Дѣйствительно, прорваться черезъ Хайберскій проходъ безъ серьезныхъ потерь мудрено: дорога изгибается между обрывистыми скатами горъ, по берегу рѣки, подъ огнемъ форта Али-Мусьидъ, расположеннаго на вершинѣ отвѣсной скалы и защищаемаго, въ свою очередь, другимъ фортомъ, устроеннымъ на противолежащей возвышенности. Правда, этими укрѣпленіями командуютъ окрестныя горы, но подъемъ на нихъ сопряженъ съ большими затрудненіями, потому что всѣ шансы успѣха на сторонѣ обороняющагося.

Англичане оцѣниваютъ по достоинству всѣ препятствія, которыя приходится имъ преодолѣть, и надѣются, посредствомъ обхода черезъ дефиле у Лалабея и диверсіи со стороны Абазая на Лальпуръ, избѣжать необходимости штурмовать Али-Мусьидъ, который вооруженъ нынѣ 18-ю крупповскими орудіями и снабженъ сильнымъ гарнизономъ. Остается только узнать, дозволятъ-ли афганы совершить эти обходныя движенія, и не перенесутъ-ли они войну на индо-британскую территорію.

119

Новое время. 1879 г.
№ 1321.

О постройкѣ оренбурго-ташкентской дороги.

Въ здѣшнихъ финансовыхъ и близкихъ къ желѣзнодорожному дѣлу кружкахъ передаютъ о проектѣ, составленномъ нѣкоторыми лицами для представленія правительству о неотлагательной постройкѣ оренбурго-ташкентской желѣзной дороги съ продолженіемъ ея черезъ Самаркандъ до крайней нашей границы по направленію къ Индіи. Длина всего пути проектирована въ 2,650 верстъ. Какъ мы слышали, главнѣйшія основанія этого проекта такія: учреждается банкъ, подъ названіемъ «Русскій желѣзнодорожный банкъ». Учредители банка принимаютъ на себя его устройство и веденіе его дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постройку и эксплоатацію оренбурго-ташкентской желѣзной дороги съ ея продолженіемъ. Концессія на постройку дороги даруется срокомъ на 33 года и шесть мѣсяцевъ, изъ коихъ шесть мѣсяцевъ опредѣляются на организацію дѣла, четыре года—на постройку линіи и 29 лѣтъ на ея эксплоатацію. Затѣмъ эта дорога со всѣмъ имуществомъ становится собственностью правительства; также передается въ распоряженіе правительства запасный капиталъ банка и весь остатокъ отъ капитализаціи, имѣющій составить сумму около семи милліоновъ рублей. Постройка дороги будетъ производиться во всемъ согласно техническимъ условіямъ, утвержденнымъ министромъ путей сообщенія по разцѣночной вѣдомости, утвержденной имъ же и подъ его надзоромъ и контролемъ. Эксплоатація же линіи производится подъ наблюденіемъ правительственнаго инспектора. Строительный капиталъ оренбурго-ташкентской желѣзной дороги опредѣляется въ сто семьдесятъ четыре милліона пятьдесятъ тысячъ рублей кредитныхъ, протяженіе пути отъ Оренбурга до Ташкента и оттуда черезъ Самаркандъ до крайней нашей границы по направленію къ Индіи, въ двѣ тысячи шестьсотъ пятьдесятъ верстъ, поверстная стоимость постройки въ шестьдесятъ пять тысячъ шестьсотъ семьдесятъ девять рублей 25 коп. кредитныхъ, за каждую версту. Банку даруется право выпуска въ обращеніе своихъ билетовъ, десяти и сто рублеваго достоинства, на сумму сто девяносто милліоновъ рублей кредитныхъ, съ уплатою по нимъ четырехъ процентовъ годовыхъ на нарицательную ихъ стоимость и съ погашеніемъ ихъ въ тридцати трехлѣтній срокъ. Банкъ можетъ дѣлать на

свои билеты повсемѣстную подписку въ имперіи и заграницей и обращаться при этомъ къ содѣйствію министерства финансовъ. Билеты банка снабжены купонами и талономъ, по коимъ владѣльцы ихъ получаютъ ежегодные проценты. Билеты эти имѣютъ повсемѣстное, свободное обращеніе и принимаются правительственными мѣстами и учрежденіями, наравнѣ съ кредитными билетами государственнаго банка. Билеты банка печатаются въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ на счетъ банка, по образцамъ Высочайше утвержденнымъ. Каждая категорія билетовъ имѣетъ свой опредѣленный цвѣтъ и подлежитъ оплатѣ соотвѣтствующей гербовой пошлины. Поддѣлка билетовъ банка преслѣдуется законами имперіи, наравнѣ съ поддѣлкою кредитныхъ билетовъ государственнаго банка. Билеты банка выпускаются по ихъ нарицательной цѣнѣ и изъ вырученныхъ денегъ русскій желѣзнодорожный банкъ вноситъ въ банкъ государственный сто семьдесятъ шесть милліоновъ семьсотъ тысячъ рублей кредитныхъ, изъ коихъ 174,050,000 руб. составляютъ строительный капиталъ дороги, а 2.650,000 р. капиталъ для эксплоатаціи. Проценты на эти деньги, за время нахожденія ихъ въ государственномъ банкѣ, принадлежатъ правительству въ счетъ гарантіи. Государственный банкъ выплачиваетъ управленію оренбурго-ташкентской желѣзной дороги деньги изъ ея строительнаго капитала по мѣрѣ хода работъ и поставокъ на линіи по свидѣтельствамъ правительственнаго инспектора на произведенныя работы и поставки. Капиталъ для эксплоатаціи, разсчитанной по одной тысячѣ рублей, на каждую готовую верству, выдается государственнымъ банкомъ управленію оренбурго-ташкентской желѣзной дороги, по увѣдомленію министра путей сообщенія, что линія или извѣстная часть ея готова для движенія. Въ случаѣ открытія движенія на линіи, по участкамъ, капиталъ для эксплоатаціи выдается государственнымъ банкомъ управленію дороги въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Если капиталъ, подлежащій внесенію въ государственный банкъ, не будетъ внесенъ въ него банкомъ полностію въ теченіи шести мѣсяцевъ со времени дарованія концессіи, то оная считается несостоявшеюся, и деньги, полученныя банкомъ за выпущенные билеты, возвращаются ихъ владѣльцамъ. Изъ остающихся 13.300,000 рублей, — три милліона восемьсотъ тысячъ рублей (2 проц.) опредѣляются на отпечатаніе билетовъ банка, на уплату по нимъ гербовыхъ пошлинъ, на расходы по подпискѣ, на устройство самаго банка и вообще

на всѣ предварительные необходимые расходы. Затѣмъ остальные десять милліоновъ, пятьсотъ тысячъ руб. (5 проц.) составляютъ оборотный капиталъ банка, съ которымъ онъ и открываетъ свои дѣйствія. Банку предоставляются всѣ банковые обороты, дозволенные законами имперіи, кромѣ пріобрѣтенія на счетъ банка негарантированныхъ процентныхъ бумагъ. Уставъ банка долженъ ограждать его отъ всякаго риска, тѣмъ болѣе, что онъ свободно можетъ достигать своихъ результатовъ по капитализаціи и по погашенію выпущенныхъ имъ билетовъ, хотя бы простою покупкою гарантированныхъ процентныхъ бумагъ и обращеніемъ вышедшихъ по нимъ купоновъ въ такія же бумаги. Всѣ свободныя деньги, принадлежащія банку, должны храниться не иначе, какъ въ государственныхъ или въ ипотечныхъ процентныхъ бумагахъ. Управленіе оренбурго-ташкентской желѣзной дороги передаетъ банку, въ концѣ каждаго года, всю чистую прибыль, полученную отъ эксплоатаціи линіи. Банкъ же, отчисливъ прежде всего отъ своей прибыли пять процентовъ на свой оборотный капиталъ истекшаго года, для присоединенія къ означенному капиталу, присоединяетъ остальное къ полученному отъ управленія и отдѣляетъ отъ этой общей суммы девять милліоновъ пятьсотъ тысячъ рублей, необходимые ему, по его таблицѣ, а для его оборотовъ по капитализаціи и составляющіе пять процентовъ на выпущенные имъ билеты. Сумма эта гарантируется банку правительствомъ въ теченіи тридцати трехъ лѣтъ, со времени взноса 176.700,000 руб. въ государственный банкъ. Въ случаѣ же, если чистый доходъ отъ эксплоатаціи линіи и отъ оборотовъ банка въ совокупности превыситъ эту сумму, то за погашеніемъ долговъ банка правительству, по гарантіи процентовъ, весь избытокъ дѣлится на двѣ равныя части, изъ коихъ одна принадлежитъ правительству, а другая банку. Избытокъ этотъ называется чистою прибылью банка. Чистая прибыль банка распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

50 проц. передаются въ распоряженіе правительства.

8 проц. въ запасный капиталъ банка.

12 проц. въ пользу членовъ совѣта банка.

2 проц. управляющему банкомъ.

3 проц. директорамъ банка.

10 проц. служащимъ въ банкѣ, соразмѣрно получаемому ими содержанію.

15 проц. передаются въ управленіе оренбурго-ташкентской желѣзной дороги 100 проц., итого 100 проц.

Главное руководство дѣлами банка сосредоточивается въ его «совѣтѣ», состоящемъ изъ его «учредителей». Члены совѣта изъ среды своей избираютъ своего «предсѣдателя». По мѣрѣ выбытія членовъ совѣта банка, они замѣняются по усмотрѣнію министра финансовъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы ихъ было не менѣе шести человѣкъ. Банкомъ завѣдываетъ «управляющій», который назначается и увольняется совѣтомъ банка. Управляющій банкомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и «правитель дѣлъ» его совѣта. Управляющій банкомъ есть «непремѣнный предсѣдатель» его правленія, состоящаго изъ трехъ директоровъ. Одинъ изъ директоровъ банка назначается министромъ финансовъ, а двое опредѣляются и увольняются совѣтомъ банка. Управленіе банка подраздѣляется на «канцелярію банка» завѣдывающій коею есть вмѣстѣ съ тѣмъ и «правитель дѣлъ» его правленія, на казначейство, бухгалтеріею и контроль. Начальникъ контрольнаго отдѣленія банка назначается государственнымъ контролеромъ, прочіе же чины банка, кромѣ директоровъ, опредѣляются и увольняются его управляющимъ. Всѣ служащіе въ банкѣ получаютъ содержаніе по штатамъ и кромѣ того имѣютъ вознагражденіе изъ его чистой прибыли. Вся администрація оренбурго-ташкентской желѣзной дороги сосредоточивается въ ея управленіи, состоящемъ изъ четырехъ директоровъ, которые изъ среды своей избираютъ предсѣдателя. Предсѣдатель управленія оренбурго-ташкентской жел. дор. есть вмѣстѣ съ тѣмъ и директоръ распорядитель управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и докладчикъ дѣлъ его совѣту банка. Одинъ изъ директоровъ управленія дороги назначается министромъ путей сообщенія, а трое опредѣляются и увольняются совѣтомъ банка. Управленіе оренбурго-ташкентской дороги находится къ совѣту банка въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и правленіе банка. Рельсы, подвижной составъ и всѣ принадлежности пути должны быть пріобрѣтены при постройкѣ

линіи не иначе, какъ у русскихъ заводчиковъ. Банку не возбраняется владѣть въ Россіи своими заводами желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Чтобы обезпечить вѣрность постройки оренбурго-ташкентской желѣзной дороги, учредители банка вносятъ въ государственный банкъ залогъ въ размѣрѣ двухъ съ половиною процентовъ на строительный капиталъ дороги. Такъ какъ капиталъ этотъ равняется 174,050,000 р кредитныхъ, то означенный залогъ выразится суммою 4.351,250 руб. кредитныхъ. Если послѣ окончанія постройки линіи до крайней нашей границы, по направленію къ Индіи, правительству заблагоразсудится продолжать ее до соединенія съ индійскими желѣзными дорогами, то предпочтительное выполненіе этой постройки предоставляется банку на прежнихъ основаніяхъ.

Имена и фамиліи составителей проекта пока неизвѣстны.

124

Новое время 1879 г.
№ 1392.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, четвергъ, 1-го ноября 1879 г.

Мы помѣстили вчера замѣчательный образчикъ концессіонерныхъ измышленій въ видѣ проекта среднеазіятской желѣзной дороги изъ Оренбурга въ Ташкентъ въ 2,650 верстъ длиною. Каждая строка этого проекта своего рода перлъ и можно пожалѣть только, что „имена и фамиліи составителей проекта пока неизвѣстны".

Въ то время, когда послѣднія желѣзныя дороги при нормальныхъ условіяхъ мѣстности обходились отъ 30 до 40,000 р. за версту, прожектеры предлагаютъ по гладкой поверхности киргизской степи построить желѣзную дорогу по 65,679 р. 25 к. за версту. Какая точность, даже копѣйки не забыты! Лишни однако въ этомъ исчисленіи не однѣ эти копѣйки, но вѣроятно и тысячъ по двадцати пяти рублей съ версты, такъ какъ кромѣ ровности пути среднеазіятская дорога, сравнительно со своимъ протяженіемъ, потребуетъ очень мало подвижного состава и небольшое число станцій, притомъ самаго простого устройства.

Но дороговизна сооруженія еще ничего сравнительно съ другими условіями проекта.

Въ то время, когда законъ запрещаетъ у насъ торговымъ банкамъ владѣть недвижимыми имуществами, кромѣ тѣхъ домовъ, гдѣ банки и ихъ конторы помѣщаются, новый проектъ предлагаетъ для постройки среднеазіятской дороги создать „русскій желѣзнодорожный банкъ", который сдѣлается такимъ образомъ владѣльцемъ недвижимости въ 174.050,000 рублей, а по проекту представляется торговымъ банкомъ.

Всѣмъ извѣстно какъ скверно управляются у насъ банки, извѣстно также какъ дурно эксплоатируются наши желѣзныя дороги. Можно себѣ представить что получится отъ соединенія того и другого хозяйства въ одномъ учрежденіи.

Проектъ требуетъ гарантіи правительства на капиталъ въ теченіи 33 лѣтъ, а возвращать гарантію предполагаетъ, въ случаѣ избытка чистой прибыли, только въ размѣрѣ половины этой прибыли. Изъ остальной половины 35 проц. предполагается раздавать награды служащимъ въ банкѣ. Недурная пропорція! Вообще учредители себя и своихъ не обидѣли. Такъ предполагается, изъ капитала, собраннаго по подпискѣ, три милліона восемьсотъ тысячъ рублей отчислить „на отпечатаніе билетовъ банка, на уплату по нимъ гербовыхъ пошлинъ, на расходы по подпискѣ, на устройство самаго банка и вообще на всѣ предварительные необходимые расходы". Гербовыя пошлины не составятъ болѣе милліона, слѣдовательно 2.800,000 руб. учредители предполагаютъ взять сразу на ихъ „необходимые" расходы. Недурно!

Но и это еще не все. Предѣлъ нелѣпости—предложеніе дать билетамъ проектируемаго банка, необходимымъ для образованія его капитала, учредительскихъ расходовъ и для постройки дороги, всего 190 милл. рублей, повсемѣстное, свободное обращеніе и принимать ихъ правительственными мѣстами и учрежденіями наравнѣ съ кредитными билетами государственнаго банка.

Другими словами, это равняется выпуску новыхъ 200 мил. рублей кредитныхъ билетовъ, только процентныхъ, въ родѣ серій, въ то время, когда и безъ того наше правительство не знаетъ какъ справиться съ громаднымъ текущимъ государственнымъ долгомъ въ видѣ кредитныхъ билетовъ, серій, краткосрочныхъ билетовъ государственнаго казначейства и непокрытаго пассива государственнаго банка.

Спрашивается, для чего при такихъ условіяхъ правительство будетъ гарантировать 4% на бумаги новаго банка, для чего дастъ оно три милліона впередъ концессіонерамъ, для чего дозволитъ оно отчислять ежегодно 35% изъ прибылей въ пользу служащихъ, если оно можетъ выпускомъ такихъ же точно кредитныхъ билетовъ построить среднеазіятскую дорогу само и эксплоатировать ее въ свою собственную пользу? Возможенъ ли, на-

конецъ, выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ почти на сумму двѣсти милліоновъ безъ окончательнаго подрыва нашего вексельнаго курса?

Само собою разумѣется, что серьезнаго разбора проектъ не заслуживаетъ. Наше дѣло было указать, какіе существуютъ благодѣтели русскихъ финансовъ и русскихъ путей сообщенія и вывести ихъ проекты на чистую воду, что лучше всего достигается дословнымъ опубликованіемъ подобныхъ курьезовъ.

Между тѣмъ вопросъ о среднеазіятской желѣзной дорогѣ дѣйствительно важенъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Сооруженіе ея безотложно необходимо не столько еще въ видахъ коммерческихъ, сколько въ политическихъ и желательно обсудить этотъ вопросъ какъ можно обстоятельнѣе.

Какъ же поистинѣ безпардонна та среда, изъ которой выходятъ такіе прожектеры, какъ мало въ нихъ нравственнаго чувства, какое отсутствіе стыдливости и какая безплодная степь вмѣсто того чувства, которое называется любовью къ родинѣ! Мы разумѣемъ не безкорыстные порывы, мы не говоримъ о чемъ-нибудь идеальномъ. Куда ужъ! Пускай будетъ хоть искра порядочности, хоть искра сознанія, что нужды родины—нужды каждаго; пускай видно будетъ, что люди желаютъ нажить, но пускай также видно будетъ, что они желаютъ работать, что они понимаютъ дѣло, что они съумѣютъ серьезно и честно относиться къ нему. Но и этого нѣтъ. Государству нужна эта дорога, нужна до крайности, и вотъ выплываютъ дѣльцы, которые чуть не прямо говорятъ своимъ проектомъ: «Позвольте намъ грабить! Мы грабить умѣемъ! Мы даже за милліонами не постоимъ на необходимые расходы! Позвольте намъ грабить!"

Отвратительно!

127

Голосъ, 1880 г.
№ 94.

ПУТЕШЕСТВІЕ РЕГЕЛЯ.

(Изъ Кульджи чрезъ Шихо въ Турфанъ и обратно).

22-го апрѣля, я выѣхалъ изъ Кульджи въ сопровожденіи четырехъ солдатъ, одного манчжура, двухъ таранчей, двухъ каракиргизовъ и одного казака-киргиза. Взявъ съ собою 16 лошадей и четырехъ верблюдовъ, мы направились сперва на сѣверовостокъ, вдоль рѣчки Пилучи, переѣхали потомъ черезъ перевалъ въ 7,000 футовъ вышиною, по направленію къ рѣкѣ Борборогусуни на сѣверъ, тамъ, гдѣ находится верховье Джиргалана, и двинулись къ сѣверу, вдоль Пилучи.

По выходѣ изъ романтическаго оврага Борборогусуня глубоко врѣзывающагося въ горы, можно добраться далѣе до Джинхо (Dschincho) только черезъ песчаныя степи и холмы. Здѣсь водится много антилопъ и фазановъ. Солнце такъ палило, что термометръ показывалъ на пескѣ 50° по Реомюру; только 29-го апрѣля доѣхали мы до Джинхо, такъ какъ верблюды не позволяли совершать безостановочно большіе переходы. Въ Джинхо я засталъ нѣсколькихъ знакомыхъ китайскихъ чиновниковъ, которые выдали мнѣ необходимыя бумаги для дальнѣйшаго слѣдованія въ Шихо, несмотря на то, что купцамъ дальше ѣхать не дозволялось.

Мѣстность за Джинхо представляетъ безплодную пустыню. Высохшіе пруды оставили послѣ себя такую толстую соляную кору, что намъ нетрудно было запастись цѣлымъ пудомъ поваренной соли. Въ находящемся, приблизительно, на разстояніи 60-ти верстъ лѣсу изъ тополей (дурангунъ) находится китайскій пикетъ Тату. Дурангунъ (populus euphratica)—единственное сколько-нибудь высокое дерево въ безводныхъ, солесодержащихъ степяхъ Средней Азіи. Когда я извѣстилъ пикетъ о моемъ прибытіи, то на встрѣчу мнѣ выѣхало до 60-ти китайскихъ солдатъ, офицеръ которыхъ, переговоривъ съ нами, пропустилъ насъ безпрепятственно. Тогда мы черезъ лѣсъ изъ тополей, въ сильный жаръ, добрались до пикета Кольтема, расположеннаго у почти высохшей рѣки Таллика, и, проѣхавъ еще 60 верстъ, добрались до Сигашу. Тамъ, несмотря на рекомендательныя письма изъ Джинхо, насъ приняли весьма неучтиво и сказали намъ, что русскихъ здѣсь не пропускаютъ. Мы расположились въ лѣсу изъ вязовыхъ деревьевъ, близъ Сигашу, почти насильно отбивъ у китайцовъ лошадей нашихъ, которыхъ

они старались задержать, и трое сутокъ тщетно прождали разрѣшенія изъ Шихо слѣдовать далѣе. Я уѣхалъ, поэтому, безъ дозволенія, въ деревушку Фютаджу, въ десяти верстахъ отъ Ситашу, у опушки вязоваго лѣса, оставилъ тамъ свой конвой и, въ сопровожденіи одного рабочаго и двухъ солдатъ, ускакалъ черезъ хорошо воздѣланныя, несмотря на неблагопріятную почву, степи въ Шихо, находящійся на разстояніи еще 35-ти верстъ.

Хотя я и засталъ тамъ генерала Шилаусуна, который, въ прошломъ году, прожилъ у меня нѣсколько времени въ Кульджѣ и которому я оказалъ, равно какъ и его свитѣ, много услугъ, однако, я не могъ добиться отъ дяндзюна окончательнаго отвѣта. Меня старались отклонить отъ моего намѣренія указаніемъ на опасности, сопряженныя съ поѣздкой въ Турфанъ. Но я не внялъ этимъ убѣжденіямъ и потому получилъ, наконецъ, на третій день, черезъ одного изъ первыхъ чиновниковъ дяндзюна, отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что китайское правительсто не можетъ пустить ни одного русскаго въ Поднебесную Имперію до тѣхъ поръ, пока Кульджа не будетъ возвращена Китаю.

Разумѣется, это было сообщено со всевозможными завѣреніями въ благорасположеніи. Несомнѣнно лишь то, что эти господа сильно пріободрились послѣ того, какъ значительно увеличили тѣ иррегулярныя шайки, которыя имъ угодно называть войскомъ, и слѣдующій за этимъ войскомъ сбродъ. Этотъ-то сбродъ и безпокоитъ теперь всякаго порядочнаго человѣка, причомъ, администрація выказываетъ такой произволъ, что во время пребыванія моего въ Шихо, по показанію дяндзюна, одинъ полицейскій убилъ близъ моей квартиры какого-то человѣка и бросилъ трупъ его на улицѣ, на произволъ судьбы.

Мнѣ, однако, всетаки, дозволили возвратиться отсюда черезъ китайскія владѣнія къ рѣкѣ Кашу и оттуда въ Кульджу. Такъ какъ китайцы незнакомы съ географіей страны своей и содержатъ посты только на дорогѣ, по которой ходятъ караваны, то я имѣлъ вѣрную надежду ввести ихъ въ заблужденіе и, всетаки, достигнуть своей цѣли.

12-го мая, я, въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ и слугъ, выѣхалъ изъ Шихо и вернулся въ Ситашу. Такъ какъ чиновники снова велѣли мнѣ сказать, что, прежде отъѣзда моего къ рѣкѣ Кашу, я долженъ испросить приказанія изъ Шихо, то я заявилъ, что намѣренъ вернуться прямо въ Кульджу, и дѣйствительно, доѣхалъ до пикета Кольтуна, но у первыхъ же тополей, близъ пикета, свернулъ съ дороги и въ южномъ направленіи двинулся вверхъ по теченію рѣчки Тальди въ каменистую степь, гдѣ мы были пока безопасны отъ китайцовъ и куда спустились, къ вечеру, съ

горъ цѣлые табуны кулановъ (дикихъ ословъ). На разстояніи еще десяти верстъ отъ отроговъ Иренхабиргскихъ Горъ, мы переночевали, но огней не зажгли, чтобъ не навести китайцовъ на слѣдъ нашъ.

На другое утро мы прибыли къ оврагу, гдѣ Тальди, глубоко подъ нами, пѣнясь, врывается изъ горъ въ равнину. Отсюда мы, вдоль оврага, ѣхали верхомъ по такой дорогѣ въ горахъ, которую не разъ приходилось исправлять для вьючнаго скота. Мы миновали нѣсколько обвалившихся рудниковъ, изъ которыхъ прежде добывались, какъ слышно, золото и серебро. 15-го мая, на высотѣ 4,000 футовъ, повернули въ круто поднимающійся оврагъ сперва на югозападѣ, а потомъ на западѣ. Здѣсь можно найти разныя прекрасныя растенія, въ томъ числѣ нѣсколько совершенно новыхъ для европейца.

На высотѣ 7,000 футовъ мы очутились на тропинкѣ, извивающейся на западъ между безлѣсными скалами. Здѣсь, на разстояніи 40 верстъ отъ лагернаго расположенія, мы глубоко подъ нами увидѣли верхнее теченіе Тальди и на югѣ громадную ледяную цѣпь по направленію къ малому Юлдусу.

Передъ нами развертывалась великолѣпная панорама, но, къ сожалѣнію, мы, по недостатку воды, не могли сдѣлать привала. По крутой дорогѣ мы снова спустились къ рѣкѣ и потомъ опять поднялись наверхъ. Для отысканія перевала черезъ кряжъ Иренхабирги, я перешолъ, въ сопровожденіи проводника, черезъ пограничную черту изъ сосенъ, но попытка наша не увѣнчалась успѣхомъ и мы въ ледяную бурю должны были повернуть назадъ. Вторая попытка была столь же безплодна: глетчеры были покрыты густымъ слоемъ снѣга и на проходъ черезъ горы съ верблюдами и лошадьми не было никакой надежды. Гораздо южнѣе глетчеръ поднимался до высоты, по мѣньшей мѣрѣ, 16,000 футовъ.

24-го мая, послѣ привала, продолжавшагося нѣсколько дней и посвященнаго собиранію растеній и насѣкомыхъ, мы пустились въ дорогу, на югъ, вдоль рѣчки, вытекающей изъ Иренхабиргскихъ Горъ. Растительность была здѣсь мало развита; только у пограничной черты изъ сосенъ было еще немного лѣса. Но грандіозное зрѣлище представляли по обѣ стороны скалы и водопады, ниспадавшіе нерѣдко съ высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ, то покрытые большими ледяными иглами, то превращающіеся въ клубы пѣны. Отсюда я неоднократно доходилъ до глетчеровъ, по всякій

разъ скоплялись тучи и поднимался градъ и снѣгъ, такъ что мнѣ очень трудно было отъискивать дорогу. Дорогъ въ этой дикой, величественной горной природѣ, вообще, не существуетъ; приходится то и дѣло переѣзжать вкривь и вкось черезъ овраги, причомъ лошади съ трудомъ могутъ переходить въ бродъ черезъ горные потоки. Охотникъ изъ китайцовъ, подстрѣлившій дикаго оленя и переправившійся по этому случаю черезъ Тальди, при этой переправѣ чуть не потонулъ. Такъ какъ я, въ интересахъ моей колекціи, отказалъ въ его просьбѣ предоставить ему оленьи рога (китайцы изготовляютъ изъ нихъ жизненный элексиръ), то онъ потребовалъ, чтобъ его отпустили на родину.

Отсюда мы поднялись, приблизительно, на десять верстъ къ долинѣ Кумбеля или Кумдабана (носящей также у монголовъ наименованіе Тортуголя или Энте) и, пройдя черезъ перевалъ на высотѣ 9,000 футовъ, довольно удобно спустились въ область сосенъ. Тамъ мы наткнулись на оставленный храмъ торгонтовъ, окружонный гробницами и склепами. Въ склепѣ одного жреца лежало множество рукописей изъ временъ послѣдняго хошутенскаго хана Бату-Ванга и столь же значительное количество образчиковъ глиняныхъ идоловъ, изъ которыхъ я составилъ интересную колекцію. Такъ какъ у насъ вышло мясо и мука, то мои люди весьма кстати подстрѣлили дикую лошадь. Провожатые мои, однако, наѣвшись черезъ мѣру во время отлучекъ моихъ для составленія колекцій, сдѣлались до того безпокойными, что я постоянно спалъ не иначе, какъ съ револьверомъ за поясомъ. Ссоры между наемными людьми и взаимныя подстрекательства ихъ другъ противъ друга и противъ начальника экспедиціи, въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходится переносить много лишеній и преодолѣвать разныя затрудненія, принадлежатъ вездѣ, въ томъ числѣ и въ Средней Азіи, къ величайшимъ неудобствамъ для путешественника и повторялись неоднократно во время экспедиціи.

Изъ Кумбельской Долины мы перешли черезъ перевалъ Уландобанъ, вышиною въ 10,000 футовъ, ведущій въ область Джина. Горы образуютъ здѣсь нѣсколько паралельныхъ цѣпей, ведущихъ съ востока на западъ и оканчивающихся по направленію къ Джинхо вышеупомянутыми оголенными горами. Двое таранчей, которыхъ я уже прежде отослалъ назадъ въ Джинхо для покупки тайкомъ муки, вернулись съ извѣстіемъ, что изъ Шихо высылались для отъисканія насъ гонцы за гонцами. Но такъ

какъ они не сходили съ дороги, по которой слѣдуютъ караваны, то имъ, разумѣется, не удалось насъ найти.

4-го іюня мы спустились съ Бадуслунга на нижнюю лѣсную границу; здѣсь мы нашли спрятавшееся между скалами изъ песчаника очаровательное озеро, которое монголы прозвали Кокунурскимъ (Зеленымъ) и считаютъ священнымъ. Вангъ (ханъ) хошутовъ и владѣльцы торгонтовъ Бейли, Бейси и Сасыкъ ежегодно творятъ здѣсь молитвы и дѣлаютъ жертвоприношенія.

Перейдя, въ южномъ направленіи, черезъ лѣсистый грифельный кряжъ, мы прибыли въ другую боковую долину Джина, называющуюся Байнамумъ. Здѣсь видно все теченіе Джина, пересѣкающаго равнину съ востока на западъ. Только гораздо далѣе, въ южномъ направленіи, виднѣются горы, служащія ему границей. Перейдя снова черезъ нѣсколько крутыхъ горныхъ отроговъ, особенно затруднительныхъ для верблюдовъ, мы, послѣ одного перехода, прибыли на берегъ дикаго и широкаго Джина. Переночевавъ здѣсь, въ лѣсу, мы перебрались черезъ рѣку по мосту, который намъ пришлось сперва починять. Еще труднѣе была переправа, 7-го іюня, черезъ второй рукавъ Джина, Заган-Уссу (бѣлая вода), называющійся, нѣсколько ниже, Заган-Тунге. По той сторонѣ мы поднялись по крутой гранитной стѣнѣ узенькою и извилистою тропинкой, гдѣ верблюдовъ приходилось буквально переносить черезъ большія каменныя глыбы, которыхъ нельзя было сдвинуть съ мѣста. Спустившись по холмистой мѣстности съ глинистою почвой, мѣстами воздѣланной торгонтами, мы снова прибыли къ Заган-Тунге, нѣсколько выше сліянія его съ Джиномъ. Во время нашего привала здѣсь, я выслалъ двухъ человѣкъ къ пруду, который служитъ пойломъ для кулановъ (дикихъ ословъ) и они подстрѣлили двухъ рѣдкихъ звѣрей, два экземпляра которыхъ, убитые въ Монголіи Пржевальскимъ, хранятся теперь въ музеѣ петербургской академіи наукъ.

11-го іюня мы двинулись далѣе къ рѣкѣ Нильки. Въ долинѣ, которая тянется къ востоку, мы добрались до аула богатаго князя торгонтовъ Бейли, владѣющаго 60-ю юртами, изъ которыхъ нѣкоторыя съ позолоченными верхушками. Нѣкоторые мужчины носили значки чиновниковъ, а самъ князь былъ въ кафтанѣ багрянаго цвѣта. Торгонты въ этихъ горахъ мало заботятся о китайцахъ, которые стараются теперь поднять свое ослабѣвающее вліяніе религіозными средствами. Они высылаютъ къ легковѣрнымъ торгонтамъ не одного, а двухъ такъ-называемыхъ безсмертныхъ, гегеновъ.

13-го іюня мы двинулись къ перевалу Джункур-дабанъ, тянущемуся на западъ вдоль рѣчки Уласта, впадающей въ Борборогусунь. На перевалѣ этомъ, въ 10,000 футовъ вышиною, намъ представилась роскошная альпійская растительность. По ту сторону перевала мы нашли аулъ чамаровъ. Здѣшняя часть этого племени извѣстна тѣмъ, что крадетъ скотъ, тогда какъ другая, перебравшаяся за Кульджу, принадлежитъ къ трудолюбивымъ переселенцамъ, которые любятъ порядокъ.

16-го іюня, мы двинулись къ рѣкѣ Нильки, впадающей въ Кашъ, а 19-го прибыли къ первымъ ауламъ на Нильки, и вскорѣ потомъ въ самый Нильки. Здѣсь я промѣнялъ верблюдовъ на лошадей, которыя въ горахъ приносятъ гораздо больше пользы. Людей своихъ я расположилъ въ этой мѣстности лагеремъ, а самъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Кульджу, чтобъ запастись всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго путешествія.

28-го іюня, я изъ Кульджи снова направился къ Кашу. Вся мѣстность до песчаныхъ холмовъ Мазара хорошо воздѣлана таранчами. Волостной староста въ Мазарѣ проводилъ меня до Нильки, чтобъ помочь мнѣ при закупкѣ муки, лошадей и барановъ. Въ тотъ же день мы пріѣхали въ другой домъ его, на разстояніи 30-ти верстъ, въ Уластаѣ, гдѣ проживаетъ первая его (такъ-называемая большая) жена.

Жоны у таранчей, киргизовъ и монголовъ какъ бы покупаются, т. е. мужъ платитъ за нихъ скотомъ или деньгами, а жена приноситъ съ собою юрту и платья. У таранчей жоны живутъ вообще въ одной юртѣ, только въ разныхъ комнатахъ; богатые же киргизы помѣщаютъ ихъ въ разныхъ юртахъ и въ изобиліи снабжаютъ ихъ деньгами и стадами. Монголамъ, напротивъ, бракъ обходится очень дешево. Такъ, въ прошломъ году, меня оставилъ одинъ Арбун-Сумумъ, впервые нажившій около пяти рублей. Онъ укралъ себѣ жену, а за свои деньги получилъ долю съ лошади и въ полѣ, засѣянномъ пшеницею. Домъ мужъ и жена сами выстроили изъ глины, и когда я, нѣсколько позже, случайно проѣзжалъ черезъ мѣстность, гдѣ они поселились, то засталъ ихъ тамъ довольными и счастливыми. Вверхъ по теченію рѣки Каша находится долина, заселенная калмыцкимъ племенемъ Арбун-Самумъ, которое во время владычества джунгаровъ занимало Кашгаръ и Туркестанъ до Чимкента. У выхода изъ ущелья Баргати находятся три сѣрные источника съ температурой въ 32° R., которыми пользуются до сихъ поръ только таранчи. Провести къ нимъ изъ Кульджи хорошую дорогу было бы не особенно трудно.

6-го іюля, мы добрались у рѣчки Харголя до послѣднихъ калмыцкихъ ауловъ. Нѣсколько

выше, т. е. на высотѣ 6,000—7,000 футовъ надъ уровнемъ моря, разстилается роскошная долина, гдѣ растительность такъ велика, что покрываетъ собою нетолько пѣшаго, но и всадника. Очень непріятны здѣсь миріады шмелей и ядовитыхъ мухъ, укушеніе которыхъ причиняетъ значительныя опухоли.

Мы должны были построить мосты черезъ бурные притоки Каша. Сверхъ того, во время дождей, продолжавшихся по нѣсколько сутокъ, намъ приходилось постоянно оставаться въ мокрой одеждѣ. Наконецъ, въ густомъ лѣсу мы частью должны были прорубить себѣ дорогу. Такимъ образомъ, мы только 24-го іюля прибыли къ сліянію Каша съ Арислиномъ и тамъ нашли калмыка, изъявившаго готовность проводить насъ до верховьевъ Каша. На довольно удобной дорогѣ вдоль Каша я видѣлъ нѣсколько грудъ каменьевъ и на одной изъ нихъ нашолъ остатки монгольскихъ жертвоприношеній. Монголы и теперь еще возводятъ на всѣхъ перевалахъ такія груды, къ которымъ каждый прохожій кое-что подбавляетъ, творя при этомъ молитвы.

Выше, на разстояніи около 40 верстъ, Мончгёто съ шумомъ впадаетъ въ Кашъ. Такъ какъ никто изъ людей моихъ не рѣшился совершить черезъ него переправу, то я, вмѣстѣ съ кашгарцомъ, переправился черезъ рѣку верхомъ и вскорѣ выискали мѣсто, гдѣ можно было навести мостъ. Съ однимъ только провожатымъ я отсюда поднялся на перевалъ Мончгёто. Рѣка течотъ съ сѣвера изъ глетчеровъ, наполняющихъ наверху все ущелье. Возвратившись въ тотъ же день въ лагерь, я устроился такимъ образомъ, чтобъ на слѣдующій день переночевать выше, для лучшаго ознакомленія съ переваломъ и убѣдился, что пространные глетчеры и снѣжныя поляны дѣлаютъ въ нынѣшнемъ году переходъ черезъ перевалъ невозможнымъ.

Съ высоты одной изъ горныхъ вершинъ я обозрѣлъ ледяное море, разстилающееся съ востока на западъ. Отсюда (85° долготы и 43½° широты) мы должны были повернуть назадъ, для отъисканія перевала Аристандабанъ, который поднимается въ южномъ направленіи вдоль теченія рѣки того же имени и, перейдя черезъ Аршанскія Горы, ведетъ въ долину верховья рѣки Кунгеса и къ Малому Юлдусу. Но прежде, чѣмъ оставить эту возвышенную мѣстность, я пожелалъ отъискать верховья Каша, вытекающаго изъ высокихъ горъ, а потому мы къ нимъ-то и направили путь. Поднявшись на высоту 10,000 футовъ, я нашолъ теплый источникъ совершенно чистаго вкуса. Здѣсь я застрѣлилъ также оригинальнаго небольшого медвѣдя съ бѣлою шеей и вздернутою мордой. Наконецъ, я прибылъ въ плоскую возвышенность, окружон-

ную водопадами. Передъ нами находился глетчерный источникъ рѣки Каша, прикрывающій горнаго гиганта вышиною въ 15,000 футовъ. Здѣсь же, на высотѣ 11,000—12,000 футовъ, я нашолъ еще богатую альпійскую флору, но вскорѣ пошолъ холодный дождь, который, превратившись въ снѣгъ, покрылъ имъ землю на три дюйма. Мы двинулись въ сторону, по направленію къ рѣкѣ Кашу. Съ трудомъ переправляясь черезъ бурные потоки и прорубая себѣ дорогу черезъ лѣсъ, мы прибыли, наконецъ, къ впадающему въ Кашъ Аристандабану.

Вдоль по теченію рѣки я добрался до ея верховья, но здѣсь большіе глетчеры заградили намъ перевалъ, который прежде былъ здѣсь свободенъ отъ льда. Поэтому, я долженъ былъ повернуть назадъ и только 24-го іюля случайно напалъ на дорогу черезъ перевалъ, которую мой провожатый видимо не хотѣлъ показать мнѣ. такъ какъ ею часто пользуются для бѣгства разбойники. Я заподозрилъ, конечно, моего провожатаго въ томъ, что и онъ принадлежитъ къ такимъ разбойничьимъ шайкамъ. Перевалъ имѣетъ здѣсь вышину только въ 10,000 футовъ, и на склонѣ его къ Кунгесу растительность еще гораздо богаче, чѣмъ на Кашѣ.

Отсюда мы по удобной, сравнительно, дорогѣ снова повернули на востокъ. При переходѣ, 30-го іюля черезъ Адункурскій Перевалъ, ведущій въ долину Кунгеса, мы были застигнуты сильною метелью. Снѣгу выпало на два фута и двѣ лошади мои пали. Наконецъ, 2-го августа мы перешли черезъ перевалъ къ Малому Юлдусу и остановились, 3-го августа, у соединенія Шанчагая и Сагастая на высотѣ 9,300 футовъ. Такъ какъ и люди мои, и лошади были очень утомлены, то я выслалъ отсюда шестерыхъ человѣкъ и 19 лошадей обратно въ Кульджу съ моими колекціями, а самъ, въ сопровожденіи шести лучшихъ людей, съ 13-ю лошадьми, направился на востокъ къ Турфану. Снѣгъ, между тѣмъ, растаялъ и лошади снова стали находить для себя кормъ. Проѣхавъ верстъ 60, мы очутились въ узкой болотистой долинѣ и вступили на плоскую возвышенность Альгоя и Чалгоя на высотѣ 9,000—10,000 футовъ, на которой не растетъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ, такъ что мы едва могли заварить себѣ чай съ помощью досокъ отъ ящиковъ; мясо же не имѣли возможности сварить. Ночью термометръ показывалъ 11° R. Когда же мы постепенно спускались внизъ, стало теплѣе, и ночью число градусовъ уменьшилось до 4°. 8-го августа мы, на высотѣ 8,000 футовъ, добрались до перваго аула торгонтовъ и, по прошествіи двухъ мѣсяцовъ, перваго осѣдлаго помѣщенія, гдѣ насъ приняли очень привѣтливо и старались удержать; но такъ какъ я замѣтилъ, что насъ хотятъ заманить поближе къ китайцамъ, то я, для

виду, принялъ приглашеніе посѣтить ихъ храмовый аулъ, но 10-го августа, рано утромъ, пустился въ путь. Проѣхавъ въ тотъ же день около 60-ти верстъ, мы прибыли къ восточнымъ рукавамъ Шапчатая, напротивъ китайскаго города Сѣнцяна.

На другой день мы переѣхали черезъ перевалъ къ Альгою, гдѣ, на высотѣ 10,000 футовъ, находится прекрасное Альпійское Озеро. Только немногими футами выше виднѣются глетчеры, черезъ которые одинъ перевалъ направляется къ Урумчи. Мы двинулись на востокъ по долинѣ Альгоя, обрамленной къ югу цѣпью высокихъ снѣжныхъ горъ. На разстояніи 160-ти верстъ отъ вышеупомянутаго торгонтскаго аула, мы прибыли къ устью Чамгая, гдѣ находится древнее джунгарское укрѣпленіе. Наконецъ, 10-го сентября, утромъ, мы въѣхали въ таранчскую крѣпость Турфанъ.

Эта бывшая столица Уйгурской Имперіи сдалась только тогда, когда китайцы завоевали Кульджу. Въ Турфанѣ положительно не бывалъ еще ни одинъ европеецъ. Таранчи приняли насъ любезно; китайцы же потребовали отъ насъ паспортовъ и были очень напуганы нашимъ прибытіемъ. Какъ я впослѣдствіи узналъ, намъ выслали въ догонку изъ Карашара 50 солдатъ, чтобъ уговорить насъ повернуть назадъ, но они не успѣли догнать насъ.

Меня повели къ китайскому начальнику, по приказанію котораго насъ помѣстили весьма удобно и снабдили припасами. Въ первое время за нами наблюдали самымъ отвратительнымъ образомъ, но щедрость моя скоро ослабила этотъ надзоръ.

Турфанъ расположенъ въ безплодной равнинѣ, но изъ горъ провели въ него воду черезъ подземные каналы и съ помощью ирригаціи достигаютъ тамъ хорошихъ урожаевъ. Туземцы во время сильныхъ жаровъ помѣщаются лѣтомъ въ подземныхъ проходахъ вдоль этихъ каналовъ. Въ двухъ крѣпостяхъ, носящихъ наименованіе Турфана— таранчской, выстроенной Якубомъ-бегомъ, и китайской, на двѣ версты восточнѣе—жителей не свыше нѣсколькихъ тысячъ. Къ востоку китайской крѣпости находятся развалины Турфана послѣднихъ вѣковъ (но, по моему мнѣнію, не древняго знаменитаго Турфана). Здѣсь уцѣлѣли еще прекрасный минаретъ и множество мечетей-гробницъ.

Я въ первые же дни обратился къ начальнику съ просьбою выдать мнѣ необходимыя бумаги для возвращенія отсюда по Лобнору и потомъ, черезъ Кашгаръ, въ Кульджу. Меня продержали пять недѣль и тѣшили одними только обѣщаніями, задерживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, моихъ лошадей. Наконецъ, 20-го октября мнѣ дали понять, что бумаги для прямой поѣздки обратно въ Шихо будутъ вскорѣ доставлены. Въ то же время, мнѣ возвратили исхудалыхъ отъ плохого корма лошадей моихъ. Передъ отъѣздомъ изъ Турфана, я совершилъ нѣсколько поѣздокъ по окрестно-

стямъ, не испросивъ на то разрѣшенія у китайцовъ. Плоскіе дома обывателей, сдѣланные изъ глины, блестятъ въ чистой голубой атмосферѣ, а къ вечеру получаютъ красноватый отблескъ. Вообще, я до сихъ поръ въ Азіи нигдѣ не встрѣчалъ такихъ удивительныхъ сочетаній красокъ, какъ въ Турфанѣ.

Имамъ таранчей устроилъ въ честь мою празднество, во время котораго играли на гитарахъ и тамбуринахъ и танцовали. Въ танцахъ принимали участіе также женщины и дѣвушки, весьма однообразно размахивавшія руками вверхъ и внизъ. По возвращеніи моемъ въ Турфанъ, меня стали торопить отъѣздомъ. Такъ какъ нынѣшній Турфанъ, выстроенный 150 лѣтъ назадъ, не могъ дать мнѣ ключа къ его знаменитому прошлому, то я пожелалъ осмотрѣть остатки древняго города, о которомъ мнѣ разсказывали. Поэтому, я оставилъ въ Турфанѣ людей и пустился въ дорогу съ однимъ киргизскимъ проводникомъ, незамѣченный китайцами. Вечеромъ я посѣтилъ Карагуджу, образующую оазисъ посреди безплодной каменистой пустыни. Тамъ меня очень любезно принялъ одинъ старый врачъ изъ туземцовъ, очень обрадовавшійся тому, что случай доставилъ ему возможность увидѣть, наконецъ, по прошествіи 78 лѣтъ, европейца. Домà тамъ довольно нарядны. Въ большинствѣ ихъ стоятъ прялки или пресы для выжиманія масла, а въ главную комнату ведетъ особая лѣстница. Четырехсотлѣтняя мечеть отличается внутри великолѣпною мозаикой въ самаркандскомъ стилѣ и красивою живописью. Отсюда я съѣздилъ за 15 верстъ въ мѣстечко Мазаръ, которое паломники считаютъ священнѣе Мекки. Домà и бесѣдки въ немъ какъ бы приклеены къ голымъ скаламъ. Склепъ выстроенъ тамъ также въ самаркандскомъ стилѣ. Послѣ обычныхъ омовеній, обязательныхъ для путешественника, имамъ, потомокъ ходжей, царствовавшихъ, въ прошломъ столѣтіи, въ Кашгарѣ, показалъ мнѣ всѣ подробности, какъ, напримѣръ, знамена съ сартскими и дунганскими письменами, и выказалъ, вообще, столько же дружелюбія къ европейцамъ, какъ и непріязни къ китайцамъ. На обратномъ пути въ Турфанъ, я осмотрѣлъ обширныя развалины разрушеннаго города, составляющія, на мой взглядъ, обломки древняго, знаменитаго Турфана. Онъ основанъ императоромъ Таміаномъ и разрушенъ 400 лѣтъ назадъ. Судя по развалинамъ, это былъ весьма большой городъ. На толстыхъ городскихъ стѣнахъ можно различить еще старые бастіоны, ворота и подземные ходы. Между развалинами я нашолъ обломки китайскихъ горшковъ и остатки буддистскихъ идоловъ благородной формы, хоть и изваянныхъ только изъ глины и соломы.

По возвращеніи въ Турфанъ, я засталъ китайскаго начальника весьма встревоженнымъ, такъ какъ онъ, въ разговорѣ съ моими людьми, призналъ мою поѣздку къ мѣсту паломничества весьма опасною. Сторожей нашихъ, которые насъ выпустили, предполагалось повѣсить, и ихъ уже, по варварскому китайскому обычаю, повѣсили въ клѣткѣ за шею, такъ что имъ угрожала, еслибъ я не пріѣхалъ, неминуемая смерть. Несмотря на приказаніе уѣхать, я остался еще день и добился отъ китайскаго начальника освобожденія заключенныхъ, которые на другой день, 28-го октября, послѣдовали за мною, чтобъ перебраться на русскую землю, такъ какъ имѣли полное основаніе опасаться, что ихъ послѣ моего отъѣзда, всетаки, повѣсятъ.

На обратномъ пути, мы прибыли въ городъ Токсунъ, состоящій изъ небольшой крѣпости, построенной Якубомъ-бегомъ, гдѣ насъ и помѣстили, и изъ населеннаго преимущественно дунганами базара. Воздѣлываніе хлопчатой бумаги и промышленость развиты здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Турфанѣ. Ниже Токсуна воды сливаются въ одно соленое озеро, разстилающееся далеко на востокъ.

Въ сильную бурю и пронизывающій насквозь холодъ, мы, 31-го октября, перебрались черезъ Дабаншанскій Перевалъ, вышиною только въ 4,000 футовъ. У подошвы перевала мы остановились въ городкѣ Дабаншанѣ. Знаменитая трехглавая гора Богдооли находится къ сѣверу отъ него, имѣетъ 14,000 футовъ въ вышину и производитъ грандіозное впечатлѣніе. Жители Дабаншанской Долины—дунгане, встрѣтившіе насъ весьма привѣтливо. Въ городѣ не запираютъ ни оконъ, ни дверей. Окна рѣдко даже заклеиваются бумагой.

2-го ноября мы пустились далѣе на западъ и переночевали у озера Айдинкулъ (Лошадиное Озеро). Тамъ мы видѣли два камня изъ древней языческой эпохи съ высѣченными въ нихъ человѣческими лицами, передъ которыми дунгане творятъ молитвы. 3-го ноября мы прибыли въ Урумчи, расположенный внѣ долинъ, къ сѣверу юговосточныхъ притоковъ Иранхабирги. Видъ этого города съ его китайскими башнями и воротами сверху восхитителенъ. Внутри же, между первыми и вторыми стѣнами, городъ представляетъ однѣ только развалины. Рядомъ находится выстроенная Якубомъ-бегомъ крѣпость. Населеніе города опредѣляютъ въ 30,000 душъ, но въ дѣйствительности оно, вѣроятно, вдвое меньше. Вдоль базарной улицы, на протяженіи двухъ верстъ, множество хорошо выстроенныхъ магазиновъ, въ которыхъ продаются лучшіе китайскіе товары, даже рѣдкія вазы и живопись на стеклѣ. Русскихъ товаровъ, какъ, напримѣръ, свѣчей, суконъ и проч., здѣсь такъ же мало, какъ и въ Турфанѣ.

По прибытіи, несмотря на предувѣдомленіе губернатора сопровождавшимъ насъ чиновникомъ, насъ не пустили дальше полицейскаго зданія, въ которомъ одинъ преступникъ былъ повѣшенъ за шею въ клѣткѣ, но такъ, что ноги его еще касались пола, Такъ какъ уже наступила ночь, то я, во весь опоръ, проѣхалъ съ моею свитой черезъ отворенныя ворота прежде, чѣмъ китайскій сбродъ успѣлъ запереть ихъ. Вслѣдствіе этого, мы немедленно получили бумагу объ отводѣ намъ помѣщенія и отпускѣ провіанта. Въ нашей квартирѣ на дворѣ не было, однако, ни одной двери, которую можно было бы запереть, и потому положеніе наше сдѣлалось нестерпимымъ, когда всякій сбродъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ пробрался къ намъ, чтобъ глазѣть на насъ, на наши вещи и дотрогиваться до нихъ. Отъ этого отребья китайцовъ, бо̀льшею частью, состоящаго изъ явныхъ воровъ или убійцъ, не могла уберечь насъ и приставленная къ намъ, по распоряженію начальства, стража. Многіе изъ нихъ сосланы сюда за преступленія и, въ случаѣ войны, ихъ набираютъ для пополненія войска. Въ Турфанѣ я видѣлъ, ка̀къ они проникали въ дома̀ таранчей, брали со стола кушанье и били женщинъ и дѣтей. Ни одинъ человѣкъ, принадлежащій къ угнетеннымъ племенамъ, не смѣетъ, подъ страхомъ смертной казни его самого, членовъ его семейства и даже свидѣтелей, хоть чѣмъ-нибудь отмстить такому негодяю-китайцу.

5-го ноября, я отправился въ Сенджи. Этотъ городъ населенъ дунганами, расположенъ въ равнинѣ и обладаетъ нѣсколькими прекрасными храмами и гробницами. Въ окрестностяхъ его я также видѣлъ развалины большого города, имѣвшія такой же характеръ, какъ и развалины древняго знаменитаго Турфана. По дорогѣ въ Манасъ, мы видѣли много деревень и пикетовъ, довольно удобно устроенныхъ для пріема путешественниковъ. Квартиры китайцовъ украшены мѣбелью и картинами. Но на этой ступени цивилизаціи китаецъ пока и остановился. Онъ обзаводится, сверхъ того, только апаратами для куренія опіума и тремя жонами. Если ему попадутся европейскіе предметы роскоши, онъ пользуется ими съ величайшимъ безвкусіемъ. Такъ, я видѣлъ китайца, постоянно носившаго при себѣ шесть штукъ часовъ, [illegible]ые всѣ показывали время невѣрно. Мохамедане гораздо лучше знакомы съ телеграфами, желѣзными дорогами и проч.; китаецъ же только старается импонировать европейцу лживыми разсказами о войскѣ его дяндзюна.

Въ Манасѣ мы наткнулись на любопытный образчикъ китайскаго правосудія. Передъ воротами выставлены были головы двухъ сартовъ. Дѣло въ томъ, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, китайцы или дунгане убили на улицѣ двухъ сартовъ. Въ видѣ возмездія за такое убійство, повели на бойню еще двухъ сартовъ.

Торгъ дунганскими дѣтьми на пространствѣ отъ Турфана до Манаса еще въ полномъ ходу и мнѣ самому предлагали въ Турфанѣ купить такихъ дѣтей.

14-го ноября мы снова прибыли въ Шихо, гдѣ дяндзинъ, опять-таки, задержалъ меня разными интригами. 24-го ноября, я, безъ рекомендательнаго письма отъ него, уѣхалъ въ Сигашу, гдѣ и засталъ людей моихъ, высланныхъ мною впередъ. Какъ часто бываетъ въ Китаѣ, вѣтеръ вдругъ перемѣнился: блестящій конвой, въ составъ котораго входилъ даже сынъ дяндзина, проводилъ меня съ знаменами и музыкой въ Джинхо. Но когда мы подошли ближе къ русской границѣ, на сѣверъ отъ Борборогуссунской Долины, весь китайскій конвой разбѣжался, такъ какъ пронесся слухъ о приближеніи разбойничьей шайки дунганъ, грабящихъ караваны. Я съ моими шестью человѣками взобрался на холмъ и тамъ сталъ выжидать нападенія этой конной шайки, состоявшей изъ 30-ти человѣкъ и вооруженной, бо́льшею частью, огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мы дали разбойникамъ подъѣхать на близкое разстояніе, послѣ чего я изъ револьвера подстрѣлилъ первыхъ лошадей. Тогда разбойники обратились въ бѣгство.

2-го декабря всѣ мы благополучно возвратились въ Кульджу.

140

Туркестанскія вѣдомости
№ 28 80 г.

Областные и уѣздные комитеты общественнаго здравія въ Туркестанскомъ краѣ.

Вслѣдствіе циркулярнаго предложенія г. исправляющаго должность Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, и. д. военнаго губернатора Семирѣченской области были сдѣланы распоряженія для скорѣйшей организаціи, какъ въ г. Вѣрномъ, такъ и во всѣхъ уѣздахъ области, комитетовъ общественнаго здравія. Въ настоящее время открыли уже свои дѣйствія: семирѣченскій областной комитетъ въ г. Вѣрномъ, и капальскій уѣздный, въ г. Капалѣ.

Семирѣченскій областной комитетъ общественнаго здравія въ минувшемъ году имѣлъ два общія засѣданія; изъ нихъ въ первомъ, состоявшемся 7-го сентября, собравшіеся члены были ознакомлены съ предстоящею комитету дѣятельностью, на основаніи существующихъ въ этомъ смыслѣ законоположеній; затѣмъ въ принципѣ рѣшенъ былъ вопросъ о необходимости раздѣленія территоріи города, станицы и выселка Алматинскихъ на особые участки, изъ которыхъ каждымъ бы завѣдывало въ санитарномъ отношеніи отдѣльное лицо, изъ числа заявившихъ на то свое согласіе. Самое распредѣленіе города и татарской слободки по участкамъ было произведено по распоряженіямъ городской управы, а дѣленіе на участки станицы и выселка Алматинскихъ—по распоряженію члена комитета, вѣрненскаго уѣзднаго начальника. Въ томъ же засѣданіи организована была особая коммисія, изъ членовъ комитета, для составленія подробной инструкціи, которая бы обстоятельно опредѣляла, какъ кругъ обязанностей, такъ и права участковыхъ санитарныхъ надзирателей и взаимныя отношенія между ними и мѣстными домовладѣльцами, въ смыслѣ исполненія послѣдними предъявляемыхъ имъ требованій

объ улучшеніи санитарнаго состоянія жилыхъ и торговыхъ помѣщеній, дворовъ и т. п. Кромѣ того, разсмотрѣнъ былъ вопросъ о средствахъ наблюденія за санитарнымъ состояніемъ казенныхъ зданій военнаго вѣдомства въ г. Вѣрномъ, занятыхъ различными частями войскъ, расположенныхъ въ городѣ; при этомъ комитетъ, принимая во вниманіе, что обязанность въ этомъ отношеніи лежитъ всецѣло на мѣстныхъ военныхъ врачахъ и непосредственно на командирахъ отдѣльныхъ частей, опредѣлилъ: ограничиться, съ своей стороны, въ этомъ отношеніи собраніемъ надлежащихъ свѣдѣній о санитарномъ состояніи занимаемыхъ мѣстными войсками помѣщеній, и объ обязательномъ доставленіи комитету, въ случаѣ надобности, потребныхъ свѣдѣній.

Во второмъ засѣданіи, состоявшемся 19-го сентября, былъ обсуждаемъ вопросъ о мѣрахъ противъ распространенія эпизоотіи въ г. Вѣрномъ, станицѣ и выселкѣ Алматинскихъ, такъ какъ повальная болѣзнь на скотъ въ этихъ мѣстностяхъ, появившаяся еще въ первыхъ числахъ мая мѣсяца минувшаго года, не только не прекращается, но въ послѣднее время даже получила особенно быстрое развитіе, не смотря на сдѣланныя до сего времени административныя распоряженія и пользованіе со стороны жителей указаніями для противодѣйствія распространенію эпизоотіи.

Обсудивъ постановленный вопросъ и усматривая, что немаловажной причиной къ распространенію болѣзни на городскомъ скотѣ служитъ и то обстоятельство, что заболѣвающій скотъ жителей выселка Мало-алматинскаго поступаетъ на излеченіе въ устроенный за городомъ лазаретъ, причемъ скотъ этотъ прогоняется нетолько чрезъ Больше-Алматинскую станицу, но и чрезъ значительную часть города, такъ какъ лазаретъ устроенъ за городомъ, комитетъ нашелъ необходимымъ, чтобы для леченія больнаго скота выселка Мало-алматинскаго, былъ устроенъ особый лазаретъ, въ сторонѣ отъ выселка.

Въ ряду другихъ мѣръ, противодѣйствующихъ распространенію эпизоотіи, комитетъ указалъ на необходимость воспрещенія въ данное время пастьбы скота въ общественныхъ табунахъ, почему военнымъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ симъ, опубликовано распоряженіе, чтобы жители г. Вѣрнаго, станицы и выселка Алматинскихъ прекратили выгонъ скота на общественныя пастбища и содержали бы скотъ во дворахъ, при жилыхъ своихъ помѣщэніяхъ, впредь до прекращенія всякихъ слѣдовъ эпизоотіи. Одновременно со введеніемъ этой мѣры, допущено, согласно постановленію комитета, осмотръ дворовъ и скотскихъ помѣщеній при посредствѣ выборныхъ изъ числа мѣстныхъ обывателей, въ городѣ и станицахъ, для немедленнаго принятія мѣръ къ болѣе тщательному содержанію этихъ помѣщеній тѣми домовладѣльцами, у которыхъ при осмотрѣ будетъ замѣчена грязь и нечистота дворовъ, хлѣвовъ, конюшенъ, и т. п.

Независимо отъ изложеннаго, въ засѣданіи 19 сентября, комитетомъ опредѣлено было уничтожить, посредствомъ сожженія, значительное количество навоза, вывезеннаго городскими жителями за городъ и сложеннаго въ сторонѣ отъ ташкентскаго тракта, ниже тюремнаго замка. Этотъ навозъ не предназначенъ былъ ни для удобренія почвы, ни для выдѣлки кизяка; независимо уже отъ того, что въ составъ навоза могли войти изверженія больныхъ животныхъ, онъ при разложеніи своемъ распространяетъ міазмы и, оставаясь на открытомъ мѣстѣ, вблизи проѣзжихъ дорогъ, можетъ быть вреденъ здоровью жителей и ихъ благосостоянію, способствуя дальнѣйшему развитію и распространенію занесенной въ городъ и пригородную станицу и выселокъ заразительной болѣзни на скотъ.

Вслѣдствіе того же предложенія г. испр. долж. туркестанскаго генералъ-губернатора, открыты также и въ Сыръ-дарьинской области комитеты общественнаго здравія. Означенные комитеты открыты въ уѣздахъ: кураминскомъ 17 августа, туркестанскомъ 21-го, ходжентскомъ 27 августа, чимкентскомъ 5-го и ауліе-атинскомъ 10 сентября.

Отъ казалинскаго же и перовскаго уѣздовъ донесеній еще не получено; затѣмъ областной комитетъ открылъ свои дѣйствія 21-го сентября.

Дѣйствія уѣздныхъ комитетовъ пока ограничились наблюденіемъ за исполненіемъ тѣхъ мѣръ къ оздоровленію мѣстностей, которыя приняты были уѣздною администраціею, согласно циркулярному предложенію Главнаго начальника края отъ 7 марта минувшаго года за № 2004, причемъ въ кураминскомъ уѣздѣ распубликовано особое наставленіе для народа, составленное уѣзднымъ врачемъ, въ Туркестанѣ же и Чимкентѣ тщательно осмотрѣнъ самимъ комитетомъ весь городъ съ окрестностями; въ Туркестанѣ перенесены въ центрѣ города находившіяся бойни за черту городскихъ построекъ, отведены тамъ же особыя мѣста для своза мусора и разныхъ нечистотъ и въ обоихъ уѣздахъ точно распредѣлены обязанности по надзору за чистотой.

Областнымъ комитетомъ разсмотрѣнъ актъ особой коммисіи, назначенной по распоряженію г. военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области, для подробнаго осмотра, въ санитарномъ отношеніи, ташкентской крѣпости и прилегающихъ къ ней мѣстностей. При этомъ предложено городской управѣ перенести немедленно неумѣстно находящуюся близь крѣпости бойню и свинарные хлѣвы, заражающіе далеко воздухъ, на 300 саженъ далѣе, устроивъ помѣщенія для таковыхъ, при первыхъ средствахъ городскаго хозяйства, по усовершенствованному способу этихъ построекъ.

Учрежденъ контроль за скотомъ, приготовленнымъ къ убою, съ порученіемъ надзора за убойнымъ скотомъ областному ветеринару; въ помощь ему предложено городской управѣ назначить, по одному ветеринарному фельдшеру, на каждую изъ городскихъ боенъ. Затѣмъ обращено вниманіе управы на дурное состояніе Константиновской площади и слободки, устроенной за 1-й батареею семейными нижними чинами, и предложено: для устраненія поднимающейся постоянно на площади пыли, вслѣдствіе постоянныхъ проѣздовъ по ней въ

произвольныхъ направленіяхъ, обозначить мѣста проѣзда, окопавъ ихъ глубокими канавами. Слободку, съ весны будущаго года, предположено уничтожить, если поселившимися тамъ не будетъ къ тому времени представлено документовъ на право владѣнія землею. Кромѣ того, предположено, для болѣе успѣшнаго санитарнаго надзора, раздѣлить городъ на участки, для чего члену комитета отъ городской управы, г. Келлеру, совмѣстно съ городскимъ врачемъ, какъ лицамъ, уже ознакомившимся всесторонне съ санитарнымъ положеніемъ города, представить комитету особый докладъ. Наконецъ комитетомъ обращено было вниманіе на заявленіе областнаго врача, д. ст. сов. Логиновича, о недостаточности числа содержимыхъ въ области пріемныхъ покоевъ и средствъ, отпускаемыхъ на нихъ, а также вообще о необходимости ежегоднаго ассигнованія средствъ на санитарныя нужды области. Областной комитетъ, имѣя въ виду, что вопросъ объ устройствѣ пріемныхъ покоевъ уже разрабатывался особой коммисіею, подъ предсѣдательствомъ д. ст. сов. Логиновича, представившаго уже труды и предположенія коммисіи на благоусмотрѣніе г. Главнаго Начальника края, опредѣлилъ: просить ходатайства г. военнаго губернатора сыръ-дарьинской области предъ Главнымъ начальникомъ края объ утвержденіи проектовъ названной выше спеціальной коммисіи по устройству пріемныхъ покоевъ въ области и объ ассигнованіи ежегодно, на санитарныя нужды, по тысячи рублей на каждый изъ 7 уѣздныхъ комитетовъ и 3 тысячъ въ распоряженіе областнаго комитета, изъ земскаго кредита, или же отнести расходъ этотъ на особый сборъ съ народонаселенія.

145

Туркестанскія вѣдомости 1879 г. № 22

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Ирригаціонныя работы въ Казалинскомъ уѣздѣ.

Какъ извѣстно, пустынные нынѣ берега Сыръ-дарьи нѣкогда кипѣли жизнью. Изъ сочиненій арабскихъ географовъ мы знаемъ, что за нѣсколько лѣтъ до похода Джучи берега Сыра были такъ густо покрыты поселеніями, что соловей перелеталъ свободно отъ Ташкента до Янги-кента, неподалеку отъ нынѣшняго Казалинска, а кошка могла свободно пробраться по этому же пространству, переходя по крышамъ и заборамъ. Если въ подобномъ разсказѣ и заключается преувеличеніе, то все-таки онъ показываетъ, что на берегахъ Сыра жило многочисленное осѣдлое населеніе. Монгольскія орды, подъ начальствомъ Джучи, уничтожили это населеніе.

Съ приходомъ русскихъ, снова начала возрождаться жизнь на Сыръ-дарьѣ. Особенно замѣтные успѣхи въ этомъ отношеніи проявляются въ казалинскомъ уѣздѣ, благодаря энергіи начальника уѣзда И. Н. Абграля и его разумному взгляду на потребности и насущныя нужды мѣстнаго населенія. Всякаго, проѣзжающаго по почтовому тракту отъ Оренбурга до Казалинска, поражало обиліе заброшенныхъ арыковъ въ окрестностяхъ Казалинска. Только съ ихъ уничтоженіемъ, окрестности Казалинска обратились въ нынѣшнюю, безотрадную пустыню. Г. Абграль вѣрно оцѣнилъ значеніе этихъ заброшенныхъ источниковъ жизни, и прежде всего озаботился возобновленіемъ старыхъ арыковъ, средствами мѣстнаго, туземнаго населенія. По инициативѣ г. Абграля, расчищены арыки:

Беръ-Казанды—на лѣвомъ берегу Сыръ-дарьи, въ 45 верстахъ отъ Казалинска

(прямой дорогой). Расчищенный арыкъ длиною 11 верстъ, шириною, при выходѣ изъ Сыра, 17 аршинъ и постепенно съуживается до 14 арш. Арыкъ этотъ наполняетъ озеро Беръ-Казанды до 50 верстъ. Это озеро, или, вѣрнѣе сказать, группа озеръ, служитъ водохранилищемъ, откуда уже выведены арыки на окрестныя поля, на которыхъ въ нынѣшнемъ году уже засѣвалось разнаго хлѣба до 10 т. пудовъ. Расчистка арыка начата весною 1876 года.

Бау-джиды, 9 арш. ширины и 6 верстъ длины. Арыкъ этотъ былъ совершенно заброшенъ, такъ что отъ него оставались только едва замѣтные признаки. При расчисткѣ арыка, рабочіе шли по примѣтамъ. Въ 3-хъ верстахъ параллельно съ арыкомъ Бау-джиды, расчищенъ арыкъ:

Кара-арыкъ; этотъ арыкъ выведенъ приблизительно также на 6 верстъ. Оба арыка орошаютъ до 2500 пуд. посѣвовъ. Кара-арыкъ проведенъ (его уже нельзя назвать расчищеннымъ или возобновленнымъ арыкомъ) осенью 1878 года. Первый посѣвъ былъ просо, въ нынѣшнемъ году.

Ергерекъ, или, какъ киргизы называютъ его, „уѣздный, абгралевскій"; арыкъ этотъ выведенъ изъ Сыра на долину Ергерекъ или Айгерикъ. Длина его, по прямому направленію, отъ Сыра до Ергерека 10 вер. Но въ дѣйствительности арыкъ этотъ гораздо длиннѣе, потому что въ началѣ своемъ, у выхода изъ Сыръ-дарьи, онъ дѣлаетъ изгибъ, чтобы имѣть возможность оросить также и прибрежную, удобную для засѣвовъ, мѣстность. Ширина арыка отъ 10 до 14 аршинъ; при входѣ въ Ергерекскую долину, онъ раздѣляется на 3 арыка, принадлежащіе каждый отдѣльному роду киргизъ. При возобновленіи этого арыка работали 3 рода: Алимъ, Курманай и одинъ изъ чиклинскихъ родовъ (кутуковцы?). Роды эти составляютъ нынѣ 4 волости: Чебендинскую, Раимскую, Каракольскую и Алайгырскую; но дѣленіе это—административное, мало привившееся къ народу, какъ и вообще все, искуственно создаваемое въ народной жизни. Киргизы, по прежнему, тяготѣютъ каждый къ своему роду. И при возобновленіи арыка Ергерекъ, арыкъ этотъ былъ раздѣленъ на 3 канала, по чи-

слу работавшихъ родовъ, а не по волостямъ, которыхъ выходило 4. Работы по возобновленію орошенія въ Ергерекской долинѣ должны считаться капитальными; на работы выходило въ 1878 году 4 тыс. человѣкъ, а въ нынѣшнемъ году, для чистки арыка и нѣкоторыхъ детальныхъ работъ—2 т. рабочихъ. Вся эта масса рабочаго люда занималась работами: въ 1878 году—11 дней, а въ нынѣшнемъ—8 дней. Въ минувшемъ году уже посѣяно было въ Ергерекской долинѣ до 3 т. пудовъ разнаго хлѣба, а въ нынѣшнемъ году запашки эти увеличились до 5 т. пуд., и конечно на этой цифрѣ не остановятся.

Джаны-арыкъ, у развалинъ Джанъ-кента (Янги-кентъ); работы на этомъ арыкѣ теперь въ полномъ ходу. Предположено вывесть арыкъ на 30 вер. при ширинѣ до 9 аршинъ. Арыкъ этотъ будетъ орошать до 5 т. пуд. посѣвовъ.

Время проведенія арыковъ въ Средней Азіи, вообще—весна, по окончаніи посѣвовъ, и осень, по возвращеніи съ кочевокъ, когда земля уже сдѣлалась сырою, отъ выпадающихъ осеннихъ дождей. Работы никогда не продолжаются долѣе 2 мѣсяцевъ, но зато массы народа выходятъ на эти работы. Кромѣ того, въ Средней Азіи установилось обычаемъ, что волость, родъ или отдѣльное поселеніе (кишлакъ), предпринимая какую-нибудь серіозную, общественную работу, можетъ требовать къ себѣ, на помощь, рабочихъ изъ сосѣднихъ волостей, родовъ или поселеній. Рабочіе должны явиться безпрекословно, съ своими инструментами (китменями) и на своихъ харчахъ. Въ свою очередь, и получившіе подмогу должны явиться на общественныя работы къ своимъ сосѣдямъ, по первому ихъ требованію. Только при такой организаціи общественнаго труда и возможно исполненіе тѣхъ громадныхъ ирригаціонныхъ сооруженій, которыя удивляютъ всѣхъ, мало знакомыхъ съ Среднею Азіею.

Другое, весьма полезное дѣло, на которое обратилъ вниманіе г. Абграль,—снабженіе водою города Казалинска. Построенный на берегу Сыра, Казалинскъ не можетъ однако пользоваться водою этой рѣки для орошенія, такъ какъ расположенъ на

сравнительно высокомъ мѣстѣ. Результатомъ этого—густая, вредная для здоровья, пыль, наполняющая весь воздухъ въ Казалинскѣ, при малѣйшемъ вѣтрѣ, и чахлая растительность. Кое-гдѣ насаженные тополя едва-едва поддерживаются ручною поливкою изъ колодцевъ. А между тѣмъ городъ растетъ и пріобрѣтаетъ уже нѣкоторое значеніе, которое еще болѣе усилилось съ учрежденіемъ аму-дарьинскаго отдѣла. Лучшій путь изъ Петро-Александровска въ Ташкентъ идетъ чрезъ Казалинскъ.

Г. Абграль примѣромъ доказалъ полную возможность снабженія водою Казалинска, посредствомъ водоподъемнаго колеса, вмѣсто предполагавшагося арыка изъ Сыръ-дарьи, на 29 верстъ, отъ Басъ-кара. Онъ засадилъ молодыми тополями участокъ въ 5 десятинъ, на берегу рѣки, въ окрестностяхъ города, и для поливки молодыхъ деревьевъ поставилъ два водоподъемныхъ колеса. Орошеніе получилось превосходное и посаженныя деревья обѣщаютъ въ скоромъ времени разростись въ густую рощицу. Колеса дѣйствуютъ исправно, даже при самомъ сильномъ противномъ вѣтрѣ.

Примѣръ г. Абграля тотчасъ же нашелъ подражателей. Рядомъ съ дачею уѣзднаго начальника, на землѣ г. Иванова, поставлено такое же водоподъемное колесо; далѣе по Сыру какой-то зажиточный туземецъ поставилъ водяное колесо на своей плантаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ безплодныя береговыя окрестности Казалинска покроются рощами тополя, джиды и другихъ, выносящихъ климатъ, деревьевъ, и это будетъ важнымъ шагомъ къ улучшенію мѣстности во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и гигіеническаго. Если г. Абгралю будетъ разрѣшенъ небольшой расходъ на постановку 4 водоподъемныхъ колесъ въ самомъ Казалинскѣ, то и городъ будетъ пользоваться рѣчной водою, въ замѣнъ нынѣшней колодезной.

Н. М—въ.

149

Туркестанскія вѣдомости 1879 г. № 27.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О засухѣ въ Туркестанскомъ краѣ.

(Къ матеріаламъ по ирригаціи).

Засуха странъ бездождія, какъ напримѣръ туркестанскаго края, выражается не отсутствіемъ дождя лѣтомъ, а недостаткомъ его и выпавшаго снѣга зимою, а также недостаткомъ разницы въ температурѣ зимы и лѣта.

Представимъ себѣ сухую, теплую зиму и нежаркое лѣто: можно навѣрное сказать, что лѣтомъ будетъ засуха. Наоборотъ, при суровой зимѣ и очень жаркомъ лѣтѣ, навѣрное засухи не будетъ,—потому что, въ первомъ случаѣ, за зиму не скопится воды въ тальвегахъ, даже если будутъ дожди—она сбѣжитъ, лѣтомъ же не будетъ достаточно сильнаго таянія снѣга въ горахъ; во второмъ случаѣ и воды за зиму скопится, въ видѣ льда, болѣе, и энергичнѣе будетъ таяніе.

Во всякомъ климатѣ средняя годичная температура очень мало мѣняется съ годами, а потому, чтобы быть среднимъ годовымъ градусамъ (у насъ +14° С.) необходимо, если была холодная зима, быть лѣту жаркому, чтобы, такъ-сказать, наверстать тѣ градусы, которые отняла зима, и, наоборотъ, если зима была теплая, то лѣто должно быть, по той же причинѣ, прохладнымъ.

Такъ какъ въ туркестанскомъ краѣ главное земледѣліе ведется на ирригаціонной водѣ, а мѣстностей съ большими ледниками сравнительно немного, то засуха, если можно выразиться—ташкентская (я говорю преимущественно о кураминскомъ уѣздѣ и Ташкентѣ) обусловливается не отсутствіемъ дождя, котораго у насъ обыкновенно и не бываетъ почти съ апрѣля до ноября, а недостаткомъ ирригаціонной воды.

Жители долинъ (напримѣръ рѣкъ: Чирчика, Келеса, Ангрена), ведя земледѣліе на ирригаціонной водѣ, даже боятся дождя среди лѣта. Такой дождь дѣйствительно приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что въ пасмурную погоду уменьшается таяніе снѣга въ горахъ,—слѣдовательно падаетъ уровень въ водопріемникахъ, да и самое орошеніе дождемъ разогрѣтыхъ полей губитъ ихъ. Листы на плодовыхъ деревьяхъ свертываются, плодъ получается въ пятнахъ. Такую поливку можно сравнить съ поливкою, напримѣръ, огурцовъ среди дня: овощь, какъ извѣстно, погибаетъ.

Жители горъ, обработывающіе поля *ляльляма*, т. е. дождевыя, конечно молятъ о дождѣ. Замѣчательна, между прочимъ, контрировка по этому поводу между земледѣльцами ирригаціонныхъ полей (населеніемъ долинъ) съ земледѣльцами полей ляльляма (населеніемъ горнымъ). Въ 1869 году, въ бытность начальникомъ города и, въ то время, ташкентскаго раіона, Е. А. Россицкаго, я помню былъ слѣдующій случай: годъ былъ замѣчательно маловодный, много полей засохло, и ко всему этому время отъ времени выпадали короткіе дожди среди жаркаго дня, какъ нарочно для того, чтобы портить окончательно тѣ оставшіеся посѣвы, которые поддерживались ирригаціею. Въ то время въ Ташкентѣ распространился слухъ, что главный виновникъ всѣмъ дождямъ *яда-ташъ*, т. е. дождевой камень (*). По мнѣнію сартовскаго населенія, ученые киргизскіе муллы молятся, поднявъ въ рукахъ яда-ташъ, и тѣмъ призываютъ дождь на землю съ котораго-то изъ семи небесъ. Мнѣніе это было настолько сильно, что сартовское населеніе просило у Е. А. Россицкаго разрѣшеніе на устройство оффиціальныхъ контръ-молебновъ для прекращенія дождей.

Въ нынѣшнемъ 1879 году, по предсказаніямъ извѣстнаго ученаго Лоу, въ Западной Европѣ должна быть засуха (см. Петерб. Вѣдом. 1879 г. № 130). Я позволяю себѣ выписать изъ этого нумера слѣдующее: „На основаніи многочисленныхъ своихъ наблюденій, Лоу вывелъ, что засуха, а слѣдовательно и неурожаи повторяются съ замѣ-

чательною точностью. По его изслѣдованіямъ оказывается, что 11 лѣтъ тому назадъ, въ 1868 году, была засуха, нанесшая одной Англіи вреда на 500 милліоновъ рублей. 11 лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. въ 1857 году, тоже была засуха. Слѣдующіе затѣмъ года приходятся на 1846 и 1835; засухи же были въ 1845 и 1834, то есть ускорились на годъ, по неизвѣстнымъ причинамъ. Засуха 25 года опоздала на одинъ годъ. Лоу нашелъ, что засухи повторяются черезъ правильные промежутки времени. Большія засухи были:

1800,	1700,	1600	год.
1815,	1715,	1615	—
1826,	1726,	1626	—
1836,	1736,	1636	—

По мнѣнію Лоу, *засуха можетъ разразиться въ одной части свѣта ранѣе чѣмъ въ другой, но періодичность всемірныхъ засухъ отъ того не измѣняется.* Ожидаемая нынѣ засуха сдѣлала уже свое дѣло въ Остъ-Индіи, Китаѣ, Австраліи и ранѣе—на мысѣ Доброй Надежды и въ Марокко. Исполнится ли предсказаніе Лоу въ нынѣшнемъ году, или оно осуществится въ будущемъ, мы увидимъ. Похоже, впрочемъ, на то, что, къ сожалѣнію, г. Лоу не ошибается. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" читаемъ, по бюллетенямъ погоды, извѣстія крайне неблагопріятныя. Коснется ли насъ предсказаніе Лоу и когда? Вотъ вопросъ, который насъ болѣе всего интересуетъ.

Сопоставляя годъ маловодія (1869,—считая со времени водворенія русскаго владычества въ Средней Азіи) съ настоящимъ годомъ, оказывается, что 1880 есть роковой 11 годъ періодической засухи въ кураминскомъ уѣздѣ. Осмотрѣвшись, мы не можемъ не сознаться, что, дѣйствительно, въ нынѣшнемъ году засуха уже началась: ирригація обоихъ Келесовъ (р. Крукъ-Келесъ и р. Сулю-Келесъ) и рѣки Ангрена въ особенности нуждается въ водѣ. Лога, дававшіе прежде обильные ключи, въ нынѣшнемъ году едва выдѣляютъ воду. Хотя полной засухи мы, слава Богу, не ощущаемъ, но надо полагать, что чередъ нашъ еще не пришелъ, а потому немѣшаетъ быть поосмотрительнѣе.

Вспомнимъ, напримѣръ, цѣны на ячмень и вообще на хлѣбъ. До весны настоящаго года, за батманъ ячменя на ташкентскомъ базарѣ платили 7—8 руб. Стоило пролить нѣсколькимъ дождямъ весною, и хотя до новыхъ хлѣбовъ еще много оставалось времени, но цѣны быстро упали: батманъ ячменя (дождеваго) продавался по 4 и 4½ руб.

Теперь же хотя озимый ячмень уже убранъ и собрано его не мало, потому что озимые хлѣба вообще удались, тѣмъ не менѣе ячмень опять поднялся въ цѣнѣ, потому что, съ наступленіемъ полной весны, оказался недостатокъ въ ирригаціонной водѣ. Вспомнимъ еще, что въ Бухарѣ 1870 годъ былъ годомъ голода, какъ и слѣдующій 1871-й. Воды въ Зеравшанѣ было очень мало.

Роковой годъ голода для Бухары, по аналогіи Лоу, долженъ быть 1881 годъ; а такъ какъ близость Бухары имѣетъ громадное вліяніе на цѣны ташкентскаго базара, то не мѣшало бы рекомендовать какія-нибудь мѣры если не для отвращенія такой напасти, то хотя для возможнаго уменьшенія ея.

Мы замѣчаемъ, прежде всего, въ годы засухъ, упадокъ уровня въ рѣкахъ, въ колодцахъ, родникахъ и т. д., иногда даже полное изсяканіе ихъ; но изъ этого видимаго пониженія уровня водъ еще не слѣдуетъ, чтобы можно было считать воды исчезнувшими совершенно. Дѣйствительно, возмемъ слѣдующій примѣръ: рѣка Ангренъ представляетъ собою русло, мѣстами въ нѣсколько верстъ ширины, наполненное гравіемъ, галькой и пескомъ. Какъ глубоко идетъ простираніе этого слоя, еще до сихъ поръ не было изслѣдовано. Вода въ этой рѣкѣ въ половодье, въ счастливые годы, идетъ почти во всю ширину русла, расползаясь на множество рукавовъ. По спадѣ водъ мы замѣчаемъ слѣдующее: вода открыто идетъ, на извѣстномъ пространствѣ,

(*) *Яда-ташъ*, по разсказамъ сартовъ, есть камень, падающій съ неба; въ темную ночь его видно, какъ падающую звѣзду; видомъ онъ похожъ на желѣзо; словомъ *аэролитъ*, только обладающій чудесными свойствами въ рукахъ ученаго муллы.

большими рукавами; затѣмъ исчезаетъ, скрываясь въ гравіѣ, и движется подъ проводящимъ слоемъ (это въ особенности замѣтно по дорогѣ въ Ходжентъ, близь пскентской станціи); затѣмъ вновь вытекаетъ изъ наноса, сначала въ видѣ маленькихъ ключей, которые, постепенно сливаясь, вновь образуютъ рукава, наполненные водою. Пройдя извѣстное число верстъ, мы замѣчаемъ вновь исчезновеніе воды, и далѣе—опять появленіе ея.

Изъ этого осмотра уже прямо можно заключить, что воду нетрудно вызвать на поверхность: стоитъ только перегородить проводящій слой гальки непроницаемой перемычкой или соединить нѣсколько колодцевъ, вырытыхъ по длинѣ ложа, и вывести собранную въ послѣднемъ колодцѣ воду особымъ отводомъ. Нужно замѣтить, что такого рода орошеніе, т. е. выводъ воды колодцами, соединенными подземными ходами, не составляетъ что-нибудь новое. Въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ„ за 1874 годъ, въ № 26, г-мъ Арендаренко прекрасно описано устройство такого орошенія (оно называется каризнымъ) въ бухарской Нуратѣ, гдѣ инаго орошенія и нѣтъ, за отсутствіемъ напочвенныхъ рѣкъ, какъ нѣтъ его и въ остаткахъ древняго орошенія Карайчина, близь Саурана, въ туркестанскомъ уѣздѣ. Всѣхъ каризовъ въ Нуратѣ 36 (каждый въ 300 колодцевъ) съ 1980 дворами общинниковъ и земледѣльцевъ, что составляетъ на одинъ каризъ почти по 55 дворовъ. Добываніе невидимой или подпочвенной воды такимъ образомъ не представляетъ особыхъ затрудненій, даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Нурата, гдѣ глубина колодцевъ достигаетъ (по Арендаренко) въ верхнихъ колодцахъ кариза 8—12 саженъ, въ среднихъ—3—6, а въ нижнихъ—выходитъ на поверхность.

Другой, болѣе грандіозный способъ добыванія ирригаціонной воды, состоитъ въ скопленіи ея въ резервуарахъ. Библейское сказаніе весьма поучительно говоритъ о томъ великомъ голодѣ, который былъ въ Египтѣ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Георгія Властова (см. книгу „Священная лѣтопись“, изд. 1876 г.), голодъ, указанный въ книгѣ Бытія, относится къ царствованію Аменемха

III, XII династіи фараоновъ, извѣстнаго сначала подъ именемъ Нумхотепа, родственника и любимца Осиртасина I, приблизительно за 18 вѣковъ до Рождества Христова. Во времена его жилъ и извѣстный Іосифъ, названный фараономъ Цаѳнаѳъ-Паанеахъ (ср. кн. Бытія XLI. 45), что̀ означаетъ *пища жизни* (по переводу митроп. Филарета—*хранитель жизни*). На страницѣ 50 своей лѣтописи Властовъ говоритъ: „При Аменемхѣ III не только сдѣланъ раздѣлъ земли, но при немъ создана та величественно-стройная система каналовъ, доковъ, шлюзовъ и резервуаровъ, которые регулировали воды Нила, и при немъ же выкопано знаменитое озеро Мерисъ въ Фаіумѣ, которое соединялось каналомъ съ Ниломъ и служило главнымъ регуляторомъ высоты наводненія. Мѣсто это называлось по-египетски Пі-ане — *домъ жизни*, что̀ напоминаетъ имя Цаѳнаѳъ-Паанеахъ, т. е. то имя, которое далъ Іосифу фараонъ, какъ-бы ясно указывая, что система охраненія Египта отъ голода принадлежитъ лицу, носившему это имя“.

Въ размѣрахъ этого громаднаго сооруженія, по древнимъ описаніямъ, хотя и замѣчается не менѣе громадная разница (такъ, Помпоніусъ Мела описываетъ поверхность этого озера въ 1400 эктаровъ; по сказаніямъ Плинія, Страбона, Геродота, Діодора, поверхность эта въ 12.000 эктаровъ; по исчисленію же Надо-де-Бюфона, оно должно было содержать 2 миліарда куб. метровъ воды), но слѣды этого сооруженія сохранились до сихъ поръ, т. е. послѣ 37 вѣковъ его существованія, и не оставляютъ никакого сомнѣнія, что озеро это искуственно вырыто руками людей. Оно сообщалось съ Ниломъ каналомъ въ 20 верстъ длины. По срединѣ его возвышались и теперь сохранились двѣ громадныхъ пирамиды въ 40 саженъ вышиною, на которыхъ были два нилометра для указанія уровня водъ (см. Надо-де-Бюфона, стр. 20).

Нужда научаетъ многому, — это старая истина. По крайней мѣрѣ по всѣмъ извѣстнымъ памятникамъ исторіи Египта оказывается, что нѣтъ другой эпохи созданія такихъ громадныхъ и полезныхъ работъ, какъ

въ царствованіе Аменемха III, и, по мнѣнію Властова (стр. 51) „нѣтъ историческаго момента, который далъ бы такую возможность исполнить всѣ детали системы (заключавшей въ себѣ и передѣлъ земель, и нарушеніе всѣхъ частныхъ интересовъ для общегосударственной цѣли, и громадныя работы), какъ указанный въ книгѣ Бытія голодъ", продолжавшійся, какъ извѣстно, семь лѣтъ. Это страшное народное бѣдствіе отдало въ руки фараоновъ не только несмѣтныя народныя богатства, скопленныя вѣками, но дало правительству милліоны рабочихъ рукъ, которыя, не имѣя земледѣльческихъ занятій, „вопили о работѣ, чтобы прокормить себя и семьи свои". „Да не умремъ убо предъ тобою и земля опустѣетъ, купи насъ, и землю нашу хлѣбами: и будетъ мы и земля наша раби Фараону; даждь сѣмя, да посѣемъ и живи будемъ, и не умремъ, и земля не опустѣетъ. И купи Іосифъ всю землю египетскую Фараону". (Кн. Бытія, гл. XLVII, ст. 19).

Предусмотрительная мудрость такихъ монарховъ-строителей, какъ фараоны XII династіи, воспользовалась нуждой народа для приведенія въ исполненіе величественнаго плана охраненія Египта отъ засухи и голода на будущее время (Властовъ, стр. 51). Собственно Египетъ въ своей ирригаціи имѣетъ ту особенность, обусловленную климатомъ, что воды Нила вытекаютъ не изъ ледниковъ, какъ напримѣръ, въ Ломбардіи. Верховья его находятся въ жаркихъ частяхъ Абиссиніи, гдѣ снѣгъ, даже на самыхъ высокихъ горахъ, быстро таетъ подъ вліяніемъ теплыхъ вѣтровъ. Расходъ воды въ рѣкѣ пополняется регулярно тропическими дождями, о продолжительности и силѣ которыхъ мы можемъ составить себѣ понятіе только изъ описаній. Это не дождь, который мы можемъ себѣ представить,—это буквально падающій съ неба водопадъ (см. Nadolt de Buffon, стр. 16). Нилъ начинаетъ подниматься въ лѣтнее солнцестояніе, и ростъ его достигаетъ максимума въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, т. е. до осени. Затѣмъ воды спадаютъ постепенно въ теченіи остальныхъ девяти мѣсяцевъ года. Искуственная задержка или склопленіе воды Нила имѣла въ виду утучненіе почвы плодороднымъ иломъ,

даже болѣе чѣмъ ирригацію въ тѣсномъ смыслѣ (Nadolt de Buffon, стр. 18). По Плинію, лучшая высота уровня (слѣдоват. подъемъ его) былъ въ 16 локтей или около 8 метровъ. Выше этого наводненіе становилось опаснымъ для плотинъ и для поселеній. Въ Египтѣ былъ голодъ, когда воды Нила не достигали 10 или 12 локтей на главномъ нилометрѣ, помѣщавшемся на меридіанѣ острова Рода, противъ стараго Каира. Такимъ образомъ искусство египтянъ состояло въ умѣньѣ запастись водою и во время засухъ выдѣлять ее изъ водохранилищъ, а во время высокаго стоянія Нила наводнять поля съ цѣлью утучненія ихъ плодороднымъ иломъ; при чемъ земледѣлецъ получалъ (и теперь получаетъ) съ одного поля три хлѣба въ одно лѣто.

Изъ такого положенія дѣла можно, приблизительно, сдѣлать слѣдующій выводъ: для нуждъ земледѣлія въ Египтѣ представляется необходимымъ и возможнымъ скоплять поверхностную воду, собирая ее въ открытыхъ резервуарахъ. Подобныхъ примѣровъ скопленія воды очень много. Мы позволяемъ себѣ привести, какъ примѣръ небольшаго резервуара ирригаціонной воды въ тѣсномъ смыслѣ, резервуаръ долины Аликанте, въ Испаніи. Резервуаръ Тиби находится на территоріи этого названія и предназначенъ для орошенія Аликанте, Мухоміель, Санъ-жуанъ и Виллафранкеза, всего 3800 эктаровъ. Первоначальное устройство его относятъ къ временамъ мавровъ, увеличеніе резервуара къ 1594 г., реставрацію къ 1738 году. Сооруженіе представляетъ каменную плотину (изъ песчанника и тесанаго камня), которою перегороженъ логъ Тиби, имѣющій крутые берега и находящійся въ верхней части долины Аликанте. Собственно переборка или плотина имѣетъ до 12 саженъ ширины у основанія и 7 саженъ въ верхней части, представляя, такимъ образомъ, въ сѣченіи трапецію высотою (46,5 метр.) около 20 саженъ надъ ряжами и опоражнивающими отверзтіями. Длина плотины вверху 85 метровъ или около 35 саж. Длина подпруды, которую она производитъ въ главномъ логѣ, 3000 метр. или около $2\frac{1}{2}$ верстъ, не считая подпруды въ боковыхъ тальвегахъ и логахъ,

сходящихся въ этотъ главный логъ. Вмѣстимость резервуара приблизительно составляетъ 3.000.000 куб. метровъ воды. Въ этой части Испаніи скопленіе воды для орошенія необходимо потому, что другихъ источниковъ, которые могли бы питать ирригацію, не имѣется. Какъ дорого цѣнится ирригаціонная вода, такимъ образомъ скопленная, можно заключить изъ того, что такая вода употребляется только для дорогихъ посѣвовъ, притомъ весьма прибыльныхъ. Для луговъ же, рису и проч., ея вовсе не употребляютъ.

У насъ часто приходится слышать жалобы на то, что ирригаціонная вода дается очередью. Каждому русскому, особенно вновь прибывшему въ край, не можетъ не нравиться то удобство, которое имѣетъ (по крайней мѣрѣ въ Ташкентѣ) каждый дворъ съ проведенною оросительною водою; но за то едва ли много найдется русскихъ людей-землехозяевъ и домовладѣльцевъ, которые сознательно относились бы къ тому обстоятельству, что это—ирригаціонная вода, а не ключъ, родникъ или рѣка,—вода искуственно поднятая плотинами и проведенная за 30 и болѣе верстъ. Малѣйшій отводъ воды очередью на поля мѣстныхъ земледѣльцевъ возбуждаетъ протестъ, въ особенности со стороны русскаго населенія. Часто случается слышать заявленія претензій на то, напримѣръ, что въ такомъ-то дворовомъ арыкѣ воды такъ мало, что нельзя выполоскать хорошенько бѣлья, „негдѣ располоскаться", или „нельзя выкупаться", и т. д.

Вотъ какъ цѣнится вода и очередь орошенія, напримѣръ, въ Испаніи, въ той же долинѣ Аликанте, которой орошеніе сейчасъ описано: § 7, глава 1, регламента 30 апрѣля 1849 года, распредѣляетъ очереди орошенія не только на часы, но на минуты и секунды. Въ этомъ § сказано: „для измѣренія вытеканія воды, сторожа приносятъ песчаные часы, сдѣланные изъ хорошо-просвѣчивающаго матеріала и хорошо вывѣренные, которыми ихъ снабжаетъ управленіе, свѣривъ предварительно съ образцами, у него находящимися. Клепсидры должны быть: 1 часъ, 30 минутъ, 15 минутъ, 7 минутъ и 30 секундъ, 2 минуты".

Резервуары или копильни воды можно встрѣтить и у насъ, въ туркестанскомъ

краѣ. Если не ошибаюсь, въ урочищѣ Тамды, плотиною, сложенною изъ жженаго кирпича, перегороженъ подобный вышеописанному логъ. Въ плотинѣ этой или стѣнѣ оставлены отверзтія, поднимающіяся одно надъ другимъ, которыя закрываются дерномъ. Орошеніе начинается съ верхняго отверзтія, постепенно переходя къ нижнимъ, и къ концу лѣта резервуаръ опоражнивается.

Въ Голодной степи, между Чиназомъ и Джизакомъ, до сихъ поръ сохранились цистерны, Мурза-рабатъ и Якесардаба. Поставлены онѣ въ котловинахъ; имѣютъ цилиндрическую кирпичную стѣну, которая окружаетъ яму, прикрываемую этой стѣною съ боковъ, а сверху—купольнымъ сводомъ съ отверзтіемъ въ срединѣ. Назначеніе цистернъ служило для скопленія весеннихъ водъ отъ дождей и отъ зимняго снѣга. Вода эта собиралась въ котловину и скатывалась въ нижайшую точку, въ которой была цистерна съ боковымъ отлогимъ спускомъ къ ямѣ. Цистерны эти вѣроятно были построены не для ирригаціонныхъ цѣлей, а для водопоя, такъ какъ онѣ находятся на караванномъ пути изъ Самарканда въ Ташкентъ. Для орошенія мѣстности онѣ непригодны, потому что находятся въ пониженныхъ частяхъ ея, и выпускъ изъ нихъ воды на поля возможенъ былъ бы только при условіи устройства водокачальныхъ машинъ. Постройки эти туземцы относятъ ко временамъ Тамерлана и Абдулла-хана. Такая же цистерна была на станціи Мурза-рабатъ, по дорогѣ изъ Ташкента въ Ходжентъ. Года два тому назадъ, сводъ этой цистерны обрушился и она болѣе не возобновлялась. Совершенно сохранившіяся и хорошо дѣйствующія цистерны можно и теперь встрѣтить по дорогѣ въ Карши.

Разсказываютъ какъ легенду, впрочемъ не подтверждаемую доказательствами, что въ верховьяхъ р. Келеса было нѣкогда шесть озеръ-резервуаровъ, поднимавшихся одно надъ другимъ и имѣвшихъ сообщеніе особыми протоками. Озера эти собирали воду не только выпадавшую за зиму въ видѣ дождей и снѣга, но будто бы и воду Угама, теперь впадающаго въ Чирчикъ. Говорятъ, есть какіе-то слѣды городовъ, существовавшихъ близъ этихъ озеръ. Указыва-

ютъ, что долина р. Келеса была болѣе богата земледѣліемъ, чѣмъ долина р. Чирчика; но, съ однимъ изъ нашествій калмыковъ, главная, питающая ее артерія, т. е. Угамъ, была отведена отъ келесскаго тальвега въ тальвегъ Чирчика, и съ тѣхъ поръ озера эти не существуютъ. Угамъ, прорвавшись въ Чирчикъ, размылъ себѣ глубокое ложе, и теперь нельзя и желать возстановленія прежняго орошенія Келеса, такъ какъ съ тѣмъ поръ земледѣліе сгрупировалось болѣе на Чирчикѣ; въ Келесъ же дается чирчикская вода только отчасти ташкулакскимъ отводомъ Захъ-арыка.

Намъ не удалось найдти какихъ-нибудь письменныхъ документовъ (напримѣръ вакуфъ-наме), подтверждающихъ хотя отчасти эту легенду. Очень не мудрено, что описываемые резервуары существовали нѣкогда въ проектѣ, какъ предпріятіе осуществимое, но не осуществившееся почему-нибудь, и затѣмъ, съ теченіемъ времени, перешедшее въ преданія, какъ нѣчто бывшее. Если Угамъ и не былъ направленъ въ Келесъ, то кажется весьма возможнымъ, путемъ перегораживанія логовъ вверху Келеса, образовывать искуственные резервуары для скопленія метеорическихъ осадковъ, которыми можно было бы поддерживать орошеніе этой долины. Въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего неосуществимаго.

Приведя примѣры питанія ирригаціи помощью резервуаровъ или копиленъ весенней воды, необходимо, хотя приблизительно, показать въ цифрахъ, какую поддержку можно оказать земледѣлію этими сооруженіями.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ управленіемъ ирригаціи за прошедшій годъ, которыя, нужно замѣтить, далеко неполны, оказывается, что кураминскій уѣздъ эксплуатируетъ выгонами, лѣтовками, кочевьемъ, зимовками, земледѣліемъ и пр. до трехъ милліоновъ десятинъ, а городъ Ташкентъ—11045 десятинъ. Что свѣдѣнія, собранныя въ записяхъ (дефтерахъ) арыкъ-аксакаловъ, поименно для каждаго владѣльца обработываемыхъ полей, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, явствуетъ изъ слѣдующаго: въ кураминскомъ уѣздѣ записано у 44.288 хозяевъ 126.406½ десятинъ обработываемыхъ полей, что составляетъ среднимъ счетомъ по 2,85

десятины на одинъ дворъ. Само-собою разумѣется, при такомъ земельномъ надѣлѣ невозможно существованіе семьи даже при условіи сниманія двухъ хлѣбовъ съ одного и того же поля. Цифра эта должна быть увеличена по крайней мѣрѣ въ 5 разъ, что и подтверждается измѣреніемъ обработываемыхъ полей по топографическимъ картамъ.

Измѣреніе полей г. Ташкента оказывается еще менѣе вѣроятнымъ (записи управленія начальника города за 1874 годъ). Обработываемыхъ земель въ городѣ, обложенныхъ земельною податью, значится всего 4774 десятины; дворовъ же, исключая русскаго населенія, 14.222 или, по среднему счету, приходится $\frac{1}{3}$ десятины на одинъ дворъ. Изъ сказаннаго количества обработываемыхъ полей кураминскаго уѣзда записало, въ дефтерахъ, орошаемыхъ полей только 101.635$\frac{1}{2}$ десятинъ (остальное—поля дождевыя, ляльляма). Расходовалось на это количество земель—3153$\frac{1}{2}$ кулаковъ ирригаціонной воды (каждый кулакъ=1,228 куб. фут. въ секунду; это мѣстный модуль или такое количество воды, которымъ въ суточную очередь орошается 15 танаповъ, или 2 десятины клевера, или 12 танаповъ пахатныхъ полей, напримѣръ пшеницы, ячменя и т. д.), что въ 5$\frac{1}{2}$ лѣтнихъ мѣсяцевъ представляетъ 245.177.988 куб. саженъ, или на одну десятину лѣтней орошающей воды приходится 2412$\frac{1}{3}$ куб. саженъ.

По расчетамъ помощника ирригатора, инженеръ-технолога Абрамова, средними очередями орошенія 1877—78 г. можно принять: для хлѣбовъ озимыхъ и яровыхъ—28 дней, овощныхъ полей и огородовъ—15, клевера, фруктовыхъ деревьевъ и лѣса—15.

Рисъ постоянно находится въ водѣ во время своего 120-дневнаго роста.

Средняя очередь для всѣхъ посѣвовъ будетъ 11 дней, а въ лѣто (5$\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ) 165 :: 11=15 орошеній, при количествѣ орошающей воды на десятину 160,8 куб. саженъ въ одно орошеніе (сравн. таблицу Чернопятова).

Если мы представимъ себѣ, что вслѣдствіе случайно, или, лучше сказать, естественно-обязательныхъ, измѣнившихся условій, была бы засуха, т. е. питающія ирригацію артеріи, напримѣръ, вдвое уменьшили бы расходъ воды ими доставляемый, т. е. давали бы не 250 милліоновъ куб. саженъ

воды въ лѣто, а только 125 милліоновъ (для простоты беремъ круглыя цифры), то сумма запасовъ воды въ резервуарахъ должна была бы быть по крайней мѣрѣ 250 милліоновъ куб. саженъ, потому что не менѣе половины ея ушло бы на испареніе и фильтрацію, т. е. нужно было бы имѣть для этого объемъ воды въ 2 милліарда 400 милліоновъ куб. метровъ (считая въ куб. сажени 9,7 куб. метра) или, иначе говоря, болѣе чѣмъ скопляло воды озеро Мерисъ, по соображеніямъ Nadolt de Buffon.

Приведенный примѣръ искуственнаго скопленія воды показываетъ, какихъ это можетъ стоить трудовъ для человѣка и какъ это просто дѣлается въ природѣ.

Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ естественномъ скопленіи воды въ тальвегахъ во время зимнихъ морозовъ (въ статьѣ „о наводненіяхъ", см. Туркест. Вѣд. нынѣшняго года), а потому и не возвращаемся къ этому предмету.

Какъ бы то ни было, намъ кажется, что скопленіе воды въ случаѣ теплыхъ зимъ есть одно изъ самыхъ мощныхъ подспорій для ирригаціи въ туркестанскомъ краѣ. Мы не смѣемъ бездоказательно утверждать, что такой способъ неоставляетъ желать ничего лучшаго, но въ немъ нѣтъ ничего непрактичнаго, и развитіе такого рода подспорій было бы весьма желательно.

Н. Ульяновъ.

162

Голосъ. 1879 г.
№ 322.

Ташкентъ, *21-го ноября* (*корреспонденція «Голоса»*).—Одна изъ отраслей производительности Туркестанскаго Края—табаководство, хотя въ настоящее время находится въ зародышѣ, но, по соединеніи края желѣзною дорогой, имѣетъ хорошую будущность.

Табаководство, несмотря на благопріятныя условія климата и почвы, нынѣ мало развито въ краѣ, по недостатку предпринимателей, а болѣе всего—капитала. Всѣхъ табачныхъ плантацій въ Туркестанскомъ Краѣ, на которыхъ разводятся турецкіе и американскіе сорты табака, восемь; изъ нихъ пять въ Ташкентѣ и три въ Вѣрномъ. Ежегодно засѣвается подъ табакъ на этихъ плантаціяхъ 67 десятинъ земли, съ которыхъ собирается сырого листового табака 4,500 пудовъ. Сверхъ того, въ Семирѣченской Области, въ уѣздахъ Копальскомъ и Сергіопольскомъ казаками засѣвается и разводится незначительное количество табака-махорки для собственнаго употребленія.

Все это количество табака употребляется мѣстнымъ русскимъ населеніемъ. Туземцами-сартами засѣвается и разводится табакъ низкаго достоинства, извѣстный подъ названіемъ «кокъ» (зеленый), употребляемый ими, въ истертомъ видѣ, для жвачки, и «акъ» (бѣлый или жолтый)—въ кальянахъ, повсемѣстно распространенныхъ среди туземцовъ.

Какъ тотъ, такъ и другой изъ туземныхъ сортовъ табака въ весьма большомъ количествѣ привозится изъ Бухарскаго Ханства, гдѣ его воздѣлывается весьма много, особенно въ Каршинскомъ Бекствѣ. Каршинскій табакъ туземцы считаютъ самымъ лучшимъ.

Средняя цѣна на табакъ слѣдующая: сырого листового табака пудъ 13 руб., кокъ 5 руб. и акъ 7 руб.

По отзывамъ табаководовъ, туркестанскій табакъ, по своему достоинству, нисколько не уступаетъ сортамъ, произростающимъ въ Крыму, Бессарабіи и на Кавказѣ; онъ даже превосходитъ бессарабскій и кавказскій.

Несмотря, однако, на такія благопріятныя условія, табакъ, приготовляемый на семи существующихъ фабрикахъ, изъ которыхъ пять находятся въ Ташкентѣ и двѣ въ Вѣрномъ, получает-

ся самаго невысокаго качества; этотъ табакъ сходенъ со вторымъ и третьимъ сортами привознаго табака изъ Европейской Россіи. Это обстоятельство объясняется, главнымъ образомъ, незнаніемъ табаководовъ культуры растенія. Занимаются разведеніемъ и приготовленіемъ табака въ краѣ или чиновники, или купцы; какъ тѣ, такъ и другіе не обладаютъ значительными капиталами для выписки знающихъ дѣло спеціалистовъ, а также и разныхъ принадлежностей для своихъ фабрикъ.

По этой-то причинѣ табачное производство въ Туркестанскомъ Краѣ ведется пока самымъ первобытнымъ способомъ. Уходъ за произрастеніемъ табака ввѣренъ сартамъ или киргизамъ, которые, конечно, ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ; они же, по сборѣ, и сортируютъ табакъ, притомъ, весьма небрежно, а также и крошатъ его.

Понятно, что, въ виду этихъ причинъ, мѣстный табакъ, несмотря на его дешевизну, не можетъ выдержать конкуренціи съ привозимымъ ежегодно изъ Россіи обандероленнымъ табакомъ всѣхъ сортовъ. Количество привознаго табака простирается ежегодно на сумму болѣе 100,000 рублей.

164

Новое время 1879 г.
№ 1367.

Индусы и ихъ промыселъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Индусы, проживающіе въ городахъ Туркестанскаго края, всѣ безъ исключенія переселились сюда изъ Индіи. Индусы торгуютъ здѣсь деньгами. Индусъ - капиталистъ въ Индіи, вручивъ часть своего капитала какому-нибудь пользующемуся довѣріемъ лицу, отправляетъ его во внутренніе города Средней Азіи, съ тѣмъ чтобы этотъ довѣренный человѣкъ увеличилъ врученный ему капиталъ вдвое или втрое и вмѣстѣ съ тѣмъ пересылалъ бы ежегодно чрезъ вѣрнаго попутчика отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Есть также здѣсь такіе индусы, которые, прибывъ съ маленькими деньгами, составили себѣ посредствомъ эксплоатаціи населенія очень солидные капиталы, но такіе субъекты ведутъ свои дѣла болѣе съ крупными торговцами изъ туземцевъ. Индусъ, прибывшій въ одинъ изъ городовъ Средней Азіи, тотчасъ же начинаетъ сближаться съ тѣми туземцами, отъ которыхъ можетъ извлечь пользу, онъ сулитъ имъ на весьма выгодныхъ условіяхъ деньги заимообразно, и въ концѣ концовъ свой маленькій капиталъ ссужаетъ какому-нибудь изъ туземцевъ, съ которымъ только-что познакомился и беретъ съ него за одолженіе по 20 или болѣе процентовъ съ рубля. При мусульманскомъ владычествѣ эти эксплоататоры вели свои дѣла съ тѣми преимущественно торговцами, которые, производя торговлю на маленькіе капиталы и чувствуя недостатокъ въ деньгахъ, сами бросались съ просьбою о помощи къ обирающему ихъ съ ногъ до головы индусу. Съ подчиненіемъ туркестанскаго края русскимъ, индусы пустили глубокіе корни своего эксплоататорства въ средѣ простого населенія, которое обираютъ безсовѣстно и безъ жалости, пользуясь тѣмъ, что дѣла подобнаго рода подлежатъ разбирательству судей и что туземцы не знаютъ русскаго языка. Конечно, каждый туземецъ передъ посѣвами нуждается въ деньгахъ,—но къ кому же обратиться ему съ просьбою о деньгахъ, какъ не къ индусу? Онъ обратился бы можетъ быть къ одному

изъ людей близкихъ, но тотъ такой же безденежный, какъ и онъ самъ. Вотъ узбекъ является къ индусу просить у него 20 руб. изъ процентовъ: индусъ по обыкновенію ломается передъ просителемъ, запрашивая 30 проц. съ рубля въ мѣсяцъ; узбекъ стоитъ на своемъ и предлагаетъ заимодавцу 10 проц., индусъ запрашиваетъ 20 проц. и бѣдный узбекъ, волей-неволей соглашается на эти условія, получаетъ деньги, за вычетомъ впередъ процентовъ.

Такимъ образомъ узбекъ вмѣсто 20 руб. получаетъ только 16; затѣмъ на вексельной бумагѣ, заранѣе приготовленной, узбекъ или прикладываетъ тамгу, или же кто-нибудь за него росписывается, а въ иныхъ случаяхъ заимодавецъ и проситель совершаютъ у мѣстныхъ казіевъ документъ, который очень легко смыть. Сарты чрезвычайно искусно смываютъ или слизываютъ самый текстъ на документахъ, оставляя лишь печати административныхъ лицъ, и вписываютъ туда кому что угодно. Сказанной процедурой оканчивается сдѣлка о деньгахъ. Приходитъ срокъ платежа. Узбекъ кое-какъ сбираетъ то количество денегъ, которое ему нужно для уплаты индусу, является къ нему и, вручивъ деньги, требуетъ съ заимодавца возвращенія документа, совершеннаго казіемъ, но индусъ, получивъ деньги, объявляетъ должнику, что онъ будто бы просямый документъ случайно потерялъ, или же обѣщаетъ документъ возвратить послѣ. Удовольствуясь этимъ, узбекъ возвращается во свояси. Спустя нѣсколько дней, тотъ же индусъ, пользуясь невозвращеннымъ документомъ своего бывшаго должника, возбуждаетъ искъ у судьи, которому, представляя документъ, заявляетъ, что такой-то узбекъ не уплатилъ ему въ срокъ взятыхъ заимообразно денегъ. Судья высылаетъ черезъ уѣздное управленіе повѣстку, по которой не только простые узбеки, но даже и городскіе жители рѣдко являются аккуратно въ день вызова, а иные даже вовсе не являются. Этого конечно и нужно индусу, потому что судья исковое дѣло индуса, за неявкою отвѣтчика, рѣшаетъ заочно и копію съ заочнаго рѣшенія черезъ уѣздное же управленіе препровождаетъ къ товѣтчику, который, получивъ повѣстку и копію съ заочнаго рѣшенія (не переведеннаго на туземный языкъ), становится въ тупикъ, не зная, что дѣлать съ полученными бумагами. Узбекъ является къ волостному управителю и

проситъ его объяснить содержаніе полученныхъ бумагъ; волостной управитель, такой же неграмотный, какъ и онъ, объясняетъ ему, „что вотъ, дескать, тебѣ пришла отъ судьи „хукумъ-хатъ“ (повѣстительная бумага) и ты долженъ вотъ, дескать, эту бумагу принять и оставить у себя, а на другой бумагѣ долженъ росписаться или приложить тамгу (знакъ) въ полученіи и передать мнѣ, а я отправлю ее обратно въ уѣздное управленіе“. Вотъ все, въ чемъ заключается объясненіе волостного управителя, и бѣдный узбекъ, ровно ничего не зная, что заключается въ полученныхъ имъ бумагахъ, возвращается домой, не предвидя, что его ожидаетъ въ будущемъ. Въ другихъ случаяхъ въ повѣсткахъ росписываются мирзы (писцы) волостныхъ управителей и приложенныя къ повѣсткѣ бумаги какъ копіи съ заочныхъ рѣшеній, безъ всякихъ объясненій передаютъ по принадлежности. Проходитъ день за днемъ и, наконецъ, двѣ недѣли, въ продолженіи которыхъ узбекъ долженъ былъ апеллировать неправильное рѣшеніе судьи, но ему не до того, онъ давно забылъ о заочномъ рѣшеніи судьи и занимается своей обыденной работой. Наконецъ, истекаетъ двухнедѣльный срокъ, — судья выдаетъ истцу исполнительный листъ,—рѣшеніе вступило въ законную силу; узбекъ и въ усъ себѣ не дуетъ, зная только, что давно покончилъ разсчеты съ индусомъ, какъ вдругъ является къ нему индусъ совмѣстно съ волостнымъ управителемъ и требуетъ съ него давно уже уплоченный долгъ; узбекъ говоритъ, что давно покончилъ разсчеты съ индусомъ, но волостной управитель, не принимая ничего во во вниманіе, приступаетъ къ описи движимаго имущества узбека, который стоитъ, какъ громомъ пораженный около дѣйствующихъ лицъ, переминаясь съ ноги на ногу. Не зная отчего все это произошло, бѣдный узбекъ является въ уѣздное управленіе и подаетъ жалобу о томъ, что у него волостной управитель описалъ все имущество въ пользу индуса, которому онъ давно уже уплатилъ долгъ; уѣздное управленіе, узнавъ, что рѣшеніе судьи вошло въ законную силу, разумѣется, отказываетъ узбеку въ просьбѣ на законномъ основаніи. Въ горькомъ раздумьи и со слезами на глазахъ является бѣдный узбекъ домой, гдѣ его ожидаетъ такая же участь, ибо вскорѣ является волостной

управитель вмѣстѣ съ истцомъ и начинаютъ производить продажу имущества узбека на соотвѣтствующую сумму, а если у него не хватаетъ движимаго имущества на покрытіе долга, то заставляютъ его продать кому нибудь изъ постороннихъ свой домъ и покрыть долгъ. Такимъ образомъ узбекъ остается безъ одежды и кровли. Бываютъ здѣсь и такіе случаи, что туземцы занимаютъ у индусовъ приличное количество денегъ, но, уплачивая ихъ частями, не имѣютъ обыкновенія дѣлать отмѣтокъ на выданныхъ ими индусу документахъ, что уплачено дескать столько-то рублей и такого-то числа, а надѣются на обѣщанія и добросовѣстность индуса, который, пользуясь этимъ, нагло обираетъ ихъ. Когда наступаетъ время полной уплаты, индусъ вчинаетъ искъ къ судьѣ и взыскиваетъ вновь всѣ деньги цѣликомъ. Подобные случаи вы встрѣтите здѣсь сплошъ да рядомъ.

Необходимо было бы положить конецъ подобному злоупотребленію, а иначе можно ожидать раззоренія до-тла и безъ того небогатаго туземнаго населенія края, которое легко отдается въ полное распоряженіе ростовщиковъ-индусовъ.

168

Голос. 1879 г.
№ 220.

Торговля на западно-китайской границѣ

«Туркестантскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія любопытныя подробности о торговлѣ на западно-китайской границѣ.

«Въ отвѣтъ на сдѣланный цзинь-цзянь-цзюню запросъ о причинахъ стѣсненія, вопреки трактатамъ, торговли на западно-китайской границѣ и недозволенія нашимъ купцамъ оставаться въ Шихо, сановникъ этотъ прислалъ семирѣченскому губернатору письмо, въ которомъ, ссылаясь на утвержденное богдыханомъ распоряженіе генерала-губернатора провинцій Шань-си и Гань-су, Цзо-цзунъ-тана, о принятіи мѣръ къ пріостановкѣ торговли по западной дорогѣ, говоритъ, что такое положеніе настоящаго дѣла продлится, въ силу того же распоряженія, до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена Кульджа; распоряженіе же это, говоритъ далѣе цзинь, послѣдовало еще въ прошломъ году, когда начались грабежи на западно-китайской границѣ. Какъ бы тамъ ни было, т. е. имѣется ли у цзинь-цзянь-цзюня такое распоряженіе или нѣтъ, но торговцы наши, если имъ удастся, при помощи взятокъ и подкуповъ пикетныхъ офицеровъ, пробраться въ Шихо, выпроваживаются цзинемъ, всетаки, тотчасъ назадъ, въ Кульджу. При стѣсненіи, однако, торговли на западно-китайской границѣ, Лю-шо-дарынъ въ то же время сдѣлалъ распоряженіе о дозволеніи впускать въ Кашгаръ всѣхъ торговыхъ людей, откуда бы они ни пріѣзжали; равно дозволилъ выѣздъ купцамъ изъ Кашгара въ предѣлы Россіи. Свѣдѣнія объ этомъ получены отъ прибывшихъ изъ Кашгара, въ началѣ мая, купцовъ, которые говорятъ, что объясненіе причинъ перемѣны образа дѣйствій Лю-шо по отношенію къ торговлѣ Россіи съ Джитышаромъ слѣдуетъ искать въ назначеніи начальникомъ мусульманскаго населенія въ Кашгарѣ Махмута-хана, лица вліятельнаго у китайцовъ, знакомаго съ русскими порядками и симпатизирующаго имъ.

«Давая разрѣшеніе на пропускъ каравановъ, слѣдующихъ въ Кашгаръ, Лю-шо сдѣлалъ, впрочемъ, нѣкоторое ограниченіе по отношенію къ предметамъ ввоза; такъ, по словамъ тѣхъ же купцовъ, во всѣхъ каравансараяхъ прибиты объявленія, которыя, между прочимъ, гласятъ, что ввозъ чая изъ Россіи и другихъ мѣстъ вос-

прещонъ, подъ угрозою конфискаціи и сожженія его. Объясняется это, по словамъ купцовъ, тѣмъ, что китайцы получили свой «кара-чай» дурнаго качества, который и раздаютъ для продажи крупнымъ торговцамъ въ долгъ, каждому, примѣрно, ямбъ на пять и на десять, требуя отъ нихъ, дня черезъ три, уплаты за чай ямбами. Несмотря на нѣкоторыя послабленія и льготы, дарованныя въ настоящее время Лю-шо-дарыномъ жителямъ Джитышара, жители Кашгара, всетаки, недовольны китайскимъ правительствомъ, дѣйствія котораго, нисколько не стѣсняясь, называютъ беззаконными, и глубоко раскаяваются въ томъ, что не могли въ свое время понять и по достоинству оцѣнить правленіе покойнаго бадаулета.

«Разсказываютъ, что Лю-шо, получивъ свѣдѣніе, что̀ говоритъ кашгарскій народъ про китайское правительство, приказалъ вырыть трупы Якуба-бека и сына его Ишана-бека и сжечь ихъ на кострѣ. Далѣе говорятъ, что голова отъ трупа Якуба-бека взлетѣла на воздухъ и упала на разстояніи одной или двухъ саженъ отъ костра. Это обстоятельство, а также и то, что трупъ Якуба-бека почти ни сколько не испортился и не сгнилъ (отпала только лишь правая часть бороды), подало китайцамъ поводъ думать, что Якубъ-бекъ необыкновенный смертный, а потому, исходя изъ этого положенія, Лю-шо приказалъ сожженный прахъ костей Якуба-бека собрать и отослать въ Пекинъ къ богдыхану.

«Между тѣмъ, вѣсть о поруганіи надъ трупомъ Якуба-бека съ быстротою молніи облетѣла весь Кашгаръ и повела къ тому, что, 11-го мая, какъ доноситъ нарынскій воинскій начальникъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ Кашгара, въ Хотанѣ приведенъ былъ въ исполненіе давно задуманный жителями этого города заговоръ: подъ главенствомъ бека и аксакала произошло возстаніе противъ китайцовъ, по умерщвленіи которыхъ (за небольшимъ исключеніемъ) въ Хотанѣ возстановилось мусульманское управленіе, съ бекомъ во главѣ *).

«Одновременно съ тѣмъ, Хакимъ-ханъ-тюря, ушедшій въ Каратегинъ, чтобъ собрать народъ для новаго движенія къ Кашгару, черезъ Памиръ, спустился съ Алая и, остановившись въ мѣстности, прилегающей къ озеру Сары-куль, послалъ въ Кашгаръ четырехъ человѣкъ, которые, по прибытіи въ этотъ городъ, забрались въ мечеть Хазрета и съ минарета обратились съ воззваніемъ къ правовѣрнымъ, приглашая ихъ стать въ ряды Хакима-хана.

«Въ дополненіе этихъ извѣстій, провѣряемыхъ воинскимъ начальникомъ, нелишнимъ будетъ

привести полученныя отъ задержаннаго, 2-го мая, между перевалами Туругартъ и Ташрабатъ, китайца, по имени Фанъ-тынъ-шинь-дифинъ **), свѣдѣнія о численности и вооруженіи китайскихъ войскъ, находящихся въ бывшихъ кашгарскихъ владѣніяхъ.

«По свѣдѣніямъ этимъ, китайскихъ войскъ въ Джитышарѣ находится 4,370 человѣкъ пѣхоты и 1,000 кавалеріи, а всего 5,370, которые расположены въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Кашгарѣ 500, въ кишлакѣ Файзабадъ 200, въ крѣпости Маралбашъ 200, въ городѣ Яркен-

*) Имя бека неизвѣстно.

**) Китаецъ этотъ, по прибытіи въ городъ Вѣрный, отправился, съ разрѣшенія администраціи, въ Кульджу, гдѣ у него есть знакомые, за товаромъ.

дѣ 800, въ Хотанѣ 200, въ кишлакѣ Остенартышъ 200, въ Улугчатѣ 440, въ Янгисарѣ 1,000, въ крѣпости Янгишарѣ и ближайшихъ къ ней укрѣпленіяхъ 1,800. Китайскія войска вооружены ружьями разныхъ системъ, со штыками и безъ штыковъ. Ружей у нихъ имѣется на 4,000; сверхъ того, для защиты крѣпостей, имѣются большія желѣзныя ружья; тысяча же человѣкъ конныхъ китайцовъ вооружены одними только пиками и шашками.

«Пять мѣсяцовъ назадъ, говоритъ китаецъ Фанъ-тынъ-шинь-дифинъ, надъ тремя кашгарскими воротами, на широкой городской стѣнѣ, построены китайцами оборонительныя казармы. Въ каждой изъ этихъ казармъ квартируетъ теперь по 100 человѣкъ пѣшихъ китайцовъ, а остальные 200 человѣкъ размѣщены на квартирахъ въ городѣ Кашгарѣ. Андижанскія же ворота въ Кашгарѣ заложены сырцовымъ кирпичомъ наравнѣ съ толщиною городской стѣны. На городской кашгарской стѣнѣ, какъ утверждаетъ Фанъ-тынъ-шинь-дифинъ, орудій не поставлено, да ихъ въ самомъ городѣ и не имѣется».

171

Туркестанскія вѣдомости 1880 г. № 22.

Изъ Лепсы.

(Корресп. Турк. Вѣд.)

Неурожай, въ предшествовашіе годы, хлѣба и травъ, отозвался у насъ и на пчеловодствѣ, не говоря уже о жителяхъ, испытывающихъ не малую нужду. Въ Семирѣчьѣ одно изъ первыхъ мѣстъ по этой промышленности занимала Лепса съ окрестностями. Нынѣ и пчеловодство сократилось у насъ на $\frac{2}{3}$. Въ Лепсѣ, въ 1879 году пчелы не роились, меду никто не подрѣзалъ, напиться чайку со свѣжами сотами мало кому удалось. Тѣмъ не менѣе осенью многіе поставили въ свои моховики по 600—700 ульевъ.

Пасеки были, если не у всѣхъ поголовно, то по крайнѣй мѣрѣ у большинства жителей; нынѣ весной многіе лишились этаго удовольствія, составлявшаго отчасти лакомство (вѣдь сахарокъ у насъ въ рѣдкость), а отчасти и небольшое подспорье въ скудныхъ средствахъ казака.

На пчелъ былъ какой-то моръ. Есть мѣстности съ большимъ отходомъ, но все таки съ остаткомъ, но въ иныхъ и совсѣмъ ничего не осталось. У старика, извѣстнаго пчеловода Р., изъ 600—700 ульевъ, поставленныхъ на зимовку, осталось только 77, да еще не мало отойдетъ послѣ выстава. Изъ подобнаго примѣра, не составляющаго исключенія, можно судить о гибели пчелъ.

Объясняютъ моръ пчелъ двумя причинами: одна—отъ недостатка запаса меда на зиму, другая—отъ какой-то вредной медовой росы. Отчасти нельзя не согласиться и съ послѣднимъ. Есть нѣкоторые ульи съ медомъ, но пчелы мертвы на меду. Большинство пчелъ погибли, правда, отъ недостатка заноса пчелами тѣхъ пластовъ, на которыхъ сидѣли. На крайнихъ сотахъ есть медъ, но пчеламъ, какъ извѣстно, весьма трудно переходить съ однаго пласта на другой и они умираютъ, какъ говорится съ медомъ.

По предложенію однаго пчеловода, Г. К.,

для опыта надъ ульями изъ сырцоваго кирпича и камня и для избѣжанія постройки моховиковъ, куплено было въ Лепсѣ, весной 1879 года, 33 колодки пчелъ, по 3 р. 75 к. По выставѣ, четыре улья обезматчили. Вслѣдствіе усиленнаго весеннаго кормленія, роевъ было 16, что почти исключеніе. У поменованнаго Р. было роевъ только девять. Изъ шестнадцати роевъ для лучшаго заноса, составлено восемь. Осенью 12 ульевъ, болѣе слабыхъ, были уничтожены на усиленіе пчелами и медомъ другихъ колодокъ. Такимъ образомъ оставлено безъ моховика на зиму 27 колодокъ, изъ сырцоваго кирпича съ рамками по системѣ Данилевскаго, каменные и обыкновенные здѣсь принятые, но только съ крышами изъ тростника. При наблюденіи въ декабрѣ мѣсяцѣ, пчелы зимовали хорошо, летки были открытые (здѣсь всѣ закрываютъ); сырости въ ульяхъ не было. Въ январѣ мѣсяцѣ, какъ предполагается, запасъ меда сократился. Лицу, наблюдавшему за нововведеніемъ, не было возможности до 15 февраля съѣздить на пасеку, за $1\frac{1}{2}$ версты отъ Лепсы, и досмотрѣть въ самое трудное время зимовья пчелъ. Чрезъ это вся пасека погибла. Здѣсь пчелы умерли отъ недостатка меда, въ ульяхъ было сухо и мертвыхъ пчелъ на днѣ колодокъ очень мало, всѣ въ кучѣ на сотахъ. Между тѣмъ если не всѣ, то хотя нѣсколько колодокъ можно было бы спасти и тѣмъ увидѣть разультатъ задуманнаго.

Нельзя не пожалѣть о неуспѣхѣ этого опыта; при сбереженіи лѣса въ Семирѣчьѣ, опытъ этотъ былъ бы не безъ пользы для края, не говоря уже о затраченныхъ на это до 200 рубляхъ. Впрочемъ намъ, лепсинцамъ, не привыкать къ неудачамъ, неурожаямъ, дороговизнѣ, падежу скота, пчелъ, да и мало ли еще къ какимъ бѣдствіямъ!

Въ корресподенціи своей, въ № 15 Туркестанскихъ Вѣдомостей, я указывалъ на недостачу сѣмянъ у жителей.

Прочли и согласились всѣ, но помощи бѣднякамъ ниоткуда не явилось, засѣвъ хлѣба очень незначительный въ особенности у жителей станицы; поэтому нельзя не предсказать лепсинцамъ, что дороговизна хлѣба будетъ у насъ еще не одинъ годъ, прежде чѣмъ оправятся жители.

Л—й.

173

Туркестанскія вѣдомости 1880 г. № 4.

Анализъ туркестанскихъ минеральныхъ источниковъ.

I. Акъ-суйскій горячій источникъ.

Ташкентскою химическою лабораторіею производится послѣдовательно анализъ туркестанскихъ минеральныхъ источниковъ. Холодные и горячіе минеральные ключи весьма обильны въ нашемъ краѣ. Нѣкоторыми изъ нихъ пользуются туземцы, но только одинъ источникъ, арасанскій, близь Капала, приспособленъ вполнѣ для пользованія также и русскимъ населеніемъ. Репутація его вполнѣ упрочена. Въ настоящемъ № нашей газеты мы помѣщаемъ анализъ воды двухъ новыхъ источниковъ: Акъ-суйскаго и иссыкъ-атинскаго и упомянутаго выше, арасанскаго ключа, близь Капала.

Вода горячихъ источниковъ Акъ-суйскаго ущелья, находящагося въ иссыкъ-кульскомъ уѣздѣ Семирѣченской области, была передана для изслѣдованія иссыкъ-кульскимъ уѣзднымъ врачемъ Ѳеоктистовымъ, въ количествѣ четырехъ бутылокъ, подъ №№ 1, 2, 3 и 4; къ третьему номеру приложенъ былъ пакетъ съ налетомъ, собраннымъ со скалы источника № 3.

Вода въ бутылкахъ оказалась совершенно прозрачною и при откупориваніи пробокъ не издавала никакого запаха; вкусъ ея — обыкновенной прѣсной воды. Вода каждой бутылки была отдѣльно изслѣдована, такъ какъ въ каждой бутылкѣ заключалась вода изъ разныхъ источниковъ; при этомъ найдено:

Въ бутылкѣ подъ № 1, съ надписью: „Иссыкъ-кульскій горячій источникъ; температура по Цельзію 39,4°, взята 16 апрѣля 1874 года».

Въ 10,000 частяхъ по вѣсу воды 3,872 частей минеральныхъ веществъ, состоящихъ изъ:

Сѣрнокислаго натра —1,413.
Хлористаго натрія —1,157.

Углекислаго натра —0,419.
Углекислой извести —0,335.
Углекислой магнезіи —0,048.
Кремнезема —0,420.

Въ бутылкѣ подъ № 2, съ надписью; „Иссыкъ-кульскій горячій источникъ; температура по Цельзію 38,2°; взята 16 апрѣля 1874 года.

Въ 10,000 частяхъ по вѣсу воды—4,6 ч. минеральныхъ веществъ, а именно:

Сѣрнокислаго натра —1,4058.
Хлористаго натрія —1,1480.
Углекислаго натра —0,6122.
Углекислой извести —0,3800.
Углекислой магнезіи —0,0520.
Кремнезема —0,4520.

Въ бутылкѣ подъ № 3, съ надписью: «Иссыкъ-кульскій горячій источникъ; температура по Цельзію 37,4°; взята 16 апрѣля 1874 года».

Въ 10,000 частяхъ по вѣсу воды 4,40 ч. минеральныхъ веществъ, состоящихъ изъ:

Сѣрнокислаго натра —0,847.
Хлористаго натрія —0,770.
Углекислаго натра —1,145.
Углекислой извести —0,312.
Углекислой магнезіи —0,462.
Кремнезема —0,806.

Налетъ, препровожденный вмѣстѣ съ водою подъ № 3, при анализѣ, оказался состоящимъ изъ углекислаго, хлористаго, сѣрнокислаго натра и углекислыхъ солей извести и магнезіи; вообще онъ заключаетъ въ себѣ тѣ же составныя части, какія найдены и въ остаткѣ отъ выпариванія воды.

Въ бутылкѣ подъ № 5, съ надписью: «Иссыкъ-кульскій горячій источникъ; взята 16 апрѣля 1874 года».

Въ 10,000 частяхъ по вѣсу воды 3,040 ч. минеральныхъ веществъ, именно:

Сѣрнокислаго натра —1,077.
Хлористаго натрія —0,713.
Углекислаго натра —0,440.
Углекислой магнезіи —0,044.
Углекислой извести —0,355.
Кремнезема —0,362.

Кромѣ вышеприведенныхъ, количественно опредѣленныхъ тѣлъ, найдены еще въ водѣ всѣхъ источниковъ слѣды желѣза и литія.

По заявленію окружнаго военно-медицин-

скаго управленія, вода иссыкъ-кульскихъ источниковъ принадлежитъ къ группѣ щелочныхъ, углекислыхъ, теплыхъ источниковъ и судя по химическому составу, а также и по температурѣ своей, должна обладать цѣлебными свойствами.

II. Капальскій горячій источникъ.

Вода изъ арасанскаго источника, находящагося въ Арасанскомъ выселкѣ семирѣченской области, при почтовой дорогѣ, въ 29 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ г. Капала, взята для изслѣдованія докторомъ Шалыгинымъ, въ количествѣ трехъ бутылокъ, 5 сентября 1874 года. Температура воды 35° Ц.

При изслѣдованіи обращено было вниманіе, по незначительности количества воды, только на главныя составныя ея части.

Въ 10,000 частяхъ воды найдено: 6,084 частей твердыхъ, высушенныхъ при 180° Ц., веществъ, состоящихъ изъ:

Сѣрной кислоты	—1,3732.
Кремнезема	—0,6860.
Хлора	—1,0100.
Извести	—0,2500.
Магнезіи	—0,0640.
Натра	—2,2580.
Углекислоты	—0,5200.

Слѣдовательно, въ 10,000 частяхъ воды содержится:

Хлористаго натрія	—1,6600.
Сѣрнокислаго натра	—2,2100.
Сѣрнокислой магнезіи	—0,1880.
Углекислой извести	—0,4460.
Углекислаго натра	—0,7060.
Кремневой кислоты	—0,6860.

III. Иссыкъ-атинскій источникъ.

Вода иссыкъ-атинскаго источника препровождена и. д. военнаго губернатора семирѣченской области, въ количествѣ 12 малыхъ бутылокъ.

Вода эта совершенно прозрачна, безъ всякаго посторонняго запаха; реакція ея нейтральная; при выпариваніи, получается не вполнѣ растворяющійся въ кислотахъ, остатокъ бѣлаго цвѣта, съ щелочною реакціею.

Изъ 1000 частей по вѣсу воды, получается 0,576 частей твердыхъ, высущенныхъ при 180° Ц., минеральныхъ веществъ.

По качеству и количеству содержащихся въ этой водѣ минеральныхъ веществъ, оказывается, что вода подходитъ по составу къ водамъ Арасанъ-булака въ Кураминскомъ уѣздѣ, близь Аблыка, и горячаго ключа Арасанскомъ выселкѣ, близь г. Капала.

Н. Тейхъ.

176

Туркестанскія вѣдомости 1879 г. № 31.

Изъ отчета ташкентской химической лабораторіи.

Вода арыковъ и колодцевъ г. Ташкента.

Въ 1874—76 годахъ производились, въ разное время года, изслѣдованія воды какъ арыковъ, такъ и колодцевъ г. Ташкента, съ цѣлію опредѣленія ея доброкачественности. Въ 1874 году, сверхъ того, производились наблюденія надъ подпочвенной водой города, состоящія въ опредѣленіи колебанія уровня колодезной воды въ теченіи пяти мѣсяцевъ, отъ сентября до декабря; такія же наблюденія производились и въ теченіи полугора мѣсяцевъ 1875 года, въ разные часы дня.

Изслѣдованіе арычной воды въ центрѣ европейской части города лѣтомъ 1874 г. показало, среднимъ числомъ, въ 100,000 частяхъ нефильтрованной и неотстоенной воды органическихъ гніющихъ веществъ 3,9 ч.; въ томъ же количествѣ воды, но послѣ 18-часоваго отстаиванія, всего 1,4 ч. Изслѣдованіе на органическія вещества производилось какъ въ весеннее, такъ и въ лѣтнее и осеннее время года. Приведенный результатъ этихъ изслѣдованій показываетъ, что чистота воды арыковъ г. Ташкента вообще весьма удовлетворительна.

По изслѣдованіямъ Петтенкофера, вода, содержащая въ 100,000 частяхъ 1,4 органическихъ веществъ, хорошая, годная для употребленія въ пищу и питье. Этотъ изслѣдователь, согласно съ приведенными выше данными о годности воды, допускаетъ до 5 частей органическихъ веществъ въ 100,000 частяхъ воды. Однако же воду арыковъ г. Ташкента, до употребленія, необходимо отстаивать, такъ какъ въ неотстоенной водѣ механическихъ примѣсей, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ, можетъ быть весьма много. Механическихъ

примѣсей найдено, въ разное время года, отъ 0,5—2,5 грам. въ одномъ литрѣ воды, т. е. въ двухъ съ половиною фунтахъ воды немного болѣе пол-золотника. Количество органическихъ веществъ, какъ показалъ опытъ, въ неотстоенной водѣ почти въ 3 раза больше, чѣмъ въ отстоенной.

Вода колодцевъ г. Ташкента, по изслѣдованіи содержанія въ ней органическихъ гніющихъ веществъ, дала, среднимъ числомъ, въ 100,000 частяхъ, отъ 0,7—1,2 ч. Вода колодцевъ чиста, пріятна на вкусъ; средняя температура ея отъ 10—12° Ц. Глубина колодцевъ, смотря по топографіи мѣстности, отъ 10 — 20 арш. и болѣе; уровень воды въ колодцахъ въ разное время года не одинаковъ; къ осени онъ поднимается и годовой максимумъ достигаетъ приблизительно въ началѣ октября. Съ этого же времени уровень воды снова начинаетъ понижаться и, наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ доходитъ до своего минимума. Величина колебанія, какъ показали наблюденія, до 2 аршинъ.

Колодезная вода, сравнительно съ арычной, жестка, т. е. содержитъ бо́льшее количество солей, извести и магнезіи, которыхъ найдено отъ 8 до 18 въ 100,000 ч. воды.

Для наблюденій надъ колебаніемъ уровня воды въ колодцахъ служилъ колодезь, вырытый на дворѣ лабораторіи и спеціально назначенный для наблюденій. Вода изъ этого колодца не бралась ни для какого употребленія. Въ колодцѣ этомъ отъ уровня воды до поверхности почвы было:

20	августа	1874	года	14	арш.	$10\frac{1}{2}$	в.
20	сентября	—	—	14	—	$3\frac{1}{2}$	—
3	октября	—	—	14	—	$3\frac{1}{2}$	—
20	—	—	—	14	—	$14\frac{1}{2}$	—
3	ноября	—	—	15	—	$5\frac{1}{2}$	—
20	—	—	—	15	—	9	—
8	—	—	—	15	—	$11\frac{1}{4}$	—
3	декабря	—	—	15	—	13	—
10	—	—	—	15	—	14	—
19	—	—	—	16	—	$2\frac{1}{2}$	—

Въ январѣ 1875 года измѣренія эти были прекращены, такъ какъ въ колодцѣ пестало воды, но въ августѣ того же года они снова были предприняты и производились три раза

въ день: въ 9 часовъ утра, въ часъ дня и въ 5 часовъ вечера, для опредѣленія дневнаго колебанія уровня; причемъ оказалось, что опредѣленности въ колебаніи уровня колодезной воды нѣтъ: онъ, въ теченіи дня, то возвышается, то понижается.

Въ разные годы, въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, уровень воды не одинаковъ. Такъ, отъ горизонта земли до уровня воды было:
въ 1874 году въ августѣ мѣс. 14 ар. $16\frac{1}{2}$ в.
— 1875 — — — — 14 — $\frac{1}{4}$ —
— 1876 — — — — 15 — $\frac{3}{4}$ —

Въ 1876 году, какъ и въ 1874, уровень колодезной воды повышался съ весны къ осени.

Таблица наблюденій колебанія уровня воды въ колодцахъ въ разные часы дня.

Августъ.

Числа.	9 ч. утра.		1 часъ дня.		5 ч. по-пол.	
	Арш.	Вершк.	Арш.	Вершк.	Арш.	Вершк.
1		$12,\frac{1}{3}$		$12\frac{1}{3}$		$12\frac{2}{3}$
2		$12,\frac{2}{3}$		$12\frac{2}{3}$		$12\frac{2}{3}$
3		$12,\frac{1}{3}$		$12\frac{1}{3}$		$12\frac{1}{3}$
4		$13,\frac{1}{2}$		$13\frac{1}{2}$		$13\frac{1}{2}$
5		$13,_9$		$13,_8$		$13,_9$
6		$13,_4$		$13,_5$		$13,_5$
7		$13,_5$		$13,_7$		$13,_7$
8		$14,_1$		—		14
9		$14,_2$		14		12
10		$13,_8$		$13,_7$		$13,_6$
11		$13,_5$		$13,_5$		$13,_5$
12		$13,_5$		$13,_5$		$13,_5$
13		14		14		14
14		$14,_1$		14		14
15		$14,_9$		$14,_9$		15
16	14	4	14	8	14	$1,_5$
17	14	$1,_7$	14	$1,_8$	14	$1,_9$
18	14	$1,_8$	14	$1,_7$	14	$1,_6$
19	14	$1,_2$	14	$1,_1$	14	$1,_1$
20	14	$0,_{25}$		$15,_8$		$15,_7$
21		$15,_4$		$15,_3$		$15,_2$
22		$14,_{85}$		$14,_{75}$		$14,_8$
23		$14,_5$		$14,_4$		$14,_6$
24		$14,_8$		$14,_7$		$14,_6$

арш. 13 по шинъ.

25	по 13 апр.	15,2	по 13 апр.	15,2	по 13 апр.	14,8
26		14,2		14		13,9
27		13,7		13,5		13,6
28		13,75		18,6		13,2
29		13		12,9		12,8
30		12,8		12,75		12,7
31		12,6		12,5		12,1

Сентябрь.

1	по 13 марта.	11,5	по 13 марта.	11,3	по 13 марта.	11,3
2		10,8		10,5		10,5
3		10,2		10,2		10,2
4		10,5		10,8		10,8
5		11,2		11,3		11,6
6		11,7		11,75		11,8
7		12		12,2		12,4
8		12,75		12,7		12,7
9		12,8		12,8		12,7
10		12,75		12,7		12,7
11		12,8		12,7		12,6
12		12,5		12,5		12,5
13		12,5		12,6		12,4
14		12,5		12,5		12,4
15		12,5		12,8		12,9
16		13		13,1		13,4
17		13,5		13,5		13,6

Эти таблицы показываютъ, что хотя и не всегда, но часто, по утрамъ, воды въ колодцахъ бываетъ менѣе, чѣмъ по вечерамъ. Наблюденіе колебанія уровня воды въ колодцѣ производилось и въ 1878 году, съ марта мѣсяца; опредѣлялось также количество органическихъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ колодцевъ. Эти наблюденія въ свое время будутъ опубликованы.

Горючія вещества.

1) *Горючій сланецъ* съ станціи Акъ-Ташъ, близь Аральскаго моря, на берегу рѣки Сыръ-дарьи, былъ переданъ для изслѣдованія К. В. Гилевымъ. Въ 100 частяхъ по вѣсу сланца содержится:

Воды гигроскопической . , . 3,2 ч.

Летучихъ веществъ, горящихъ слабо-свѣтящимъ пламенемъ . . 10,7 —

Угля . . . . . 9,51—

Пепла	77,22—
	100,00—

Нагрѣвательная способность=560,2 единиц. тепла.

2) *Каменный уголь* съ рѣки Уйгама, переданный имъ же:

Въ 100 частяхъ угля по вѣсу содержится:

Воды гигроскопической . .	10,10 ч.
Углеводородовъ	31,10 —
Угля	47,64 —
Золы	11,10 —

Нагрѣвательная способность=3779 единиц. тепла.

3) *Уголь фисташковый*, привозимый киргизами съ горъ. Опредѣленіе нагрѣвательной его способности дало = 6000 — 6188 единиц. тепла.

Монеты и сплавы.

1) При изслѣдованіи пяти образцовъ туземной серебряной монеты, препровожденныхъ изъ ташкентскаго областнаго казначейства, для опредѣленія пробы серебрянаго сплава, оказалось, что проба серебрянаго сплава монетъ равна отъ 88—93½, а именно:

Коканъ	№ 1	проба	93½ ч.
„ „	„ 2	„	90¼ „
„ „	„ 3	„	88¼ „
„ „	„ 4	„	90¼ „
„ „	„ 5	„	90 „

2) Двѣ серебряныхъ монеты кашгарскаго чекана, препровожденныхъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для опредѣленія ихъ цѣнности. Въ 100 частяхъ по вѣсу сплава монетъ содержится:

	Монета № 1.	Монета № 2.
Серебра .	93,47 ч.	91,280ч.
Золота . .	0,014 „	0,016 „
Мѣди . .	6,515 „	8,704 „
Проба . .	89¾-ая	87½-ая

Средній вѣсъ ихъ 1,887 грам. Сравнивая этотъ вѣсъ монетъ кашгарскаго чекана съ вѣсомъ монетъ кокандскаго=2,86 гр. и хивинскаго=3,089 гр. чекановъ, оказывается, что двѣ кокандскія монеты равны по вѣсу тремъ кашгарскимъ, а двѣ хивинскія монеты=3¼ монетамъ кашгарскимъ.

3) Семь группъ (всего 141 шт.) хивинскаго чекана серебряныхъ монетъ, препровож-

денныхъ ташкентскимъ областнымъ казначействомъ. Средній вѣсъ этихъ монетъ оказался=3,082 грам. Средняя проба серебряного сплава 92,45-ая содержитъ, какъ и всѣ туземныя монеты, слѣды золота въ 1 фун. сплава 0,07 золотника.

4) Металлическія зерна, препровожденныя изъ сыръ-дарьинскаго областнаго правленія для опредѣленія состава ихъ. Оказались самороднымъ золотомъ.

5) Туземная монета (коканъ), выпущенная въ бывшемъ кокандскомъ ханствѣ Пулатъ-ханомъ, препровожденная для изслѣдованія пробы сплава металла и средняго вѣса монеты, для опредѣленія цѣнности ихъ.

Вѣсъ и проба монетъ слѣдующіе:

	Вѣсъ.		Проба.
№ 1	2,9033	=	92,3 -ая
„ 2	2,8152	=	91,6 „
„ 3	2,8740	=	92,25 „
„ 4	2,8432	=	92,4 „
„ 5	2,8778	=	91,5 „

Туземная монета (хивинская теньга), препровожденная изъ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора, для опредѣленія пробы серебра и количества другихъ составныхъ частей.

№	1.	2.	3.	4.	5.
Вѣсъ . . .	2,83 гр.	2,797 гр.	2,783 гр.	2,8 гр.	2,78 г.

Въ 100 ч. сплава монетъ содержится:

Золота .	0,1703 ч.	0,185 ч.	0,1792 ч.	0,1772 ч.	0,1792 ч.
Серебра.	97,8 „	98,6 „	97,8 „	97,36 „	97,95 „
Мѣди и Шлака .	2,0297 „	1,7549 „	2,0208 „	2,4628 „	1,8705 „
Проба .	93,9	94	93,9	93,5	94

6) Китайскія серебряныя ямбы, препровожденныя изъ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора, въ количествѣ шести штукъ, для изслѣдованія качества сплава металла и для опредѣленія ихъ цѣнности.

Форма ямбъ походитъ на лодку съ плоскимъ дномъ; на верхней уширенной части ямбы имѣется впадина отъ давленія четырехъ-угольной печати съ китайскими буквами.

Длина ямбы $2\frac{1}{2}$ вершка. Ширина $1\frac{1}{4}$ вер. Вышина $1\frac{1}{2}$ вер. Средній абсолютный вѣсъ ямбы=4 фун. $55\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Въ 100 ч. сплава металла найдено:

№	1	2	3
Серебра.	97,9	97,98	97,98
Золота	0,23	0,23	0,22
Мѣди и шлака . . .	1,87	1,79	1,80
№	4	5	6
Серебра.	98,326	97,90	97,74
Золота	0,22	0,22	0,23
Мѣди и шлака. .	1,80	1,88	2,03

Средняя проба=94.

Н. Тейхъ.

182

Новое время. 1880 г.
№ 1455.

Въ „Новомъ Времени", отъ 5 сего марта, за № 1,443, перепечатано сообщеніе изъ Ташкента „Голосу" о залежахъ лигнита на берегу р. Сыръ-Дарьи, съ замѣчаніемъ, что это мѣсторожденіе многаго не обѣщаетъ.

Сыръ-дарьинскій лигнитъ, указанный мнѣ въ прошломъ году мѣстнымъ жителемъ киргизомъ Барубаевымъ, находится около станціи Акъ-Джаръ, въ Казалинскомъ уѣздѣ, и представляетъ мѣсторожденіе вполнѣ благонадежное для дешевой разработки и перевозки лигнита по рѣкѣ, о чемъ я уже донесъ г. туркестанскому генералъ-губернатору. Куски лигнита были взяты изъ обнаженія трехъ-футового слоя, простирающагося вдоль берега почти на ½ версты. Вообще минеральные угли, взятые изъ обнаженій (съ поверхности), оказываются худшаго качества, нежели подземные. Привезеннымъ мною образцамъ сдѣлалъ химическое разложеніе нашъ извѣстный профессоръ химіи горный инженеръ К. И. Лисенко, найдя въ немъ 60% землистыхъ веществъ (въ газетѣ сказано 70%). При такомъ составѣ этотъ лигнитъ нельзя рекомендовать для пароходовъ при обыкновенномъ устройствѣ ихъ топокъ, но я убѣжденъ, что онъ можетъ быть вполнѣ пригоденъ для нагрѣванія постоянныхъ паровиковъ, такъ какъ теперь доказано, что, напримѣръ, баварскіе такъ называемые ліасовые сланцы, содержащіе среднимъ числомъ 88% землистыхъ и только 12% горючихъ веществъ, съ выгодою употребляются для извлеченія изъ нихъ горнаго масла и особенно для нагрѣванія паровиковъ къ машинамъ высокаго давленія, какъ объ этомъ подробно изложено въ сочиненіи Dr. C. Dorn'a: „Der Liasschiefer und seine Bedeutung als Brennmaterial. 1877. Tübingen". Кромѣ того, порошокъ означеннаго ліасоваго сланца служитъ хорошимъ удобреніемъ, а зола его представляетъ отличный гидравлическій цементъ, особенно сильный при смѣшеніи ея съ $^1/_{15}$—$^1/_{20}$ частями романскаго цемента, чѣмъ характеризуются также зола сыръ-дарьинскаго лигнита.

Въ Туркестанскомъ краѣ, для развитія тамъ механическаго фабричнаго дѣла, слѣдуетъ теперь дорожить даже посредственнымъ минеральнымъ топливомъ, лишь бы оно оказалось въ изобиліи. Почти единственныя обширныя и богатыя каменноугольныя копи этой страны (въ Кульджѣ), можетъ быть будутъ уступлены Китаю; другія—также богатыя залежи каменнаго угля, въ Семирѣченской области, располагаются слишкомъ сѣверно, именно въ Тарбогатайскомъ хребтѣ. Единовременно можно еще всего на-

всего добыть милліоновъ 20—25 пудовъ угля изъ южныхъ каменноугольныхъ пріисковъ въ Ферганской области и въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Чѣмъ же будетъ отапливаться давно ожидаемая желѣзная дорога отъ Оренбурга до Ташкента? Положимъ ферганской нефтью: но количество подземныхъ ея запасовъ пока еще не удостовѣрено посредствомъ буровыхъ развѣдокъ; поэтому не надо пренебрегать и вышеозначеннымъ лигнитомъ, который будетъ весьма пригоденъ по крайней мѣрѣ для всѣхъ постоянныхъ паровыхъ устройствъ, кои потребуется расположить по линіи предполагаемой желѣзной дороги, не говоря уже о потребленіи его ближайшимъ торговымъ городомъ Казалинскомъ, который при желѣзной дорогѣ будетъ имѣть очень важное значеніе въ среднеазіатской торговлѣ и вѣроятно обзаведется бумагопрядильными, ткатскими, сахароваренными и другими существенно полезными для Туркестанскаго края заведеніями.

Примите и проч.

Профессоръ Г. А. Романовскій.

184

Туркестанскія Вѣдомости.

О результатахъ изслѣдованія элатерита.

Въ ташкентскую химическую лабораторію препровождено, для изслѣдованія, нѣсколько кусковъ горючаго вещества, найденнаго пластами, на берегу Ала-куля (южной части озера Балхаша).

Полученный отъ г. военнаго губернатора Семирѣченской области, для изслѣдованія въ ташкентской химической лабораторіи, образецъ горючаго вещества, представляетъ тягучую, бураго цвѣта массу, съ запахомъ будто пригорѣлой смолы. Форма присланнаго образца четырехъ-угольная; наружность его шороховата: на одной сторонѣ имѣются трещины, идущія весьма неправильно, почти черезъ всю массу образца, Боковыя и нижняя части его безъ трещинъ, съ поверхностью ровною. Вещество это горитъ на воздухѣ, не плавясь, ярко-желтымъ пламенемъ, испуская сильную копоть и оставляя черный, углистый остатокъ. При нагрѣваніи въ закрытомъ пространствѣ выдѣляются изъ него, какъ жидкіе, такъ и газовые продукты и остается спекающійся коксъ. Вещество это нерастворимо вполнѣ ни въ спиртѣ, ни въ эфирѣ; но при обработываніи этими реагентами, теряетъ около 14% своего первоначальнаго вѣса. Эфиръ растворяетъ болѣе воскообразное тѣло, въ количествѣ 10%, плавящееся при температурѣ отъ 30—35° Ц. и растворяющееся только частью въ спиртѣ; послѣ обработыванія эфиромъ, спиртъ растворяетъ еще до 4% темно-бураго цвѣта смолы. Остающееся послѣ обработыванія спиртомъ и эфиромъ вещество еще тягуче и горитъ на воздухѣ ярко-желтымъ пламенемъ, съ копотью.

185

При изслѣдованіи вещества на количество получаемыхъ при сухой перегонкѣ продуктовъ вообще, оказывается, что изъ 100 частей его выдѣляется 88,7% летучихъ веществъ и остается 11,3% коксу; 88,7% летучихъ веществъ состоятъ изъ 80,8% жидкихъ маслянистыхъ продуктовъ и воды и 7,9% газообразныхъ; 11,3% коксу состоятъ изъ 7,7% угля и 3,6% золы, такъ что при перегонкѣ 100 частей этого вещества получаются:

жидкихъ углеводородовъ и воды	80,8%
газообразныхъ углеводородовъ .	7,9
угля	7,7
золы	3,6

Жидкій продуктъ перегонки представляетъ красновато-бураго цвѣта маслянистое вещество, пахнущее нефтью.

Газъ, выдѣляющійся при перегонкѣ, безцвѣтенъ и горитъ голубоватымъ пламенемъ, безъ копоти. Изъ кубическаго фута вещества получается отъ 500—700 фунтовъ газа.

Вещество это, основываясь на его физическихъ свойствахъ и получаемыхъ при перегонкѣ продуктахъ, представляетъ вещество органическаго происхожденія, подъ названіемъ *элатерита* (эластическая горная смола).

Для дальнѣйшаго изслѣдованія и опредѣленія свойствъ продуктовъ, получаемыхъ при сухой перегонкѣ элатерита, послано въ ташкентскую химическую лабораторію еще 5 небольшихъ кусковъ этого вещества.

186

Голосъ 1878.
№ 342.

Надняхъ, мы познакомили читателей съ путешествіемъ Уйфальви въ Средней Азіи по краткому отчоту, напечатанному въ «Bulletin de la société de géographie». Въ настоящее время мы получили только-что отпечатанный первый томъ подробнаго отчота учоной французской экспедиціи въ Россіи, Сибири и Туркестанѣ. Весь отчотъ о путешествіи Уйфальви будетъ состоять изъ трехъ томовъ, съ пояснительными картами и рисунками. Первый томъ, изданный чрезвычайно роскошно, содержитъ въ себѣ описаніе Когистана, Ферганской Области и Кульджи и краткую замѣтку о Кашгарѣ («Le Kohistan, le Ferghand et Kouldja avec un appendice sur la Kachgarie». Par Ch. E. de Ujfalvy de Mezö-Kovesd. Paris, 1878) и посвящонъ его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу, предсѣдателю петербургскаго географическаго общества. Хотя учоный авторъ имѣлъ въ виду преимущественно изъисканія этнологическія въ собственномъ смыслѣ, онъ, при этомъ, однако, не оставлялъ безъ вниманія географію и археологію. Несмотря на то, что посѣщонныя Уйфальви страны уже были изслѣдованы другими путешественниками, описаніе французскаго учонаго представляетъ несомнѣнный интересъ, въ чомъ могли убѣдиться читатели по краткимъ отчотамъ, которые Уйфальви печаталъ по временамъ въ спеціальныхъ учоныхъ французскихъ изданіяхъ и которые печатались въ нашей газетѣ. Въ первомъ томѣ, кромѣ картъ, рисунковъ, статистическихъ и другихъ таблицъ, помѣщонъ хорошій портретъ генерала-губернатора Туркестанскаго Края, генерала-адъютанта Кауфмана I-го.

187

Голосъ. 1879 г.
№ 109

Мы получили прекрасно отпечатанную въ Парижѣ вступительную лекцію, читанную Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd) при открытіи курса исторической и полититической географіи Средней Азіи въ школѣ восточныхъ языковъ («Leçon d'ouverture d'un cours de géographie historique et politique de l'Asie Centrale à l'ecole des langues orientales vivantes»). Извѣстный этнографъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на важное значеніе курса географіи Азіи. Въ этой части свѣта, въ самомъ непродолжительномъ времени, слѣдуетъ ожидать встрѣчи двухъ могущественнѣйшихъ націй вселенной, и страшная война въ басейнѣ Аму-Дарьи рѣшитъ участь нетолько Афганистана, Герата, но, можетъ быть, и участь Индіи. Лекторъ потомъ вкратцѣ знакомитъ своихъ слушателей съ обширными равнинами Яксарта и Аму, съ почвою и климатомъ этой части Средней Азіи, съ ея производительностью, торговлею, промышленостью, сообщеніями рѣчными и сухопутными, съ населеніемъ, его происхожденіемъ, нравами, исторіей, языкомъ и вѣрованіями. Далѣе онъ даетъ понятіе о постепенномъ развитіи могущества Россіи, въ теченіи почти одного столѣтія овладѣвшей странами, которыя въ три раза обширнѣе Франціи, выясняетъ причины, побуждающія насъ захватить Мервъ и дойти до Гиндукуша и до Герата, а также разсматриваетъ планы англичанъ, имѣющихъ цѣлью завладѣніе Кветтою, Кандагаромъ, Гератомъ.

Уйфальви признаетъ наши удивительные успѣхи вполнѣ заслуженными, такъ какъ политика, которую Россія преслѣдовала въ Азіи въ теченіи вѣковъ съ рѣдкою послѣдовательностью, была благоразумна и искусна. Расширеніе Россіи въ Азіи слѣдуетъ объяснять жизненными интересами, сначала необходимо было обуз-

дать хищническія племена и обезпечить торговлю, потомъ дополнить стратегическую линію и, наконецъ, пріобрѣсти естественныя границы, что̀ послѣдуетъ со взятіемъ Мерва и съ занятіемъ страны близь горъ, отдѣляющихъ Туркестанъ отъ Персіи. Ученый этнографъ, рали цивилизаціи и науки, желаетъ, чтобъ Россія завладѣла Каракумомъ до Мерва и басейномъ верхней Дарьи о Балха. Уйфальви сообщаетъ, что эта часть Средней Азіи весьма интересна въ археологическомъ отношеніи и что онъ намѣренъ, при содѣйствіи французскаго правительства, снова отправиться въ путь и изслѣдовать мѣстности около Памира, отъ Каратегина до Бадакшана, и проникнуть въ Балхъ, развалины котораго, по его мнѣнію, должны заключать въ себѣ археологическія сокровища. Онъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ предпринять путешествіе въ эти отдаленныя части нашего отечества, объясняетъ имъ путь и достопримѣчательности страны и съ большою похвалою отзывается о гостепріимствѣ, встрѣченномъ имъ во всѣхъ русскихъ домахъ и избахъ.

Мы уже своевременно извѣщали о выходѣ въ свѣтъ перваго тома путешествія Уйфальви. Слѣдующіе томы, по словамъ лектора, выйдутъ въ скоромъ времени.

189

Голос. 1880 г.
№ 142.

Въ настоящее время получонъ въ Петербургѣ третій и послѣдній томъ отчота, изданнаго Уйфальви, въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Французская научная экспедиція въ Россіи, въ Сибири и Туркестанѣ». Все сочиненіе состоитъ изъ четырехъ томовъ. Первый томъ, вышедшій въ 1878 году, содержитъ въ себѣ, какъ извѣстно, описаніе Кохистана, Ферганы, Кульджи и Кашгара. Второй томъ, вышедшій въ 1879 году, имѣетъ предметомъ Сырдарью, Заравшанъ, Семирѣченскую Область и Западную Сибирь. Четвертый томъ, вышедшій въ томъ же году, заключаетъ въ себѣ антропологическій атласъ народностей, населяющихъ Ферганскую Область. Вышедшій нынѣ третій томъ путевого отчота Уйфальви содержитъ въ себѣ четыре главы. Послѣ небольшаго предисловія помѣщена первая глава, въ которой вкратцѣ изложены важнѣйшіе результаты путешествія и сравненіе ихъ съ имѣвшимися уже антропологическими и этнографическими данными областей, изслѣдованныхъ Уйфальви. Эти данныя, результаты трудовъ нашихъ учоныхъ, состоятъ изъ описанія антропологическихъ типовъ Средней Азіи и изъ этнографическихъ замѣтокъ о среднеазіатскихъ народахъ. Вторая глава содержитъ въ себѣ описаніе башкировъ и ихъ страны. Она составлена Уйфальви въ его первое пребываніе въ Оренбургѣ, въ январѣ 1877 года, но значительно дополнена впослѣдствіи, послѣ его поѣздки въ страну башкировъ, въ ноябрѣ того же года. Въ этой главѣ сообщаются о башкирахъ новыя свѣдѣнія антропологическаго и этнографическаго характера, которыя, по мнѣнію Уйфальви, должны обратить на это племя особенное вниманіе учоныхъ. Третья глава знакомитъ съ вепсами, или сѣверною чудью, живущими по берегамъ Оята, притока Свири, соединяющаго Онежское Озеро съ Ладожскимъ. Вепсы, какъ отдѣльное племя, должны скоро исчезнуть и слиться съ русскимъ населеніемъ, а потому Уйфальви хотѣлъ собрать всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ племени, говорящемъ на финскомъ діалектѣ, самомъ архаическомъ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, съ октября по декабрь 1876 года, Уйфальви ѣздилъ въ Лодейное Поле, неподалеку отъ вепсовъ, проживающихъ по Ояту, и изучалъ на мѣстѣ ихъ языкъ и нравы.

Въ посвященной имъ монографіи извѣстный ученый знакомитъ съ географическимъ положеніемъ мѣстности, гдѣ живутъ вепсы, съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ суевѣріемъ, народною исторіей, пословицами, магическими формулами и словаремъ. Послѣдняя глава содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи финно-угрской и алтайской археологіи и точное описаніе предметовъ, найденныхъ во время путешествія и подтверждающихъ научные выводы Уйфальви. Къ третьему тому приложены таблицы антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ надъ башкирами въ Оренбургѣ, надъ вепсами въ Лодейномъ Полѣ и надъ черепами въ музеѣ петербургской академіи наукъ.

Послѣдній томъ отчота Уйфальви изданъ такъ же роскошно, какъ и предшествующіе, снабженъ портретомъ генерала-губернатора Западной Сибири, генерала Казнакова, двумя картами поселенія башкировъ въ Оренбургской Губерніи и мѣстности, населенной вепсами, и четырьмя гравюрами, знакомящими съ видомъ Омска и съ различными типами остяковъ.

Голосъ 1879 г.
№ 21.

Сегодня, въ суботу, 20-го января, съ почтовымъ поѣздомъ николаевской желѣзной дороги, выѣхала изъ Петербурга въ Центральную Азію экспедиція члена русскаго географическаго общества, полковника генеральнаго штаба, Н. М. Пржевальскаго. Вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи уѣхали прапорщики Эклонъ, уже бывшій, вмѣстѣ съ г. Пржевальскимъ, на Лобнорѣ, Роборовскій, отправляющійся преимущественно въ качествѣ рисовальщика, и два превосходные стрѣлка изъ нижнихъ чиновъ расположеннаго въ Кронштадтѣ каспійскаго пѣхотнаго полка. Впослѣдствіи, на укомплектованіе экспедиціи, поступятъ пять казаковъ въ Постѣ Зайсанскомъ, въ томъ числѣ четыре казака изъ числа бывшихъ спутниковъ г. Пржевальскаго по Средней Азіи и переводчикъ (таранча), который выѣдетъ на встрѣчу экспедиціи изъ Кульджи. Переводчикъ этотъ уже ходилъ съ г. Пржевальскимъ по пустынѣ и потому на его знанія и преданность можно смѣло разсчитывать.

Предполагаемый маршрутъ экспедиціи: въ Москвѣ трехдневная остановка, чтобъ устроить багажъ, значительная часть котораго тамъ находится; отсюда—желѣзнодорожный переѣздъ до Оренбурга. Изъ Оренбурга путешественники отправятся обыкновенною дорогою на Омскъ (небольшая остановка) и далѣе на Семипалатинскъ, изъ котораго будетъ подана послѣдняя телеграма, такъ какъ на дальнѣйшемъ слѣдованіи уже не имѣется телеграфнаго сообщенія. Въ Постѣ Зайсанскомъ экспедиція принимаетъ багажъ, ею оставленный послѣ предшествовавшаго пути по Центральной Азіи, окончательно укомплектовывается и составляетъ караванъ (30 верблюдовъ, въ томъ числѣ 20 вьючныхъ, остальные верховые и верховыя лошади). Багажъ, въ общей слож-

ности, будетъ болѣе 150 пудовъ. Изъ Зайсанскаго Поста, въ началѣ марта будущаго года, экспедиція выступитъ по направленію къ городу Хами, куда предполагаетъ прибыть въ концѣ апрѣля. Дальнѣйшее слѣдованіе проектировано на Ша-джеу, а отсюда—подъемъ на высокія, обильныя флорою и фауною, предгорья Гань-су, гдѣ предполагается провести іюнь и іюль съ тѣмъ, чтобъ осенью пойти въ Хлассу (иначе называемую Лассою), куда экспедиція прибудетъ въ концѣ ноября. Въ февралѣ будущаго года, если ничто не помѣшаетъ, наши путешественники пойдутъ по Брамапутрѣ къ Гималаю. Этому интересному путешествію будутъ посвящены весна и лѣто 1880 года. Возвратясь потомъ въ Хлассу, г. Пржевальскій, осенью 1880 года, отправитъ собранныя колекціи, подъ охраною казаковъ, по караванному пути богомольцовъ на Ургу, а самъ, налегкѣ, пойдетъ черезъ пустыни на Хотанъ, Кашгаръ, въ нашу Фергану. Такимъ образомъ, экспедиціи придется прослѣдовать многія такія мѣстности, куда еще ни разу не ступала нога европейца. Путь собственно черезъ наши азіатскія владѣнія г. Пржевальскій дѣлаетъ въ седьмой разъ.

Благодаря просвѣщонному участію различныхъ правительственныхъ учрежденій и русскаго географическаго общества, экспедиція во всѣхъ отношеніяхъ обставлена прекрасно. На расходы отпущено 20,000 рублей, половина которыхъ выдана звонкою монетою. Люди вооружены превосходными скорострѣльными ружьями и револьверами. Въ багажѣ находится все необходимое для дальняго и опаснаго путешествія, начиная отъ геодезическихъ инструментовъ, медикаментовъ, запаса одежды и кончая рабочимъ инструментомъ и гвоздями. Порохъ экспедиція получитъ въ Оренбургѣ; сверхъ того, она уже имѣетъ свой запасъ пороха въ Зайсанѣ.

143

Голос 1880 г.
№ 178.

Извлеченія изъ писемъ Пржевальскаго.

Въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» напечатаны извлеченія изъ нѣсколькихъ писемъ нашего извѣстнаго путешественника по Средней Азіи, полковника Пржевальскаго.

1) *Изъ фанзы Дзунъ-Засакъ*, у сѣверной подошвы Бурханъ-Буда, въ Цайдамѣ, отъ 11-го и 12-го сентября 1879 года, полковникъ Пржевальскій пишетъ:

«Любезность, встрѣченная нами отъ китайскихъ властей въ Хами, ограничивалась только однимъ этимъ городомъ. Въ Са-чжеу цѣлую недѣлю угощали насъ обѣщаніями дать проводника въ Цайдамъ; потомъ отказали въ этомъ окончательно, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ туда дорогу, что̀ оказалось впослѣдствіи совершенною ложью. Когда я объявилъ, что пойду одинъ безъ проводника, тогда са-чжеускія власти дали намъ какого-то китайца, который отвелъ насъ только 70 верстъ отъ города и объявилъ, что далѣе не знаетъ дороги. При этомъ слѣдуетъ оговорить, что вышеназванный проводникъ завелъ насъ въ мѣстность, всю изрытую оврагами, такъ что мы едва могли выбраться оттуда. При этомъ намъ постоянно твердили: «Англичане (вѣроятно, графъ Сеченьи), бывшіе весною, также хотѣли идти въ Тибетъ, но, убѣдившись нашими доводами въ невозможности пройти туда, вернулись обратно».

Однако, полковникъ Пржевальскій рѣшился самъ пробиваться впередъ. По указанію монголовъ, онъ дошолъ до урочища Сыртынъ, 11-го августа, гдѣ монголы встрѣтили радушно русскихъ и тотчасъ же дали проводника въ Курлыкъ-Цайдамъ, мѣсто, отстоящее въ 286-ти верстахъ. Но съ этого мѣста путешественники начали встрѣчать дурной пріёмъ со стороны монголовъ. Въ Дзуннъ-Засакѣ имъ отказлли даже дать проводника въ Хлассу, пока г. Пржевальскій не прибѣгъ къ крутой мѣрѣ. «Отъ поста Зайсанскаго до подошвы горъ Бурханъ-Буза—пишетъ полковникъ Пржевальскій—мы прошли 2,060 верстъ. Все это пространство—пустыня, за исключеніемъ рѣдкихъ клочковъ оазисовъ».

2) *Изъ Цайдама*, отъ 1-го февраля 1880 года: «Четыре съ половиною мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я отправилъ свое послѣднее письмо изъ Цайдама, и съ тѣхъ поръ мы успѣли побывать въ Тибетѣ, даже недалеко отъ Хлассы, но только въ нее не попали».

12-го сентября полковникъ Пржевальскій оставилъ Цайданъ и двинулся въ Тибетъ безъ проводника. Путешественники пошли на угадъ.

«Къ счастью—пишетъ онъ—мы ошиблись на немного. Перейдя Голубую рѣку въ ея верховьѣ, мы поднялись на плато Тан-ла, увѣнчанное громаднымъ хребтомъ снѣговыхъ горъ. Перевалъ черезъ эти горы имѣетъ 16,800 футовъ абсолютной высоты. Подъёмъ весьма пологій, но очень трудный, вслѣдствіе разрѣженности воздуха. Притомъ же, на всемъ Тан-ла лежалъ высокій снѣгъ, выпавшій въ Тибетѣ еще въ началѣ октября. Въ долинахъ этотъ снѣгъ согнало, но на горахъ онъ уцѣлѣлъ.

«На самомъ перевалѣ чрезъ Тан-ла, мы неожиданно подверглись нападенію кочевого тангутскаго племени ёграевъ, которые постоянно грабятъ проходящіе здѣсь караваны. Только на этотъ разъ ёграи немного ошиблись въ своемъ разсчотѣ. Вмѣсто того, чтобъ встрѣтить разбойниковъ съ поклономъ, какъ это дѣлаютъ монголы-богомольцы, мы встрѣтили ихъ залпами изъ берданокъ. Въ нѣсколько мгновеній, четверо ёграевъ были убиты на повалъ и нѣсколько ранено; остальные удрали въ горы. Случилось это 7-го ноября. На другой день, ёграи, собравшись въ большомъ числѣ, заняли ущелье, чрезъ которое лежалъ нашъ путь. Опять залпы изъ берданокъ и опять трусливые разбойники разбѣжались куда попало. Такъ мы очистили себѣ путь и, спустившись съ Тан-ла, направились въ Хлассу.

«Но близъ деревни Набчу, въ 250-ти верстахъ отъ столицы Далай-ламы, насъ встрѣтили тибетцы и объявили, что не могутъ пустить далѣе безъ разрѣшенія своего правительства. Посланъ былъ гонецъ въ Хлассу; мы же остановились ждать отвѣта. Въ это время, въ Набчу была собрана 1,000 человѣкъ войска, такихъ же трусовъ, какъ и всѣ азіатцы вообще. Нѣсколько человѣкъ изъ этихъ солдатъ постоянно находились при насъ и откровенно объясняли, что если мы пойдемъ впередъ силою, то тибетскіе солдаты, считая насъ за великихъ колдуновъ и необыкновенныхъ стрѣлковъ, ни за что не станутъ драться съ нами, но всѣ убѣгутъ... Въ районѣ далайламскихъ владѣній запрещено было, подъ страхомъ смертной казни, продавать намъ лошадей и съѣстные припасы, такъ что я хотѣлъ уже прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ—отнять необходимое продовольствіе силою. Но, по счастью, здѣсь же жили тангуты, подчиненные не Далай-ламѣ, а синнинскому амбаню; у этихъ тангутовъ мы купили все, что было нужно.

«Чрезъ 20 дней послѣ отправленія гонца въ Хлассу, оттуда прибылъ посланникъ далай-ламы и съ нимъ семь чиновниковъ (четыре отъ аймаковъ тибетцовъ, три отъ кумирень), которые самымъ униженнымъ образомъ начали упрашивать насъ вернуться, такъ какъ тибетскій народъ не желаетъ пустить къ себѣ русскихъ. Поводомъ къ тому было общее мнѣніе, что мы идемъ, чтобъ украсть далай-ламу. Конечно, я употребилъ всѣ мѣры, чтобъ добиться возможности идти въ Хлассу, но все было напрасно. Послы стояли на своемъ и при этомъ, повторяю, вели себя весьма униженно, умоляя насъ именемъ Бога исполнить ихъ просьбу. Въ Хлассѣ, между тѣмъ, какъ мы узнали стороною, происходилъ большой переполохъ: старъ и малъ кричали, что идутъ русскіе украсть далай-ламу и уничтожить будійскую вѣру. При подобномъ настроеніи цѣлаго народа, безумно было бы идти на проломъ. Я согласился вернуться, но по-

требовалъ и получилъ отъ пословъ бумагу, въ которой объяснялось, почему насъ не пустили въ Хлассу. Когда я показывалъ пекинскій паспортъ и говорилъ, что имѣю позволеніе китайскаго правительства, то послы отвѣчали мнѣ, что они знаютъ свой народъ и своего государя, а до китайцовъ имъ нѣтъ дѣла. Вообще, сколько можно заключить изъ всего видѣннаго нами, власть китайцовъ въ Тибетѣ очень невелика..- Смѣшно сказать, что 12 европейцовъ могли навести страхъ на того, кому поклоняется чуть не половина населенія всего земного шара.

«Весь декабрь и январь шли мы обратно изъ Набчу въ Цайдамъ, разстояніе въ 830 верстъ. Путь былъ очень трудный. Морозы, бури, снѣгъ, огромная абсолютная высота (14,000 — 16,000 футовъ)—все это ежедневно донимало насъ. Изъ 34-хъ верблюдовъ издохли 20; навьючили часть верховыхъ лошадей, сами шли поочередно пѣшкомъ. Продовольствія не хватило. Добывали мясо охотою и ежедневно выдавалось ½ фунта муки на человѣка. Одинъ изъ казаковъ чуть не умеръ; всѣ же мы простудились. Однако, теперь, въ тепломъ Цайдамѣ, здоровье наше возстановилось вполнѣ.

«Тѣмъ неменѣе, въ Тибетѣ мы собрали большую колекцію звѣрей, въ томъ числѣ двухъ огромныхъ яковъ. Затѣмъ сдѣлана съёмка, астрономическія, барометрическія опредѣленія и проч. Словомъ, всѣ научныя изслѣдованія удались вполнѣ отъ Зайсана до Набчу».

3) *Изъ города Санина*, отъ 8-го марта 1880 года:

«Въ началѣ марта мы пришли съ Кукунора къ городу Донкыру, откуда я пріѣхалъ вчера въ Сининъ, чтобъ повидаться съ здѣшнимъ амбанемъ. Сейчасъ вернулся отъ него и пишу подъ весьма непріятнымъ впечатлѣніемъ. На мой спросъ идти мѣсяца на три, четыре на верховья Жолтой Рѣки, губернаторъ отвѣчалъ сначала отказомъ, увѣряя, что получилъ предписаніе изъ Пекина не пускать меня никуда, а выпроводить домой. Не знаю, насколько это правда, но только я рѣшительно отказался воротиться въ настоящую минуту и выторговалъ мѣсяца два или немного болѣе времени, какъ получится отвѣтъ на мое письмо изъ Пекина. Сининскаго амбаня я увѣрилъ, что не имѣю права ворочаться безъ полученія такого отвѣта. Далѣе, насчотъ Жолтой Рѣки мы поладили такимъ образомъ, что я могу идти на ея верховья, но только не переходить на правую сторону рѣки, и потомъ, вернувшись, не могу идти на Кукуноръ. Словно между двумя непріятельскими линіями заключена демаркаціонная линія. Однако, какъ и всегда, можно будетъ обойти буквальный смыслъ трактата. Я исполняю условіе, не буду переходить на правую сторону Хуан-хэ, но обойду ее въ истокѣ и тогда двинусь въ восточномъ направленіи. Самыя интересныя мѣстности лежатъ на правой сторонѣ верхней Хуан-хэ; тамъ громадныя лѣсныя горы. Не

знаю, почему китайцы боятся посѣщенія мною тѣхъ мѣстностей. Желая отклонить меня отъ путешествія на верховья Хуан-хэ, синиискій амбань увѣрялъ, что тамъ много разбойниковъ, а одинъ изъ приближонныхъ губернатора еще болѣе поусердствовалъ, добавивъ, что тамъ въ лѣсахъ живутъ людоѣды, на что получилъ отъ меня отвѣтъ, что такихъ людей найти именно и желательно. Въ концѣ-концовъ, амбань просилъ съ меня росписку въ томъ, что я иду на Хуан-хэ, вопреки его предостереженій, чтобъ не отвѣчать, въ случаѣ какого-нибудь несчастія со мною. Росписка дана, но никакого такого несчастія быть не можетъ съ моими молодцами.

«Я располагаю дѣйствовать такимъ образомъ: пойду черезъ недѣлю на верховья Жолтой Рѣки, проберусь до ея истоковъ и отсюда схожу на востокъ или юговостокъ, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ. Потомъ, мѣсяца черезъ три или четыре вернусь къ Кукунору и направлюсь домой старымъ путемъ, чрезъ кумирню Чейбинъ, городъ Дачжинъ, Алашанъ и Ургу».

197

Голосъ, 1880 г.

№ 71

Слухи о Н. М. Пржевальскомъ.

Намъ передаютъ весьма неутѣшительные слухи о путешественникѣ по Средней Азіи, Н. М. Пржевальскомъ. Говорятъ, будто бы венгерскій графъ Цехенія, какъ и Пржевальскій, направлявшійся съ своею экспедиціей въ Тибетъ, по со стороны западныхъ областей Китая, писалъ въ Пекинъ въ германское посольство, что путь чрезъ пустыню, раздѣляющую китайскую окраину отъ Средней Азіи, оказался гораздо труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, а потому онъ думаетъ возвратиться, «не рискуя подвергать себя и своихъ спутниковъ участи, которой подверглась въ пустынѣ русская экспедиція Пржевальскаго». Что̀ именно случилось съ русскою экспедиціей, въ письмѣ не упоминается.

Одно это письмо, однако, не могло еще служить поводомъ къ большимъ опасеніямъ за нашихъ путешественниковъ: мы уже сообщали, что китайцы уже въ самомъ началѣ путешествія графа Цехеніи старались представить ему всевозможные страхи, которые грозили ему въ невѣдомой пустынѣ. Въ это дѣло, какъ извѣстно, вмѣшался даже китайскій чунг-ли-яменъ (государственный совѣтъ), прося германскаго посланника отговорить графа отъ его намѣренія идти чрезъ пустыню. Если китайскіе губернаторы и начальники пограничныхъ съ степною полосою городовъ продолжали дѣйствовать на него въ томъ направленіи, то очень могло случиться, что они намѣренно распространили слухъ о катастрофѣ съ экспедиціей Пржевальскаго. Но та же прискорбная вѣсть пришла и съ другой стороны—отъ туркестанской границы. Говорятъ, одинъ изъ проводниковъ, данныхъ нашей экспедиціи въ городѣ Ша-чжоу, находящемся почти при входѣ въ пустыню, возвратился чрезъ нѣсколько времени въ городъ и разсказываетъ слѣдующее:

«Экспедиція сбилась съ пути и зашла въ совершенно непроходимую мѣстность. Начальникъ экспедиціи разослалъ всѣхъ проводниковъ, въ томъ числѣ и его, отъискивать дорогу. Послѣ напрасныхъ поисковъ, проводникъ снова вернулся къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ экспедицію, но уже не нашолъ ея тамъ, не нашолъ также и слѣдовъ направленія, по которому она двинулась, почему ему не оставалось ничего болѣе, какъ идти назадъ въ городъ».

Этотъ разсказъ звучитъ какою-то фальшью, болѣе чувствуемою, чѣмъ сознаваемою. Еслибъ опытный въ степныхъ путешествіяхъ Н. М. Пржевальскій, разославъ проводниковъ отъискивать дорогу, рѣшился двинуть ее съ мѣста, не подождавъ ихъ возвращенія, онъ не бросилъ бы этихъ дорогихъ для него людей въ пустынѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ оставлялъ бы на своемъ пути знаки, съ помощью которыхъ отставшіе могли бы догнать экспедицію, такіе знаки, которыхъ не могли бы сгладить пески или уничтожить ураганы. Слѣдовательно, проводникъ не могъ потерять изъ вида экспедицію, если только онъ вторично приходилъ къ тому мѣсту, на которомъ оставилъ ее. Быть можетъ, проводникъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ отдѣлаться отъ тяжолой обязанности провожать иностранцовъ? Такія вещи, однако, не дѣлаются безнаказанно въ Китаѣ. Трудно предположить, чтобъ проводникъ рискнулъ не выполнить буквально даннаго ему порученія. Зная предусмотрительность и рѣдкій тактъ нашего путешественника въ обращеніи съ азіатцами, трудно допустить какую-нибудь съ его стороны оплошность въ этомъ отношеніи.

199

Голосъ. 1879 г.
№ 282.

По поводу ученыхъ экспедицій въ Тибетъ.

Въ послѣднемъ собраніи русскаго географическаго общества, 3-го октября, между прочимъ, сообщено было извѣстіе, полученное отъ нашего неутомимаго изслѣдователя Азіи, полковника Н. М. Пржевальскаго. Извѣщая, отъ 11-го іюня (новаго стиля), о благополучномъ переходѣ экспедиціей пространства отъ Зайсанскаго Поста до города Хами, Н. М. Пржевальскій заявляетъ, что всюду на пути онъ встрѣчалъ радушный пріемъ со стороны китайскихъ властей, но особенное вниманіе выказалъ ему хамійскій губернаторъ Чинъ-тай, который нетолько снабдилъ его разъясненіями относительно дальнѣйшаго пути на Шачжоу и Цайдамъ, но далъ ему даже конвой для сопровожденія экспедиціи въ предѣлахъ управляемой имъ области.

Совсѣмъ другого характера свѣдѣнія получены объ экспедиціи венгерскаго графа Цехеніи, подобно экспедиціи г. Пржевальскаго, имѣвшей намѣреніе проникнуть въ Тибетъ, но со стороны Куконора. Куконорскій губернаторъ, отъ 24-го іюня (новаго стиля), доносилъ въ Пекинъ цунгли-ямѣнъ (китайскому министерству иностранныхъ дѣлъ), что онъ лично представлялъ графу Цехеніи всю затруднительность пути отъ куконорской границы въ Тибетъ къ Хлассѣ. Онъ говорилъ графу, что ему придется проходить пустынное пространство въ 5,000 ли (2,500 верстъ), на всемъ протяженіи котораго нѣтъ ни дорогъ, ни военныхъ поселеній, ни почтовыхъ станцій, что китайцы сами никогда не бывали въ этой пустынѣ, а всѣ казенныя бумаги изъ Куконора въ Хлассу направляются черезъ провинціи Шенси и Цэнань, что на

западъ отъ Цайдама тянется до такой степени пустынная полоса, что она не посѣщается даже туземными монгольскими кочующими племенами, а поэтому, едва ли безопасно будетъ слѣдовать экспедиціи этимъ путемъ даже въ сопровожденіи военнаго конвоя. Поэтому, губернаторъ заявилъ графу, что китайское правительство не можетъ принять на себя отвѣтственности за послѣдствія, если онъ рѣшится идти черезъ эту пустыню въ Тибетъ. На это представленіе графъ Цехеніи отвѣчалъ губернатору, что онъ отправится, во всякомъ случаѣ, далѣе въ путь къ куконорской западной границѣ, чтобъ посѣтить дорогою замѣчательные, находящіеся въ тѣхъ мѣстахъ, храмы и лично удостовѣриться въ удобопроходимости пути. Китайское министерство иностранныхъ дѣлъ, получивъ увѣдомленіе о такомъ рѣшеніи графа, обратилось въ австрійское посольство при пекинскомъ дворѣ съ просьбою принять на себя посредничество, чтобъ уговорить графа Цехеніи измѣнить его намѣреніе. Австрійское посольство передало графу желаніе цунглиямѐнъ; но послушался ли онъ совѣта китайцовъ, еще неизвѣстно.

Такимъ образомъ, почти одновременно сошлись за Великою Стѣною въ западныхъ областяхъ Китая двѣ учоныя европейскія экспедиціи, направившіяся туда съ разныхъ сторонъ, но съ одною и тою же цѣлью— проникнуть въ Тибетъ, остающійся еще terra incognita для европейской науки. Мы привели подробныя свѣдѣнія о движеніи обѣихъ экспедицій по китайскимъ областямъ, чтобъ обратить вниманіе читателей на совершенно новый фактъ, представляемый этими свѣдѣніями: китайцы, повидимому, стали съ бо́льшимъ вниманіемъ относиться къ участи европейскихъ учоныхъ путешественниковъ, посѣщающихъ ихъ западныя окраины. Урокъ, данный китайской администраціи вслѣдствіе убіенія Августуса

Мергэри, хорошо памятенъ китайскимъ чиновникамъ и не прошолъ даромъ. Радушный пріемъ, оказанный нашему русскому путешественнику со стороны хамійскаго губернатора, и тревога китайскаго министерства за безопасность графа Цехеніи служатъ лучшими признаками, что китайцы съ меньшимъ недовѣріемъ начали смотрѣть на посѣщеніе европейскими учоными ихъ странъ, а также и того, что китайскіе чиновники уже научились болѣе или менѣе дорожить международными отношеніями съ европейскими народами.

Насколько пріятно для правителей китайскихъ областей появленіе къ нимъ европейскихъ экспедицій — это другой вопросъ. Можно положительно сказать, что всякое посѣщеніе европейцовъ надолго возмущаетъ ихъ покой и обычное теченіе жизни. Обстоятельство это, прежде всего, возбуждаетъ оживленную переписку съ Пекиномъ и потомъ наводитъ на непріятныя мысли объ отвѣтственности за все, что̀ можетъ случиться съ гостями. Вотъ почему, по словамъ Н. М. Пржевальскаго, китайскіе провинціальные чиновники и вообще всѣ среднеазіатцы нестолько выказываютъ радушія къ европейцу, когда онъ приходитъ къ нимъ, сколько тогда, когда онъ уходитъ отъ нихъ.

Болѣе же просвѣщонные китайскіе сановники и центральное правительство Небесной Имперіи уже даютъ истинную оцѣнку трудамъ европейскихъ учоныхъ въ малоизвѣстныхъ странахъ Средней Азіи. Такъ, намъ достовѣрно извѣстно, что китайское правительство пользуется русскими географическими картами Средней Азіи и приказываетъ переводить на китайскій языкъ болѣе или менѣе замѣчательные труды по изученію сопредѣльныхъ съ Китаемъ странъ.

202

Голос. 1879 г.
№ 317.

Изслѣдованіе внутренняго Памира.

Въ среду, 14-го ноября, въ чрезвычайномъ собраніи членовъ русскаго географическаго общества, Н. А. Сѣверцовъ сдѣлалъ сообщеніе объ изслѣдованіяхъ внутренняго Памира учоною экспедиціей. Въ 1877 году, съ разрѣшенія туркестанскаго генерала-губернатора, К. П. фон-Кауфмана, образовалась экспедиція, въ которой, кромѣ Н. А. Сѣверцова, приняли участіе гг. топографъ Скасси, астрономъ Шварцъ, ботаникъ и энтомологъ Кушакевичъ, съемщикъ Рудневъ и собиратель зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ колекцій Сколоняковъ. При экспедиціи находилось постоянно до 30-ти конвойныхъ казаковъ и проводники изъ киргизовъ. Экспедиція снарядилась 18-го сентября и производила свои изслѣдованія до 7-го ноября. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, она, отправясь изъ Гульши, прошла Алайскій Хребетъ черезъ Шахтскій Перевалъ и достигла Сѣвернаго Памира, откуда, вслѣдствіе приближающейся зимы, принуждена была возвратиться въ Гульшу. Во второй разъ экспедиція снарядилась 1-го іюля 1878 года и производила свои изслѣдованія все лѣто до 20-го сентября. Въ это время путь ея шолъ изъ Гульши, черезъ Арчатскій Перевалъ Алайскаго Хребта, въ Сѣверный Памиръ, оттуда въ Восточный Памиръ и далѣе въ Памиръ Аличугъ и обратно по той же дорогѣ въ Гульшу. Во время этой экспедиціи изучены горные хребты Заалайскій, Памирскія и озерныя долины Харгошкуль, Сарескуль, Рангкуль, Каракуль и друг.

Цѣль экспедиціи Н. А. Сѣверцова состояла въ изслѣдованіи малоизученнаго внутренняго Памира въ физикогеографическомъ, геологическомъ, зоологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ и въ нанесеніи его на карты. Эта цѣль вполнѣ достигнута; экспедиція произвела огромное количество нивелировочныхъ съёмокъ, нанесла изслѣдованныя мѣстности на карты, сдѣлала массу фотографическихъ снимковъ, опредѣлила во многихъ мѣстахъ астрономическіе пункты и барометрическія высоты и собрала большія колекціи животныхъ, растеній и минераловъ. Въ орографическомъ отношеніи Памиръ представляется чрезвычайно горнстою страною, въ которой находятся отдѣльныя возвышенности, достигающія высоты Гималайскихъ Горъ. Таковы, напримѣръ, въ Заалай-

скомъ Хребтѣ Кауфмановъ пикъ (22,580 футовъ высоты), масивная гора Гурунда (20,900 футовъ), служащая водораздѣломъ и источникомъ массы среднеазіатскихъ рѣкъ, и въ памирскихъ хребтахъ—гора Мустагъ, достигающая высоты 25,800 футовъ. Горные хребты состоятъ изъ напластованій древнихъ формацій; преобладающими породами являются горный известнякъ, сланцы и частью гранитъ. Бо́льшею частью, горы безлѣсны и покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, граница котораго на сѣверныхъ склонахъ лежитъ около 14,000 футовъ, а на южныхъ она поднимается до 19,000 футовъ. Такое поднятіе границы вѣчныхъ снѣговъ происходитъ отъ нагрѣванія солнцемъ и чрезмѣрной сухости воздуха въ Памирѣ. Температура на горахъ доходитъ до 10°—20° Ц., между тѣмъ, какъ на солнцѣ она поднимается до +20° и даже +70° Ц.

Памирскія долины, въ геологическомъ отношеніи, представляютъ собраніе позднѣйшихъ формацій съ примѣсью вывѣтрившихся слоевъ болѣе древнихъ формацій. Почва долинъ состоитъ изъ галекъ, песковъ, солончаковъ и песчаниковъ и покрыта безчисленнымъ множествомъ моренъ и валуновъ, величина которыхъ не уступаетъ швейцарскимъ. Памирскія Долины тоже безлѣсны и пустынны и только нѣкоторыя изъ нихъ покрыты роскошными лугами.

Фауна и флора въ Памирѣ представляетъ замѣчательную смѣсь представителей всѣхъ частей земного шара. Главнымъ образомъ, здѣсь преобладаютъ гималайскія и тибетскія формы, но являются также формы европейскія, степныя, финляндскія, швейцарскія и петербургскія.

Внѣшнія условія экспедиціи нельзя признать благопріятными. Члены ея весьма часто, особенно на обратномъ пути, терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и соли. Сверхъ того, немало трудностей перенесли они при переправахъ черезъ бурныя и глубокія рѣки.

204

Новое время. 1879 г.
№ 1225.

О колонизаціи Туркестанскаго края.

Недавно мы говорили о тѣхъ мѣрахъ, какія предположены правительствомъ для колонизаціи Туркестанскаго края. Нынѣ узнаемъ что крестьянамъ переселяющимся въ эти средне-азіятскія владѣнія изъ внутреннихъ частей имперіи, предположено дать полицейско-административное и общественное устройство на основаніи выработанныхъ правилъ для осѣдлыхъ инородцевъ, но лишь съ нѣкоторыми изъятіями. Каждое русское селеніе само по себѣ образуетъ отдѣльное общество, а волости составляются постепенно, по мѣрѣ образованія обществъ, съ развитіемъ колонизаціи, изъ такого числа селеній, какое признается наиболѣе соотвѣтственнымъ, смотря по относительному положенію и взаимной связи ихъ между собою и по ближайшему усмотрѣнію мѣстнаго областного начальства. Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ домохозяевъ, входящихъ въ составъ общества; волостной съѣздъ—изъ выборныхъ на сельскихъ сходахъ по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ. Вѣдѣнію сельскихъ сходовъ въ русскихъ селеніяхъ подлежитъ также и учетъ избранныхъ ими сельскихъ старшинъ. Учетъ волостныхъ управителей производится волостными сходами. Должности волостного управителя и кандидата къ нему замѣщаются волостными съѣздами выборныхъ, по ихъ собственному усмотрѣнію. Лица, избранныя на эти должности, утверждаются въ нихъ военными губернаторами на общемъ основаніи. Назначеніе жалованья или иного вознагражденія сельскимъ старшинамъ и волостнымъ управителямъ предоставляется непосредственному усмотрѣнію самихъ переселенческихъ обществъ, отъ которыхъ и зависитъ ихъ избраніе.

205.

Туркестанскія Вѣдомости 1879. № 29.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Городъ Карши.

(Очеркъ).

Въ началѣ іюня минувшаго года, небольшая кавалькада порядочно-усталыхъ всадниковъ медленно поднималась въ гору, по крутому склону ущелья, ведущаго на Тахта-карачинскій перевалъ—прямой путь изъ Самарканда въ Шахрисябзъ. Бѣлые кителя русскихъ офицеровъ рѣзко отдѣлялись отъ пестрыхъ халатовъ сопровождавшихъ кавалькаду туземцевъ. Бухарцы уже выслали впередъ нѣсколькихъ почетныхъ людей—привѣтствовать вступающее въ предѣлы ханства русское посольство; обычные вопросы: о здоровьѣ Бѣлаго Царя, генералъ-губернатора (ярымъ-падша) и губернатора были сдѣланы. Съ своей стороны посольство освѣдомилось съ большимъ участіемъ о здоровьѣ Дженоби-Али (его высокостепенства, т. е. эмира бухарскаго) и всего его семейства. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что Дженоби-Али давно уже выѣхалъ изъ Бухары въ Шахрисябзъ, но по дорогѣ остался на нѣкоторое время въ Карши, своемъ любимомъ городѣ, гдѣ онъ долгое время былъ бекомъ, еще при жизни отца своего, Насруллы. „Когда же выѣдетъ эмиръ изъ Карши, далѣе?"—„Богъ знаетъ, одинъ Богъ знаетъ", съ благоговѣйнымъ трепетомъ отвѣчали бухарцы. И дѣйствительно, это могъ знать только одинъ Аллахъ и Магометъ—пророкъ его. Сунуться съ такимъ вопросомъ къ эмиру, значило рисковать получить на такой нескромный вопросъ весьма чувствительный отвѣтъ, въ родѣ сотни палочныхъ ударовъ, или чего-нибудь подобнаго.

Насущные, интересовавшіе посольство вопросы были сдѣланы, и затѣмъ оставалось только обмѣниваться любезностями, на что бухарцы великіе мастера. Вѣковое прини-

женное положеніе бухарскаго чиновнаго люда, надъ которымъ вѣчно виситъ Дамокловъ мечъ—необузданная воля эмира, выучило его отлично хитрить и лукавить. У хорошо воспитаннаго бухарца всегда на лицѣ либо сладкая, заискивающая улыбка, либо ничѣмъ ненарушимое, ледяное спокойствіе. Послѣднее впрочемъ встрѣчается гораздо рѣже. Типъ перваго можно было видѣть, напримѣръ, въ лицѣ бывшаго бухарскаго посланца въ Ташкентѣ, Гиссаметдина-токсабы. Онъ всѣхъ встрѣчалъ съ самою любезною улыбкою, прижималъ руки къ сердцу и, подъ прикрытіемъ этой медоточивой наружности, превосходно хитрилъ и обдѣлывалъ свои дѣла. Теперь онъ въ опалѣ у эмира.

А подъемъ на перевалъ дѣлался все круче и круче. Ручей Джиланъ-булакъ журчалъ гдѣ-то далеко внизу, у подошвы высоко поднимавшихся надъ нимъ, скалистыхъ горъ. Наконецъ не стало слышно и ручейка. Дорога повернула вправо, огибая громадныя гранитныя глыбы, точно набросанныя здѣсь рукою какого-то великана. Изъ подъ этихъ глыбъ мѣстами сочились ручейки, обозначаясь на обозженной солнцемъ растительности пятнами свѣжей, сочной зелени. Выше, по скатамъ горъ, обрисовывались густые, темнозеленые кусты: это была арча (древовидный можжевельникъ), единственное хвойное растеніе здѣшнихъ горъ.

Здѣсь проводники посовѣтовали намъ сойти съ лошадей и взобраться на самый перевалъ пѣшкомъ. Плохо привычныя къ горнымъ дорогамъ лошади легко могли оступиться на гладкихъ, точно отшлифованныхъ, гранитныхъ плитахъ, составлявшихъ самую вершину, или лучше сказать—сѣдловину Тахта-карачинскаго перевала.

Когда этимъ переваломъ проѣзжалъ Алій (такъ говоритъ мѣстное преданіе), то онъ остановился здѣсь отдохнуть; на этомъ основаніи каждый благочестивый мусульманинъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ отдохнуть, хоть нѣсколько минутъ, на перевалѣ. И мы также послѣдовали примѣру Алія; но какъ кяфиры, употребили время отдыха чтобъ подкрѣпить легкимъ завтракомъ свои силы, утомленныя пятичасовой верховой ѣздой. Нѣтъ сомнѣнія, что кости Алія содрога-

лись въ могилѣ, когда отдыхающіе кяфиры передавали изъ рукъ въ руки, хорошо знакомую многимъ, оплетенную фляжку.

Лошади стояли, понуривъ головы, тщетно пытаясь отыскать между раскаленными плитами хоть одну незасохшую отъ безводья былинку. Казаки пожевывали сухарики, взятые про запасъ еще изъ Самарканда; кое-кто дремалъ, прикорнувъ въ тѣни, подъ навѣсомъ скалы. Солнце палило невыносимо. Здѣсь, на раскаленныхъ, гранитныхъ плитахъ зной былъ еще утомительнѣе. Иногда изъ ущелья вырывался свѣжій вѣтерокъ, обхватывалъ насъ на минуту смолистымъ запахомъ арчевыхъ порослей, и вдругъ стихалъ, точно спохватившись, что не туда онъ забѣжалъ. Дѣйствительно, скудная растительность, выглядывавшая мѣстами изъ подъ камней, вовсе не нуждается въ освѣжающемъ вѣтеркѣ. Это—дѣти зноя, выросшіе при обстановкѣ, повидимому способной умертвить всякій зародышъ жизни. И однако же колючіе, густо усаженные бѣлыми иглами кусты шиповника, приземистый репейникъ, какой-то видъ василька (Centaurea) и гвоздички (Dianthus) ухитряются пробуравить своими деревянистыми корешками сухую, какъ кирпичъ, землю, и живутъ—Богъ вѣсть чѣмъ и какъ. Да это еще куда ни шло! Въ азіятскихъ степяхъ растутъ какіе-то сочные, красновато-зеленые кустики, на сыпучемъ пескѣ, раскаленномъ до 50° R.

Въ противоположность сухой, сѣро-желтой, мѣстами черной, точно обугленной землѣ, надъ нами разстилалось небо, густаго темно-синяго цвѣта. Такое небо можно видѣть только въ прозрачномъ горномъ воздухѣ, да и то не всегда. Пройдемте нѣсколько шаговъ далѣе, внизъ по ущелью. Одинъ поворотъ—и картина измѣняется. Бурыя, мѣстами точно обугленныя, крутыя скалы раздвинулись, и вдали, точно въ рамкѣ изъ скалъ, видна часть шахрисябзской долины. Видны и зелень садовъ, и свѣтлая лента Кашка-дарьи, и далекія гиссарскія горы. Но все это подернуто, точно дымкою, голубоватымъ, прозрачнымъ туманомъ. Отрадная картина мелькнула только на минуту. Опять поворотъ, и снова скалы выросли передъ глазами. Дорога круто спускается внизъ, по карнизамъ и осыпямъ. Весь нашъ поѣздъ растянулся гуськомъ.

Одна вьючная лошадь споткнулась и упала, сбивъ при этомъ съ ногъ и казака, который велъ ее въ поводу. На горе, именно у этого казака, за плечами, на подобіе ружья, былъ барометръ въ деревянномъ футлярѣ; съ барометромъ, конечно, намъ пришлось проститься, и дальнѣйшія барометрическія наблюденія производить посредствомъ анероида. Еще чья-то лошадь упала, но оборачиваться и обращать вниманіе на это приключеніе—некогда: мы подъѣзжаемъ къ самому трудному мѣсту спуска. Лошади наши почти присѣдаютъ на заднія ноги, пугливо смотрятъ по сторонамъ и осторожно, покачиваясь всѣмъ туловищемъ, ступаютъ впередъ, почти ползутъ по осыпи.

Вотъ, слава Богу, дорога сдѣлалась шире и ужѐ не такъ извилиста; бухарскіе джигиты обрадовались этому и во весь карьеръ понеслись по карнизу впередъ. Имъ надо раньше насъ прибыть въ мѣсто нашего привала, кишлакъ Куйтанъ, извѣстить аксакала о нашемъ скоромъ прибытіи, разостлать ковры, и т. п., распорядиться достарханомъ... Мало ли заботы!

Не будемъ описывать дорогу далѣе; пройдемъ молчаніемъ и ночлегъ нашъ въ Куйтанѣ. Невзрачный горный кишлачишко въ лощинѣ, обставленной отовсюду горами, не представляетъ ничего замѣчательнаго. Зато мы здѣсь вкусили отъ плодовъ благословеннаго Шахрисябза, „зеленаго города" (Шааръ-сабзъ). И дѣйствительно, если взглянуть издали на Шахрисябзъ, т. е. на города Шааръ и Китабъ, то они представятся одной сплошной зеленой стѣною, изъ которой мѣстами выдвигаются верхушки пирамидальныхъ тополей и густые, темнозеленые шарообразные карагачи (сада-карагачъ). Между сплошной зеленью можно различить выдающуюся, узорчатую (изъ разноцвѣтныхъ кирпичей) руину. Это Акъ-сарай, бывшій дворецъ Тимура, хромаго Тимура, какъ называли его персидскія лѣтописи и какъ онъ, конечно, никогда самъ себя не называлъ. У насъ изъ прозвища Тимуръ-ленгъ передѣлали имя Тамерланъ, но лѣтописи наши гораздо правильнѣе называютъ его «желѣзнымъ хромцомъ».

Я не сказалъ, что поѣздъ нашъ состоялъ изъ камергера П. П. Каблукова, главы посольства, отправленнаго къ эмиру Бухары, и

состоявшихъ при посольствѣ: подполковника Войцеховича, адъютанта командующаго войсками округа, маіора Колесникова, В. В. Польмана и переводчика Г. А. Чанышева. Къ этому же посольству пристроились: отправлявшійся для изслѣдованія Аму-дарьи шт.-кап. Быковъ, и я, имѣвшій порученіе осмотрѣть и изучить боковые пути, соединяющіе двѣ важныя дороги, ведущія на Аму-дарью изъ Гузара: путь гузаро-ширъ-абадскій и путь гузаро-келифскій.

Горная, живописная мѣстность, которую мнѣ было поручено осмотрѣть и изучить, составляла для всего ученаго міра совершенную terra incognita, чѣмъ до 1875 года, т. е. до моей поѣздки въ Гиссаръ, Бальджуанъ и Кулябъ, былъ и весь, такъ называемый, гиссарскій край. На нашихъ картахъ являлись фантастическіе города, въ родѣ Габзана, Чашма и другихъ. Теченіе рѣкъ рисовалось не менѣе фантастически. Наши географы сомнѣвались въ существованіи рѣки Сурхана и спорили: какой городъ слѣдуетъ считать главнымъ въ гиссарскомъ краѣ: Денау, Гиссаръ или Душамбе? А между тѣмъ эта, невѣдомая для насъ, страна лежала, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ Самарканда и сосѣдняго съ нашими владѣніями Шахрисябза. Благодаря частымъ поѣздкамъ русскихъ туристовъ и дипломатическихъ агентовъ, Шахризябзъ въ послѣднее время вышелъ изъ неизвѣстности. Поѣздки въ эту родину Тимура, въ „шаръ-сабзъ", т. е. „зеленый городъ", сдѣлались дѣломъ обычнымъ. А гиссарскій край отдѣленъ отъ Шахрисябза только однимъ хребтомъ, правда массивнымъ и внушительнымъ, но проходимымъ во многихъ мѣстахъ. Эти ущелья, гиссарскіе проходы, неотразимо манили меня къ себѣ еще въ 1874 году, когда я проѣзжалъ по Шахризябзу, изъ Шаара, любимаго города Тимура, въ Карши. Но тогда была глухая осень—конецъ октября; снѣгъ лежалъ на крутыхъ скатахъ гиссарскихъ горъ и о поѣздкѣ туда нечего было и думать! Тогда же рѣшилъ я, во что бы то ни стало, побывать въ будущемъ году въ западномъ Гиссарѣ.

Отправляя П. И. Каблукова посломъ къ эмиру, Генералъ-Губернаторъ предложилъ мнѣ и шт.-кап. Быкову ѣхать вмѣстѣ съ посольствомъ насколько будетъ возможно. И намъ, и П. П. Каблукову, надобно было прежде всего увидѣться съ эмиромъ. Намъ это было необходимо для того, чтобы получить отъ эмира разрѣшеніе безпрепятственно путешествовать въ его при-амударьинскихъ владѣніяхъ, куда до насъ не проникалъ еще ни одинъ европеецъ. Эмира же, по всѣмъ расчетамъ, мы могли встрѣтить или въ Карши или въ одномъ изъ городовъ Шахрисябза, такъ какъ извѣстно было, что эмиръ Музаффаръ, по обыкновенію, выѣхалъ съ наступленіемъ весны изъ душной Бухары въ прохладный, зеленый Шахрисябзъ.

Присоединяясь къ посольству, мы руководились также и расчетомъ; въ Азіи все основано на подаркахъ, которыми можно выразить все, что угодно: и дружбу, и любовь, и уваженіе. Подарки вещами, одеждою и деньгами принимаются азіятцами, какъ нѣчто должное, узаконенное обычаемъ. Получить отъ хорошаго знакомаго подарокъ въ Азіи такъ же естественно, какъ у насъ получить отъ знакомаго поклонъ. Поэтому отправляющійся путешествовать по Средней Азіи неминуемо долженъ запастись разными болѣе или менѣе цѣнными вещами, а главное — халатами, чтобы „отдаривать" ими за получаемые подарки. Не принять подарка—невозможно; это значитъ нанести кровную обиду. А принять подарокъ и въ свою очередь не подарить ничего—тоже неловко. И вотъ приходится туристу, волей-неволею, увеличивать свой багажъ разными серебряными вещами, тюками халатовъ, и т. п. Хотя у насъ и былъ съ собою значительный запасъ подарковъ, но.... Богъ вѣсть сколько важныхъ лицъ, которымъ необходимо будетъ вручить подарокъ, придется намъ встрѣтить въ нашемъ дальнемъ пути. А не хватитъ подарковъ—негдѣ будетъ ихъ взять; не посылать же за ними въ Ташкентъ или Самаркандъ! Поэтому, пристроившись къ посольству,

мы въ то же время избавились отъ необходимости давать подарки до самой встрѣчи съ эмиромъ: за всѣхъ насъ отдаривался нашъ посолъ, какъ старшій во всей нашей миссіи. Такимъ образомъ въ нашихъ тюкахъ остались, про запасъ, подарки, предназначавшіеся вначалѣ бекамъ Китаба, Шаара, Чиракчи, Карши, а также и подарки для сына эмира, бека г. Кермине. Все это намъ очень пригодилось впослѣдствіи.

Я упоминаю всѣ эти скучныя подробности для того, чтобы показать, какъ обставляется всякая поѣздка по Средней Азіи.

Дорогу отъ Шахрисябза до Карши, откуда уже собственно началось путешествіе мое, я опишу только въ общихъ чертахъ, какъ уже достаточно извѣстную. Но прежде — нѣсколько географическихъ подробностей о самой мѣстности, занимаемой долиною Зеравшана, знаменитымъ по своему плодородію Міанкаломъ, не менѣе цвѣтущею и плодородною шахрисябзскою долиною и наконецъ — такъ называемымъ гиссарскимъ краемъ, или вѣрнѣе — широкимъ прибрежьемъ Амударьи, между этою классическою рѣкою и высокимъ гиссарскимъ кряжемъ. Назвать это прибрежье „гиссарскимъ краемъ" будетъ не совсѣмъ вѣрно, потому что, кромѣ города Гиссара (*Хиссари-шадманъ*, т. е. „радостный Гиссаръ"), здѣсь еще много другихъ городовъ, не уступающихъ ему ни по величинѣ, ни по значенію. Таковы города: Денау, Юрчи, Регаръ, Душамбе, Курганъ-тюбе, Кобадіанъ и Ширъ абадъ.

Итакъ—обратимся къ бѣглому орографическому обзору крайнихъ, западныхъ, притянь-шанскихъ долинъ.

Громадный массивъ Небесныхъ горъ или Тянь-Шана достигаетъ полнаго своего величія, всей своей грандіозной массивности, почти на меридіанѣ озера Иссыкъ-куля. Здѣсь, къ востоку отъ озера, возвышается Ханъ-Тенгри, величайшая точка Тянь-Шана. Далѣе къ западу Тянь-Шанъ понижается, хотя все еще переходитъ снѣговую линію (11.000 ф.). На самой западной око-

нечности своей, Тянь-Шанъ развѣтвляется вѣерообразно, образуя такимъ образомъ широкія и плодоносныя, открытыя съ запада, долины. Это долины: 1) ферганская (бассейнъ Сыръ-дарьи) съ ея непосредственнымъ продолженіемъ—округами городовъ: Ходжента, Ташкента и Чимкента; 2) зеравшанская долина (бассейнъ р. Зеравшана) съ городами: Самаркандомъ, Пенджакентомъ, Катта-курганомъ, Зіаутдиномъ и Кермине (*); 3) шахрисябзская долина (бассейнъ р. Кашка-дарьи) съ городами: Китабомъ, Шааромъ, Яккобакомъ и Чиракчи; 4) ширъ-абадская, весьма узкая долина, съ городомъ Ширъ-абадомъ, и наконецъ 5) гиссарская (долина рѣкъ Сурхана и Кафирнагана), съ городами: Гиссаромъ, Денау, Юрчи, Каратагъ, Регаръ, Кафирнаганъ, Душамбе и Кобадіанъ. Эта плодородная, богато орошенная долина, съ превосходнымъ климатомъ и тучною почвою, раздѣляется на двѣ части меридіанальнымъ хребтомъ Баба-тагъ, отдѣляющимъ бассейнъ р. Сурхана отъ бассейна Кафирнагана.

Крайніе западные отроги Тянь-Шана оканчиваются: Кара-тау близь Джулека; нуратинскія горы—близь г. Нурата; туркестанскій хребетъ — приблизительно на меридіанѣ г. Кермине. Только гиссарскій хребетъ идетъ до самаго берега Аму, къ Келифу и Керки, отрѣзывая такимъ образомъ отъ остальныхъ частей бухарскаго ханства всю при-аму-дарьинскую его часть, заключающую въ себѣ бекства: ширъ-абадское, байсунское, денауское, юрчинское, гиссарское, кобадіанское, курганъ-тюбинское, кулябское и бальджуанское.

Изъ долины Шахрисябза въ гиссарскій край (будемъ такъ называть всю при-амударьинскую часть бухарскаго ханства) ведутъ три главные пути: 1) чрезъ г.г. Гузаръ, Дербентъ и Ширъ-абадъ; 2) чрезъ Джаръ-тюбе (Яръ-тюбе), на Калтаминаръ, Дербентъ и далѣе, и 3) чрезъ Яккобакъ, ташъ - курганскимъ и сенгъ-гардакскимъ (Сенгри-дагъ) ущельемъ на Юрчи или Сары-джуй и въ долину Сурхана. Послѣдній путь самый трудный и посѣщенъ былъ въ первый разъ въ минувшемъ году В. Ф. Ошапинымъ, М. И. Невѣсскимъ и топографомъ поручикомъ Родіоновымъ. Въ томъ же году, мѣсяцемъ позже, мнѣ также удалось проѣхать по немъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Туркестанскія Вѣдомости 1879 г. № 25.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Городъ Карши.

(Очеркъ).

(Окончаніе) (*).

Мы быстро проѣхали Шахрисябзъ, миновали города: Китабъ, Шааръ и Чиракчи, гдѣ приходилось останавливаться, любезничать съ беками, дарить и принимать подарки..... 1 мая мы были уже въ Карши, куда незадолго передъ тѣмъ пріѣхалъ эмиръ.

Карши—второй, по величинѣ и по значенію своему, городъ бухарскаго ханства. Значеніемъ своимъ онъ обязанъ чрезвычайно выгодному своему положенію, на перепутьѣ почти всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Бухару. Дѣйствительно, здѣсь сходятся дороги: изъ Чарджуя и земли аму-дарьинскихъ туркменъ, изъ Авганистана, а слѣдовательно изъ Индіи, а съ занятіемъ русскими Самарканда, Карши оказался также на перепутьѣ единственнаго пути, ведущаго изъ Шахрисябза въ Бухару. Наконецъ чрезъ Карши Бухара соединяется и съ своими гиссарскими владѣніями. Такое выгодное положеніе Карши придало ему важное торговое значеніе, особенно для туркменскихъ и узбекскихъ кочевниковъ, для которыхъ онъ представляетъ важный торговый рынокъ. Сюда привозятъ они на продажу свои издѣлія: сѣдла, попоны, ковры, паласы, кошмы, пригоняютъ лошадей и барановъ. Сюда же привозятся изъ Гиссара сабли, ножи, алача (**), соль изъ горъ (близь Куйтана), чай изъ Индіи, лекарства изъ Персіи, Индіи и Кабула.

Казалось бы, что при такомъ счастливомъ торговомъ положеніи, городъ Карши долженъ былъ отличаться наружнымъ блескомъ, роскошью и богатствомъ. Но такъ можетъ думать только тотъ, кто не знаетъ Средней Азіи. Здѣсь зачастую богачъ—про котораго и знаютъ всѣ, что онъ человѣкъ богатый—ходитъ въ самомъ простомъ, синемъ халатѣ, съ открытой, загорѣлой грудью, въ самой простой, дешевой чалмѣ, или и вовсе безъ нея, въ одной тюбетейкѣ. Вся обстановка его домашней жизни также проста и незатѣйлива. Эта умѣренность въ жизненныхъ потребностяхъ, вытекающая вовсе не изъ скупости, составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ азіятскаго строя жизни. Каковы люди въ Средней Азіи, таковы же и созданія ихъ, города. На нихъ не могутъ не отражаться черты народнаго характера.

Карши—самый обыкновенный, крайне невзрачный съ виду, азіятскій городъ; пыльные, глиняные заборы тянутся по обѣ стороны узкой улицы, прерываясь стѣнами (но не фасадами) домовъ. Рѣдко-рѣдко увидите вы въ этой стѣнѣ дома окно на значительной вышинѣ отъ улицы. Заглянуть въ такое окно нѣтъ возможности, даже взгромоздившись на горбъ самаго высокаго верблюда, *нара* (***); стало быть нѣтъ опасности, что кто-нибудь чужой заглянетъ въ домашнюю жизнь обитателя этого дома, чего азіятецъ остерегается пуще огня. Вотъ въ калитку можно взглянуть проѣздомъ, но и тутъ немного увидишь. Обрисуется передъ глазами другая, противоположная стѣна двора, такая же сѣрая и глиняная, или навѣсъ, замѣняющій конюшню. Ребятишки, любопытные какъ и вездѣ, тѣснятся въ калиткѣ, поглядывая съ удивленіемъ на проѣзжающихъ. Между ними и дѣвочки, съ двумя длинными черными косами, съ бѣлой повязкой на головѣ, и мальчики въ длинной матовой рубашкѣ, когда-то бывшей бѣлою, а теперь мало отличающеюся цвѣтомъ отъ глиняной стѣны. Ребятишки 2—3 лѣтъ, совершенно голые, тѣснятся тутъ же. Взрослые выглядываютъ изъ-за-заборовъ или съ крышъ домовъ. Крыши во всей Средней

Азіи почти плоскія, съ самымъ легкимъ наклономъ, и тоже глиняныя, т. е. покрыты камышемъ и обмазаны сверху глиною. Встрѣчные пѣшеходы жмутся къ стѣнѣ, оглядывая насъ, проѣзжающихъ людной кавалькадой, равнодушнымъ, но далеко не враждебнымъ взглядомъ. Въ простомъ народѣ нѣтъ фанатической нетерпимости къ иноземцамъ *кяфирамъ*, т. е. невѣрнымъ. Дѣти даже зачастую выбѣгали къ намъ, чуть не подъ копыта лошадей, съ привѣтственнымъ крикомъ: „*хошь - кильды, хошь-кильды*! " (добро пожаловать). Только встрѣчныя женщины, закрытыя съ ногъ до головы, при встрѣчѣ съ нами, изъ скромности, отворачиваются лицомъ къ стѣнѣ, хотя и безъ того мы, при самомъ пытливомъ любопытствѣ, не могли бы разобрать, кто передъ нами: молоденькая женщина или пожилая старуха. Какъ тѣ, такъ и другія одѣваются вполнѣ однообразно; на каждой на-

(*) См. Турк. Вѣд. № 24.

(**) Полушелковая матерія; полосатая гиссарская алача славится въ Бухарѣ.

(***) *Наръ*—бухарскій, одногорбый верблюдъ; онъ отличается силой и потому цѣнится дороже двугорбаго верблюда.

брошенъ на голову (и непремѣнно на голову, а никакъ не на плечи) халатъ (паренджа) изъ синей, самой простой, бумажной матеріи, съ длинными рукавами, очень узкими на концѣ. Такъ какъ этотъ халатъ никогда не надѣвается въ рукава, то они и сшиваются вмѣстѣ, спускаясь по спинѣ до земли. Лицо закрыто плотной сѣткой, которую женщина придерживаетъ рукою, чтобы какъ нибудь, невзначай, не отпахнуло вѣтромъ эту сѣтку *(чашъ-банъ)*; той же рукой она, сквозь небольшіе прорѣзы, придерживаетъ полы накинутаго на голову халата, а въ другой—или несетъ что нибудь, или просто опирается на палку, хотя бы надобности въ этой опорѣ и вовсе не имѣлось. Одѣться какъ можно бѣднѣе и проще, представляться для посторонняго человѣка старухой, считается въ Средней Азіи признакомъ хорошаго тона.

Такова азіятская женщина на улицѣ, на базарѣ, и особливо—на глазахъ постороннихъ мусульманъ. Но если вы встрѣтитесь съ нею одни, гдѣ нибудь въ глухомъ переулкѣ, и если нѣтъ по близости мусульманъ, тогда волосяная сѣтка откинется, покажется иногда миловидное лицо, пара черныхъ какъ угольки глазъ, сильно насурмленныя брови, соединяющіяся надъ переносьемъ. Встрѣчная незнакомка усмѣхнется привѣтливо, кивнетъ головою и долго будетъ оглядываться на васъ. Жизнь затворницы унижаетъ и гнететъ женщину, обращая ее въ рабу мужниныхъ прихотей. Болѣе развитые азіятцы, каковъ былъ, напримѣръ, недавно умершій сынъ эмира бухарскаго Сеидъ-Наджметдинъ-ханъ, 20-ти лѣтній, симпатичный юноша, посѣтившій Петербургъ лѣтомъ 1876 года,—сами сознаютъ неудовлетворительное положеніе семейнаго быта азіятцевъ. Молодой принцъ прямо высказывался по этому поводу. „Съ вашими женщинами — говорилъ онъ—можно пріятно провести время, поговорить о томъ, о другомъ; а къ нашимъ женамъ идешь только по обязанности". Жаль, что умеръ этотъ юноша; уже второй сынъ эмира, побывавшій въ Петербургѣ и вынесшій оттуда нѣсколько свѣтлыхъ идей, умираетъ внезапно, „по волѣ Божіей".

Но мы заговорились объ азіятской женщинѣ, а между тѣмъ нечувствительно проѣхали значительную часть города и приближаемся къ центру его жизни, къ базару. Длинныя, глиняныя стѣны домовъ и садовъ все чаще и чаще перерываются плохо слаженными навѣсами, подъ которыми расположены овощи, дыни, арбузы, висятъ распластанные куски мяса, виднѣются мѣшки съ рисомъ, ячменемъ, сушенымъ урюкомъ, гранатами, изюмомъ, и т. п. Все чаще встрѣчается и народъ на улицахъ. Пѣшіе и конные смѣшиваются въ одну толпу. рядомъ съ долговязымъ, апатичнымъ верблюдомъ, вѣчно жующимъ свою жвачку, труситъ тоненькими ножками сѣрый, гладенькій, большеголовый ишакъ. Здоровенный сартъ или киргизъ усѣлся на его крупѣ; ноги всадника достаютъ до земли, но это нисколько не смущаетъ его; онъ по-

гоняетъ ишачка ударами тоненькой палочки по головѣ, и послушный, смирный ишакъ бѣжитъ маленькой, дробной рысцой. Ряды другихъ ишаковъ, навьюченныхъ двумя огромными мѣшками, по 5 пудовъ въ каждомъ, тянутся гуськомъ. Нѣсколько верблюдовъ, привязанныхъ одинъ къ другому, и также грузно навьюченныхъ, загородили узкую улицу. Градъ безцеремонныхъ ударовъ нагайкою—и массивныя животныя суетливо сбиваются въ кучу, открывая достаточно широкій проходъ. Толпа все густѣетъ. Вотъ и туркмены, въ своихъ характерныхъ, огромныхъ, остроконечныхъ шапкахъ, изъ мѣха длинношерстнаго барана (*сак-сакъ*). Они всѣ верхомъ на лошадяхъ. Киргизъ въ войлочномъ *джайбагаѣ*—широкомъ, остроконечномъ колпакѣ, съ отогнутыми краями, тѣснится тутъ же, въ этой смутно гудящей толпѣ. А вотъ и киргизка, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ и тоже верхомъ, на мужскомъ сѣдлѣ. Чтобы получить понятіе о головномъ уборѣ киргизки, обмотайте полотномъ высокую казачью шапку. Концы тюрбана проходятъ подъ подбородкомъ и висятъ сбоку или на спинѣ. На плечахъ халатъ, но одѣтый уже совершенно по-мужски и даже подпоясанный; на ногахъ сапоги. И какъ некрасива она въ этомъ нарядѣ! Какъ рѣзко выдѣляется изъ подъ высокаго головнаго убора ея скулистое, морщинистое, загорѣлое лицо! У стѣнъ рядами сидятъ нищіе, протягивая къ проходящимъ свои деревянныя или тыквенныя чашки и громко выпрашивая милостыню. Тутъ и женщины, и мужчины, и дѣти. Женщины нищія, безобразныя до-нельзя, конечно съ открытымъ лицомъ; имъ можно безнаказанно обходить строгій законъ. Между нищими большинство калеки, съ разными язвами, отвратительными и зловонными.

Базаръ въ Карши, какъ и повсюду въ азіятскихъ городахъ, состоитъ изъ тѣснаго ряда лавокъ, съ навѣсомъ, подпертымъ простыми, деревянными, столбами. Подъ навѣсомъ, по обѣ стороны двери, устроена площадка изъ глины, устланная циновкою изъ *чія* (степной камышъ) или паласомъ (дешевый коверъ, безъ ворса). Здѣсь сидитъ хозяинъ лавки, а рядомъ лежатъ его

туфли и туфли посѣтителей. На стѣнѣ у двери и внутри лавки развѣшанъ товаръ. Тутъ же на базарѣ увидите вы лавки кузнецовъ, мѣдниковъ, ювелировъ, вышивальщиковъ, цирюльниковъ, мясниковъ, починщиковъ битой посуды, чайныя лавки и т. д. Богатые купцы, имѣющіе оптовые склады, помѣщаютъ свои товары въ *тимахъ*, большихъ, крытыхъ сараяхъ, представляющихъ первообразъ европейскихъ пассажей. Здѣсь и воздухъ чище (конечно относительно), и толкотни меньше, и лавки просторнѣе. Здѣсь расположилась торговая аристократія, *саудагары*.

Наконецъ миновали базаръ; дорога сдѣлалась чище и даже шире; нѣтъ болѣе убійственной мостовой, на которой поминутно спотыкались наши лошади. Да, читатель, въ Карши есть и мостовая; но да избавитъ тебя аллахъ отъ путешествія по такой мостовой. Чтобы какъ нибудь избавиться отъ вонючей и непролазной зимней грязи, каршинцы навалили, какъ попало, на базарныя улицы огромные булыжники въ 1 арш. и $\frac{1}{2}$ аршина діаметромъ. Камни эти не уложены, а просто разбросаны, и отъ времени успѣли уже гладко отшлифоваться на своей поверхности, отчего лошади на нихъ безпрестанно скользятъ и спотыкаются. Пѣшеходы, да еще такіе невзыскательные, какъ азіятцы, конечно, не жалуются на эту мостовую; имъ удобнѣе перебираться по ней съ камня на камень, чѣмъ тонуть въ грязи. Какъ ни разсматривай, а выходитъ все-таки нѣчто въ родѣ улучшенія.

Мимо новенькой, базарной мечети, мимо небольшаго огорода, засѣяннаго макомъ, добрались мы до помѣщенія, гдѣ любезные бухарцы, наши радушные хозяева, отвели намъ квартиру.

Расположеніе азіятскаго дома довольно оригинальное и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Я буду говорить о домахъ зажиточныхъ людей, потому что у бѣдняковъ домишко, конечно, слаженъ кое-какъ, только было бы гдѣ пріютиться.

Высокая, глиняная стѣна, съ большими воротами въ одной изъ сторонъ, окружаетъ все обширное помѣщеніе счастливаго обладателя азіятскихъ благъ земныхъ. Войдите

въ эти ворота, и вы прежде всего увидите просторный дворъ, застроенный по всѣмъ четыремъ сторонамъ конюшнями. Это, какъ у насъ въ Ташкентѣ, навѣсы, подъ которыми становятся лошади лѣтомъ и зимою. Закрытыхъ конюшенъ въ Средней Азіи не существуетъ, а въ холодные дни зимы ограничиваются только тѣмъ, что накрываютъ лошадей попонами. Въ стѣнѣ двора, противоположной воротамъ, устроена калитка, которая ведетъ на второй, внутренній или чистый дворъ. Этотъ дворъ часто бываетъ вымощенъ кирпичемъ. Къ одной, а иногда и къ двумъ, противоположнымъ другъ другу стѣнамъ двора пристроены крытыя террасы, *айванъ*. Крыша террасъ поддерживается легкими, стройными колонками, съ весьма оригинальными, рѣзными капителями. Иногда и вся колонка бываетъ рѣзная, а иногда ее раскрашиваютъ весьма пестро, въ персидскомъ вкусѣ. На потолкѣ террасы тоже выведены красками весьма затѣйливые, оригинальные узоры.

На айванъ выходятъ нѣсколько дверей, изъ которыхъ одна ведетъ въ главную, парадную комнату, *михманъ - хане*, т. е. гостинную. Михманъ-хане убрана коврами, подушками и одѣялами, которые разостланы у оконъ, совершенно имѣющихъ видъ дверей и выходящихъ на террасу. Только по рѣзнымъ ставнямъ можете вы догадаться, что это не двери, а окна. Здѣсь у окна, на разостланномъ ситцевомъ или адрясовомъ одѣялѣ, кейфуетъ правовѣрный въ свободные часы, которыхъ у него вообще довольно много. Рядомъ съ михманъ-хане устроивается обыкновенно другая комната, значительно меньше, съ четвероугольнымъ углубленіемъ по срединѣ. Здѣсь, зимою или поздней осенью, ставится жаровня съ хорошо перегорѣвшими угольями, согрѣвающая комнату. Когда очень холодно, накрываютъ жаровню одѣяломъ и всѣ садятся вокругъ, накрывая колѣни краями одѣяла. Тепло и хорошо, но только надобно быть привычнымъ ко всему азіятцемъ, чтобы не нажить себѣ этимъ путемъ сильнѣйшій ревматизмъ.

Въ томъ домѣ, гдѣ мы остановились въ Карши, на противоположной михманъ-хане сторонѣ двора также устроена была терра-

са, но уже во второмъ этажѣ, образуя такъ называемый *бала-хане* (верхнюю комнату). Отъ этого слова очевидно произошло и наше европейское: балконъ (*). Внизу, подъ этой верхней террасой, устроены разныя кладовыя, а двери, выходящія на бала-хане, ведутъ во внутреннія, чистыя комнаты дома.

Къ этому второму, парадному двору примыкаютъ внутреннія постройки, гдѣ всецѣло царитъ уже домашняя жизнь и куда не смѣетъ проникнуть ни одинъ посторонній

(*) Въ Испаніи, классической странѣ балконовъ, эти послѣднія введены маврами, выходцами изъ Азіи.

любопытный мужской глазъ. Тамъ женская половина дома.

Всѣ зажиточные дома въ азіятскихъ городахъ сходны, въ общихъ чертахъ, съ только-что описаннымъ. Но по наружному, съ улицы, виду дома совершенно нельзя заключить о бо́льшей или меньшей зажиточности домохозяина. Развѣ только укажетъ на это высокая стѣна, окружающая домъ, да и то не всегда. Въ Бухарѣ и Хивѣ, напримѣръ, всѣ дома обнесены высокими стѣнами, съ зубцами, точно крѣпости. Узкая улица отъ того кажется тамъ еще уже.

Мы уже говорили выше, что торговое значеніе Карши усилилось въ послѣднее время, съ присоединеніемъ къ Бухарѣ Шахрисябза и Гиссара. Теперь городъ Карши значительно разросся, по общимъ отзывамъ старожиловъ. Онъ уже далеко выдвинулся за предѣлы той стѣны, которая существовала во время Ханыкова, да и самой этой стѣны теперь почти нѣтъ и слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи Карши составляетъ счастливое исключеніе изъ другихъ городовъ бухарскаго ханства, которые нисколько не измѣнились со временъ Ханыкова. Всѣ, посѣщающіе, напримѣръ, теперь Бухару, удивляются вѣрности и точности свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ добросовѣстнымъ и наблюдательнымъ путешественникомъ. Бухара и теперь та же, какою видѣлъ ее Ханыковъ. Нельзя того же сказать про Карши. Людный базаръ охватилъ урду или цитадель,— мѣстопребываніе бека,—съ трехъ сторонъ: съ восточной, южной и западной. Кромѣ

этого центральнаго мѣста торга, составляющаго вмѣстѣ съ тѣмъ и азіятскій клубъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ новости дня, возникли внутри города новые, непрерывные ряды лавокъ и сараевъ. Число мечетей увеличилось значительно, что, въ свою очередь, указываетъ на значительное приращеніе населенія. Ханыковъ, основываясь на оффиціальныхъ данныхъ, говоритъ, что въ Карши 6 мечетей; мы насчитали ихъ гораздо болѣе четырнадцати. Многія мечети построены всего 2—3 года тому назадъ; такова, напримѣръ, новенькая и чистенькая базарная мечеть, поставленная какимъ-то благочестивымъ купцомъ. Городъ украсился также большимъ новымъ медрессе (*) Ширъ-Магометъ-бая. Каршинскія медрессе вообще не отличаются своимъ роскошнымъ видомъ; онѣ сложены не изъ цвѣтныхъ изразцовъ, какъ бухарскія, самаркандскія и даже хивинскія медрессе и мечети, а просто изъ жженаго кирпича. Но зато онѣ не представляютъ и того грустнаго вида запущенія и небрежности, какими зачастую поражаютъ медрессе „благородной Бухары" *(Бухара-ель-шерифъ)*. Здѣсь вы не увидите вывалившихся изразцовъ, замѣненныхъ простою, алебастровою штукатуркою. Старинныя, давно построенныя зданія, напримѣръ медрессе Сарай и Миръ-Бикей, конечно обветшали и почернѣли отъ времени; но зато всѣ другія общественныя зданія очень хорошо сохранились.

Городъ Карши не великъ, и мы въ нѣсколько часовъ успѣли объѣхать по всѣмъ его узкимъ и извилистымъ улицамъ. Большая базарная улица ведетъ чрезъ обычный *чаръ-су* (**) на *регистанъ*, т. е. площадь, имѣющую видъ правильнаго четвероугольника. Двѣ стороны регистана занимаютъ: медрессе Абдулла-хана и большая мечеть Джума. Съ двухъ остальныхъ сторонъ регистанъ обрамляется базарными рядами, надъ которыми возвышаются: съ сѣверной стороны—куполъ чаръ-су, а съ южной—такой же куполъ чистой и опрятно содержимой *сардабы*. Такъ называются цистерны для сохраненія дождевой воды. Чтобы предохранить цистерну отъ заноса пескомъ и пылью, а также и отъ палящихъ лучей солнца, надъ нею строится куполъ изъ

жженаго кирпича, съ круглымъ отверстіемъ наверху и нѣсколькими окнами по сторонамъ. Сардабы часто встрѣчаются въ степяхъ, по караваннымъ дорогамъ, и составляютъ истинное благодѣяніе для каравановъ и вообще для всѣхъ проѣзжихъ. Въ городахъ сардабы встрѣчаются сравнительно рѣже и устраиваются только надъ ключами.

На томъ же, каршинскомъ регистанѣ, близь большой мечети, возвышается медрессе Голи, построенное богатой молочной торговкой, при эмирѣ Миръ-Хайдерѣ.

На регистанъ выходятъ четыре улицы, главныя артеріи всего города. Проѣзжайте по одной изъ нихъ, мимо медрессе Голи, и вы увидите недавно отстроенное медрессе Ширъ-Магомета. Еще далѣе улица выведетъ васъ на другую площадь, къ воротамъ *урды* или цитадели. Нѣсколько группъ деревьевъ и небольшой прудъ придаютъ оживленіе этой площади, на которую угрюмо смотрятъ ворота цитадели, съ обычными двумя боковыми, круглыми башнями по обѣ стороны воротъ. Поверните съ площа-

(*) Высшія училища, гдѣ преподается вся мусульманская премудрость.

(**) На бухарскихъ базарахъ встрѣчаются особыя постройки, въ видѣ часовни, съ куполомъ, и съ четырьмя входными, аркообразными отверстіями. Эти постройки, *чаръ-су*, также занимаются торговцами.

ди въ любую изъ выходящихъ на нее улицъ, и передъ вами опять потянутся ряды лавокъ базара. Въ одномъ изъ угловъ этой площади красуется висѣлица, азіятское memento mori.

Цитадель, гдѣ находится помѣщеніе бека (правителя каршинскаго округа), примыкаетъ къ городской стѣнѣ, которая теперь сохранилась только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ито далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ прежнія времена. Тогда каршинская городская стѣна дѣйствительно составляла прочную, оборонительную ограду. Она была выстроена во многихъ мѣстахъ (но не вездѣ) изъ жженаго кирпича и большихъ глыбъ камней. Кирпичныя надстройки надъ городскими воротами еще сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Стѣна была выложена снаружи глазурованными, разноцвѣтными кирпичами. Остатки этой

роскошной глазури еще сохранились мѣстами довольно хорошо; видно, что рисунокъ изразцовъ состоялъ изъ группъ бѣлыхъ звѣздъ по голубому полю. Теперь стѣна мѣстами обрушилась, мѣстами заслонена совершенно постройками, которыя лѣпятся кругомъ нея. Обороняться съ этой стѣны положительно невозможно. Оттого, когда Катта-тюря, мятежный сынъ эмира, подступилъ въ 1868 году, съ войсками своими, къ Карши, тамошній бекъ, Адиль-парманачи, не счелъ возможнымъ защищаться въ городѣ и вышелъ съ каршинскимъ гарнизономъ противъ непріятеля въ открытое поле.

Какъ городская, каршинская стѣна, такъ и стѣны примыкающей къ ней цитадели, имѣютъ форму правильнаго параллелограма. Воротъ въ городской стѣнѣ трое, по числу главныхъ дорогъ, ведущихъ въ городъ изъ окрестностей.

Войдемъ въ цитадель и посмотримъ внутреннее расположеніе дворцовыхъ построекъ; это избавитъ насъ отъ необходимости описывать цитадели и дворцовыя помѣщенія въ другихъ городахъ, потому что всѣ онѣ на одинъ покрой, съ немногими развѣ измѣненіями. Эта косность, это поразительное однообразіе составляетъ характеристику всей Средней Азіи вообще.

Подъ воротами цитадели, съ обѣихъ сторонъ, вы увидите небольшія, возвышенныя площадки, а на нихъ—*сарбазовъ* (солдатъ), далеко не воинственнаго вида, въ невысокихъ, бараньихъ, остроконечныхъ шапкахъ и красныхъ халатахъ, запущенныхъ въ широкія, желтыя кожаныя шаровары или *чембары*. Это караулъ. За возвышенной площадкой, на которую надо войти по 5—6 ступенямъ, виднѣются двери, ведущія въ темныя, грязныя до-нельзя, комнаты, въ которыхъ помѣщается караулъ.

Внутри цитадели, отъ воротъ, идетъ узкая улица; тутъ же, у самой арки стѣны, возвышается куполъ мечети. По правую сторону улицы находится цѣлый лабиринтъ сакель, занятыхъ сарбазами и низшими дворцовыми чинами. По лѣвую сторону улицы находятся помѣщенія бека. Къ нему ведетъ калитка въ стѣнѣ, въ самомъ концѣ улицы. Миновавъ первый дворъ, ничѣмъ особенно не замѣчательный, мы входимъ во второй, „чистый“ дворъ, на который

выходятъ окна дворцовыхъ комнатъ. Тутъ опять находится мечеть, дворцовая, куда имѣютъ входъ для молитвы только немногіе, близкіе къ правителю люди.

Не ожидайте найти въ комнатахъ бека хотя бы слѣдъ какой нибудь роскоши. Это не въ нравахъ Средней Азіи, по крайней мѣрѣ нынѣшней. Голыя, безъ всякой мебели комнаты устланы коврами; подушки и одѣяла—вотъ и все убранство! Стѣны оштукатурены и чисто выбѣлены; только потолокъ росписанъ яркими, фантастическими узорами, представляющими пестрое сочетаніе красокъ. Въ западной стѣнѣ комнаты находится полукруглая ниша.

За дворцовымъ помѣщеніемъ разбитъ небольшой садикъ, съ бассейномъ по срединѣ и съ прехорошенькимъ павильономъ въ сторонѣ, въ тѣни густыхъ деревьевъ. Изъ сада калитка ведетъ въ узкій переулокъ, гдѣ цѣлый рядъ сакель образуетъ арсеналъ и пороховые склады. Надобно сознаться, что только одинъ аллахъ хранитъ бека и его помѣщеніе, при той безпечности, съ которой приближенные его обходятся съ порохомъ. Вездѣ видны, въ полномъ безпорядкѣ, глиняные горшки съ порохомъ, прикрытые сверху дощечкой, мѣшки съ зарядами, сваленные кое-какъ. Въ разныхъ мѣстахъ порохъ просто насыпанъ кучею, на циновкахъ. Тутъ же, и даже на кучахъ пороха, валяются ядра, пули, патроны. Нѣсколько шаговъ въ сторонѣ, въ отдѣльной саклѣ, устроена лабораторія, для отливки пуль. А между тѣмъ при этой полной безпечности и отсутствіи всякихъ мѣръ предосторожности, взрывовъ не бываетъ никогда. Точно такой же пороховой складъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ дворца, я видѣлъ и въ Хивѣ.

Съ другой стороны къ дворцовому саду примыкаютъ постройки гарема; но это сокровенное мѣсто недоступно для посторонняго глаза. По аналогіи можно сказать, что и здѣсь, какъ и повсюду въ другихъ среднеазіятскихъ дворцахъ, гаремъ образуетъ лабиринтъ хитро перепутанныхъ переходовъ, комнатъ, небольшихъ дворовъ и садиковъ. Безъ аріадниной нити тутъ рѣшительно можно сбиться.

Въ этомъ-то дворцѣ жилъ когда-то нынѣшній эмиръ Музаффаръ, при жизни отца, когда онъ былъ бекомъ въ Карши; здѣсь и теперь живетъ онъ подолгу, когда останавливается въ Карши на нѣсколько дней, во время ежегодныхъ поѣздокъ своихъ въ Шахрисябзъ, весною и осенью.

Н. М.

226

Туркестанскія вѣдомости
1879 г. № 32.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ по поводу географической номенклатуры.

Читая описанія путешествій по различнымъ частямъ туркестанскаго края и разсматривая карты его, постоянно наталкиваешься на названія мѣстностей, которыя искажены транскрипціей, иногда даже до такой степени, что они становятся совершенно неузнаваемыми. Рядомъ съ этимъ попадаются и переносы названій съ одного предмета на другой; напр., имя долины дается горному хребту, имя кишлака—находящемуся около него пику или перевалу, и т. д. Конечно эти искаженія и переносы значительно затрудняютъ всякаго путешественника; его распросы о той или другой мѣстности становятся вовсе непонятными для туземцевъ, или, что еще хуже, будучи невѣрно поняты ими, могутъ повести къ сообщенію совершенно ложныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ эти невѣрныя названія переходятъ съ одной карты на другую, вслѣдствіе давности пріобрѣтаютъ окончательное право гражданства, и замѣненіе ихъ правильными именами становится дѣломъ почти невозможнымъ. Искаженія названій—дѣло конечно неизбѣжное въ такомъ новомъ краѣ, какъ Туркестанъ. Происходятъ они отъ разныхъ причинъ, изъ которыхъ укажемъ только на главнѣйшія. Во-первыхъ, часто весьма трудно передать русскимъ алфавитомъ какъ тюркскіе, такъ и персидскіе звуки. Полное отсутствіе въ русскомъ языкѣ разницы между долгими и короткими гласными, существованіе въ туземныхъ языкахъ такихъ звуковъ, какъ гласная средняя между нашими *а* и *о*, или звуковъ, выражаемыхъ буквами ع и ق, заставляетъ иногда прибѣгать къ такой тран-

скрипціи, которая совершенно не передаетъ настоящаго выговора и можетъ повести къ весьма курьезнымъ недоразумѣніямъ. Приведу, напримѣръ, хоть слѣдующій случай. На всѣхъ картахъ и во всѣхъ географическихъ сочиненіяхъ столица Каратегина названа Гармомъ. Это названіе не вѣрно, да оно и не можетъ быть правильно передано буквами русскаго алфавита. Оно пишется عرم, и первый звукъ въ этомъ словѣ совершенно чуждъ нашему языку; это—*а*, произносимое въ глубинѣ горла. На несчастіе, въ Каратегинѣ есть другая крѣпость—Оби-Гармъ, названіе которой выговаривается туземцами совершенно такъ, какъ оно у насъ написано. Когда мы производили въ гиссарскомъ краѣ распросы Каратегинѣ и его столицѣ, то отвѣты всегда относились не къ послѣдней, а къ Оби-Гарму, и только послѣ нѣсколькихъ дней дѣло разъяснилось. Если бы мы ограничились только распросомъ одного лица и намъ затѣмъ не удалось бы самимъ побывать въ Каратегинѣ, то у насъ сложилось бы убѣжденіе, что главный городъ этой страны находится почти у самой границы фейзабадскаго бекства, т. е. верстъ на 70 западнѣе своего дѣйствительнаго положенія. Въ данномъ случаѣ, повторяю, правильная транскрипція невозможна; но несравненно лучше писать названіе города просто Армъ: по крайней мѣрѣ тогда вышеозначенное qui pro quo не будетъ имѣть мѣста.

Вторая причина искаженія именъ собственныхъ происходитъ оттого, что многіе путешественники и топографы или совершенно не знаютъ туземныхъ нарѣчій или же знакомы съ ними весьма недостаточно. Всякому, конечно, извѣстно, какъ трудно бываетъ уловить звуки чуждаго языка; а въ Туркестанѣ эта трудность увеличивается привычкою туземцевъ говорить быстро и почти проглатывать нѣкоторые слога. Благодаря этому обстоятельству, русскій часто слышитъ совсѣмъ не то, что ему говорятъ; иногда вамъ повторятъ разъ десять одно и то же слово, и вы все-таки запишете его невѣрно. При маломъ развитіи туземцевъ, имъ бываетъ трудно втолковать, что слѣдуетъ выговаривать слово раз-

дѣльнѣе: они будутъ произносить его одинаково быстро, только все болѣе и болѣе возвышая голосъ. На переводчиковъ, въ большинствѣ случаевъ, полагаться нельзя. Какъ извѣстно, число вполнѣ хорошихъ, образованныхъ переводчиковъ весьма не велико въ Туркестанѣ. Они у насъ всѣ на перечетъ, и всѣ заняты коронною службою. Поэтому при путешествіяхъ обыкновенно приходится довольствоваться въ качествѣ толмачей полуграмотными, а зачастую и вовсе безграмотными татарами, которые къ тому же нерѣдко сами плохо понимаютъ мѣстное тюркское нарѣчіе, а о таджикскомъ не имѣютъ никакого понятія. Пока идутъ разговоры объ обыденныхъ предметахъ, они исполняютъ свою обязанность еще довольно сносно, но какъ только начинаются географическіе распросы, они часто оказываются ниже всякой критики. Они весьма нерѣдко плохо вслушиваются въ имена собственныя и невѣрно передаютъ ихъ; къ тому же многіе изъ нихъ совершенно незнакомы съ обыкновеннѣйшими географическими терминами; будучи уроженцами равнинъ, они не знаютъ, какъ передаются по тюркски такіе предметы какъ долина, ущелье, перевалъ; поэтому они путаютъ немилосердно, и въ запискахъ путешественниковъ имя долины переносится на гору, названіе кишлака на рѣку. Наконецъ топографы, т. е. именно тѣ лица, которыя доставляютъ главную массу географическихъ свѣдѣній, совершенно лишены возможности нанимать переводчиковъ, такъ какъ имъ не отпускается денегъ на этотъ предметъ. Поэтому они по необходимости принуждены вести распросы сами, если только имѣютъ хотя малѣйшее понятіе о туземныхъ нарѣчіяхъ, или же имъ приходится прибѣгать въ качествѣ толмачей къ услугамъ кого-нибудь изъ казаковъ своего конвоя. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла непремѣнно должна появляться масса ошибокъ. Я укажу на нѣкоторыя изъ нихъ, получившія окончательное право гражданства на всѣхъ картахъ Средней Азіи.

Всѣмъ, бывавшимъ въ ферганской области, извѣстна безплодная степь, которая тянется вдоль лѣваго берега Сыра и которая

прорѣзывается ходжентско-кокандскимъ трактомъ между костакозскою и махрамскою станціями. На восточной окраинѣ этой степи стоитъ небольшой кишлакъ, когда-то обнесенный крѣпостной стѣною, остатки которой существуютъ до сихъ поръ. Эта степь и самый кишлакъ носятъ весьма характерное названіе Каракчи-кумъ, т. е. разбойничьихъ песковъ. И дѣйствительно, эта мѣстность въ прежнія времена была очень опасна; грабители часто подкарауливали тутъ караваны и путниковъ, число которыхъ было не мало, такъ какъ это единственный путь, связывающій кокандскій и ходжентскій оазисы. Сама топографія каракчи-кумской степи въ высшей степени способствовала такимъ похожденіямъ, такъ какъ она прорѣзывается нѣсколькими, довольно глубокими балками, и притомъ предгорья туркестанскаго хребта, ограничивающія ее съ юга, представляютъ много укромныхъ уголковъ для укрывательства нѣсколькихъ шаекъ. Отсюда и произошло названіе Каракчи-кумъ. Между тѣмъ это имя постоянно встрѣчается на всѣхъ картахъ въ искаженномъ видѣ: тамъ мы видимъ то Карачхумъ (карта Петермана, приложенная къ путешествію по кокандскому ханству А. П. Федченко), то Карачукумъ (40-верстная карта Туркестана, изданіе 1878 года).

Другой примѣръ: поперегъ алайской долины проходитъ небольшой гребень, образующій водораздѣлъ между бассейнами Сурхаба и Кашгаръ-дарьи; на немъ находится перевалъ, носящій на всѣхъ картахъ неимѣющее смысла названіе Тонмурунъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ называется Таумурунъ или Тау-бурунъ, т. е. горный носъ.

Со временъ искандеръ-кульской экспедиціи А. К. Абрамова, на всѣхъ картахъ Туркестана одна изъ рѣчекъ Каратегина, на которую ведетъ дорога черезъ пакшифскій перевалъ, носитъ названіе Дехимилаудаль. По произведеннымъ распросамъ оказывается, что на этой рѣкѣ (настоящее имя ея я узнать не могъ) находится кишлакъ, называемый Дехи-Мулла-Бадаль, т. е. селеніе Муллы-Бадаля, происшедшее вѣроятно оттого, что нѣкій Мулла-Бадаль первый поселился въ этой мѣстности.

Если уже такъ часты и велики искаженія названій мѣстностей у русскихъ авторовъ, пользовавшихся свѣдѣніями изъ первыхъ рукъ, то само-собою понятно, что количество искаженій еще болѣе увеличивается, когда названія взяты у иностранныхъ писателей. Какъ извѣстно, главнымъ источникомъ для картографіи южной части Средней Азіи служатъ съемки и путешествія англичанъ. Но англійскій языкъ отличается крайне оригинальною и запутанною орфографіею, которая въ особенности неудобна для транскрипціи иностранныхъ словъ. Мы находимъ, напр., у англійскихъ путешественниковъ слѣдующія два слова: dadkhwah и dasturkhwan; я полагаю, что весьма немногіе догадаются, что этою транскрипціею англичане хотятъ выразить слова: датха и достарханъ. Понятно, что тюркскія и персидскія имена собственныя, искаженныя до невѣроятности англійскою орфографіею, снова искажаются русскою транскрипціею, и отсюда возникаютъ такія имена какъ Килахумбъ, вмѣсто Калан-хумъ (кувшинная крѣпость). Наконецъ, часто сами туземцы выговариваютъ нѣкоторыя названія неправильно. Въ Туркестанѣ много мѣстностей, которыя нѣкогда были заняты таджиками, а теперь населены народностями, говорящими нарѣчіями тюркскаго корня. Названія же тамъ нерѣдко остались прежнія, т. е. персидскія. Простонародье, не знающее персидскаго языка, конечно искажаетъ такія названія, совершенно такъ же, какъ русскій крестьянинъ передѣлываетъ на свой ладъ нѣмецкія имена, отъ чего возникаютъ такія слова какъ Шлюшинъ (Шлюссельбургъ), Рамбовъ (Ораніенбаумъ), Амбуръ (Раненбургъ). Подобныхъ Шлюшиныхъ и Амбуровъ не мало разсѣяно и въ Средней Азіи. Такъ, одинъ изъ правыхъ притоковъ р. Сурхана и кишлакъ, находящійся на его берегу, получили, со времени путешествія Н. А. Маева по гиссарскому краю, названіе *Сепридагъ*. Хотя это слово и звучитъ какъ будто по-тюркски, но оно не имѣетъ никакого смысла ни на одномъ изъ среднеазіятскихъ тюркскихъ нарѣчій. Даже слово *дагъ* не употребляется въ Туркестанѣ, замѣняясь здѣсь словами *тагъ* и *тау*. Въ дѣйствительности оказывается, что и рѣка и кишлакъ носятъ пер-

сидское названіе Санг-гирдакъ, т. е. окруженный камнями, и что теперешніе жители этой мѣстности, узбеки, передѣлали это чуждое для нихъ слово на тюркскій ладъ. Но въ такомъ искаженномъ видѣ это названіе употребляется только тѣми узбеками, которые не знаютъ по-персидски; туземцы же, болѣе образованные, произносятъ его правильно.

Переносы названій одной мѣстности на другую встрѣчаются очень не рѣдко на нашихъ картахъ. Особенно часто это замѣчается въ горахъ, гдѣ сплошь и рядомъ имя какого нибудь пика или перевала распространяется на цѣлый горный хребетъ. Не такъ давно еще хребты Алайскій и Туркестанскій носили на всѣхъ картахъ совершенно нелѣпое названіе Кашгаръ-даванъ, т. е. перевала въ Кашгаръ; но и теперь еще такія же расширенія понятій не рѣдки. Случается, что простая типографическая ошибка бываетъ причиною такого перенесенія названій; такимъ образомъ, напр., возникло имя хребта Кичи-Алай. Верховье рѣки Ак-буры течетъ по высоко-поднятой продольной долинѣ, которая служитъ лѣтовкою кара-киргизамъ и которая носитъ у насъ названіе Кичик-Алай, т. е. Малаго Алая. Долина эта узка, и поэтому на картѣ Петермана, приложенной къ путешествію А. П. Федченко, это названіе не уписалось на ней: его передвинули нѣсколько къ югу и оно очутилось какъ-разъ на той части Алайскаго хребта, которая отдѣляетъ теченіе Ак-буры отъ долины Кизил-су, т. е. отъ Алая. Но на этой картѣ стоитъ еще просто названіе Kitschi-Alai. На позднѣйшихъ картахъ къ этому слову прибавлено уже обозначеніе, что это хребетъ (*), и такимъ образомъ названіе, принадлежащее долинѣ, перенесено на ограничивающую ее горную цѣпь.

Конечно всѣ подобныя ошибки нашихъ картъ могутъ быть исправлены только постепенно, но стараться объ исправленіи разъ замѣченной ошибки слѣдуетъ немедленно,—иначе невѣрное названіе настолько сдѣлается распространеннымъ, что передѣлка его можетъ стать неудобною. Ежегодно по Туркестану путешествуетъ не мало людей, интересующихся географіей; число лицъ,

знающихъ восточные языки, тоже довольно велико въ краѣ. Если бы каждый изъ нихъ поставилъ себѣ за правило сообщать замѣченную имъ неправильную транскрипцію, то карты могли бы постепенно очищаться отъ искаженныхъ названій. Такія исправленія и указанія, правда, легко могутъ пройти никѣмъ не замѣченными, если они будутъ только помѣщены на столбцахъ газетъ или даже въ описаніи путешествій. Необходимо поэтому, чтобы всѣ предложенныя исправленія такого рода сосредоточивались въ какомъ-либо ученомъ обществѣ, которое разсматривало бы ихъ необходимость и сообщало бы о нихъ учрежденіямъ, занимающимся изготовленіемъ картъ. Мнѣ кажется, такую обязанность могъ бы принять на себя туркестанскій отдѣлъ общества либителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Онъ считаетъ, въ числѣ своихъ членовъ, лицъ, побывавшихъ въ разныхъ отдаленныхъ частяхъ Туркестана, а равно и людей, близко знакомыхъ съ азіятскими нарѣчіями. Конечно, рѣшеніямъ отдѣла я недумаю придавать обязательной силы; но если члены его будутъ послѣдовательно придерживаться установленной имъ номенклатуры, то уже одно это обстоятельство неизбѣжно повлечетъ за собою исправленіе многихъ ошибокъ въ средне-азіятской географіи.

В. Ошанинъ.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
РОССІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Граница русскихъ владѣній
Сыръ-Дарья
Ташкентъ
Хива
Амуръ-Дарья
Оксусъ
Красноводскъ
Кизыль-Арватъ
Бухара
Шахрь-Сабзъ
Чарджуй
Атрекъ
Ходжа Салехъ
Мервъ
Шахрудъ
Серахсъ
Балхъ
Кабулъ
Гирушкъ
Кандагаръ
Насиръ-абадъ
Иезд
Керманъ
Пешиноръ
Лагоръ
Равиръ
Фирозпуръ
Мултанъ
Сетледжъ
Индъ
Якобабадъ
Саккаръ
Гвадаръ
Карачи
Гайдерабадъ
Бенд
Масштабъ въ
АРАВІЙСКОЕ МОРЕ
ХИМИГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕД. И ЛИТОГРАФ.
М. РУДОМЕТОВА ПОДОЛЬСКАЯ УЛ. № 6

834

Голосъ 1878 № 323.

ИЗЪ ПЕШАУЭРА ВЪ КАБУЛЪ.

Давно извѣстно, что число европейскихъ путешественниковъ по Афганистану очень ограничено и что географія этой страны далеко неудовлетворительно изучена. Для того, кто знакомъ съ литературою путешествій по Афганистану, едва ли будетъ новостью, что весьма часто объ одномъ и томъ же мѣстѣ европейскіе путешественники разсказываютъ совершенно различное. Еслибъ кто-нибудь, напримѣръ, захотѣлъ узнать, сколько дорогъ изъ Пешауэра въ Кабулъ и за разрѣшеніемъ такого вопроса обратился къ книгамъ Муркрофта, Бёрнса, Вуда, Мессона, Моханъ-Лаля, то въ каждой изъ поименованныхъ книгъ онъ нашолъ бы различные, прямо противоположные отвѣты. Продолжая свои разъисканія по другимъ источникамъ, любопытный читатель легко могъ бы натолкнуться на еще болѣе курьёзный фактъ: послѣ того, какъ Муркрофтъ, Винъ, Бёрнсъ, Мессонъ, Личъ и Вудъ побывали въ Афганистанѣ и даже послѣ пребыванія тамъ англійской арміи, пришлось генералу Поллоку съ отрядомъ двинуться изъ Пешауэра въ Джелалабадъ; Хейберское Ущелье было непроходимо въ то время; нужно было слѣдовать однимъ изъ другихъ путей; но, къ сожалѣнію, никто въ Пешауэрѣ не могъ дать обстоятельныхъ свѣдѣній объ этихъ путяхъ. Путешественники о нихъ говорятъ, но глухо и неясно. И какъ вѣрить путешественникамъ, изъ которыхъ одинъ проглядѣлъ Хурдкабульскій Перевалъ, гдѣ столько англичанъ погибло, а другой совершенно не упоминаетъ о перевалѣ Хожакъ, хотя, судя по его же словамъ, онъ дважды былъ въ томъ самомъ мѣстѣ?

Сказанія объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и событіяхъ въ книгахъ наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ еще противорѣчивѣе. Чего только ни поразсказали Феррье и Мессонъ, два путешественника, очень сходные во многихъ отношеніяхъ и по многимъ качествамъ! Оба они были людьми несомнѣнно талантливыми и умными, но, въ то же время, авантюристами и проходимцами. У того и другого фантазія сильно преобладала надъ правдивостью; ни тотъ, ни другой не умѣли различать того, что они дѣйствительно знали и видѣли, отъ того, что имъ показалось или о чомъ имъ поразсказалъ какой-нибудь досужій туземецъ. И Феррье, и Мессонъ страстно любятъ приводить статистическія данныя и при этомъ всегда умалчиваютъ объ источникахъ этихъ свѣдѣній, поставляя такимъ образомъ читателя въ недоумѣніе, откуда все это они могли знать, украдкою и не безъ большихъ опасностей пробираясь по дикой странѣ. Мессонъ, сверхъ того, положительно не хочетъ знать хронологическихъ датъ, и при его сильномъ желаніи убѣдить читателя, что онъ всѣхъ зналъ и все видѣлъ въ Афганистанѣ, это игнорированіе хронологіи доводитъ нерѣдко путешественника до очень странныхъ повѣствованій.

Бёрнсъ и Вудъ, особенно Вудъ, болѣе надежные руководители. Но никто не станетъ оспоривать, что многаго объ Афганистанѣ не узнаешь изъ ихъ книгъ. Хотя можно было бы составить очень длинный списокъ писателей объ Афганистанѣ, но такихъ именъ, къ которымъ слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, несомнѣнно, отъищется немного; потому-то всякое новое извѣстіе объ афганской географіи должно обращать на себя вниманіе.

Объ одной изъ новинокъ въ литературѣ по Афганистану мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ сегодня.

Въ ноябрѣ 1836 года, изъ Бомбэя въ Кабулъ отправлялось англійское посольство, въ составъ котораго входили лица съ именами, впослѣдствіи извѣстными въ географической наукѣ. Во главѣ посольства стоялъ сэръ Александръ Бёрнсъ, въ его свитѣ были майоръ *Личъ*, *Джонъ Вудъ*, *Моханъ-Лалъ*, и Наурожи Фардунжи.

Книги и статьи первыхъ трехъ давно были изданы и стали настольными сочиненіями, хотя и далеко невполнѣ удовлетворительными, для занимающихся афганскою географіей. Одинъ только изъ спутниковъ Бёрнса бомбэйскій парсъ, г. Наурожи Фардунжи молчалъ до нашихъ дней и лишь въ сентябрѣ 1878 года подѣлился съ публикою своими афганскими впечатлѣніями; какъ разъ, передъ началомъ новой афганской войны онъ напечаталъ рядъ статей въ газетѣ «Times of India» *) (№ 36-й—40-го), подъ заглавіемъ «Семь мѣсяцовъ въ Кабулѣ» («Seven months in Cabool»).

Въ тѣ дни Пешауэръ еще принадлежалъ сикхамъ, и Индія, сорокъ лѣтъ назадъ, далеко не походила на Индію нашихъ дней; достаточно упомянуть какъ медленно двигалось посольство: выступивъ изъ Бомбэя въ ноябрѣ 1836 года, оно только въ августѣ (30-го дня) слѣдующаго года тронулось изъ Пешауэра на пути въ Кабулъ.

Описаніе этого пути въ настоящій моментъ — самая любопытная часть воспоминаній г. Наурожи Фардунжи.

Посольство двинулось изъ Пешауэра 30-го августа, на зарѣ; его сопровождали 50 афганцовъ, набранныхъ, какъ стража; тѣмъ неменѣе, весь багажъ нужно было везти съ собою, такъ какъ посылать его впередъ, несмотря на

*) Overland weekly Edition.

стражу, было несовсѣмъ безопасно. У Дарраи Хайберъ или у входа въ Хейберское Ущелье, на границѣ сикхской территоріи, стража была отпущена. Здѣсь путешественниковъ встрѣтило нѣсколько афганскихъ офицеровъ, стерегущихъ входъ въ ущелье. Они были, по словамъ Н. Фардунжи, дики на видъ и сначала отказывались вести посольство къ Алимесджиду, но, благодаря настойчивости Бёрнса, посольство, не медля, прослѣдовало далѣе. «Мы ѣхали — говоритъ нашъ путешественникъ — по пріятной долинѣ, находившейся у подошвы двухъ грядъ высокихъ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти горы были почти перпендикулярны. Чистый ручей протекалъ по долинѣ и широкая дорога была очень хороша». Въ долинѣ были воздѣланныя поля и всюду кругомъ обильная зелень.

Въ 9 часовъ утра посольство достигло *Алимесджида* и стало лагеремъ внизу, въ долинѣ, черезъ которую протекала рѣчка. Въ крѣпости находился отрядъ сипаевъ подъ начальствомъ одного ренегата Лесли, находившагося на службѣ у эмира Доста-Мохамеда. По словамъ путешественника, пройденная долина не представляетъ естественныхъ затрудненій для передвиженія войска и легко можетъ быть занята отрядомъ въ 1,000 человѣкъ съ хорошею артилеріей.

Фортъ Алимесджидъ имѣетъ квадратную форму и далеко не силенъ; но положеніе его на высокой скалѣ неприступно. Деревня находится отсюда въ разстояніи около мили; жизненные продукты тутъ очень дороги и не въ обиліи.

Посольство простояло здѣсь нѣкоторое время. «3-го сентября, повѣствуетъ Н. Фардунжи, къ намъ прибылъ Ага-Жанъ, въ сопровожденіи множества всадниковъ хейберцовъ. Всѣ они были красавцы. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены фитильными ружьями и саблями, другіе только палками. Грустнымъ голосомъ они восклицали: «о! а!»; клики они безпрестанно повторяли, выражая этимъ радость видѣть насъ; но въ самомъ восклицаніи не было ничего радостнаго». Хейберцы, прибавляетъ парсъ, дикіе люди и говорятъ непонятнымъ жаргономъ, называемымъ пашту. «По дорогѣ изъ Джамруда мы проходили—говоритъ онъ—далѣе мимо множества пещеръ въ скалахъ и горахъ; эти пещеры служатъ жилищами для хейберцовъ, момандовъ и другихъ горцовъ. Въ болѣе помѣстительныхъ пещерахъ мы замѣтили рогатый скотъ и овецъ».

4-го сентября, до разсвѣта, посольство оставило Алимесджидъ и послѣдовало по другой извилистой долинѣ, въ которой не было рѣки до мѣста Аалбегилгари. Здѣсь путешественники перешли черезъ нѣсколько горъ, на которыхъ разсѣяны были домà съ высокими башнями. Съ этихъ башенъ жители выглядываютъ враговъ издали. Деревни въ этихъ мѣстахъ обнесены крѣпкими глиняными стѣнами. По оставленіи Пешауэра воздѣланныхъ полей попадалось немного.

За Аалбегомъ видъ, мало-по-малу, расширяется; на седьмой мили находится трудный перевалъ. Неровная дорога на протяженіи около мили вьется вдоль глубокой пропасти. «Насъ удивило—говоритъ Н. Фардунжи—что этотъ перевалъ считается легкимъ и что черезъ него переправляли пушки изъ Кабула въ Алимесджидъ. Для каждой пушки требовалось около 20-ти человѣкъ».

Скалы всюду были лишены растительности; не таковы были виднѣвшіяся долины съ многочисленными ручьями и рѣками. При приближеніи къ Даккѣ, ущелье опять раздалось и налѣво виднѣлось нѣсколько грядъ горъ; наиболѣе отдаленныя изъ нихъ были покрыты снѣгомъ. То былъ Сафеткохъ. Направо была обширная равнина.

Въ Даккѣ, на рѣкѣ Кабулѣ, оканчивается горная хейберская страна и далѣе дороги слѣдуютъ по ровной мѣстности.

Оставивъ Дакку, путешественники перебрались черезъ послѣдній перевалъ, извѣстный подъ именемъ Хурдъ (т. е. малый) Хейберъ и вошли въ равнину. Черезъ двѣ мили отъ Дакки они достигли рѣки, берегà которой были покрыты зеленью и деревьями. На противоположномъ берегу находится деревня Чикноръ.

Далѣе, черезъ четыре мили — большая деревня Хазарноу; здѣсь есть фортъ, а въ рѣкѣ изумительное обиліе рыбъ. «Ихъ было такъ много—говоритъ Н. Фардунжи—что мы могли ловить ихъ руками». Дорога шла рисовыми полями, воздухъ напоенъ благоуханіемъ дикихъ розъ и вся мѣстность кругомъ зеленѣла. Въ десяти миляхъ отъ Дакки находится Басоуль, гдѣ посольство остановилось.

Дорога отъ Басоуля до Хазарноу очень хороша; по всему ея протяженію обиліе воды и кустарниковъ, доставляющихъ отличный кормъ верблюдамъ. Но и тутъ посольство подвергалось нападеніямъ со стороны хейберцовъ.

Изъ Басоуля посольство слѣдовало на западъ, вдоль подошвы Сафеткоха. Миновавъ Батикотъ, оно вступило въ песчаную равнину, покрытую тамарисками. Направо гордо поднимались Кунарскія Горы, а впереди, но въ болѣе далекомъ разстояніи, виднѣлся Гиндукушъ.

Далѣе, на пути въ томъ же западномъ направленіи, Н. Фардунжи отмѣчаетъ слѣдующія мѣста: Барру, Мазира, Чапріа. Дорога между послѣдними двумя мѣстами камениста и очень утомительна; до

Мазира же она пролегаетъ воздѣланными полями и лугами, среди живописной мѣстности.

Посольство, оставивъ въ сторонѣ джелалабадскую дорогу, изъ Чапріа, черезъ узкій перевалъ Тери, достигло мѣста Кажжа. На всемъ пути часто попадались укрѣпленныя мѣста. Въ Кажжѣ есть замокъ. Поля разсѣяны по склонамъ горъ и орошаются горными рѣчками.

Въ Гандамакѣ, далѣе къ западу, находится граница жаркаго и холоднаго климата. Потомъ посольство останавливалось у рѣки Сурхабъ. 16-го сентября, оно двинулось далѣе въ путь и, оставивъ въ сторонѣ Латабанскій Перевалъ, достигло возвышенной мѣстности Тезинъ. Верблюды были посланы сюда другою обходною дорогою.

Изъ Тезина посольство слѣдовало черезъ Хурдкабулъ, Гундупакъ и Бутхакъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ термометръ упалъ до 38°, и здѣсь путешественникамъ встрѣтились многія афганскія семьи, переселившіяся, во избѣжаніе стужи, изъ Кабула въ жаркія страны.

20-го сентября посольство тронулось изъ Бутхака. На протяженіи около десяти миль дорога слѣдовала по красивой, ровной мѣстности; потомъ она пересѣкала невысокіе холмы, съ вершины, которыхъ открывался видъ на Балатиссаръ или кабульскій фортъ.

Здѣсь посольству была устроена торжественная встрѣча.

Описаніе Кабула у Н. Фардунжи не представляетъ ничего такого, что бы не было извѣстно изъ другихъ источниковъ. Болѣе интересны у него описанія поѣздки въ Кохдаменскую Равнину и неудачной попытки Вуда пробраться въ Туркестанъ Перванскимъ Переваломъ.

Во время своего пребыванія въ Кабулѣ путешественнику приходилось часто сталкиваться съ афганцами, и его описаніе народнаго характера, хотя и очень кратко, но не лишено интереса. Онъ посѣщалъ частные дома, бывалъ на обѣдахъ у афганцовъ, присутствовалъ на ихъ концертахъ. Все это дало ему возможность сдѣлать нѣсколько любопытныхъ наблюденій надъ туземцами. «Есть— говоритъ онъ—афганская пословица: «пешауэрская мука не безъ примѣси ячменя, кабульская жена не безъ любовниковъ»; это изреченіе вполнѣ подтверждается видѣннымъ мною... Во время нашего пребыванія въ Кабулѣ случилось нѣсколько убійствъ; одною изъ жертвъ былъ зять эмира. Его застрѣлилъ простой солдатъ; мы слышали, что солдата подъучила жена павшей жертвы. За свое дѣло солдатъ получилъ отъ нея 200 рупи. Убійца былъ схваченъ и сознался въ своемъ преступленіи. Намъ разсказывали, что на улицахъ часто случаются убійства, и старшины на это не обращаютъ вниманія. Для кабульца убить кого-нибудь по самой пустой причинѣ, даже изъ-за недоразумѣнія — ничего не стоитъ. Часто приходится слышать, что кто-нибудь убитъ не болѣе, какъ по причинѣ желанія воспользоваться одеждою жертвы или ея оружіемъ. Афганцы очень любятъ всякія смертоносныя оружія; эта черта особенно замѣтна у кохистанцовъ; кохистанецъ за ружье съ радостью отдастъ дочь».

Весьма любопытны замѣтки Н. Фардунжи о климатѣ Кабула. Они имѣютъ особую цѣну въ настоящій моментъ, въ виду начавшейся зимней кампаніи. По словамъ путешественника, зима въ Кабулѣ наступаетъ въ декабрѣ; къ сѣверу же отъ Кабула, въ Кохистанѣ, иногда мѣсяцами двумя ранѣе. Первый снѣгъ заваливаетъ совершенно караванные пути, и сообщеніе съ Кандахаромъ, Туркестаномъ, Кафиристаномъ, Пешауэромъ прекращается. Въ декабрѣ, въ Кабулѣ температура внутри домовъ часто не болѣе 45°. Вообще, по словамъ Н. Фардунжи, *минимумъ* комнатной температуры равняется 41°, *максимумъ* 52. Особенно холодны утра и вечера; уже въ концѣ ноября вода замерзаетъ въ цистернахъ. Повременамъ толщина льда достигала 12-ти вершковъ. Въ домахъ, обращонныхъ на западъ, по словамъ Н. Фардунжи, температура еще ниже: *минимумъ* равняется 26°, *максимумъ* 40°.

Зимою жители Кабула сидятъ больше дома, у печекъ. Пастушеское племя гилзіевъ до наступленія зимы перекочовываетъ въ равнины Пешауэра, Джелалабада. Впродолженіи четырехъ мѣсяцовъ Кабулъ не имѣетъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и жители должны на все это время дѣлать запасы провизіи и дровъ. Уже въ ноябрѣ проходы черезъ Гиндукушъ въ Туркестанъ становятся недоступными; движеніе по баміанской дорогѣ прекращается также по путямъ въ Лазни и Кандахаръ. Дорога изъ Кабула въ Пешауэръ становится непроходимою въ январѣ. Февраль считается самымъ холоднымъ мѣсяцомъ; въ этотъ мѣсяцъ минимумъ достигалъ 27°, а максимумъ въ два часа пополудни 45°; средняя температура равнялась 32° или 40°. Небо покрыто тучами и снѣгъ выпадаетъ часто. Въ февралѣ начинается, по словамъ афганцовъ, *малая зима*, самая холодная. Суровость этого сезона англичанамъ приходилось уже испытывать, и бѣдствія, причиненныя имъ намъ кабульскою стужею, графически описаны Кеемъ въ его исторіи афганской войны.

Въ мартѣ температура становится умѣренною. Термометръ поднимается до 52°, иногда въ полдень до 56°. Но въ этотъ мѣсяцъ выпадаетъ снѣгъ, чаще же дождь. Всѣ прелести афганской весны начинаются въ маѣ; въ іюнѣ становится

очень жарко. Августъ считается самымъ жаркимъ мѣсяцомъ.

Но, вообще, климатъ Кабула, за исключеніемъ зимнихъ мѣсяцовъ, считается весьма пріятнымъ.

Климатъ другихъ частей Афганистана очень разнообразенъ: о Газни извѣстно, что снѣгъ тамъ лежитъ очень долго, и термометръ спускается до 10° или 15°. Климатъ въ Джелалабадѣ похожъ на индійскій.

Жаръ лѣтомъ въ Афганистанѣ всюду значителенъ, особенно же въ странахъ, прилежащихъ къ басейну Инда, на Нижнемъ Хельмендѣ и въ Сеистанѣ. Въ Гиришкѣ температура въ августѣ достигаетъ 118°—120° въ тѣни. Въ Кандахарѣ снѣгъ рѣдко выпадаетъ и скоро стаиваетъ. Въ Гератѣ лѣто умѣренно и пріятно.

Климатъ въ Афганистанѣ вообще считается сухимъ. Блестящее солнце свѣтитъ три четверти года, и ночи даже пріятнѣе дней. Характеристична также противоположность въ температурѣ зимы и лѣта, дня и ночи. Баберъ сказалъ по поводу афганскаго климата, что въ Афганистанѣ въ одинъ день пути можно побывать въ мѣстѣ, гдѣ снѣгъ никогда не выпадаетъ, и черезъ два часа достичь другого, гдѣ онъ никогда не стаиваетъ.

Небезъинтересно припомнить, въ заключеніе, что мисія сэра А. Бёрнса имѣла своимъ ближайшимъ поводомъ обстоятельства, сходныя съ тѣми, которыя вызвали несостоявшееся посольство Чэмберлэна. Какъ теперь, такъ и тогда, англичане были испуганы появленіемъ русскаго агента въ Кабулѣ. Нельзя не выразить также сожалѣнія, что до сихъ поръ о бумагахъ, оставшихся послѣ этого несчастнаго русскаго агента, читающей русской публикѣ ничего неизвѣстно. Z.

295

Голосъ. 1879 г.
№ 252.

Баку, *21-го августа* (*корреспонденція «Голоса»*).—Сегодня бакинцы проводили тѣло одного изъ нашихъ славныхъ героевъ, генерала-адъютанта, генерала-лейтенанта Ивана Давыдовича Лазарева, начальника ахалтэкинскаго отряда. За нѣсколько часовъ передъ смертью, онъ просилъ похоронить его тѣло въ Тифлисѣ. Гробъ, въ сопровожденіи сына, корнета Александра Ивановича Лазарева, состоявшаго при отцѣ ординарцомъ, и двухъ адъютантовъ, штабскапитана Колышкина и князя Абашидзе, былъ доставленъ въ Баку 19-го августа, на грузовой шхунѣ «Тамара», принадлежащей обществу «Кавказъ и Меркурій». На другой день, 20-го августа, тѣло усопшаго перенесли въ армянскую церковь и послали въ Тифлисъ телеграму съ просьбою о разрѣшеніи везти тѣло Лазарева въ Тифлисъ. Его высочеству намѣстнику кавказскому благоугодно было разрѣшить таковое, и потому деревянный гробъ былъ уложенъ еще въ свинцовый и отправленъ на фургонѣ въ Тифлисъ.

И. Д. Лазаревъ оставилъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшему 23 года и младшей десять лѣтъ. Онъ предполагалъ по окончаніи ахалтэкинской экспедиціи навсегда поселиться въ Баку и заняться промышленостью. «Хочу сдѣлаться американскимъ генераломъ» говорилъ И. Д. Лазаревъ передъ отправленіемъ въ Чегишляръ. «Въ мирное время буду заниматься промышленостью, а въ военное—защищать отечество».

У Лазарева въ Дашлагарѣ (въ Дагестанской Области) было небольшое имѣніе: садъ и домъ, но во время послѣдняго возстанія въ Дагестанѣ, когда Лазаревъ стоялъ подъ Карсомъ, лезгины разорили и сожгли все его имѣніе. Послѣ счастливаго окончанія войны, ему было высочайше подарено, взамѣнъ дашлагарскаго имѣнія, десять десятинъ нефтяной земли въ Балаханахъ (Бакинскомъ Уѣздѣ). Невольно удивляешься судьбѣ этого доблестнаго генерала, который выдвинулся изъ тёмной деревенской среды. Онъ былъ подмастерьемъ деревенскаго портного и, поссорившись съ нимъ, поступилъ въ военную службу. Благодаря только своей неустрашимости, неутомимой энергіи и природному уму, онъ выдвинулся впередъ и пріобрѣлъ обширную извѣстность.

Во время своей службы въ Дагестанѣ, генералъ Лазаревъ велъ дневникъ и впослѣдствіи составилъ отдѣльныя записки, которыя теперь будутъ имѣть весьма важное историческое значеніе, какъ матерьялы для изученія исторіи покоренія и управленія Дагестаномъ. Эти записки еще нигдѣ не напечатаны; генералъ считалъ ихъ печатаніе преждевременнымъ.

237

Голос. 1879 г.
№ 250.

Туркестанскій календарь на 1880 годъ».

При болѣе чѣмъ недостаточномъ знакомствѣ нашемъ съ новыми владѣніями Россіи въ Средней Азіи, всякій трудъ, предпринятый для изслѣдованія этой окраины, пріобрѣтаетъ несомнѣнную цѣнность, особенно въ виду той политической роли, которая предстоитъ въ недалекомъ будущемъ нашей восточной окраинѣ и которая начинаетъ уже весьма рельефно выясняться въ событіяхъ послѣдняго времени. До сихъ поръ жизнь Туркестанскаго Края отражалась только въ мѣстныхъ офиціальныхъ «Вѣдомостяхъ», да въ «Сборникѣ», издававшемся, отъ времени до времени, подъ редакціей г. Маева, если не считать сочиненій о Туркестанѣ на иностранныхъ языкахъ, регистрируемыхъ въ настоящее время г. Межовымъ, по желанію главнаго начальника края, генерала-адъютанта К. П. фон-Кауфмана 1-го. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать новую попытку ознакомить русскую публику съ нынѣшнимъ положеніемъ малоизвѣстнаго края. Мы разумѣемъ полученный нами надняхъ «Туркестанскій Календарь» на 1880 годъ, изданный въ Ташкентѣ г. В. Пьянковымъ и представляющій первый опытъ подобнаго рода въ Туркестанскомъ Краѣ. Не считая календарныхъ свѣдѣній, какъ общихъ, такъ и имѣющихъ исключительно мѣстный интересъ, въ «Туркестанскомъ Календарѣ» приведены свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ края, о метеорологіи, о финансовомъ положеніи края и т. п. Въ отдѣлѣ статистическихъ свѣдѣній находимъ статьи объ аральской флотиліи, объ административныхъ и военныхъ учрежденіяхъ, описаніе городовъ, некрологи выдающихся дѣятелей края и нѣсколько статей политическаго характера. Изъ приведенной въ педагогическомъ отдѣлѣ вѣдомости объ училищахъ видно, что въ 1877 году во всемъ краѣ было всего 35 училищъ съ 1,848-ю учащимися. Къ «Календарю», составляющему довольно объемистый томъ убористой печати, приложены: туркестанскій дорожникъ и карта туркестанскаго военнаго округа.

248

Сѣверная Пчела 1839 г. № 10

О ТОРГОВЛѢ
РУССКИМИ ПРОИЗВЕДЕНІЯМИ
ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ, ИЛИ ТУРАНѢ.

Одинъ Англійскій журналъ сообщаетъ любопытныя для насъ подробности о Русской торговлѣ въ Кабулѣ (*). Передаемъ нашимъ читателямъ эти свѣдѣнія.

(*) Область Кабулъ составляетъ независимое государство въ Средней Азіи, или, правильнѣе, въ Туранѣ, и лежитъ между 57 и 70 град. в. долготы и 28 и 36 град. широты. Граничитъ къ сѣверу: съ областями Гератомъ, или Восточнымъ Хорассаномъ, Туркестаномъ и Бактистаномъ; къ востоку: съ малыми областями, составляющими такъ называемый *Союзъ* Шейховъ, и съ государствомъ Лагорскимъ, основаннымъ Ренджитъ-Сингомъ; къ югу съ Белуджистаномъ; къ западу съ Персіей, или Ираномъ. До смятеній, возникшихъ въ Кабулѣ, въ 1800 году, это было сильное государство, но послѣ того оно распалось на части. Лагорскій владѣтель, Ренджитъ-Сингъ, присвоилъ себѣ Кашемиръ и другія пять областей; правители другихъ областей сдѣла-

Кабулъ лежитъ въ восхитительной и хорошо обработанной равнинѣ, орошаемой и оплодотворяемой рѣкою Кабуломъ, впадающею въ Индъ. Городъ окруженъ каменною стѣною съ двумя цитаделями: одна цитадель, *Балла-Гизара*, построена на возвышеніи; другая служитъ государственною тюрьмою для принцевъ крови. Обширный и великолѣпный дворецъ защищенъ тремя башнями съ позлащенными шпицами. Большая часть домовъ деревянные; каменныхъ немного: другіе земляные. До начала безпокойствъ, донынѣ волнующихъ эту страну, народонаселеніе города простиралось до 80,00 душъ, между которыми было много Армянъ; но съ тѣхъ поръ оно видимо уменьшается. Впрочемъ, Кабулъ до сихъ поръ почитаютъ обширнѣйшимъ коннымъ рынкомъ всего Афганистана. Его базары просторны, со сводами и въ два этажа; здѣсь и производятся всѣ торговыя сдѣлки.

Предметы торговли чрезвычайно разнообразны; сюда несетъ дань промышленость всѣхъ земель.

Первое мѣсто между привозными товарами занимаетъ огнестрѣльное оружіе, хорошей доброты: ружья не велики, но сдѣланы прочно; впрочемъ ихъ покупаютъ мало, и они доступны только высшимъ сословіямъ народа. Низшее же сословіе предпочитаетъ имъ грубое оружіе, выдѣлываемое въ самомъ Кабулѣ, потому что оно продается дешевле. Много привозятъ также и Русскихъ ружейныхъ замковъ; но имъ предпочитаются Англійскіе, отдѣланные гораздо тщательнѣе, и тѣ замки, на которыхъ есть клеймо Остъ-Индской Компаніи, сбываются очень скоро.

Обыкновенные висячіе замки, находящіеся на базарѣ, почти всѣ Русской фабрикаціи. Ихъ ставятъ выше Англійскихъ, потому что Русскій фабрикантъ всегда помѣщаетъ въ замкѣ какой нибудь тайный механисмъ, затрудняющій при отпиркѣ, и притомъ они гораздо прочнѣе, что невсегда можно найти въ замкахъ Англійскихъ.

Не смотря на то, что Русскій ножевой товаръ, т. е. столовые, перочинные ножи, ножницы и т. п. грубы, онъ однако жъ сильно соперничествуетъ съ товаромъ Англійскимъ. Впрочемъ, жители предпочитаютъ всему свои издѣлія этого рода изъ закаленной стали; источникъ же предпочтенія заключается не столько въ добротѣ, сколько въ разнообразныхъ рисункахъ, оттиснутыхъ на ножахъ и ножницахъ.

Золотой песокъ частію привозятъ изъ областей

жахъ и ножницахъ.

Золотой песокъ частію привозятъ изъ областей, лежащихъ при Оксѣ, частію изъ Россіи. Это золото добывается изъ рѣкъ, гдѣ иногда находятъ его въ формѣ небольшихъ кусочковъ, отъ двухъ до шести зеренъ. Въ Индію его привозятъ ежегодно на 130,000 рупій (*) среднимъ числомъ.

Латунная и желѣзная проволока доставляется изъ Россіи, и весьма хорошей доброты. Изъ этой проволоки дѣлаютъ гитарныя струны. Бѣдные употребляютъ ее на выдѣлку серегъ, а другіе плетутъ сѣтки, которыми покрываютъ себѣ тѣло.

Вся мѣдь идетъ изъ Россіи. Она привозится въ видѣ четвероугольныхъ листовъ, около одного ярда въ длину и двухъ футовъ въ ширину, но въ послѣдствіи, туземцы обработываютъ ее по своему, дѣлаютъ кухонную посуду и сосуды для воды. Ввозъ мѣди съ нѣкотораго времени уменьшился; за нѣсколько лѣтъ предъ симъ состояло оной въ привозѣ, среднимъ числомъ, на 20,000 рупій, и весь товаръ заключали во стѣ возахъ (charge), но назадъ тому два или три года, последнее число упало отъ 10-ти до 12-ти, вклю-

---

лись независимыми владѣльцами. Теперь государство Кабулъ составляетъ двѣ провинціи: Афганистанъ и Систанъ. Владѣлецъ называется Шахомъ. Важнѣйшіе города: Кабулъ, столица, Газнахъ и Кандагаръ. Жители Магометане. *Изд.*

(*) Около двухъ рублей съ полтиною, на ассигнаціи. *Изд.*

чая сюда и привозъ Русскихъ копѣекъ, извѣстныхъ въ Кабулѣ подъ названіемъ bughnukcha, и имѣющихъ одинаковое съ мѣдными листами употребленіе. Отъ того и цѣна мѣди возвысилась.

Русскіе сундуки всѣхъ родовъ, всѣхъ размѣровъ также находятся, въ большомъ количествѣ, на Кабульскомъ базарѣ. Сдѣланные изъ легкаго дерева, покрытые снаружи оловянымъ листомъ, на которомъ рука художника изобразила всевозможныя картины, эти сундуки запираются замкомъ и бываютъ иногда съ ручкою; въ нихъ кладутъ бумаги, разные мелочи, драгоцѣнныя вещи или деньги. Ежегодно продаютъ сихъ сундуковъ на 900 или 1,000 рублей. Русскіе привозятъ также много маленькихъ ящичковъ, или изъ легкаго дерева, или изъ бумаги, иногда съ зеркальцами; сюда Авганы насыпаютъ табакъ. Эти предметы торговли вообще стоятъ дороже настоящей цѣнности.

Торговля иголками совершенно вся въ рукахъ Русскихъ: Англійскія иголки неизвѣстны въ Кабулѣ, и во всемъ Афганистанѣ не выдѣлываютъ подобныхъ предметовъ. Ежегодно привозится сего товара тысячъ на шесть рублей. Иголки различной величины: за тысячу платятъ около трехъ рублей. Равномѣрно почти одни Русскіе купцы торгуютъ стекломъ, зеркалами и стеклами для очковъ. Къ стеклу вообще относятся стекла оконичныя, бутылки, склянки, чашки и чернильницы. За оконичное стекло, въ футъ длиною, платятъ одну рупію. Зеркала малы и слишкомъ просты; зеркало шестидюймовое, въ деревянной рамкѣ, продается по одной рупіи; ихъ дѣлаютъ и въ Дели, но по цѣнѣ своей, они доступны только людямъ достаточнымъ. Зеркало въ одинъ футъ длиною стоитъ отъ восьми до десяти рупій.

Русскій фарфоръ очень хорошъ; среднимъ числомъ его ввозятъ ежегодно на 4,000 рупій. Онъ заключается въ чайникахъ, чашкахъ, суповыхъ чашахъ, тарелкахъ и блюдахъ, и большею частію разрисованъ прекрасными цвѣтами. По дорого-

визнѣ, этотъ фарфоръ употребляется одними богатыми людьми, а бѣдные пользуются грубымъ отечественнымъ фарфоромъ.

Кремни частію идутъ изъ Индіи, частію изъ Россіи; Индѣйскіе почитаются лучшими. Требованіе на нихъ очень велико, и теперь ихъ обдѣлываютъ на самомъ мѣстѣ.

Весьма выгодный предметъ торговли есть цвѣтное стекло, употребляемое на ожерелья и браслеты. Его вывозятъ изъ Россіи, тысячи на три рупій ежегодно.

Привозъ китоваго уса простирается на тысячу рупій ежегодно. Изъ него дѣлаютъ черенки ножей, рукояти сабель. и т. п. Одинъ китовый усъ стоитъ около 20 рупій.

Русская бумага двухъ сортовъ: голубая и бѣлая; ея привозится на 5,000 рупій; десть продаютъ по $^3/_4$ рупіи. Много также потребляютъ бумаги, идущей изъ Кокана и Кашмира; но эта бумага, точно также какъ и Русская, вообще весьма дурнаго свойства.

Россія доставляетъ, частію, Афганистану и чай, доброты превосходной, предпочитаемый многими привозимому изъ Кантона. Онъ нѣсколько походитъ на черный чай, имѣетъ пріятный вкусъ, и продается по дорогой цѣнѣ. Другіе сорты чаевъ привозятъ изъ Ярканда и Китайскихъ областей, находящихся на границахъ Татаріи, въ большомъ количествѣ, а изъ Кантона, чрезъ Муристеръ и Бомбей, въ Кабулъ доставляется немного.

Saleb misra, лекарство, употребляемое жителями съ молокомъ, kimsam, или выдѣланная кожа, изъ которой шьютъ башмаки, сандаліи и мѣшки, *кирмецъ* или кошениль — всѣ эти предметы во множествѣ привозятся изъ Россіи, и должно замѣтить, что Русская кошениль ни въ чемъ не уступаетъ кошенили Индѣйской. Въ привозѣ бываетъ оной ежегодно, среднимъ числомъ, на 10,000 рупій. Русская промышленость доставляетъ также зо-

лотую канитель, весьма важный предметъ торговли. Канитель бываетъ двухъ сортовъ: первый сортъ золотой канители отличается прекраснымъ, блестящимъ, желтымъ цвѣтомъ, и продается отъ 4 до 5 рупій за унцію; второй сортъ желтаго и бѣлаго цвѣта продается дешевле. Канители идетъ очень много на украшеніе шляпъ, башмаковъ и трубокъ, также для вышиванія шубъ. Вышивка Русскою канителью прочнѣе и цѣнится выше Индѣйской. Этотъ родъ торговли ежегодно пускаетъ въ оборотъ до 34,000 рупій. Канитель привозится въ нумерованныхъ пачкахъ, съ означеніемъ имени и мѣста жительства фабриканта.

Русское сукно, бумажныя издѣлія, бархаты, атласы, khoadbaft (шелковыя шали), kailan (кисея), нанки и платки Русскихъ фабрикъ, играютъ значительную роль на Кабульскомъ базарѣ. Русское сукно, хотя довольно грубое, предпочитается однако жъ Англійскому, по своей дешевизнѣ. Выбойки привозится ежегодно тысячъ на 20 рупій; она прочна, можетъ легко прослужить два года, и потому ее ставятъ выше Англійской, которая чрезъ годъ уже не годится. Впрочемъ, Англійская выбойка отличается всегда изяществомъ рисунка. Съ тѣхъ поръ, какъ Англичане стали привозить бархатъ своихъ фабрикъ, Русскій бархатъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, находитъ малый сбытъ: онъ слишкомъ тонокъ, и вообще низкой доброты. Цвѣта красные, зеленые и голубые уважаются болѣе другихъ. Русскій атласъ предпочитается Англійскому, который скоро носится. Шелковыя шали доступны однимъ богатымъ людямъ; кромѣ Русскихъ, на рынкѣ встрѣчается много Персидскихъ. Платковъ ежегодно привозится на 4,000 рупій, а нанки на 54,000 рупій. Низкій класъ народа очень уважаетъ Русскія нанки, которыя, будучи похожи на нанки Кантонскія, отличаются прочностію, и продаются по полу-рупіи за ярдъ.

239.

Новое время 1880 г.
№ 1465

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Не смотря на низкій уровень цивилизаціи текинскаго народа, женщина не находится въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ мы привыкли ее встрѣчать у другихъ народовъ Востока, особенно Средней Азіи. Текинка не рабыня. какъ не рабъ и текинецъ.

Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть текинку въ Арчманѣ по дорогѣ къ Денгилъ-Тепе, недоходя до послѣдняго на 70 верстъ— единственный аулъ, который встрѣтилъ насъ дружественно. Когда я въѣхалъ въ аулъ съ моимъ казакомъ, то насъ окружила масса народу и стараго и молодого, и мужскаго и женскаго; особенно меня поразило, что женщины были съ открытымъ лицомъ; впослѣдствіи я узналъ, что женщины у всѣхъ кочевыхъ народовъ Средней Азіи не закрываютъ своего лица, не смотря на приказаніе корана. Старики и мужчины разныхъ возрастовъ стояли въ кучкахъ и о чемъ-то горячо спорили, женщины тоже болтали на непонятномъ намъ языкѣ, смотря намъ смѣло въ глаза, даже находились и такія, которыя смѣясь подтрунивали надъ нами; одна изъ нихъ, схвативъ моего казака за рукавъ, повела его въ кибитку, и предложила ему продать кислаго молока и хлѣба. Я самъ влѣзъ въ кибитку, приказавъ связать лошадей у самыхъ дверей кибитки.

Когда мы вошли туда, молодая текинка лѣтъ двадцати, разостлала хорошій коверъ; хозяюшка въ это время въ углу кибитки приготовляла миску и кислое молоко, не упуская ни одного случая поболтать: видно было что любитъ говорить.

Кибитка наполнилась жителями аула, женщины стали ближе къ намъ, нѣкоторыя даже усѣлись, и не смотря на то, что вошло нѣсколько почтенныхъ стариковъ, онѣ ничуть не конфузились, и продолжали сидѣть, не

предлагая своего мѣста мужчинамъ; изъ этого я вывелъ заключеніе, что большая разница между текинкой и турчанкой, которая не то что не имѣетъ права сидѣть и находиться въ присутствіи постороннихъ, но даже и показать своего лица!

Непріятно находиться въ такомъ обществѣ, въ которомъ слѣдятъ за всякимъ твоимъ движеніемъ, но, не смотря на все это, я не позабылъ про свое молоко, но уничтожить его совершенно было трудно, потому что хозяйка, поощренная моимъ подаркомъ, состоящимъ изъ пяти двугривенныхъ, совершенно новыхъ, доливала и доливала.

Окончивъ завтракъ, разсмотрѣвъ устройство кибитки и ея жителей, я хотѣлъ встать и возвратиться въ лагерь, но къ моему величайшему удовольствію мимо палатки прошелъ переводчикъ графа Борха, Наргесъ, котораго я позвалъ и черезъ него я въ первый разъ задалъ нѣсколько вопросовъ одному изъ текинцевъ, касающихся обычаевъ и нравовъ его народа и особенно женщинъ.

Рожденію дочери текинецъ радуется почти такъ же, какъ и рожденію сына, потому что онъ такъ падокъ до наживы, что съ рожденіемъ дочери онъ уже мечтаетъ о богатомъ «калымѣ» за красавицу дочь.

Родившись, текинка сразу становится членомъ кибитки, семейства, рода и племени: я сказалъ кибитки потому, что у текинцевъ существуетъ многоженство, и всякая изъ женъ приноситъ въ приданое свою собственную кибитку, въ которой она живетъ съ своими дѣтьми, не смѣшиваясь съ другими женами своего мужа. Первымъ воспитаніемъ и ухаживаніемъ за ребенкомъ, конечно, занимается мать, рѣдко даютъ это право рабынямъ; но только-что молодой текинкѣ исполнилось шесть лѣтъ, ее начинаютъ учить прясть, шить, вязать и дѣлать ковры и дорожки; съ текинскими коврами не могутъ сравниться по добротѣ, качеству и красотѣ даже персидскіе. Одна женщина въ продолженіи одного года способна сдѣлать два три ковра шириной въ пять аршинъ, а длиною до десяти, этими коврами устилаютъ свои кибитки, а дорожками обиваютъ кибитки, особенно въ праздничный день.

И такъ ростетъ текинка, помогая своей матери работать до десятаго года или самое большое до двѣнадцатаго; въ это время, благодаря климатическимъ условіямъ и обычаямъ народа, дѣвушка становится способной быть матерью, въ это время и приглянулась она какому нибудь пятнадцати-лѣтнему мальчугану, который и отправляетъ своего отца сторговаться съ родителями дѣвочки. Отецъ отправляется къ будущему тестю и спрашиваетъ сколько онъ хочетъ „калыма" за свою дочь?

Начинается торговля. Одинъ проситъ сто барановъ и нѣсколько верблюдовъ, другой даетъ только пять-десять барановъ, двухъ верблюдовъ и до трехсотъ крановъ (текинско-персидская монета, равняющаяся 30 коп.). Будущій тесть не соглашается. «Не могу, она больше стоитъ. Ты только посмотри на нее: вѣдь, правда, хороша? Давай скорѣе, не скупись, лучше ея не отыщешь». Посмотритъ отецъ жениха на невѣсту, уже заранѣе приготовленную къ его пріѣзду, и—перестанетъ «скупиться».— «Такъ и быть,—я согласенъ, но скажи—чѣмъ она богата»? Начинается точнѣйшее перечисленіе невѣстинаго имѣнія.— «У нея три кибитки, пять ковровъ, четыре дорожки, столько - то халатовъ, ожерелье и множество другихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній: видишь мой другъ, какую находку ты нашелъ».—«Аллахъ милостивъ»! отвѣчаетъ отецъ жениха, совершенно удовлетворенный. На сцену выступаютъ рисовая каша и жареная баранина, съ которыми и расправляются по упрощенному способу—безъ вилокъ и ножей.

Но скверно тому жениху, которому нечѣмъ заплатить «калыма». Ему приходится отправиться съ подобными сотоварищами на грабежъ въ Персію, Афганистанъ или къ Аму-Дарьѣ, и тамъ остаться до того времени, пока неудастся ограбить богатый караванъ и взять нѣсколькихъ плѣнныхъ, которые ему нужны, какъ рабочая сила.

Въ большинствѣ случаевъ женихъ и не видитъ свою невѣсту, но только по слухамъ знаетъ, что въ Кизиль-Арватъ или Дурумѣ находится богатая невѣста. Очень часто случается, что женитьба бываетъ украшена какимъ нибудь романическимъ происшествіемъ, которое всегда оканчивается удачно, если у жениха есть чѣмъ заплатить калымъ, но если

нѣтъ, то родня оскорбленной дѣвицы мститъ за нее, убивая преступника. Не рѣдко оканчивается ссора и примиреніемъ, т. е. молодца отправляютъ на быстромъ конѣ за добычей и онъ не имѣетъ права возвратиться прежде, чѣмъ награбитъ сколько ему нужно для уплаты «калыма».

Казнятъ ли провинившуюся дѣвицу — не знаю, но женщину распутную не пускаютъ въ мечети и она не пользуется никакимъ уваженіемъ ни у родителей, ни у другихъ текинцевъ.

Но что любовь понятна текинцу, можно видѣть изъ богатой народной поэзіи текинцевъ, мотивы которой меня до того удивили, что я во что бы ни стало рѣшился собрать нѣсколько образцовъ, наглядно уясняющихъ многое въ жизни неизвѣстнаго всему міру народа.

Этой находкой обязанъ я любезности прапорщика Самата, татарина, говорящаго по текински, который въ одинъ прекрасный вечеръ позвалъ двухъ текинцевъ и, предварительно напоивъ ихъ коньякомъ, заставилъ пропѣть нѣсколько пѣсенъ. Прошу у читателей извиненія за плохой не риѳмованный переводъ.

Готовъ и я. Верблюды навьючены,
Сняты кибитки хозяйскія...
Красивый край бросать мнѣ приходится!
Воды ужъ нѣтъ, родники всѣ повысохли,—
Какъ алмазъ, небо—чистое.
Не одинъ иду я въ степь глубокую,
Весь аулъ со мною тронулся.
И она идетъ, красавица...
Хороша она! Станъ—арабской лошади,
Брови—крылья ворона,
Рѣсницы—копья вострыя,
Берегущія очи черныя.
Очи черныя — звѣзды ясныя, —
А какъ взглянешь во все лицо ея бѣлое,—
Точно копья вострыя пронизываютъ
Въ груди твердой сердце нѣжное.
А волосы?! Что за волосы!..
Не хуже будутъ гривы лошади,
Не жестче шелка мягкаго,
Нѣжнѣй змѣиныхъ кожъ!
А ротикъ-то, кровью смазанный!
Горячѣе онъ, да въ десять разъ десяти
огней,
И полнѣе онъ въ десять разъ десяти
ручьевъ,

Слаще меда сладкаго.
Охъ! позволь же, ты красавица,
Прикоснуться къ ротику, что теплѣе
пламени,
Что богаче богатаго ручья.
Тогда согласенъ буду, милая,
Съ тобой уйдти въ пустырь глухой,
Безъ воды прожить всю жизнь мою —
Съ тобой одной!
Боишься ты, что увидитъ отецъ
И прикажетъ: «брось ты бѣднаго!
Нѣтъ у него ни барана—ни единаго,
А не то что родного стада верблюжьяго».
Эхъ! пусть его!.. Только полюби меня,
милая!
Какъ полюбишь ты—такъ мнѣ все равно:
Убитымъ быть или задушеннымъ.
Согласна ль ты моя дѣвушка?
Убѣжимъ скорѣе въ горячіе пески,
Среди ласкъ любви посмѣемся мы
Надъ ночью темною,
Надъ ночью темною, надъ звѣздами ясными,
Надъ звѣздами ясными, надъ сѣдымъ отцомъ.
А догонятъ насъ—мнѣ все равно!
Мнѣ все равно — убитымъ быть...
Убитымъ быть или задушеннымъ.
И убѣжали мы въ пески горячіе,
Цѣловались столько разъ, —
Сколько звѣздъ на небѣ не было.
И вдругъ чортъ вскружилъ намъ голову,
Проспали ночку темную —
Подъ небомъ голубымъ.
На зарѣ предъ нами сталъ
Отецъ свирѣпый съ саблей острою
Грозилъ онъ мнѣ: «убью тебя!
Убью тебя, какъ персіянина!»
Отвѣтилъ я: мнѣ все равно —
Убитымъ быть. Убитымъ быть али за-
душеннымъ.
Но храбрый теке пощадилъ меня,
Пощадилъ съ такимъ условіемъ:
«Дамъ тебѣ я саблю острую
И лошадь—быструю, какъ молнію, —
Отправляйся къ трусамъ Персіи
И ограбь ихъ ты, какъ слѣдуетъ,
Калымъ богатый приноси,
Дочку милую возьми, —
Дочку милую, несчастную...
А то, кораномъ я клянусь, —
Тебя убью, какъ персіянина.
И я поѣхалъ въ страны Персіи,
Ограбилъ я кибитки съ три,

Лошадей угналъ съ верблюдами,
Богатый колымъ выплатилъ
И взялъ съ собою мою милую.
Мнѣ не все равно теперь —
Убитымъ быть или задушеннымъ.

Значитъ, текинецъ, не смотря на то, что закаленъ въ кровавыхъ бояхъ и вѣчно занимается грабежемъ и убійствами, способенъ любить страстно и пламенно.

Текинецъ, какъ сказано выше, часто и не видитъ своей невѣсты до свадьбы, а только по слуху знаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ находится невѣста, но онъ въ этомъ случаѣ узнаетъ не только богата ли она, но и свободная ли она текинка, и дочь ли она свободныхъ отца и матери. На рабынѣ онъ никогда не женится, даже и тогда, если дѣвушка—дочь свободнаго текинца и рабыни матери.

Значитъ, въ законный бракъ текинецъ никогда не вступаетъ съ рабыней, какой бы она ни была націи и вѣры, но не смотря на все это, красота плѣнныхъ персіянокъ ослѣпляетъ свирѣпаго текинца, и онъ не разъ пользуется правомъ хозяина. Типъ персидскій между текинцами не рѣдкость, точно такъ же, какъ [illegible] не рѣдкость рабыня-персіянка.

Въ какихъ отношеніяхъ находится хозяинъ текинецъ и его жена текинка къ плѣнной персіянкѣ можно видѣть изъ этой пѣсни:
«Не будь ты рабыней, прелестная персіянка.
Владѣла бъ сердцемъ молодымъ,
Любилъ бы я тебя больше лошади,
Больше кибитки родовой,
Больше сабли окровавленной
И копья ядомъ смазаннаго.
Но ты рабыня и быть матерью
Не можешь сыну моему,
Оставимъ поэтому грезы пустыя,
А то увидятъ жены вѣрныя,
Оцарапаютъ тебѣ лицо бѣлое.
Испортятъ плечи алыя,
Отрѣжутъ косы черныя,
Закуютъ тебя въ цѣпи холодныя
И будешь въ нихъ вѣчно мучиться...
Мнѣ жаль тебя, но все равно
Полюби ты меня, красна дѣвица,
И бѣги за мною ночью темною
И будемъ любить другъ друга,
Любить другъ друга, пока ясная

Заря востока не покажется,
Румянымъ покрываломъ укутанная,
Неся на головѣ жемчужину,
Звѣзду утреннюю, блестящую...
Пойдешь ли ты? а то смотри
Убью тебя, какъ персіянина,
Слушай же, красавица!
Ужь кипитъ у меня кровь горячая,
Сердце бьется молодецкое,
И лошадь стоитъ, уже осѣдланная,
А ночь, смотри ты, тоже темная.
Темнѣе она глухой могилы,
Но коротка, какъ жизнь людская,
Пойдемъ, пойдемъ!"

Очевидно, положеніе красивой персіянки-рабыни становится невыносимымъ. Съ одной стороны она должна удовлетворять желаніямъ своего хозяина, въ противномъ случаѣ подвергается опасности быть убитой или вѣчно находиться въ кандалахъ... Съ другой, бѣда отъ ревности ея хозяекъ, которыя, завидуя ея красотѣ, строго слѣдятъ за поведеніемъ рабыни и если что нибудь увидятъ подозрительное, то бьютъ несчастную, царапаютъ ей бѣлое лицо, отрѣзаютъ женское украшеніе—волосы и надѣваютъ на нее кандалы, тяжестію до пуда, пока ея красота до того утерятся, что она перестаетъ быть опасной соперницей. Не разъ случалось, что когда рабыня родитъ ребенка, то остальныя жены или его убиваютъ или немедленно продаютъ.

Но текинки, по всей вѣроятности, ревнивы не только по отношенію къ своимъ рабынямъ, но тоже и по отношенію къ своимъ соперницамъ, женамъ ихъ мужей. По обычному праву этого народа, всякая женщина считаетъ за необходимость принести изъ родительскаго дома кибитку, въ которой она послѣ свадьбы и располагается; эта кибитка есть ея собственность, надъ которой не имѣетъ власти и самъ мужъ: въ ней она вѣчно живетъ, не смѣшиваясь съ своими подругами. Въ случаѣ развода она имѣетъ полное право унести все имущество, которое она привезла изъ родительскаго дома,—значитъ имѣетъ право собственности.

На вопросъ мой, въ какомъ случаѣ текинецъ имѣетъ право требовать развода, мнѣ отвѣтили, что безнаказанно текинецъ имѣетъ право бросить свою жену только тогда, если она неродимка (т. е. бездѣтная), вовторыхъ, если она страдаетъ какой нибудь хрониче-

скою—прилипчивою болѣзнію; потомъ если у ней пахнетъ изо рта и т. п. Тогда мужъ публично объявляетъ роднымъ своей жены и разводъ считается совершившимся. Мужъ въ этомъ случаѣ обязанъ, какъ выше сказано, возвратить женѣ все то, что она привезла изъ дому, но и онъ получаетъ обратно весь «калымъ», который далъ отцу невѣсты.

Если текинецъ застанетъ свою жену на мѣстѣ преступленія, то, на основаніи корана, и обычнаго права, имѣетъ право безнаказанно убить и ее и ея любовника. Не разъ случалось, что онъ въ этомъ случаѣ продастъ ее на рынкахъ, торгующихъ человѣческимъ мясомъ... Но изъ того, что мнѣ пришлось видѣть, я заключаю, что текинцы и текинки довольно нравственный народъ и нѣтъ такой распущенности, какую мы видимъ у персіянъ, іомудовъ, сартовъ и т. п.

Не смотря на то, что у текинцевъ женщина не рабыня, все-таки побить женщину считается дѣломъ обыкновеннымъ и безнаказаннымъ; впрочемъ подобную экзекуцію мы встрѣчаемъ у всѣхъ европейскихъ народовъ низкаго уровня цивилизаціи, особенно въ крестьянскомъ сословіи.

Но удивительно и необъяснимо то, что текинецъ ни во что не цѣнитъ свою старую жену, и если нужно, то онъ въ случаѣ нужды оставляетъ ее на произволъ судьбы; такъ мнѣ разсказывалъ прапорщикъ Саматъ, что онъ, когда дѣлалъ набѣги на колодцы въ пескахъ, то, настигнувъ однажды текинскій аулъ, поднимавшійся съ мѣста, немедленно его атаковалъ. Текинцы, увидѣвъ свое безвыходное положеніе, оставили старыхъ бабъ, а молодыхъ взяли на быстрыхъ лошадей и увезли ихъ въ пески. Одна изъ собранныхъ мною пѣсенъ говоритъ:

Я окруженъ—и все пропало!
Не въ плѣнъ-ли суждено попасть?!
Возьмутъ жену, дѣтей, кибитки,
Верблюдовъ всѣхъ возьмутъ они —
Наши враги
Бѣжать теперь мнѣ нужно стало,
Бѣжать и самъ Аллахъ велитъ!
Оставлю жъ я всѣхъ женъ моихъ;
Одну возьму, «ее» лишь только,
Лихой насъ конь умчитъ далеко
Въ глухую степь!
А тѣ—старье! Умри—не жалко.
Иль обрюзгла, иль стара...

А за дѣтьми не станетъ дѣло:
«Она» красива, молода.
И такъ бѣжимъ! Мой острый мечъ
Съумѣетъ путь для насъ просѣчь.

И такъ онъ, взявъ на лошадь любимую изъ своихъ женъ, бѣжитъ отъ преслѣдованія своихъ непріятелей; мнѣ кажется, что поставь любого изъ насъ въ такое положеніе, онъ бы самъ это сдѣлалъ: «изъ двухъ золъ выбирай меньшее». Но на это текинецъ только тогда способенъ, когда уже испробовалъ всѣ способы къ оборонѣ или когда уже видитъ, что защита безполезна.

Какое вліяніе имѣетъ женщина въ общественныхъ сходкахъ, положительно отвѣтить не могу; впрочемъ, видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ, что она играетъ не пассивную роль. Такъ, напримѣръ, въ послѣдней ахалъ-текинской экспедиціи мнѣ пришлось по всей дорогѣ слышать, что текинцы укрѣпились въ Денгилъ-Тепе, взявши съ собой своихъ женъ и дѣтей; и на мой вопросъ: «почему они женъ и дѣтей не спрятали въ болѣе безопасное мѣсто», мнѣ отвѣтили что хотя текинцы и знаютъ, что уруссъ не оскорбляетъ и не убиваетъ женъ и дѣтей, и что хотя они имѣютъ возможность укрыть ихъ въ горахъ или въ пескахъ, но все-таки и жены и мужчины не хотѣли согласиться на разлуку, а ханы, сердари и ишаки (имамъ) были за то, чтобы женщины присутствовали при сраженіи, подстрекали храбрецовъ и упрекали трусовъ.

Въ Средней Азіи не рѣдко встрѣчается, что женщина играетъ большую политическую роль; такъ, напримѣръ, въ Коканѣ Худояръ-ханъ далъ женщинѣ чинъ датха (генералъ-маіора) и она называлась Курмаджанъ-датха.

При оборонахъ крѣпостей или своихъ ауловъ, нерѣдко носящихъ женское имя («Змѣй-дѣвушка», красавица-дѣвушка и т. п.) женщины тоже играютъ не послѣднюю роль, такъ, напримѣръ, при извѣстномъ штурмѣ Денгилъ-Тепе 28 августа мнѣ пришлось лично видѣть, какъ женщины изъ-за стѣнъ и валовъ бросали камни; нѣкоторые солдаты утверждали, что ихъ поливали кипяткомъ:

Съ другой стороны, гдѣ находилась кавалерія, разсказывали мнѣ кавалеристы, что видѣли, какъ текинки снимали съ убитыхъ текинцевъ оружіе и надѣвали на себя. Одна изъ нихъ въ то время, когда онѣ пытались выйдти изъ аула, а наша кавале-

рія препятствовала имъ это сдѣлать, увидѣвъ это, долго болтала съ однимъ текинцемъ, а потомъ начала говорить съ однимъ нашимъ дагестанцемъ и обнявши у послѣдняго ноги, схватила его за руки и этимъ дала текинцу безнаказанно убить нашего кавалериста. Другая, неся на рукахъ грудного ребенка, долго болтала на непонятномъ намъ языкѣ съ однимъ казакомъ, умоляя его о чемъ-то, и неожиданно изъ просящей милости ставъ дикой и свирѣпой женщиной, бросила своего ребенка подъ копыта лошадей, бросилась на казака и схватила его за саблю, но окружающіе убрали оттуда «съумасшедшую бабу».

Про третью разсказывалъ мнѣ докторъ N слѣдующее: еще не былъ произведенъ главными силами штурмъ Денгилъ-Тепе, какъ я, въ это время находясь съ кавалеристами, встрѣтился лицомъ къ лицу съ выходящими текинками. Одна изъ нихъ еле-еле двигалась, поддерживая себя палкой. Увидавъ это, я спросилъ черезъ одного татарина, чѣмъ она больна? Но отвѣтъ былъ не нуженъ: я успѣлъ увидѣть на ея шароварахъ большое пятно крови. Дѣйствительно, при перевязкѣ оказалось, что ея бедренная кость въ двухъ мѣстахъ разбита вдребезги. И тѣмъ не менѣе, отъ этой женщины нельзя было услышать ни одного крика, ни одного стона. Только разъ она спросила: «умру ли я»? «Конечно умрешь», отвѣтилъ ей дагестанецъ, на что она презрительно отозвалась: «такъ что же, пусть умру, но аллахъ дастъ намъ побѣду».

Сколько ихъ пало при штурмѣ Денгилъ-Тепе отъ ружейныхъ и артиллерійскихъ выстрѣловъ—аллахъ одинъ вѣдаетъ, и все-таки онѣ не просили своихъ мужей сдаться джаурамъ.

Не менѣе интересный фактъ случился по пути изъ Денгилъ-Тепе въ аулъ Дурума. Тамъ въ одной калѣ засѣлъ какой-то старикъ и упорно стрѣлялъ въ нашъ разъѣздъ, который, подумавъ, что тамъ устроена засада, принялъ должныя предосторожности, окружилъ кале и взялъ ее, но какая картина представилась передъ глазами разъѣзда: смертельно раненый текинецъ и возлѣ него какая-то старуха, заряжающая ему ружье...

Она ли самая, или—не знаю хорошо, другая, встрѣтила нашихъ солдатъ, искавшихъ дровъ, на порогѣ своего дома, и, держа ножъ

въ рукахъ, хотѣла ранить солдата. «Спасибо, старушка, ножъ пригодится», лаконически отозвался послѣдній и выхватилъ изъ рукъ ея острый ножъ...

Сколько я ни старался впослѣдствіи узнать какія существуютъ героини въ этомъ народѣ, или, по крайней мѣрѣ, какія существовали, но узнать не могъ; только и услышалъ одну пѣсню, въ которой между прочимъ говорится:

«Не храберъ ты! Текинская женщина
Во сто разъ храбрѣй тебя...
Не разъ она на лихомъ конѣ
Со мной въ бою была,
Не разъ въ кровавой схваткѣ
Труса къ прялкѣ привязывала,
Стыдись, мужчина, и женщина лучше,
Носящая прялку съ собой, и т. п.

Имѣютъ ли текинскія женщины какое-нибудь вліяніе на развитіе воинственнаго характера въ ихъ дѣтяхъ—сказать трудно, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ихъ рукахъ первоначальное воспитаніе и текинскихъ мальчиковъ.

Женщина у текинцевъ имѣетъ право выходить съ открытымъ лицомъ, смотрѣть прямо въ глаза всѣмъ приходящимъ, говорить съ ними, ссориться, мириться, она имѣетъ право присутствовать на общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ; съ ней не стыдится—мужъ, братъ, или сынъ вмѣстѣ обѣдать; впрочемъ, въ обыкновенной жизни раньше обѣдаютъ мужчины, а потомъ уже женщины, что мы и встрѣчаемъ почти у всѣхъ не культурныхъ народовъ. По отношенію къ мужу она имѣетъ право требовать суда и развода, какъ истинно свободная женщина. Тѣмъ болѣе удивительно равнодушіе текинца при ея смерти. Плакать о женщинѣ позволительно однимъ сыновьямъ и братьямъ.

Во время боя текинецъ щадитъ женщинъ только текинскаго племени, другихъ онъ немилосердно убиваетъ или увозитъ въ плѣнъ. Положимъ, послѣднее сдѣлать онъ не откажется и съ текинкой, но тогда онъ съ нею не стыдится вступить въ законный бракъ.

Не разъ случается, что молодой текинецъ сообща съ своими друзьями увозитъ молодую текинку и беретъ ее въ жены. Эта эскурсія, какъ мы видѣли, рѣдко кончается безъ наказанія: похититель долженъ или уплатить богатый «калымъ» или его караулятъ и убиваютъ; часто тоже обращаются къ посредни-

честву духовныхъ лицъ. По всей вѣроятности, дѣло обходится иногда и безъ междуусобной войны у цѣлыхъ племенъ: кровная месть— принадлежность всѣхъ патріархальныхъ народовъ, а тѣмъ болѣе воинственныхъ.

Въ заключеніе моего маленькаго труда считаю не лишнимъ описать типъ и одежду текинской женщины. Текинки обыкновенно средняго роста, мускулистыя и довольно хорошо сложенныя, смуглыя въ родѣ нашихъ цыганокъ, глаза у нихъ всегда черные, ротъ большой, волосы черные, длинные и густые. Типъ у нихъ подходитъ къ монгольскому и, по моему мнѣнію, вовсе не красивый; съ виду онѣ кажутся старыми и изнуренными, что, впрочемъ, не удивительно: у нихъ начинается половая жизнь съ двѣнадцати лѣтъ. Одежда — разноцвѣтный халатъ, похожій на рясу нашихъ священниковъ, разшитый искусно разноцвѣтнымъ шелкомъ и довольно большихъ размѣровъ серебряный поясъ, украшенный на концѣ камнями сердолика; около шеи, на головѣ, въ ушахъ, однимъ словомъ вездѣ серебряныя украшенія, которыхъ у нихъ множество: результатъ шестивѣковаго грабежа въ Средней Азіи!..

И. Поповичъ-Липовацъ.

251

Туркестанскія Вѣдомости 1879 г. № 28.

Послѣднія извѣстія о событіяхъ въ пограничныхъ ханствахъ.

Безчисленныя притѣсненія, дѣлаемыя китайцами бывшимъ подданнымъ покойнаго бадаулета Якубъ-бека,—притѣсненія, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя особое вниманіе запрещеніе отпирать двери мечетей по пятницамъ и вообще собираться туда въ значительномъ числѣ на молитву,—требованіе китайцевъ, чтобы мусульманки на улицахъ не закрывали своего лица,—постоянное увеличеніе налоговъ, не смотря на голодъ,—отнятіе лошадей и ословъ, и проч. и проч., переполнили наконецъ терпѣніе кашгарцевъ. 11 мая въ Хотанѣ вспыхнуло возстаніе, и весь китайскій гарнизонъ этого города, въ числѣ 500 человѣкъ, былъ вырѣзанъ. Въ Яркендѣ и Кашгарѣ мусульмане также приготовились къ возстанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послали Хакимъ-хану-тюрѣ приглашеніе прійти и освободить ихъ отъ владычества китайцевъ.

Китайскій отрядъ, какъ говорятъ, въ числѣ до 2500 человѣкъ, высланный на выручку гарнизона, не дошелъ до Хотана, а остановился у мѣстечка Пьяльма. Въ свою очередь и хотанцы, ополчившись и вооружившись почти поголовно, съ имѣющимися у нихъ 17 орудіями двинулись къ Зава-кургану, гдѣ и остановились въ ожиданіи результата движенія Хакимъ-хана на Кашгаръ.

Какъ только до Хакимъ-хана дошли свѣдѣнія о возстаніи въ Хотанѣ, послѣдній, скрывавшійся до сего времени въ Каратигенѣ и собиравшій тамъ шайки, немедленно двинулся черезъ Памиръ къ Кашгару. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Хакимъ-ханъ, въ концѣ іюня мѣсяца, находился, съ главными силами, въ Иркештамѣ и выслалъ одинъ отрядъ къ Укъ-Салуру (на картѣ—Уксалоръ), а другой, подъ начальствомъ Абдурахмана Бахчибардара, къ Янги-Гиссару.

Говорятъ, что у Хакимъ-хана собрано много народа.

Въ виду слуха о движеніи Хакимъ-хана на Кашгаръ, дабы лишить послѣдняго поддержки, Дзунъ-тунъ-Люшо рѣшился изгнать изъ Кашгара всѣхъ мусульманъ - пришельцевъ, такъ-называемыхъ „андижанцевъ", и мѣру эту привелъ въ исполненіе быстро и жестоко. Онъ приказалъ всѣхъ мусульманъ-андижанцевъ вызвать изъ домовъ, схватить кто въ чемъ вышелъ, и немедленно, подъ конвоемъ китайцевъ, отправить за городскую стѣну; семейства же изгоняемыхъ, вѣроятно для рѣзни впослѣдствіи, если бы андижанцы присоединились къ Хакимъ-хану, оставить въ Кашгарѣ. Не смотря на просьбы переселенцевъ отправить ихъ въ ферганскую область ближайшимъ путемъ черезъ Алай, Дзунъ-тунъ, опасаясь, что они присоединятся къ Хакимъ-хану, направилъ ихъ на урочище Балганъ-баши, откуда, уже безъ конвоя, переселенцы направились: одни въ ферганскую область, черезъ перевалъ Арпа-баши, Кукъ-бель и Чингазъ, рѣку Каракульджу, Узгентъ и урочище Огузъ-адыръ въ Ошъ, а другіе—въ семирѣченскую область долиною рѣки Арпа, по направленію къ большому Нарыну.

Всѣхъ выселенныхъ изъ Кашгара считается до 600 человѣкъ, въ числѣ коихъ, кромѣ туземцевъ разныхъ областей туркестанскаго края, были авганцы, бадахшанцы, бухарцы, кашмирцы, и другіе. Между прочимъ изгнаны весьма богатые и уважаемые купцы, которые жили въ Кашгарѣ по 30—40 лѣтъ и болѣе, какъ наприм. Гассанъ-Джамъ-бай, Неумъ-бай, Кара - Ибрагимъ-бай, Ташъ бай, Миръ-Махмутъ-бай, Шагаулъ-Датха-Мулла-Юнусъ - Джанъ, Дадабай-ака, и друг.

По свѣдѣніямъ изъ Бухары, въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года туркмены изъ рода Теке (неизвѣстно какіе: Ахалъ-Теке или Мервскіе) угнали съ лѣваго берега Амударьи, у Кабаклы, 12 тысячъ головъ скота, принадлежавшихъ бухарскому подданному, узбеку Бай-бакѣ. Со стороны текинцевъ участвовало скопище до 600 человѣкъ, раздѣленныхъ на три партіи, одновременно направлявшихся въ бродъ между Кет-

менчи и Кукертли. Стычка между нукерами изъ кабаклинскаго гарнизона и туркменами произошла у Ничке-тугая; первые потеряли убитыми 17 человѣкъ, изъ нихъ 6 офицеровъ, вторые—7 человѣкъ. Въ стычкѣ этой изъ состава кабаклинскаго гарнизона особенно отличились двѣ сотни киргизъ, подъ начальствомъ Ахмеда-Кенисарова, брата Садыка. Послѣ послѣдняго набѣга, въ Бухарѣ все спокойно. Въ іюнѣ мѣсяцѣ эмиръ бухарскій былъ боленъ; по выздоровленіи отправился, по обыкновенію, въ Карши, куда и прибылъ 16 іюня. Передъ выѣздомъ изъ Бухары онъ утвердилъ въ должности кушъбегія Инака-бія Каляна, который до этого времени былъ „исправляющимъ должность".

Передвиженіе 5 и 8 туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ изъ Катта-кургана и Петро-Александровска, для обмѣна мѣстами стоянокъ, совершонное, по приказанію командующаго войсками округа, черезъ бухарскія владѣнія, уже исполнено въ отличномъ порядкѣ. При передвиженіи этомъ, со стороны эмира были оказаны обоимъ баталіонамъ полное вниманіе, предупредительность, и доставлены всѣ удобства для благополучнаго прослѣдованія ихъ. Такъ, баталіоны вездѣ встрѣчались бухарскими властями; на каждомъ почлегѣ выставлялись скотъ, дрова, фуражъ, палатки для офицеровъ и достарханъ. Въ свою очередь и наши солдатики вели себя относительно жителей самымъ безукоризненнымъ образомъ. Капитанъ Быковъ, командированный въ настоящемъ году туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ на Аму-дарью, для нѣкоторыхъ статистическихъ и этнографическихъ работъ, между прочимъ пишетъ: „Не берусь и не могу судить, какое впечатлѣніе производитъ движеніе баталіоновъ на туземное населеніе, но могу разсказать слова жителей, слышанныя моими людьми около Калканъ-ата: „вотъ прошли русскіе баталіоны и никого не тронули; всѣ поля цѣлы; даже дынь и клеверу не взяли; а какъ пройдетъ эмиръ съ войскомъ, такъ ужъ ничего не останется около дороги: все потопчутъ, да еще кого-нибудь прибьютъ".

Свѣдѣнія, появившіяся въ русскихъ газетахъ, о томъ, что бадахшанская провинція отложилась отъ Авганистана, подтверждаются. Провинція эта, по слухамъ, признала надъ собою главенство выходца изъ Дарваза, Абдулъ-Жанъ-хана. Переворотъ совершился, говорятъ, совершенно мирнымъ путемъ, а авганское правительство, занятое войною съ англичанами и внутренними безпорядками, имѣвшими мѣсто послѣ смерти Ширъ-Алихана, не могло ему помѣшать.

Движеніе каравановъ изъ Пешавера началось уже мѣсяцъ тому назадъ. Около Джелалабада появилась холера, какъ говорятъ, занесенная изъ Сѣверной Индіи. Якубъ-ханъ, по слухамъ, въ Пешаверѣ.